

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume seven

THE LIFESHIP

SKYFALL

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга седьмая

**СПАСАТЕЛЬНЫЙ
КОРАБЛЬ**

**ПАДАЮЩАЯ
ЗВЕЗДА**

**Издательская фирма «Полярис»
1993**

Gordon R. Dickson and Harry Harrison
The Lifeship
Copyright © 1976 by Gordon R. Dickson
and Harry Harrison

Harry Harrison
Skyfall
Copyright © 1976 by Harry Harrison

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, оформление,
составление, название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-048-4

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ

Глава 1

Взрыв, заставивший содрогнуться весь корпус космического корабля альбенаретцев, прогремел в тот миг, когда Джайлс подошел к винтовой лестнице, что вела из грузового отделения наверх, в пассажирский отсек. Джайлс ухватился за поручень и повис на нем. Однако почти сразу же последовал другой взрыв и с силой швырнул его в металлическую стенку коридора.

Оглушенный, шатаясь, Джайлс добрался все же до нижней площадки трапа и стал карабкаться вверх, ускоряя темп. В голове прояснилось. «Кажется, я потерял сознание, не надолго, может быть, на несколько секунд», — подумал он. Добравшись до верхнего коридора, он торопливо зашагал назад, в хвост корабля, где находилась его каюта. Но по пассажирскому коридору пробиться было уже нелегко: его заполнили испуганные фигурки в серых комбинезонах, мужчин и женщин — арбайтов, законтрактованных на Белбен. В этот момент, разрывая барабанные перепонки, в мозг ворвался душераздирающий вопль сирены — сигнал «корабль потерял управление». В коридоре все острее ощущался едкий запах дыма, раздавались мольбы о помощи — кричали почти невидимые в дыму арбайты.

Случилось невероятное. От двух взрывов на огромном космическом корабле вспыхнул пожар, и межзвездный лайнер стал беспомощной песчинкой, мимолетной звездочкой, падающей в пустоту космического пространства. Возможность возгорания космических ко-

раблей практически исключалась, особенно массивных кораблей альбенаретцев, и все же корабль горел. У Джайлса засосало под ложечкой: воздух становился все горячее и смешивался с дымом, теряя прозрачность, вопли арбайтов впивались в мозг острыми иглами. Усилием воли он подавил в себе атавистический отклик на страхи, витавшие вокруг. У него, в конце концов, есть дело, долг, который он обязан выполнить. Долг — прежде всего, остальное и остальные — потом. За арбайтов, находившихся на корабле, прямая ответственность лежала не на нем. Он бросился бежать, увертываясь от протянутых к нему рук, догоняя смутно вырисовывавшихся в дыму арбайтов, отбрасывая их в стороны, перепрыгивая через упавших.

И все это время сквозь ледяной ком в груди прорастала ярость. Джайлс еще прибавил скорости. Коридор кое-где уже начинал рушиться: металлические стеновые панели, поблескивавшие сквозь дым, оседали и прогибались, словно пластинки тающего воска. Столь полная катастрофа казалась совершенно невысказанной, но сейчас у него не было времени размышлять о том, где была допущена ошибка. Стоны и вопли арбайтов доносились до Джайлса, но он бежал со всех ног в хвост корабля.

Внезапно из дыма возникла высокая фигура, темная и узкая, не похожая на человека. Длинная, странной формы — трехпалая — рука крепко вцепилась в рукав его форменной коричневато-оранжевой куртки.

— На спасательный корабль! — прожужжал альбенаретец, член экипажа, невнятно воспроизводя человеческую речь. — Крутом! Бегите назад! Не в хвост!

Джайлс подавил инстинктивное желание вырваться. Он был гораздо сильнее любого арбайта, кроме тех, кого специально растили и тренировали для физического труда, и все же пытаться высвободиться из этих тощих, слабых на вид пальцев бесполезно.

— Я не арбайт! — крикнул он в надежде, что альбенаретец поймет его. — У меня обязательства... долг! Я — Стил, из рода Стилов, металлургов! Джайлс Стил Ашад из клана Эделей. Единственный из Эделей здесь, на корабле. Ты не узнаешь меня?

Инопланетянин и Джайлс на мгновение замерли, преграждая друг другу путь. На Джайлса в упор смотрело темное и узкое безгубое лицо. Затем рука альбе-

наретца разжалась, а его рот отверзся на миг, издав сухой, трескучий звук-смех, который мог означать что угодно, но только не веселье.

— Бегите, — прожужжал он.

Джайлс повернулся и побежал.

Вскоре он уже был у двери своей каюты люкс. Металлическая ручка обожгла пальцы. Он, крикнув от усилия, саданул по двери ногой. Дверь распахнулась. От едкого густого дыма в каюте перехватило горло.

Джайлс ощупью нашел чемодан, резким движением открыл его и вытащил небольшой металлический контейнер. Кашляя, набрал шифр, замок щелкнул, крышка пружинисто отскочила. Он торопливо стал шарить в груде бумаг, пока не отыскал ордер на арест; он сунул его в карман куртки и опять погрузил руку в контейнер — нужно нажать кнопку и превратить его в пепел вместе со всем содержимым. Сверкнула ярко-белая вспышка, металлическая коробка сплюснулась и растеклась, как тающий лед. Джайлс повернулся и, колебавшись мгновение, вытащил из-под форменной куртки инструмент. Он собирался, выполнив задание, припрятать его понадежнее, но теперь на корабле не было надежного места. Все еще кашляя, он бросил инструмент в жарко догоравший контейнер, повернулся и снова нырнул в коридор; воздух там был почище, и Джайлс устремился назад, в нос лайнера, где находился спасательный корабль, — корабль жизни, к которому он приписан.

Альбенаретца на посту не было. Верхний свет тускло освещал задымленный коридор. Арбайтов тоже не видно. Затеplилась слабая надежда: быть может, кто-то о них позаботился. Джайлс продолжал бежать. Спасательный корабль где-то близко. Впереди, совсем рядом, он услышал голоса, но вдруг что-то большое и темное как бы ниоткуда возникло перед ним и нечто, похожее на гигантскую мухобойку, сшибло его с ног.

Он упал на мягкое покрытие коридора и секунду лежал неподвижно, стараясь не потерять сознания. На полу дым был не таким густым. Он понял, что ударился о распахнутую кем-то дверь, и услышал голоса: разговаривали двое арбайтов, один голос был мужской, другой — молодой, женский.

— Ты слышала? Кораблю крышка, — сказал мужчина.

— Значит, оставаться здесь и ждать нет смысла. Спасательный корабль там, в коротком отсеке. Пошли.

— Нет, Мара. Подожди... нам сказали ждать здесь... — Голос мужчины был едва слышен.

— Чего ты боишься, Грос? — насмешливо спросила девушка. — Ты ведешь себя так, словно шагу не смеешь ступить без ее позволения. Намерен торчать здесь, пока не задохнешься?

— Тебе-то все равно, — промямлил мужчина, — а я никогда и ни в чем не был замешан. У меня анкета чистая.

— Если это, по-твоему, так важно...

В голове Джайлса прояснилось. Стремительным движением он вскочил на ноги, обошел злополучную дверь и присоединился к двум невысоким фигурам в серых комбинезонах.

— Все в порядке, — сказал он решительно. — Ты права, девушка. Спасательный корабль именно там, вниз по коридору. А ты... как тебя зовут? Грос? Ступай вперед!

Мужчина-арбайт молча повиновался, подчинившись приказу, как подчинялся всю жизнь командам, отдаваемым Эделями. Это был невысокий, коренастый круглоголовый человек средних лет. Прежде чем последовать за ним, Джайлс на мгновение оглянулся на арбайта-девушку. Невысокого роста, как и все они, из низшего класса, но весьма миловидна. Бледное узкое лицо под шапкой стриженных волос смотрело спокойно и вовсе не испуганно. Видимо, в ее родословной благородная кровь, подумал Джайлс.

— А ты — славная девушка, — сказал он гораздо мягче. — Иди за мной. Если дым станет гуще, держись за мою куртку.

Джайлс потрепал ее по волосам и двинулся вслед за Гросом. Он не увидел, каким негодованием и яростью исказилось ее лицо, когда его рука коснулась ее волос. Впрочем, выражение это исчезло так же мгновенно, как и появилось. Она покорно последовала за Джайлсом с обычным для арбайтов невозмутимо-спокойным выражением лица.

Догнав Гроса, Джайлс сжал его правое плечо. Арбайт вздрогнул.

— Смелее, слышишь? — резко бросил ему Джайлс. — Твое дело повиноваться! Ну же, вперед!

— Да, ваша честь, — неуверенно пробормотал Грос. Однако плечи его распрямились. Он тверже зашагал по клубившемуся дымом коридору.

Между тем дым становился все гуще. И Джайлса, и арбайтов пробирал кашель. Джайлс почувствовал, как Мара ухватилась за его куртку.

— Быстрой, не останавливаться! — прохрипел Джайлс между приступами кашля. — Теперь, верно, недалеко.

Внезапно они натолкнулись на препятствие.

— Дверь, — сообщил Грос.

— Открывайте! Скорей! — задыхаясь, выговорил Джайлс, теряя терпение.

Арбайт подчинился, и все трое оказались в небольшом помещении. Здесь было не так дымно. Мара толчком захлопнула за собой дверь.

Напротив была другая дверь, тоже закрытая. Тяжелая шлюзовая дверь. Опередив Гроса, Джайлс толкнул ее, но безуспешно; тогда он ударил кулаком по электронной кнопке. Дверь медленно отворилась. За нею был тамбур и еще одна дверь, открытая.

— Туда! — коротко приказал он арбайтам.

Мара повиновалась.

— Но, ваша честь... сэр? — пробормотал вопросительно Грос. — Пожалуйста... что случилось с лайнером?

— Взрыв где-то в хвосте. Причины не знаю, — коротко ответил Джайлс. — Ступайте же вперед. Там, за второй дверью, спасательный корабль.

Грос все еще колебался.

— А может, сюда идут и другие? — спросил он.

— Тогда они очень скоро будут здесь, — сказал Джайлс. — В коридорах полно дыма, времени в обрез. Спасательный корабль должен взять старт с минуты на минуту.

— Но что, если мне, когда я войду...

— Когда ты войдешь, там будет альбенаретец, — прервал его Джайлс, — и он скажет, что нужно делать. Спасательным кораблем всегда ведает офицер-инопланетянин. А теперь — живо!

Грос выполнил приказ. Джайлс обернулся. Клубы дыма обволакивали его, хотя дверь в коридор была закрыта. Внезапно динамик над дверью донес отдаленный кашель.

— Сэр, — услышал он позади себя голос Гроса, — на спасательном корабле нет альбенаретцев.

— Ступай назад. Жди там! — рывкнул Джайлс, не повернув головы. Кашель в динамике раздавался громче, его сопровождал звук спотыкающихся шагов. Похоже, альбенаретец, подумал Джайлс, а лучше бы сам капитан корабля. Джайлс в пределах Солнечной системы пилотировал личный космокатер — он называл его яхтой, но управлять кораблем инопланетян...

Он нажал кнопку «открыть». Шлюзовая дверь открылась. Неясные фигурки, спотыкаясь, шли сквозь дым. Джайлс выругался. Это были арбайты, одетые в одинаковые тускло-серые комбинезоны. Арбайтов было пятеро, он сосчитал их, когда они подошли ближе, держась друг за друга; в перерывах между приступами кашля кое-кто всхлипывал. Впереди шла угловатая седая женщина. Завидев Джайлса, она по привычке почтительно склонила голову. Джайлс открыл внутреннюю дверь и знаком приказал им войти, отступив в сторону, чтобы они не касались его. Неожиданно лампы в коридоре замигали, погасли, засветились вновь... и выключились окончательно.

Джайлс захлопнул дверь за пятеркой арбайтов, нажал кнопку свечения собственных часов. Циферблат высветил лишь клубы дыма, ворвавшиеся в тамбур из коридора. Пожар, судя по всему, приближался. Джайлс опять закашлялся, голова раскалывалась.

С резким стуком упала секция тамбурной стенки, и Джайлс обернулся. Приток воздуха из неведомого источника усилился, в прочном на вид металле образовался длинный проем, в который устремились струи дыма; воздух стал чище. В проеме появилась высокая тонкая фигура.

— Очень вовремя, — кашляя, выдавил Джайлс.

Альбенаретец не ответил; быстро, не сгибая ног в коленях, он двинулся к внутренней двери. Джайлс следовал за ним по пятам. Оказавшись внутри спасательного корабля, альбенаретец задрал дверь. Лязг захлопнувшейся двери шлюза прозвучал стуком крышки гроба.

Голоса арбайтов смолкли; они настороженно расступились перед высокой узкой фигурой инопланетянина. Альбенаретец молча вытащил из-под мягкого полового покрытия металлический каркас, обтянутый гибким

пластиком. Это была гравитационная складная кровать, покрытая толстым слоем пыли.

— Открыть кровати вот так, — приказал альбенаретец; он заговорил на языке землян, но странным, высоким и жужжащим голосом. — Прикрепить ремнями. Корабль оторвется резко.

Затем он повернулся и, широко переставляя ноги, пошел в нос корабля, к приборному щиту, сел в одно из двух кресел, пристегнулся к сиденью ремнями. Его трехпалые руки орудовали очень ловко. На приборном щите загорелись огни, и два обзорных экрана ожили, высветив размытые изображения металлических стенок корабля. Джайлс и арбайты едва успели вытащить свои складные кровати; альбенаретец нажал стартовую кнопку. Резкое ускорение обрушилось на них всей тяжестью.

Корабль-спасатель выбросило из материнского чрева корабля-носителя в космическое пространство, гравитационные силы вжали тела людей в эластичный пластик складных кроватей. Включилось управление спасательного корабля, и он стал удаляться от гибнущего лайнера.

Джайлс, как и все, боролся с подступившей тошнотой. Руки его вцепились в металлический каркас кровати, но глаза следили за экранами в носовом отсеке. На левом экране светились звезды, правый открывал взору картину пылающего лайнера.

Останки его ничем не напоминали космический лайнер, на который они перешли двадцать дней назад. Искореженные, разорванные, раскаленные добела металлические конструкции ярко сияли в космической тьме. Светящаяся громада уменьшалась по мере удаления, напоминая пылающую факелом человеческую фигуру. Потом она стала перемещаться с одного экрана на другой — спасательный корабль делал вокруг лайнера круги! Альбенаретец что-то говорил в микрофон на своем гортанном жужжащем языке. Он — или она? — упорно повторял одни и те же слова, пока в динамике не раздались скрип, шипенье и, наконец, другой голос. Последовал быстрый обмен репликами; полыхавшие останки лайнера вдруг прочно утвердились на переднем экране и стали стремительно увеличиваться в размере.

— Мы возвращаемся! — раздался в темноте истерический вопль арбайта. — Остановите его! Мы же возвращаемся!

— Спокойно! — приказал Джайлс. — Всем сохранять спокойствие, это приказ! — И секунду спустя добавил: — Альбенаретец знает, что делает. Кроме него, никто не может пилотировать корабль.

Арбайты молча смотрели, как стремительно увеличиваются контуры горящего лайнера, заполняя собой весь экран. Казалось, они с бешеной скоростью мчатся прямо в огонь. Однако плавные движения шести пальцев альбенаретца, скользивших по кнопкам приборного щита, мягко направили спасательный корабль внутрь лайнера, мимо острых стальных зубцов, проплывших на переднем экране. Вдруг перед ними выросла гладкая, совсем не поврежденная секция корпуса, и они с грохотом и лязгом пришли в соприкосновение с нею. Глухо сработали магнитные присоски — «спасатель» передвигался теперь толчками, с оглушительным скрипом, будто его направляла к нужному месту какая-то система внутри лайнера. Инопланетянин встал и своим широким твердым шагом проследовал в хвост корабля, чтобы открыть задраенную шлюзовую дверь. Дверь ушла вниз, вслед за нею открылась другая.

Ни малейшего движения воздуха, они были плотно притерты к шлюзу космического лайнера. Его наружная дверь, ледяная от космического холода и покрытая инеем конденсированной влаги, с громким скрежетом отъехала немного в сторону и замерла. Альбенаретец обернул руки лапами своего одеяния, похожего на халат, ухватился за край чуть отодвинувшейся двери и стал с силой толкать ее. Дымный туман за нею быстро рассеялся, открыв взгляду шлюз лайнера и две тощие фигуры альбенаретцев.

Инопланетяне коротко переговорили между собой. Джайлс не заметил никакого волнения на их морщинистых темнокожих лицах. У всех троих круглые, немигающие глаза. Альбенаретцы сопровождали свои слова похрустыванием трехпалых рук, сжимая и разжимая пальцы. Разговор закончился неожиданно. Двое альбенаретцев вышли вместе, на прощанье коснувшись кончиков пальцев третьего, стоявшего чуть поодаль, в глубине шлюза.

Затем двое первых вернулись в спасательный корабль. Дверь лайнера стала медленно закрываться, и все трое одновременно, в унисон, засмеялись тоненьким клекочущим смехом и смеялись до тех пор, пока задвинувшаяся дверь лайнера их не разделила. Капитан и инопланетянин, стоявший с ним рядом, смеялись, а спасательный корабль между тем отделялся от их товарища, оставшегося на борту обреченного лайнера. И еще долго звучал их смех, и ошеломленно молчали арбайты.

Глава 2

Потрясение, вызванное катастрофой, усталость, отравленные дымом легкие — все это вместе оглушило землян; они не спускали красных от напряжения глаз с пылавшего на заднем экране лайнера. Изображение уменьшалось, превратившись в крохотную звездочку, одну из многих светившихся на экране точек.

И вот она вовсе исчезла из глаз. Тогда высокий инопланетянин, тот, что первым вошел в спасательный корабль и вывел его из пылавшей утробы лайнера, встал со своего кресла у приборного щита и направился к пассажирам-землянам.

Остановившись перед Джайлсом на расстоянии вытянутой руки, он поднял длинный и темный средний палец.

— Я Капитан Райумунг. — Палец описал полукруг и указал на второго инопланетянина. — Инженер Мунгханф.

Джайлс кивнул в знак того, что принял сообщение к сведению.

— Вы их бригадир?

— Я — Эдель, — ледяным тоном произнес Джайлс. Даже учитывая естественную неосведомленность инопланетянина в земных делах, предположение, что он, Эдель, может быть одним из арбайтов, было нестерпимо.

Капитан отвернулся. Это послужило сигналом — к нему воззвало сразу несколько голосов, голосов арбайтов. Но Капитан словно не слышал их. Длинный инопла-

нетянин вернулся в свой носовой отсек, к приборному щиту. Альбенаретцы достали из шкафчика прямоугольный предмет, завернутый в золотистую ткань, и церемонно подержали его с минуту на вытянутых руках, прежде чем положить на горизонтальную поверхность приборного щита. Инженер чуть-чуть отступил в сторону. Капитан положил палец на золотистую ткань. Оба молча склонили головы перед неизвестным предметом и застыли.

— Что это? — услышал Джайлс позади себя голос Гроса.

— Помолчите, — резко отозвался Джайлс. — Это их священная книга — астронавигационная книга альбенаретцев, в которой собраны таблицы межзвездных полетов и информация о звездных маршрутах.

Грос умолк. Однако Мара решительно пренебрегла запретом.

— Ваша честь, сэр, — проговорила она в самое ухо Джайлса. — Не скажете ли вы нам, что происходит? Пожалуйста!

Джайлс покачал головой и приложил палец к губам. Альбенаретцы подняли головы и стали выпрастывать из золотистой оболочки свое сокровище. Оно очень походило на предмет из прошлого человечества и, несомненно, из прошлого самих альбенаретцев: переплетом из кожи животных и бумагой, выделанной из растительной массы.

— Так вот, — проговорил наконец Джайлс, обернувшись к стоявшей позади него девушке. Он обращался к ней и одновременно ко всем арбайтам. — Для альбенаретцев полеты в космосе и религия — одно и то же. Пилотирование этого или любого другого космического корабля — священное ритуальное действие. Об этом вас должны были проинструктировать еще там, на Земле, когда посылали на космический лайнер.

— Кое-что нам рассказали, сэр, — не унималась Мара, — но не объяснили, в чем дело и почему.

Джайлс взглянул на нее не без раздражения. В его обязанности не входило быть наставником горстки арбайтов. Однако будет лучше, если он кое-что растолкует им. Несколько дней, а может, и недель им придется жить вместе, бок о бок и в весьма суровых условиях. Они легче привыкнут к лишениям, если поймут ситуацию.

— Ну что ж, слушайте все, — сказал он. — Для альбенаретцев космос — это то же, что небо, обретение полного Совершенства. В их глазах планеты и все обитаемые твердые тела — местонахождение Несовершенного. Альбенаретец, уходя в космос, тем самым устремляется к Совершенству. Чем больше в его жизни таких полетов и чем больше времени проведет он в космосе, вдали от планет, тем вернее приблизится к Совершенству. Вы слышали, Капитан назвал себя Райумунгом, Инженера — Мунгханфом. Это не имена. Это — их ранги, как бы ступеньки на подъеме к статусу Совершенства. И они никак не определяют их индивидуальных обязанностей на борту космических кораблей, не считая того, что более ответственные обязанности выполняет обычно тот, кто выше рангом.

— Но, в таком случае, что означают ранги?

Опять голос Мары. Джайлс улыбнулся ей.

— Ранги означают число полетов в космос и время, проведенное в нем. Но не только. Чем суровее выполняемый ими долг, тем больше времени нужно для достижения следующего ранга. Например, полет на этом спасательном корабле сильно продвинет вперед Капитана и Инженера, и не потому, что они спасают наши жизни. Спасая нас, они упускают случай умереть в горящем космическом лайнере. А последняя и высшая цель альбенаретца — умереть в космосе.

— Но тогда им все равно! — крикнула девушка-арбайт, черноволосая, такая же молодая, как и Мара, но без признаков воли в чертах лица. — Если что-то пойдет не так, они обрекут нас на смерть, чтобы самим умереть в космосе!

— Вовсе нет! — резко оборвал ее Джайлс. — И немедленно выбросьте подобные мысли из головы! Смерть есть величайшее из свершений, доступных альбенаретцу, но после того, как он выполнит в космосе все, что только возможно. Лишь в том случае, если вернуться не удастся, альбенаретцы позволят смерти забрать их.

— А вдруг эти двое решат, что вернуться невозможно, или еще что-нибудь выдумают? И просто отправятся умирать...

— Чтобы я больше не слышал подобных разговоров! — прикрикнул Джайлс.

Ему вдруг надоело объяснять, его охватили стыд и отвращение к ним ко всем — к их постоянной готовности жаловаться, откровенному, бесстыдному проявлению страха, отсутствию выдержки, самообладания, самоконтроля, к их нездоровым пастозным лицам, свидетельствующим о том, что большую часть жизни они проводят в закрытых помещениях, не видя солнца. Каждая мелочь, говорившая об их принадлежности к низшему сословию, вдруг встала ему поперек горла.

— Успокойтесь! — сказал он. — Займитесь делом, поставьте кровати, выберите себе соседей. И никаких перемещений, споров, ссор — я не намерен разбираться, улаживать скандалы. Сейчас я осмотрю наш спасательный корабль, а потом запишу ваши имена и скажу, как вы должны вести себя, пока мы не совершим посадку. Итак, за дело!

Арбайты повиновались не колеблясь — все, за исключением, пожалуй, этой девушки, Мары. Джайлсу показалось, что она на какую-то долю секунды замешкалась. Его это поразило. Возможно, она из тех несчастных арбайтов, которых забаловали, заласкали в семье каких-нибудь Эделей, воспитав способность чувствовать. Арбайты, взращенные подобным образом, в дальнейшем всегда плохо адаптировались к реальной жизни. Не усвоив соответствующих навыков в ранние годы, они, повзрослев, не могли должным образом приспособиться к своему месту в обществе, усвоить социальную дисциплину.

Он отошел от арбайтов и приступил к более детальному ознакомлению со спасательным кораблем. Тот ничем или почти ничем не походил на его собственную космояхту, в высшей степени комфортабельную и максимально автоматизированную. На ней он, как и большинство Эделей, частенько летал среди планет Солнечной системы.

— Сэр... — услышал он позади себя шепот. — Вы не знаете, они — женского рода?

Джайлс обернулся — это был Грос. Лицо арбайта побелело, на лбу выступили капли пота. Джайлс перевел глаза на инопланетян. Вообще альбенаретцы были почти неразличимы по полу, и мужские, и женские особи на равных исполняли обязанности и здесь, на корабле, и везде, в просторах космического пространства. Однако чрезмерно длинный торс Капитана, а так-

же его особенно прямая осанка давали ключ к загадке. Капитан был женского пола, Инженер — мужского.

Джайлс опять обратил внимание на болезненную бледность Гроса, явно объятых страхом. Среди арбайтов ходили тысячи кошмарных слухов о том, как ведут себя альбенаретки во время активизации определенных желез. Причем по отношению не только к собственным «мужчинам», но и, как суеверно полагали арбайты, к любым другим наделенным интеллектом мужским особям. Основанием для этих слухов служил тот факт, что альбенаретская «женщина» (на самом деле два пола инопланетян не соответствовали мужскому и женскому полам людей) в брачный период требовала от «мужчины» не только особых микроскопических телец-оплодотворителей, но и всю генитальную систему «мужского» тела. «Женщина» закладывала эту систему целиком в яйценосную сумку, и там оплодотворяющее устройство подключалось к ее собственной системе кровообращения, становилось частью ее тела и источником питания эмбриона на период его внутриутробного роста.

Присвоение «мужской» генитальной системы, акт совершенно нормальный по альбенаретским законам, по человеческим понятиям, представлял собой жестокое увечье. «Женщина» тем самым лишала «мужчину» половой сферы до ее восстановления. По земному времени исчислению на это уходило примерно два года — время, потребное отпрыску альбенаретца, чтобы родиться, научиться передвигаться вертикально. Земные ксенобиологи разработали теорию, согласно которой в доисторические времена принцип, просматривающийся за дегенитализацией альбенаретского «мужчины», должен был обеспечить его поддержку и помощь «женщине», вынашивавшей его потомка в наиболее уязвимый период, пока и она, и ее отпрыск не будут в состоянии заботиться о себе самостоятельно.

Однако столь изощренное понимание инстинктов инопланетян, подумал Джайлс, не под силу арбайтам, тревожно шушукавшимся по углам. Грос, например, явно потерял голову от ужаса, столь свойственного низшему классу, при мысли о том, что способна учинить над ним инопланетянка в момент возбуждения половых желез. Надо полагать, точно так же поведут себя и другие мужчины-арбайты на корабле, если узнают, какого пола их Капитан.

— Это же офицеры, — презрительно бросил Джайлс. — Или, по-твоему, они похожи на женщин?

— Нет-нет, ваша честь. Нет, сэр, конечно, нет. Спасибо вам, сэр. Большое, большое спасибо.

Он ретировался. Джайлс продолжил обследование корабля. Однако ему мешала сосредоточиться мысль о том, что случится, если импульс к размножению настигнет двух инопланетян здесь, на корабле, до того, как они совершат посадку. Он понятия не имел, в каких условиях мог возникнуть такой импульс, и решил выбросить эти мысли из головы. В данный момент все под его контролем, что, собственно, и требуется. И Джайлс сконцентрировал свое внимание на спасательном корабле.

Глава 3

1 час 2 минуты

Корабль, в сущности, представлял собой почти правильный цилиндр. Заднюю половину цилиндра занимала энергетическая установка. В носовой части находились контрольный приборный щит и три экрана. Остальная площадь — что-то вроде трубы с проложенным внутри полом — имела чуть больше двенадцати метров в длину и четыре метра в диаметре. Пол был выстлан багряным ноздреватым материалом, ходить по нему неловко, зато удобно сидеть и лежать. Складные кровати, которыми они воспользовались, когда корабль отрывался от космического лайнера, хранились под этим упругим покрытием.

Сверкающая гирлянда голубовато-белых светильников протянулась над головой по всей длине спасательного корабля. Изучая альбенаретцев и их космические корабли, Джайлс узнал, что эти огни не выключаются никогда, даже если корабль не в работе. Постоянный источник света необходим для здорового роста выющегося растения *иб*, побеги которого покрывали все свободные поверхности от середины корабля и до самой его кормы. Это растение было в равной степени источником жизни для всех пассажиров, инопланетян и людей, так как устья их плоских, красно-зеленых листьев выделяли кислород. Округлые золотистые плоды *иб*,

свисавшие, словно украшения, с длинных тонких стеблей, были единственным источником питания, доступным на борту корабля. Ствол растения, толщиной по всей его длине с человеческую ногу, рос из похожего на гроб металлического резервуара с питательным раствором. Тусклая металлическая крышка на резервуаре прикрывала отверстие, куда отправлялись все пищевые излишки и отходы для переработки. Простая и эффективная система выживания, полный цикл, включавший в себя и санитарные удобства, которые состояли из сосуда с водопроводным устройством и закрытого контейнера возле резервуара.

Пассажиры-арбайты пока не подозревали, какие ограничения ждут их на борту спасательного корабля альбенаретцев. Они еще не понимали, куда забросила их судьба. Осознание происшедшего повергнет их в глубокий шок. Они ведь не Эдели, которые в тех же обстоятельствах — и мужчины, и женщины — сочли бы нравственным долгом сохранить самоконтроль и не дать волю недостойному Эделей страху или жалобам на ситуацию.

Надо будет помягче их подготовить, подумал Джайлс и вернулся к арбайтам, которые закончили распределение кроватей: каждый занял ту, что вытащил из-под пола сам, на ней каждый и останется, пока корабль не пришвартуется к какой-нибудь планете.

— Все устроились? — спросил он.

Арбайты кивком, как обычно, ответили «да». Джайлс постоял, глядя на них сверху. Он был на голову выше всех, кроме одного, явно рабочего из трудовой команды, державшегося поодаль. Арбайты постараются держать его на расстоянии, отметил для себя Джайлс, как человека, стоящего на социальной лестнице еще ниже, чем они. Но он не должен допускать подобных расслоений.

Рабочий был одного роста с Джайлсом и весил, без сомнения, килограммов на двадцать больше. Но на этом сходство кончалось. Из всех находившихся здесь представителей человечества только у Джайлса была загорелая кожа, красивые, правильные черты лица и зеленые, с лучиками морщин в уголках глаза, что свидетельствовало как о породе, так и о том, что часть жизни он проводит на открытом воздухе. Это резко выделяло его среди остальных, даже если не принимать в расчет его

дорогой, сверкавший особой выделкой темно-оранжевый форменный костюм, так непохожий на унылые и плохо пригнанные серые комбинезоны арбайтов. Достаточно было увидеть его лицо, чтобы понять: он здесь, чтобы повелевать, все остальные — чтобы повиноваться.

— Прекрасно, — сказал он. — Меня зовут Джайлс Стил Ашад. Теперь, по очереди, назовите себя. — Он повернулся к Маре, которая заняла кровать в первом ряду, слева от него. — Мара, вы первая.

— Мара, номер 12911. Вольнонаемная. Хочу подзаработать, направлена на Белбен, как и остальные.

— Хорошо. — Джайлс повернулся к Гросу, расположившемуся напротив Мары. — Теперь говорите вы, Грос. Имя и номер контракта.

— Грос, номер 5313, направлен на три года, служба компьютерного контроля. Белбен, Шахты и Промышленное производство.

— Отлично, Грос. Рад видеть, что ваш компьютер при вас.

— Без него никуда, сэр. Я без него как голый.

Джайлс увидел, что арбайты заулыбались этой старой как мир шутке. Улыбки были хорошим знаком: возвращалось ощущение, что все идет как надо. Следующим за Гросом был худощавый жилистый блондин; его пальцы выбивали на бедрах нервную дробь.

— Эстивен, номер 6786, служба развлекательных радиопередач, — проговорил он высоким тенором. — На Белбене будет новая радиосистема, которая заменит нам нынешнюю, автоматизированную.

— Так. Что у вас в футляре? Магнитофон?

— Да, сэр, ваша честь. Хотите взглянуть? Записана музыка, многоканальный запас памяти.

— Прекрасно. Мы сможем использовать его в качестве бортового журнала.

Джайлс протянул руку. Эстивен шагнул вперед и все же помешкал, прежде чем вытащить плоский кейс.

— Вы ведь не пожелаете стереть всю музыку, не правда ли, сэр? Если можно... Все же какое-то развлечение на этом кораблике...

Джайлс внутренне поморщился: эти умоляющие интонации! Даже арбайту не следовало бы просить так униженно.

— Не всю, не всю, — сказал Джайлс, — не беспокойтесь. Сотрите мне, по своему выбору, на час

времени. Этого пока достаточно. Если не хватит, я попрошу стереть еще.

— На час? — Лицо Эстивена просветлело. — Конечно, сэр. Только один час — нет проблем, конечно, конечно. Здесь ведь записано всего понемножку. Я могу стереть что-нибудь из джаз-поп-музыки или старинные симфонии. Или музыкальную радиорекламу, ее тут немало... — Эстивен доверчиво улыбался, остальные засмеялись, но смех тут же замер: арбайты заметили, что Джайлс не улыбнулся вместе с ними. — Ваша честь, простите, сэр... я, конечно, не то имел в виду. Просто шутка. Вот, час музыки... возьмите, здесь весь комплект. — Он отдал магнитофон, руки его дрожали.

— Я запишу сюда ваши имена, — мы должны вести дневник полета. — Джайлс повторил на магнитофон имена и уже названные номера. — А теперь вы четверо, слева.

— Бисет, номер 9482. Наблюдение, командировка на год. — Она стояла по стойке «смирно» — высокая, угловатая, седая женщина, та, что привела группуцелевших арбайтов на борт спасательного корабля. Эта, видно, привыкла общаться с властью имущими, подумал Джайлс, жизнь научила... Не то что Мара. Позади Бисет стояли рядышком двое арбайтов — темноволосый молодой человек и такая же темноволосая, пухленькая девушка. Они держались за руки, пока не заметили, что на них смотрят. Девушка вспыхнула. Молодой человек ответил за двоих.

— Фрэнко, номер 5022. А это моя... жена Ди, номер 3579. Мы с ней из службы коммуникаций, командированы на семь лет.

— Только что со школьной скамьи, первая командировка и уже — женаты?

Общий смех, свободный и открытый, несколько снял напряжение. Фрэнко кивнул и улыбнулся. Ди улыбнулась тоже, оглядывая всех и откровенно наслаждаясь вниманием. Это была та самая девушка, что едва не впала в панику, когда Джайлс рассказал арбайтам об альбенаретцах. Джайлс записал их имена и данные на магнитофон и посмотрел на могучего рабочего парня, стоящего позади них.

— Теперь твоя очередь, парень.

Прежде чем ответить, рабочий в виде приветствия коснулся указательным и средним пальцами лба, чуть ниже шапки коротко стриженных черных волос.

— Хэм, номер 7624, ваша честь, сэр, — сказал он. Широкое молодое лицо, совсем без морщин, но голос звучал грубо, надтреснуто, со старческой хрипотцой. — Разнорабочий, без специальности, сэр. Но с опытом и отличная трудовая характеристика.

— Рад за тебя, — сказал Джайлс. — Нам всем повезло, что с нами на борту такой человек, как ты, Хэм. Всегда может понадобиться сила, а на тебя мы смело можем положиться. — Он обвел взглядом лица остальных и понял, что арбайты вполне уловили социальный смысл, вложенный в его слова. Кое-кто покраснел, кто-то, насупясь, уставился в пол. Только Маре явно не понравилось, что Хэма ставят в один ряд с ними.

Джайлс протянул магнитофон Эстивену.

— Все в порядке, — сказал Джайлс. — А теперь я хочу поговорить с Капитаном. Пока мне известно одно: либо произошло столкновение, либо был взрыв... и, похоже, только нам посчастливилось уйти с лайнера.

— Более двухсот человек — землян — на борту... двести двенадцать человек, — хрипло проговорил Грос, выстукивая цифры на своем компьютере, будто пытаясь представить их воочию.

Джайлс внутренне содрогнулся, вновь ощутив острые угрызения совести.

— И двенадцать инопланетян, членов экипажа, — сказал он вслух. — Так что нам повезло. Помните об этом, если дела пойдут плохо. Спасательные аппараты этого типа предназначены только для спасения жизни и не слишком комфортабельны. Расставлять кровати вы уже научились. Вот эти плоды *иб*, которые вы видите на лозе, будут нашей пищей. На три четверти они состоят из жидкости, так что в питье у нас недостатка быть не должно. В них много протеина, поэтому и голод нам не грозит. Растение *иб* — мутант, генетически предназначенный исключительно для этих целей.

— Но, сэр, каковы они на вкус? — спросила Ди. Вообще-то ей никогда в жизни не доводилось есть ничего, кроме готовой интендантской пищи.

— Ну, а это?.. Где оно? Там? — спросила седая женщина по имени Бисет, презрительно и сурово кивнув в сторону бака под крышкой.

— Боюсь, что так оно и есть, — сказал Джайлс. — Но где-то под полом или в стенах должны быть складные переборки. Я спрошу Капитана. Мы что-нибудь приспособим, чтобы можно было уединиться.

— Спросите его, почему мы возвращались за тем недоноском! — Теперь, когда страх немного отпустил, Грос дал волю злости. — Мы все могли погибнуть, все до одного!

— У Капитана, вероятно, были веские причины поступить так, как он поступил. Я спрошу его. А теперь слушайте меня. Никто из вас, надо полагать, прежде не бывал в космосе, но я знаю, что вы вдоволь наслушались всяких ужасов об альбенаретцах. Забудьте эти рассказы, немедленно! Мы полностью зависим от двух инопланетян, которые сидят там, впереди. Короче, чтобы я больше не слышал слова «недоносок». Это понятно? Теперь проверьте ваши кровати и не шумите, пока я буду говорить с Капитаном.

Разговаривая с арбайтами, Джайлс не спускал глаз с альбенаретцев. Они извлекли из золотистой ткани звездную книгу и вложили ее в специальные, инкрустированные драгоценными камнями зажимы на приборном щите. Сняв верхние пластины оклада, Инженер осторожными движениями тончайшего шильца стал приподнимать лист за листом. Капитан сидела молча, сложив руки крест-накрест и устремив глаза в космическую пустоту. Джайлс подошел к ней.

— Я хотел бы поговорить с Райумунг, — произнес он на жужжащем языке альбенаретцев.

Капитан Райумунг медленно повернула к нему лоснящееся морщинистое лицо.

— Вы говорите на нашем языке?

— Я Эдель, из рода Стилов, металлургов. Я лечу в космос, потому что это мой долг. По этой же причине я выучил ваш язык. Прошу вас рассказать то, что мне следует знать.

— Мой корабль погиб, но я не могла умереть с ним. Скоро мы ляжем на курс и полетим на Белбен.

— На Белбен? — повторил за нею Джайлс.

— На Белбен, — подтвердила инопланетянка.

— Но сколько это займет времени?

— Точно еще не знаю. Может быть, сотню корабельных дней. Этот маленький аппарат недостаточно

быстроходен, так что Мунгханфу очень не повезло, что пришлось лететь с нами.

— Это его заботы. Причина несчастного случая установлена?

— Несчастного случая не было. Мой корабль погиб в результате подстроенного взрыва.

Впервые Капитан Райумунг проявила хоть какой-то намеренный на эмоции, она чуть повысила голос, ее пальцы задрожали.

— Этого не может быть, — произнес Джайлс.

— Это, несомненно, так. Там, где произошли взрывы, расположены пустые грузовые трюмы. Там не было ничего, что могло бы воспламениться. Только половое покрытие, которое способно загореться лишь при сверхвысоких температурах.

— Тяжкое обвинение, — сказал Джайлс. — В чьих интересах было совершить диверсию на космическом корабле альбенаретцев?

— Этого я не знаю. Но преступление было совершено. — Темные глаза альбенаретки смотрели прямо в глаза Джайлса. — Преступление, какого не совершил бы никто из альбенаретцев.

— Но разве это не могло быть просто аварией? — сказал Джайлс. — Ваш корабль был очень стар, Райумунг. Многие корабли Альбенарета очень старые.

— Их возраст не имеет значения. Это не просто авария. — Голос «женщины»-Капитана опять был ровным, но длинные трехпалые руки крепко сцепились — признак глубокого волнения у альбенаретцев, как помнил Джайлс, в свое время изучавший инопланетян. Он переменял тему.

— Вы сказали, чтобы достичь Белбена на этом спасательном корабле, потребуется, возможно, сто корабельных дней. Нельзя ли сделать посадку где-нибудь поближе?

— Нашей целью был Белбен. И он по-прежнему остается нашей целью.

— Но, право же, — сказал Джайлс, — было бы гораздо разумнее выбрать другую цель, к ближайшему пункту, где можно благополучно сделать посадку.

— Я и мои офицеры, весь мой экипаж отброшены далеко назад на Пути к Совершенству, поскольку допустили гибель нашего корабля. — Темные глаза Райумунг отвернулись от Джайлса, как бы показывая, что

говорить больше не о чем. — Мой инженер и я не вправе позволить себе даже благословение смерти. Но не достичь поставленной цели означает еще большее бесчестье. Наш разговор окончен.

Джайлсу стоило немалых усилий сдержать себя, но голос его звучал ровно.

— Я не закончил наш разговор, Райумунг, — сказал он, и Райумунг обернулась к нему. — Я несу ответственность за людей, что находятся здесь, со мной. Я обращаюсь к вам с официальной просьбой найти более близкий пункт посадки и тем сократить наше пребывание на борту корабля.

Капитан Райумунг некоторое время молча смотрела на него.

— Человек, — проговорила она наконец, — мы позволили вам летать на наших священных кораблях в священных просторах космоса, ибо у вас нет для этого собственных кораблей и потому, что помогать другим означает еще один шаг на Пути. Даже если речь идет о землянах, которые никогда не познают, что есть Совершенство. Кроме того, вознаграждение за то, что мы вас транспортируем в космическом пространстве, позволяет большему числу альбенаретцев освободиться от миров в начальных стадиях их существования. Но перевозим мы вас исключительно по нашей доброй воле. Так что не вам указывать мне направление и цель.

Джайлс собрался было ответить, но Райумунг уже не смотрела на него и заговорила опять:

— К тому же мне не нравится, что на моем корабле вас так много. Вас здесь восемь человек, число не оптимальное.

Джайлс смотрел на нее с недоумением.

— Мне непонятно, о чем говорит Райумунг, — сказал он.

— Для Совершенства число не оптимальное, — повторила она. — Лучше, чтобы на время нашего полета к Белбену вас было на одного меньше. Чтобы вы уменьшили ваше число на одну единицу. — Она указала на резервуар в хвосте корабля. — Конвертер мог бы обработать дополнительное сырье.

Джайлс оцепенел.

— Убить арбайта только во имя вашей идеи Совершенства? — воскликнул он резко.

— Почему бы и нет? — Темные круглые глаза смотрели на него не мигая. — Вы используете их как рабов, но здесь, на этом маленьком корабле, столько рабов вам ни к чему. И что такое один из них в сравнении с моей доброй волей — ведь все ваши жизни в моих руках. Так стоит ли держаться за одного?

Шок лишил Джайлса дара речи. Прошло несколько секунд, прежде чем он справился с собой настолько, чтобы заговорить.

— Они арбайты! — Жужжащие звуки альбенаретского языка вырвались из горла человека. Джайлс сам услышал свое рычание. — Они арбайты, а я — Эдель! Эдель Стил, мой род известен в двадцати поколениях! Бросьте в конвертер меня, Райумунг, если вы думаете, что можете сделать это. Но коснитесь только пальцем одного из них — тех, кто находится сейчас под моей защитой, и я клянусь вам Богом моего народа и Совершенством, которому поклоняетесь вы, что этот корабль вообще не достигнет никакой цели и вы умрете опозоренными... Даже если мне придется сорвать обшивку корпуса корабля вот этими голыми руками!

Капитан Райумунг угрожающе нависла над Джайлсом. Бесстрастный морщинистый лик инопланетянки приблизился к нему почти вплотную.

— Я только предложила, а не приказала, — произнесла Райумунг. Голос прозвучал необычно, его интонации были окрашены подобием мрачного юмора. — Но вы действительно думаете, что способны сразиться со мной, человек?

Она отвернулась. Джайлс почувствовал, что весь трясется от ярости, дрожит, как сухой лист на зимней ветке. Он постоял секунду, пока не унялась дрожь, и только тогда повернулся, чтобы уйти. Он не может показаться арбайтам, не владея собой.

Он позволил себе поддаться эмоциям, и результаты могли оказаться губительными и для него самого, и для его миссии. Он не имеет права терять самообладание ни при каких обстоятельствах. Разумеется, уничтожение другого человеческого существа не столь пустяковая акция, как полагала Капитан-альбенаретка. Чисто теоретически цель Джайлса была гораздо масштабнее, чем жизнь любого арбайта на корабле, и логика диктовала, не колеблясь, пожертвовать одним из них, если это потребуется для выполнения его миссии. Больше того,

Джайлс не сомневался, что немало Эделей из Ока-фронта не испытали бы подобных колебаний. И все же в глубине своего «я» он знал, что он еще и еще раз отвергнет предложение Капитана.

Он был *Стил* — отпрыск древнего и уважаемого рода *металлургов*, его род по-прежнему жил и работал с металлом, который принес им состояние и высокое положение в обществе, — в отличие от Куперов, или Комсетов, или Атлов, давно оставивших профессии, давшие имя их роду. Они только хозяева своих арбайтов. Металл — сталь — поставил человека на ноги, дал возможность сделать первые шаги на его пути к цивилизации. Эйфелева башня и мост во Фриско все еще стоят как памятники начала этого пути. Отойти в сторону и молча позволить надругательство над беззащитным арбайтом, позволить убить его, значило бы предать род *Стилов*, его семейную честь.

Он успокоился. Вопросы о том, что есть его долг, не стояло. Он должен следовать только своему внутреннему побуждению — а там пусть каждый живет или умирает, как может.

Глава 4

3 часа 17 минут

Панели для переборок были сухие и старые, как и многое другое на этом спасательном корабле. Они хрустели и ломались в мощных руках Хэма, когда гигант арбайт вытаскивал их из-под полового покрытия. Джайлс лежал на своей кровати, наблюдая, как Грос и Эстивен старательно прилаживали поломанные края с помощью липкой пленки и инструментов для ремонта, небольшой набор которых предоставил им Инженер-альбенаретец. Позади кресел инопланетян были постоянные экраны-переборки, свернутые рулоном. Если опустить и закрепить их, отсек управления окажется вне поля зрения пассажиров. Джайлс был благодарен за это относительное, но все же укрытие. Чем реже арбайты будут видеть инопланетян, полагал он, тем больше надежды, что они уживутся с альбенаретцами. Когда их переборки будут починены и поставлены, он пошлет двух женщин собрать плоды *иб*. Но пока им работать негде — все суетились над разложенными для ремонта панелями.

Он перевел взгляд с товарищей по несчастью на потолок корабля, состоявшего из секций серого второсортного металла, и вздохнул по своему комфортабельному межпланетному катерку... Мысли его обратились к проблемам куда более важным, к его миссии.

Предписание он, слава Богу, спас. Не имея приказа, ему пришлось бы решиться на убийство в Колонизованном мире, законы которого ему незнакомы. Джайлс не без горечи улыбнулся про себя. Когда-то Эделям не было нужды убивать друг друга, но Пол Ока слишком натянул цепь событий, теперь она лопнула и неизбежно ударит, уничтожит его самого. Если бы Пол удовлетворился тем, что стал их знаменем, их философом, тем, что он организовал их всех, лучших из клана Эделей, создавших Ока-фронт шесть лет назад, наставил их на путь очищения и возрождения человеческого духа! Но какой-то вывих в психике Пола, какой-то разрушительный инстинкт толкнул его на следующий шаг: Пол предложил открыть, причем немедленно, Свободные Центры Обучения для всех арбайтов.

— Ты в своем уме, Пол? — спросил его Джайлс.

— Нелепый вопрос, — холодно отозвался Пол.

— Так ли? — сказал Джайлс. — Тебе должно быть известно, что попытаться сделать это без подготовки означает породить хаос. Люди станут умирать от голода прямо на улицах, правительственный контроль будет опрокинут, производство придет в упадок. Осуществлять то, что предложил ты, нужно, но постепенно, шаг за шагом. Почему, думаешь, наши предки остановились на существующей ныне социальной системе? Да просто не хватало ни места, ни продукции, чтобы обеспечивать население, — а власть нуждается в постоянном обновлении технологии. Выбора не было, и все понимали это. Пришла пора остановить развитие цивилизации, неконтролируемый рост населения и изобретений — на время, необходимое, чтобы народ заработал всерьез и смог обеспечивать себя без дальнейшего выкачивания ресурсов плачеты. Сейчас мы почти достигли того уровня, когда различия между кланом Эделей и арбайтами могут быть стерты, — и ты хочешь погубить все, что достигнуто, вознеся арбайтов немедленно, забежав вперед на пятьдесят лет.

— Я полагал, — проговорил Пол (его белое правильное лицо было непроницаемо, сохраняя классическую бесстрастность и холодность, присущие члену клана Эделей), — я полагал, что ты разделяешь мои принципы, принципы Ока-фронта.

— Разделял и разделяю, — сказал Джайлс, — принципиальные цели. Ока-фронт состоит из клана Эде-

лей, Пол. Помни это. Я не буду поддерживать идеи одного из членов Фронта, если считаю эти идеи ложными... как не стал бы этого делать и ты. Да, ты организовал наш Фронт, Пол, но он не принадлежит тебе. Ты лишь один из тех, кто хочет работать для того, чтобы покончить с противоестественной социальной структурой, продержавшейся двести лет. Не веришь мне, спроси мнение других членов Фронта. Им, как и мне, не нравится твоя идея немедленной революции. Это отдает охотой за славой, желанием непременно увидеть при жизни, как взвились все сигнальные ракеты.

— Слава? — повторил Пол. — Охота? — Он намеренно разделил эти два слова.

— Я это сказал, — произнес Джайлс так же раздельно. Лишь Эдель, такой же Эдель, как они, глядя на двух высоких, худощавых молодых людей, слушая их ровные интонации, мог бы угадать, что оба они готовы вот-вот взорваться. — Я это сказал, и я так думаю. Повторяю, спроси других членов Фронта.

Пол посмотрел на него долгим взглядом.

— Джайлс, — сказал он, — мне случалось и прежде сомневаться в твоих суждениях. То, что произошло сейчас, подтверждает справедливость моих сомнений. У тебя ложное понимание долга. Мы призваны быть хранителями всей остальной части человечества, простых людей. Этот долг превыше всего. Если бы ты был верен долгу в полной мере, ты бы понимал: ничего, решительно ничего не меняется оттого, что открытие для всех и сейчас Центров Обучения приведет ко всеобщему упадку, повсеместному голоду или любому иному катаклизму. Если время пришло, значит, оно пришло. Но в тебе, Джайлс, есть изъян. Ты отчасти романтик и всегда был романтиком. Ты беспокоишься о людях, а не о великом перевороте и расцвете человечества.

— История — это люди, — сказал Джайлс. Его тон, поведение оставались прежними, но в душе он испытывал чувство, похожее на отчаяние. Вспышка гнева, взбудоражившая его мгновением раньше, погасла так же быстро, как и возникла. Эдели не имеют друзей, по крайней мере, в старом смысле этого слова. Как сказал Пол, для них долг был всем. И тем не менее Пол был его самым старым и самым близким другом. Их отношения восходили к годам ранней юности, проведенной в

Академии. Они всегда были рядом — в столовой, в аскетических дортуарах, в холодных классных комнатах, на голых спортивных площадках. Бок о бок они тосковали о семейном тепле — пусть даже весьма условном тепле домов Эделей, пока не выросли в членов правящего класса. Теперь им ведом лишь долг, о котором говорил Пол, никто из них не нуждается ни в чем и ни в ком, ничего, кроме исполнения долга.

Теперь каждый из них жил самостоятельно, изолированно, только в себе, самодовлеющие индивидуумы, не позволяющие себе такой слабости, как близость с другим человеческим существом. Так нужно, чтобы коррупция, моральная неустойчивость, свойственная людям, не нанесли вреда строгой структуре выживания общества, которую разработали их предшественники; только так они могли сохранить ее. До тех пор пока не будет достаточно места, достаточно пищи, достаточно будущего для всех — чтобы все человечество опять стало свободным.

Теперь же свободным, по существу, не был никто. Арбайты были рабами Эделей, но Эдели были рабами долга — Программы выживания, предложенной за два столетия до них. Эделям не полагалось задаваться вопросом, будет ли обеспечено выживание всего человечества, в свою очередь они не допускали, чтобы вопросы задавали арбайты.

Все это было верно. Как, по-видимому, верно и утверждение Пола, что Джайлс — романтик и потому чувство долга у него с изъяном. Но все же Пол был не прав, собираясь так скоро открыть двери Центров для всех. Если он намерен настаивать, остальным членам Фронта придется удерживать его, что по необходимости означает: уничтожить. Никто из Эделей не отступится от того, что полагает правильным, независимо от влиятельной оппозиции или из страха перед последствиями. Джайлс не хотел, чтобы Пола уничтожили. Пол сделал так много хорошего, нужного. Он слишком полезен, чтобы его лишиться. И Джайлс решил попытаться еще раз.

— Класс арбайтов уже не раз давал трещины, Пол, — сказал он. — Ты это знаешь не хуже меня. Вспомни хотя бы группу оголтелых революционеров «Черный четверг». Или эти банды, которые потехи ради жестоко избивают других арбайтов. Особенно арбайтов-рабочих, как если бы они были законными их трофеями,

хотя всем арбайтам известно, что рабочие арбайты генетически скроены существами безвредными — только у себя в бараках они устраивают между собой дружеские потасовки. Наконец, возьми бюрократию арбайтов, которая сильно эволюционировала за последние два столетия. Лучшие из них уже стали помощниками нам, Эделям. Так остановись же и подумай об этих трех группах — каждая со своими собственными эгоистическими интересами или просто непониманием Плана Выживания, который у тебя и у меня в крови, основой нашего существования. Допустим, ты мог бы распахнуть двери Центров Обучения завтра — скажи, неужели ты веришь, что представители этих разных групп арбайтов мирно усядутся и станут ждать, когда План осуществится своим чередом? Ты знаешь, как это будет. Не можешь не знать, что каждый из них с головой погрузится в хаос, который воцарится из-за ослабления социального порядка, каждый постарается обеспечить свою группу самым лакомым куском власти. Сословие арбайтов будет разодрано в клочья, Пол. Каждый наберет себе сторонников, и этот истерзанный старый мир вновь увидит войну.

Джайлс выбился из сил. В сущности, что еще он мог сказать об опасностях не в меру поспешного приобщения арбайтов к власти? Он пристально смотрел на Пола, надеясь услышать контрдоводы и сохранить хоть какую-то надежду убедить его с помощью логики. Но Пол никак не реагировал на аргументацию Джайлса — ни малейшего знака, понятного глазу собрата его, Эделя.

— Это все, что ты хотел мне сообщить, Джайлс?

— Нет, — ответил Джайлс с внезапно нахлынувшим волнением. — Не совсем. Надо подумать и об альбенаретцах.

— До инопланетян нам дела нет, — твердо заявил Пол. — Мы в них не нуждались до того, как приступили к исполнению Плана. Пока осуществлялась Программа, они были полезны. Снабжать их нашими промышленными товарами в виде оплаты за их межзвездный транспорт оказалось гораздо дешевле, чем с азов начинать строительство собственного космического флота. С их помощью мы смогли обустроить новые миры для расселения человечества, и стоило нам это вполонину меньше, чем если бы мы действовали без них. Но теперь мы так или иначе будем развивать свой космо-

флот, и альбенаретцы нам больше не нужны. Мы можем просто игнорировать их в дальнейшем.

— Нет, — мрачно отрезал Джайлс. — Мы, земляне, не можем позволить себе просто так войти в контакт с жителями другого мира, использовать их в течение пары столетий, а потом повернуться к ним спиной. Альбенаретцы были нам полезны, но мы спасли им жизнь. Наша технология и рабочая сила сэкономили им много рабочих часов, и, таким образом, они могли направить в космос больше своих людей. Ты видел секретный отчет Совета. Они подошли к самому краю, к экономическому краху, и им уже не до комплектования новых космических кораблей, а ведь космос для них — это своего рода религия. Теперь они набирают команды на свои старые или порядком запущенные корабли и вовсе не собираются их списывать, ибо ни один альбенаретец не позволит себе лишиться другого альбенаретца шанса жить и умереть в Священном Космосе.

— Это их дело, — сказал Пол. — Пусть каждая цивилизация сама заботится о себе.

— Это и наше дело! — резко возразил Джайлс. — Одного нашего Плана Выживания уже недостаточно для разрешения проблем землян. Любая реалистическая программа должна принять в расчет также альбенаретцев и их проблемы; как ради нас, так и ради них самих альбенаретцы должны будут модифицировать свою религию, которая требует, чтобы каждый альбенаретец проводил жизнь в космосе, но пренебрегает экономикой, базирующейся на самой планете и достаточно развитой, чтобы поддерживать столь необходимую им жизнь в космосе.

— Я повторяю, — сказал Пол, — альбенаретцы не имеют никакого отношения к нашим проблемам. Их можно просто сбросить со счетов. Пусть живут и умирают по своему выбору. Наш единственный долг — выживание землян, человечества. Полагаю, можно пренебречь твоими словами о том, будто другие члены Ока-фронта сумеют осадить меня с большим успехом, чем ты.

Он незаметно бросил взгляд на старинные дедовские, богато изукрашенные часы, занимавшие центральное место на задней стене кабинета, хотя его глаза тотчас

же вновь обратились на Джайлса. Намек, однако, для другого Эделя более чем прозрачный.

— Прошу прощения, — сказал Джайлс официальным тоном, — если занял у тебя слишком много времени. Но, полагаю, предмет очень важен. Возможно, в другой раз, причем не откладывая надолго, нам удастся поговорить подольше.

— Возможно, — отозвался Пол.

— В таком случае, — сказал Джайлс, — я намерен переговорить с другими членами Фронта. Так или иначе, но в ближайшее время мы свяжемся.

— Непременно, — сказал Пол. — Всего хорошего.

— Всего хорошего.

Джайлс вышел. Он говорил себе, что вступать в переговоры с другими членами Фронта ему пока не следует. По крайней мере, несколько дней можно подождать, чтобы хорошенько обдумать позицию Пола. Может быть, и чудо убеждения еще сработает.

Но не прошло и полутора месяцев со времени их беседы, как Пол исчез, а еще полгода спустя обнаружилось, что среди низших сословий ходит его «Манифест», призывавший арбайтов требовать себе права Эделей.

Разумеется, начались усиленные поиски Пола. В течение первой же недели Джайлс и другие члены Окафронта убедились, хотя Межгалактическая полиция их уверенности не разделяла, — что Пол Ока покинул Землю и, почти наверняка, даже Солнечную систему. Арбайты каким-то образом помогли ему — вероятно, отправили с зафрахтованным грузом в какой-либо из пограничных миров.

Осуществить такую акцию непросто. Это означало, что арбайты стали формировать революционные группы, лелеять мысль о немедленном уничтожении контрактов и о неограниченной свободе передвижения; за что и ратовал Пол.

Итак, Пол Ока должен был умереть, как только Джайлс отыщет его, — умереть, потому что фактически организовал движение арбайтов. Чтобы построить собственный космический флот, способный заменить землянам флот инопланетян, необходимы законопослушные добровольцы арбайты. Так же как и сознающие свой долг Эдели. Необходимо множество арбайтов и много-много земных лет. Гениальный интеллект Пола

Оки должен быть устранен, его нельзя допустить к руководству, нельзя допустить преждевременную революцию арбайтов.

Но как это непросто — убить старого своего знакомого, думал Джайлс, сколь ненавистна ему сама мысль о подобном убийстве. Хотя это не имеет никакого значения — придет время, и ты исполнишь свой долг, ибо исполнение долга, словно железный стержень вместо позвоночника, вживлено в тебя.

Одна переборка делила среднюю часть корабля почти надвое, так что получилось два отдельных помещения. Другая, покороче, отгораживала санитарный узел. Его открытая сторона была обращена к хвосту корабля, предоставляя дополнительную возможность для уединения.

— Мара, Ди, — сказал Джайлс, — идите сюда. Вам поручается собирать плоды *иб*.

— Ой, я никогда раньше этого не делала! — Ди старалась держаться сзади. Джайлс знал, что в ней говорит обычная для арбайтов боязнь взять на себя любую ответственность.

— Не думаю, что этому так уж трудно научиться, — сказал он мягко. — Подойдите обе сюда. Видите нижний конец стебля? Нагните его так, чтобы плод упал вам прямо в руки. Срывать не надо, иначе повредите стебель. Наберите пару корзин и принесите сюда. — Он повернулся к рабочему. — Хэм, как ты сегодня, силенки есть?

Хэм вскочил со своей кровати, на которой было улегся, и ухмыльнулся.

— У нас в бараках меня еще никогда никто не клал на лопатки, сэр. — Воспоминание о потасовках заставило его сжать кулаки. — Вы только скажите, чего вам надобно сделать, сэр, ваша честь.

— Ну-ну, драться ни с кем не нужно, по крайней мере пока, — сказал Джайлс невозмутимо. — Хотя я не сомневаюсь, что в этом ты мастер. Есть одно дело, для которого мне нужен человек с крепкими мускулами.

— Да-к вот он я!

— Что ж, прекрасно. Вот эта штука — соковыжималка. — Джайлс указал на тяжелый чугунный аппарат, укрепленный на стене. Наверху его было круглое отверстие, а посередине — длинная рукоятка; снизу под аппаратом прилажены два помятых контейнера из

пластика. — Ты отводишь рукоятку, плоды бросаешь сюда, вот так. Затем посильней нажимаешь рукоятку. Сок стекает в этот контейнер. А когда поднимаешь рукоятку, мякоть упадет в другой контейнер. После этого можно брать следующую порцию.

— Это мне нипочем, это я запросто!

В общем-то, выжимание плодов *иб* большой силы не требовало, но Хэм взялся за дело охотно и с азартом.

— Контейнеры полнехоньки, — объявил он, покончив с работой.

— Великолепно. Ну, а теперь — кто хочет первым попробовать?

По правде говоря, и Джайлс должен был себе в этом признаться, желто-зеленая масса выглядела отвратительно. Арбайты пугливо отпрянули. Джайлс ободряюще улыбнулся, погрузил в контейнер кружку и набрал в нее сырого месива. Столовой посуды на корабле не было, так что пришлось обойтись собственными пальцами. Месиво было вязкое и пахло плесенью, как сточенное червями дерево. Он положил комок в рот и принялся усердно жевать его. К счастью, *иб* оказался совершенно безвкусным. Зато с соком повезло: вода, совсем чистая, с едва ощутимым сладковатым привкусом. Он еще набрал месива, и Ди, поколебавшись, взяла в рот крошечный комок. И тут же его выплюнула.

— Тьфу! Какой ужас!

— А по-моему, не так уж плохо. Думаю, нам придется привыкнуть к этой пище. Еще кто-нибудь голоден?

Единственный, кто решился попробовать *иб*, был Хэм. Он жевал и глотал месиво без всякого выражения и справился с целой чашкой. Судя по всему, ему было почти безразлично, вкусно это или нет.

— Еда как еда, — сказал он.

— Ну вот, один едок уже доволен, — сказал Джайлс. — Заставлять я никого не собираюсь, но пища из плодов *иб* перед вами. В течение следующих двенадцати часов я прошу всех попробовать ее. Мы все должны сохранить здоровье и силы, никто не должен заболеть. Это наша пища, и мы будем ее есть.

Подтверждая сказанное собственным примером, он опять наполнил чашку и заставил себя есть с самым невозмутимым видом. Возглавить часто легче, чем идти вслед. Он ополоснул руки в чане, без особого, впрочем,

удовольствия, так как воду в нем заменял сок *иб*. В этот момент к нему подошла Мара.

— Капитан сказал вам, как долго мы будем лететь?

Джайлсу было просто необходимо, чтобы кто-то задал этот вопрос.

— Путешествие, судя по всему, будет не слишком коротким, — сказал он. — В этом я уверен. Как только Капитан закончит вычисления, я дам вам знать.

— Он сказал, почему оставил одного из членов их экипажа на борту лайнера?

И этого вопроса ожидал Джайлс и заранее приготовил ответ, который, по его мнению, должен удовлетворить всех. Узнай они, что двигатели сработали не так как нужно, началось бы волнение.

— Чтобы понять альбенаретцев, нужно знать кое-что об их философии... их религии... называй это, как хочешь, — сказал он Маре. — С их точки зрения, самый факт пребывания в космосе есть благодать, в нем они обретают то, что ты бы назвала святостью. Единственное, что превосходит ценность многолетнего пребывания в космосе, — это честь и умереть в космосе, отдав жизнь служению ему. Иными словами, всем, кто остался на лайнере, по их воззрениям, очень повезло. В том числе и альбенаретцу, у которого был шанс улететь с нами, но он им не воспользовался. По их понятиям, это было самым значительным и самым лучшим событием в его жизни.

Мара нахмурилась.

— Ненормальные они, что ли? Я хочу сказать — быть в космосе означает быть в космосе, и только. И умереть в космосе — тоже не слишком большое свершение.

— Альбенаретцы считают иначе. — Он попытался вернуть разговор к их собственным проблемам. — Вы собрали достаточно плодов?

— Гораздо больше чем нужно. Никто не спешит их есть. Мы наполнили две корзины, бегемот уже вспотел, выдавливая сок.

— Бегемот?..

Мара посмотрела на него чуть-чуть настороженно и вдруг улыбнулась.

— Бегемот, — проговорила она. — Так мы называем простых рабочих, Хэма. Но вы его так не зовите.

— Почему?

— Потому что... — Она поколебалась. — В общем, так называют того, кто в детстве ушиб голову и... и поэтому у него мозги не в порядке. Мы говорим так... между собой, но, если это слово произнесете вы, он поймет его... превратно.

Джайлс посмотрел на нее с интересом.

— Ты хорошо выражаешь свои мысли, — сказал он.

Ему показалось, что в ее глазах промелькнуло и мгновенно погасло нечто похожее на гневную вспышку.

— Для арбайта... вы это имели в виду, — сказала она. Голос ее звучал совершенно ровно.

— Ну да, — сказал он. — Не думаю, чтобы у тебя была возможность получить хорошее образование.

— Конечно, — прошептала она. — Значит, я должна поблагодарить вас за комплимент.

— Комплимент? — ошеломленно повторил он. Комплимент он мог бы сделать только женщине из клана Эделей. — Я просто констатировал факт, факт, которым ты, конечно, вправе гордиться.

— О, я горжусь. — Сказано это было чуть-чуть раздраженно, хотя интонация тут же изменилась. Джайлсу послышались в голосе Мары нотки печали. — Как и все остальные, я рада уже просто тому, что осталась в живых. Если не думать о том, как много людей там, на Земле, отдали бы все, чтобы оказаться в космосе. Даже если это означает угодить на спасательный корабль...

Джайлс смотрел на нее в полном замешательстве.

— Ты хочешь сказать, что есть арбайты, которые страстно любят полеты в космосе?

Она подняла голову и посмотрела на него. На какую-то долю секунды ему почудилось, что она готова посмеяться над ним, Эделем. Непростительное нарушение приличий!

— Конечно, нет, — сказала Мара. — Я просто говорю о шансе получить назначение на какой-нибудь из Колонизованных миров, о шансе покинуть Землю.

— Покинуть Землю? — Эта девушка озадачивала его своими странными замечаниями. — Оставить спокойную жизнь на родной планете, оторваться от веселых парков, от увеселительных центров — все бросить, чтобы работать по многу часов ежедневно, на скудной диете и в суровых условиях... Зачем это арбайту?

— А Эделю зачем? — сказала она.

— Это совершенно другое дело, — Джайлс нахмурился. Он решительно не знал, как объяснить этой девочке из низов, что значат для каждого Эделя самодисциплина и цель. Смутно, из давних-давних времен припомнилось ему чувство одиночества четырехлетнего малыша, оторванного от семьи и отправленного в пансион, где долгие годы его будут готовить ко всему, что понадобится для выполнения ответственных обязанностей лидера человечества. Он тогда плакал. Вспомнив об этом, Джайлс поморщился от стыда — да, в ту первую ночь он плакал, молча, в подушку, как и многие другие маленькие Эдели. И только один из них плакал не скрываясь. Мальчик плакал в первую и в последующие ночи, и неделю спустя его забрали из пансиона. Куда — никто так никогда и не узнал, и никто не хотел о нем говорить.

— Тут все совершенно иначе, — повторил Джайлс. — Это, как тебе известно, вопрос ответственности нашего класса. Эдели отправляются на Колонизованные миры не потому, что предпочитают их Земле. Этот путь указывает им долг.

Мара внимательно смотрела на него.

— Вы действительно в это верите? — спросила она. — И вы никогда не делали ничего, чего бы вам хотелось, просто потому, что — хотелось?

Он засмеялся.

— Какой же я Эдель, если бы я мог утвердительно ответить на твой вопрос!

— Вы были бы — человеком.

Он покачал головой, хотя чувствовал себя совершенно сбитым с толку.

— Сэр, ваша честь, — услышал он у самого уха. Оглянувшись, он увидел вошедшего в отсек Фрэнко.

— В чем дело, Фрэнко?

— Капитан желает вас видеть. Он говорил со мной на терралинге, языке землян, и велел мне сообщить вам...

Когда Джайлс вошел в отсек управления, Капитан сидела в кресле, положив руку на книгу, лежавшую на приборном щите. Рядом спокойно сидел Инженер.

— Вы вызывали меня? — спросил Джайлс по-альбенаретски.

— Мунгханф обнаружил причину неисправности нашего двигателя.

— *Мунгханф в высшей мере компетентен.*

Инженер сдвинул два пальца, что означало «мне приятно это слышать», затем указал в сторону машинного отделения.

— *С источником питания все в порядке, основная тяга функционирует в заданных параметрах. Неполадки — во вспомогательной, смонтированной на корпусе. Необходим ремонт.*

— *А это возможно?* — спросил Джайлс.

— *Вполне. Скафандр здесь есть, а инструментов и знаний у меня достаточно, чтобы сделать все, что нужно.*

— *Вот и хорошо,* — кивнул Джайлс.

— *Это, быть может, даже больше чем просто хорошо. Кое для кого это может оказаться великой наградой.*

Инженер поднял с пола объемистый пластиковый сверток и вытащил оттуда скафандр. Когда он встряхнул его и протянул Джайлсу, материал затрещал.

— *Взгляните-ка сюда, на эти швы — они потеряли эластичность от старости. В вакууме они могут потрескаться и выпустить воздух. И тогда тот, кто будет в этом скафандре, умрет. А раз нужен ремонт, очевидно, что делать его буду я.*

Прежде чем Джайлс успел что-либо произнести, Инженер затрясся в громком, клекочущем смехе.

Глава 5

Джайлс подождал, пока смех затихнет, потом произнес, обращаясь к Инженеру:

— *Значит, Мунгханф приближается к следующим Вратам Пути,* — сказал он. — *Поздравляю.*

— *Это еще не наверняка,* — откликнулся Инженер. Он повернулся и взглянул на темное, испещренное морщинами лицо инопланетянки. — *Для меня важно и то, что она была моим Капитаном во времени и пространстве; и мне, той части меня, которая и есть «я», будет одиноко без нее. Однако поскольку смерть из-за ветхого скафандра будет в конечном счете следствием гибели нашего корабля, ответственность с меня будет снята. По крайней мере, я надеюсь на это.*

— *Мунгханф жил, не забывая о долге, и теперь имеет право сделать следующий шаг,* — сказала Рай-умунг. — *Но не надо больше об этом, Мунгханф. Наш Путь и его смысл скрыты от рода людского.*

— *Да, так,* — согласился Мунгханф, обернувшись к Джайлсу. — *И я об этом сожалею. Пусть говорит мой Капитан.*

— *Я позвала вас сюда не от имени Мунгханфа,* — сказала Капитан, обращаясь к Джайлсу. — *Мне нужна будет ваша помощь, лично ваша, поскольку я не могу доверить дело кому-либо из ваших рабов.*

— *Они не рабы,* — медленно и отчетливо проговорил Джайлс. — *Они не принадлежат ни мне, ни кому-либо другому.*

— Они живут, чтобы работать и размножаться, а потом умереть. Я не знаю другого термина для них, — возразила инопланетянка. — *Пойдемте, я объясню, что вам надо сделать.*

Она повела Джайлса к внутренней двери шлюзовой камеры. Возле двери мягкая обшивка стены кончалась, открывая доступ к широкой панели. Капитан нажала на нее, потом плавно раздвинула — показался контрольный приборный щит с экраном и двумя углублениями для рук.

— *Вставьте руки в гнезда управления,* — приказала Капитан.

Джайлс повиновался. В глубине гнезд обнаружили ручки управления, приспособленные к трем пальцам альбенаретца. Там же находились кнопки контактов.

Едва он дотронулся до ручек, экран перед ним ожил, и Джайлс увидел часть внешней обшивки корабля, а на ней вальдо — два рычага, каждый с тремя пальцами-захватами на концах. Он попробовал манипулировать ручкой управления в гнезде: рычаги на экране удлинялись, двигались вправо и влево, пальцы-захваты сгибались. Несомненно, то, чем он сейчас управлял, находилось снаружи на корпусе — некий инопланетный эквивалент механической руки, повинующейся каждому движению его собственных пальцев.

— *Мне придется дежурить у главного пульта,* — сказала Капитан, — *и менять режимы в то время, как Инженер начнет работать с передачей. Пока вы будете здесь, я должна буду находиться у главного приборного щита. Я смогу перемещать эту установку с механическими руками по корпусу корабля, но и только; управлять ими будете вы. И если что-то случится, вы с их помощью перенесете Инженера к шлюзовой камере.*

— *Мне придется попрактиковаться с этими рычагами,* — заметил Джайлс.

— *Попрактиковаться времени хватит,* — сказала Капитан. — *Мне надо все подготовить. Да, и еще: мне понадобится весь кормовой отсек за вашей второй переборкой, чтобы разместить там необходимое оборудование. Ваши люди не должны туда входить.*

— *Я прослежу,* — пообещал Джайлс.

Он повернулся, вышел из носового отсека и направился к кормовой части — за последнюю переборку, возведенную арбайтами. В этом отсеке, густо увитом

побегами иб, находились конвертер и пресс для плодов. Там стояли только две койки — Фрэнко и Ди. Здесь молодожены были предоставлены самим себе, только здесь и нигде больше. Хотя это была всего лишь видимость уединения, поскольку перегородка пропускала звук, и слышны были малейшее движение и шепот. Войдя, Джайлс застал молодых арбайтов вдвоем. Они сидели на койках, взявшись за руки, друг напротив друга и, сдвинув головы, тихо разговаривали.

— Фрэнко, Ди, — сказал Джайлс, — простите меня, но мне придется вас на какое-то время выселить. Инженер вскоре отправится в открытый космос для ремонта, и ваш отсек будет служить подсобным помещением. Вы вернетесь после завершения работы, а пока один из вас может занять мою койку. Там напротив есть еще одна, ее еще не раскладывали.

Арбайты явно смутились.

— Простите, ваша честь, сэр, — произнес Фрэнко. — А это надолго?

— Не дольше чем необходимо, — объяснил Джайлс. — Это займет несколько часов. А что? Какие-нибудь затруднения?

— Я насчет Ди, сэр, — сказал Фрэнко. — Она плохо спит даже здесь, наедине со мной. У нее бывают кошмары — и раньше были. Засыпает она с огромным трудом, и ничего не может с этим поделать.

— Сочувствую, — проговорил Джайлс. — Но, к сожалению, ничем помочь не могу. Это не наш корабль, и лекарств тут нет. Но я постараюсь вернуть вас сюда как можно скорее.

Расстроенные Фрэнко и Ди стали бочком пробираться между койками к выходу из отсека.

— И передайте остальным, — добавил Джайлс громким голосом, чтобы его слова услышали все, — пусть никто не сует сюда носа без моего разрешения. Альбенаретцы требуют, чтобы здесь никого не было, и я обещал им это. Это приказ.

— Да, ваша честь, сэр, — хором произнесли Фрэнко и Ди, исчезая за переборкой.

Вслед за ними вошла инопланетянка и остановилась, оглядывая помещение.

— *Здесь ничего не повреждено*, — сказала она Джайлсу по-альбенаретски. — *Отлично. Инженер занят приготовлениями в носовом отсеке. Я займусь*

этим сектором, а вы можете идти. Вернетесь, когда я позову вас.

Джайлс изо всех сил старался сохранить самообладание, но ее манера разговаривать вызвала в нем инстинктивное раздражение.

— *Если вы вызовете меня сюда, мое чувство долга, несомненно, побудит меня прийти,* — ледяным голосом ответил он на безукоризненном альбенаретском.

Чужие, круглые и темные, глаза уставились на него. Невозможно понять их выражение — сердится Капитан, смеется или ей попросту все равно.

— *Я вызову вас лишь в том случае, если в этом будет крайняя необходимость,* — сказала Капитан. — *А теперь идите.*

Джайлс покинул кормовой отсек и вернулся к шлюзовой камере и уже открытому контрольному щиту. Он сунул руки в гнезда, обхватил ручки управления и начал экспериментировать. Поначалу получалось довольно неуклюже. Три пальца альбенаретского вальдо, как и на руке альбенаретца, были расставлены широко, под углом в 120 градусов. При этом они не могли вытягиваться в прямую линию, как большой и указательный пальцы человеческой руки, поэтому схватить ими что-нибудь было довольно трудно.

В конце концов Джайлс решил, что брать предмет можно только всей кистью. Он нажимал всеми пальцами на три контакта под каждой из ручек, и результат приблизился к альбенаретскому.

Он тренировался, вновь и вновь повторяя эти движения, пока не почувствовал, что кто-то стоит рядом с ним. Джайлс обернулся. Около него стояла Бисет, словно ожидая, когда он обратит на нее внимание. Джайлс оторвался от экрана.

— Ты хотела поговорить со мной? — спросил он.

— Прошу вас, ваша честь, сэр, — сказала она, — не отрывайтесь от вашего занятия.

Она запнулась и неожиданно сменила язык.

— *Вы ведь говорите на эсперанто, не правда ли?*

Все внимание Джайлса было приковано к рычагам. Перемена языка отвлекла его, и опять перестал получаться этот захват тремя пальцами, который он вроде бы уже освоил.

— *Си, jes me bonege parloas Esperanto!* — раздраженно ответил он Бисет, машинально перейдя на эспе-

ранто, но тут же, оборвав себя, выпустил ручки управления и повернулся к ней.

— А ты его знаешь? — спросил он на терралингве, понижая голос. — Это ведь древний международный язык. Я сам заинтересовался им всего пять лет назад.

— *Прошу вас, сэр, — ответила Бисет на эсперанто, — пожалуйста, продолжайте ваши занятия. Пусть все думают, что только шум мешает понять наш разговор.*

Он вернулся к упражнениям с вальдо.

— *Я спросил тебя, — произнес он на эсперанто, — где и как ты, арбайт, научилась этому языку. Ведь в наше время ранние языки Земли представляют лишь предмет научных исследований. На эсперанто теперь нигде не говорят.*

— *Мой случай особый, — сказала она.*

Не отрываясь от рычагов, Джайлс повернул голову и взглянул на нее. Ее худое, с печатью осуждения лицо было совсем рядом. В чертах его проглядывала некая аристократическая изысканность. Должно быть, когда-то она была хороша собой.

— *Да, — Бисет словно читала его мысли. — Я не из простых и выросла в хорошей семье. Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз. Сейчас я должна сообщить вам, что среди нас есть член организации «Черный четверг».*

Джайлс похолодел. Руки его по-прежнему держали рычаги управления. Но Бисет прервал альбенаретский голос, зовущий на терралингве:

— *Человек! Идите сюда!*

Все еще глядя на Бисет, Джайлс вытащил руки из гнезд.

— *Оставайся здесь, — сказал он. — Я поговорю с тобой позже.*

Он прошел через две переборки, не обращая внимания на вопросы и испуганные взгляды арбайтов. Войдя в кормовой отсек, он увидел Капитана и Инженера, уже одетого в скафандр, надутый до шейной перемычки. Скафандр был прозрачным. Без шлема голова Инженера торчала из ворота скафандра, напоминая темное семечко, выдавленное из грозди пятнистых виноградин.

— *Командуйте здесь вы, — сказал Джайлс Капитану по-альбенаретски, — ради нас всех я готов на многое смотреть сквозь пальцы. И все же грубость с вашей*

стороны вызовет грубость с моей. В присутствии моих людей вам следует придерживаться человеческих норм вежливости, иначе я просто не стану отвечать. В моем положении я обязан поддерживать свой авторитет. Это понятно?

— Вполне понятно, благородный человек, — ответила инопланетянка. — Отныне я буду называть вас Эдель, особенно говоря с вами на вашем языке. А теперь помогите мне — нам нужно укрепить скафандр, чтобы Инженер смог продолжить работу. Не страшно, если небольшие утечки в скафандре частично разгерметизируют его.

Она протянула Джайлсу короткие куски пластмассового шнура с металлической жилой внутри — что-то среднее между проволокой и веревкой. Каждый шнур с одной стороны оканчивался зажимом странной формы, и длины шнура вполне хватало, чтобы два-три раза обернуть его вокруг руки или ноги скафандра, а потом пропустить свободный конец через зажим и закрепить его в нем. Теоретически обмотка и завязывание шнуров было делом нехитрым, но слабое гравитационное поле на борту сильно усложняло задачу. Делать это удобнее всего, когда Инженер лежит на койке, и все же тело Инженера то подскакивало, то вовсе улетало вверх. Джайлс понял, что будет больше толку, если просто держать облаченное в скафандр тело инопланетянина, а Капитан тем временем управится со шнурами.

Когда Инженер снова оказался на ногах, он напомнил связку толстых сарделек. Шнуры перехватывали скафандр во многих местах, но были натянуты так, чтобы не препятствовать циркуляции воздуха. В случае утечки отсутствие внутреннего давления на зажимы привело бы к сильному сжатию эластичного материала и образованию перемычки.

Но Джайлсу трудно было поверить, что эти веревочные преграды будут достаточно эффективны в открытом космосе. Ему вдруг пришла в голову мысль, что все эти перевязывания — только ритуал. В безнадежной ситуации принятые для защиты Инженера меры были чисто формальными. Может быть, они имели смысл для инопланетян, поклоняющихся смерти.

— Отлично, Эдель, — сказала Капитан. — Теперь идемте с нами. Я выпущу Инженера из шлюзовой каме-

ры и пойду к главному пульту управления. А вы вернетесь к работе с вашим агрегатом.

Вдвоем поддерживая Инженера, они прошли через проходы в переборках.

Капитан нажала на рычаги управления шлюзовой камеры, и внутренняя дверь распахнулась. Все предметы мгновенно покрылись инеем. Капитан обернула свою трехпалую руку пластиком, защищая ее от ледяных металлических поверхностей, и принялась присоединять к скафандру пуповины — гибкие шланги, подававшие воздух, энергию и тепло.

Наконец все было готово. Инопланетянка отступила назад, и внутренняя дверь встала на свое место. Не проронив ни слова, она прошествовала за переборку, отторжествившую отсек управления. Джайлс вернулся к приборному щиту. На экране, едва он дотронулся до рукоятей, появилась секция корабля с открытой внешней дверью шлюза и фигура Инженера. Джайлс видел, как магнитные подошвы скафандра пристали к поверхности корпуса и попеременно заскользили вперед. Инженер направился к корме корабля. Теперь Джайлс видел его с ног до головы, вместе со шлангами жизнеобеспечения, тянувшимися позади. Спустя некоторое время фигура начала расти: это камера Джайлса заскользила вслед за Инженером.

Передвижения по поверхности корпуса, очевидно, регулировались Капитаном. Джайлсу пока делать было нечего, и он просто ждал. Вальдо застыли за спиной Инженера, тот находился у самой кормы и медленно разбирал чехол защиты силовой установки. На всякий случай, для пробы, Джайлс выставил одну из своих металлических рук.

— *Стоп!* — раздался голос Капитана из динамика, вмонтированного в стену перед Джайлсом. — *Не делайте ничего без моих указаний. Вы не знакомы с нашей техникой и скорее навредите, чем поможете. Повторяю: не делайте ничего до моего распоряжения.*

— *Хорошо,* — отозвался Джайлс.

Он отпустил рукояти, продолжая наблюдать за происходящим на экране. Похоже, Инженеру пришлось разбирать один из двигателей, чтобы добраться к нужному месту. Из-за отсутствия гравитации двигался он с большим трудом.

— Сэр, — слышался голос Бисет. Джайлс начисто забыл о недавнем разговоре с Бисет, но теперь, не отнимая рук от рычагов, вспомнил о нем.

— *Да-га*, — произнес он на эсперанто, — *ты собиралась рассказать мне, откуда знаешь этот язык.*

— *Нет, сэр*, — сказала она, — *я только хотела предупредить вас, что здесь, на борту, среди нас...*

— *Все по порядку*, — прервал ее Джайлс негромко, но твердо, пресекая попытки возразить ему. — *Для начала я хочу услышать, где ты выучила язык и, что еще интереснее, как ты догадалась, что и я говорю на эсперанто.*

— *Что касается эсперанто*, — объяснила Бисет, — *я прослушала специальный курс. А о том, что и вы говорите на нем, мне, ваша честь, сэр, сообщили намеренно. Таким образом я могу говорить с вами конфиденциально. Разрешите сказать вам...*

— *Ну да, об этом деле с «Черным четвергом»...* — У него было несколько секунд, чтобы собраться с мыслями; впервые ему пришло в голову, что лучшая защита сейчас — компромисс, может быть, даже большой компромисс. — *Ты сказала, что кто-то из этой группы находится на борту?* — Глаза у нее маленькие и колючие, отметил Джайлс.

— *Так вы слышали о революционерах «Черного четверга»?* — спросила она.

— *Я слышал о них... раньше*, — безразлично ответил он. — *Даже сам был чем-то вроде революционера, в молодости, когда большую часть времени тратил на учебу.*

— *Да*, — сказала она. — *Нам известно, что вы были другом Пола Оки и членом так называемой философской группы. Но вы несколько лет назад вышли из нее, не правда ли?*

Джайлс сурово взглянул на нее.

— *Бисет*, — сказал он, и его голос действительно стал голосом человека из рода Эделей. — *Мне кажется, ты забыла, как надо себя вести.*

Но она не сжалась от страха.

— *Извините меня, ваша честь, сэр*, — сказала она, — *но я никогда не забываю об этом. Я уже говорила вам, что воспитывалась в хорошей семье. При других обстоятельствах я... я могла бы стать членом этой семьи.*

Так, теперь все понятно. Хорошие манеры Мары и ее непохожесть на остальных объяснялись, вероятно, тем же. Джайлс сочувственно взглянул на неулыбчивое лицо Бисет. Жизнь арбайта, воспитанного в эдельской семье и выступавшего в роли любимой собачки, была нелегка. Какой же она была для арбайта-полукровки, зачатой не с той стороны эдельского одеяла! Этим людям не было места среди Эделей, но, по слухам, и обычные арбайты ненавидели и презирали их, тех, в ком текла эдельская кровь.

— Прости меня, Бисет, — произнес Джайлс более мягко, — но твои расспросы становились чересчур личными, понимаешь?

— Я задаю вопросы не от своего имени, — возразила она, и ее серые глаза на мгновение вспыхнули; так, случается, вспыхнет зимний лед под неожиданным лучом солнца. — Я говорю от имени полиции.

Он похолодел, но ничто не отразилось на его бесстрастном лице.

— Понятно, — сказал он тихо. — Это меняет дело. И все же твое сообщение звучит странно. Зачем члену арбайтской революционной организации лететь на Белбен? На Земле он будет полезнее для своей организации.

— Мы пока не нашли этому объяснения, — подтвердила Бисет. — Но факт остается фактом: многие Колонизованные миры с непозволительной небрежностью относятся к своей обязанности докладывать Межгалактической полиции о прибытии преступников с Земли. Например, ваш бывший друг Пол Ока, по всей видимости, покинул Землю и находится где-то в Колониях.

Вот так, подумал Джайлс, значит, Межгалактическая полиция пришла к тому же заключению, что и Окафронт. Это означало, что он должен найти Пола раньше, чем на него выйдет полиция. Полиция подчинялась закону, предписывавшему перевоспитание преступника. Его личность не может подвергнуться принуждению. Однако методы перевоспитания, убеждения неплохо срабатывали лишь на малообразованных арбайтах. Подавить волю и развитый интеллект такого Эделя, как Пол, невозможно; даже взятый под стражу, он останется символом для арбайтов-революционеров, и

они продолжают вербовать людей в свою организацию от его имени.

— *Неужели?* — спросил Джайлс после паузы. — *Интересно, как Полу удалось добраться туда?*

— *Ему помог, как мы думаем, кто-то из «Черного четверга»,* — ответила Бисет. — *Человек, находящийся на борту, может оказаться посланным к нему курьером.*

— *Вот как?* — проговорил Джайлс.

Если эта женщина права и ему удастся раньше ее узнать, кто курьер «Черного четверга»... Может быть, этот курьер выведет Джайлса прямо на Пола. Разумеется, ему придется прикрывать члена «Черного четверга» до тех пор, пока тот не установит контакт с Полом. В свою очередь, это может повлечь за собой необходимость ликвидации Бисет. Все его жизненные принципы восстали против этой мысли. Убийство представителя его класса, во всем равного ему, вроде Пола, и то достаточно скверное дело. А уж убивать беззащитного арбайта...

Он заставил себя не думать об этом. Если понадобится, он сделает все, что нужно. От необходимости никуда не уйдешь. Если, чтобы убить Пола, придется убить арбайта, значит, он убьет арбайта... вот и все.

— *Ваша честь, сэр,* — задребезжал голос Бисет у самого его уха, — *вы слушаете меня?*

— *Что? Ох, извини,* — сказал Джайлс. — *Я ведь одновременно должен следить за экраном.* — Он кивнул на экран; Инженер все еще копался в двигателях.

— *Да, конечно. Это вы простите меня, сэр,* — сказала она. — *Но я должна сообщить вам очень важную вещь. У меня нет никаких доказательств, но я абсолютно уверена, что знаю, кто является членом «Черного четверга». Я убеждена, что это Мара.*

— *Мара!* — имя сорвалось у него с губ несколько громче, чем ему бы хотелось.

— *Да, сэр,* — продолжала Бисет, — *но мне требуется или неопровержимое доказательство ее причастности или ее признание в этом третьему лицу. Когда мы достигнем Белбена, это станет основанием для допроса, а потом и ее ареста. Вы удивитесь, но самые стойкие арбайты-революционеры научились отрицать все, избегая любых признаний.*

— Разумеется, — пробормотал Джайлс, потрясенный ее сообщением, — я помогу, чем смогу.

— Человеку из рода Эделей необязательно чрезмерно вовлекаться в эти дела... — говорила Бисет, но Джайлс почти не слышал ее. К его собственному удивлению, какая-то часть его сознания решительно противилась мысли о том, что Мара может быть связана с «Черным четвергом». Название организации родилось в день, когда группа наивных и неопытных арбайтов приняла отчаянную попытку ворваться на заседание Совета рода Эделей — главного правящего органа всей Земли. Арбайты несли флаги и плакаты, призывающие Совет сократить срок пожизненных трудовых контрактов, обязательных для низших классов, желающих получить образование.

Разумеется, они были безоружны... Все, кроме одного. У юноши, работавшего по контракту кладовщиком, был при себе краденый полицейский пистолет. Молодой человек был настолько безрассуден, что открыто демонстрировал его, хотя, скорее всего, даже не представлял себе, как им пользоваться. Естественно, охрана Совета тут же открыла огонь, и демонстранты были расстреляны на месте.

Произошло это в четверг, и новая организация арбайтов решила назвать себя «Черный четверг». Ее члены резко отличались от тех простаков-неврастеников с плакатами. По слухам, у каждого из них есть оружие, а те немногие, кого удалось задержать полиции, якобы имели при себе капсулу с ядом, они должны были проглотить ее при аресте, до начала допроса.

Оголтелый фанатизм, думал Джайлс. Человек, пусть даже арбайт, предпочитает смерть возможности отказаться от навязчивой идеи и вернуться к полезной и разумной жизни! Он никак не мог поверить, что Мара может оказаться столь же безрассудной. Он вспомнил ее улыбку и ее замечание о том, что сбор плодов *иб* не самая завидная работа на свете. Человек из «Черного четверга», прячущий на себе капсулу с ядом, не может так шутить и так улыбаться. Нет, этого просто не может быть...

А Бисет все говорила, говорила...

— Извини, — сказал он. — Я засмотрелся на Инженера. Ты не могла бы повторить?

— Я говорила, ваша честь, сэр, — ответила Бисет, — что вам не нужно брать на себя лишние хлопоты, неподобающие вашему происхождению. Девушка молода, а вы, в конце концов, принадлежите к противоположному полу. Бывает, что человек из Эгелей, мужчина... — Голос ее на секунду дрогнул, что было для нее совсем не характерно, но она быстро овладела собой и продолжала: — Бывает, что человек из рода Эгелей может ненадолго, конечно, увлечься какой-нибудь арбайткой. А людям из «Черного четверга» свойственно думать, что они не хуже любого рожденного Эгелем. Я совершенно уверена, что, если вы, ваша честь, не станете отталкивать ее, она разговорится. Кокетничая с вами, она выдаст себя. Об остальном я позабочусь сама.

— А ты уверена, — спросил Джайлс, — что она непременно станет, как ты выразилась, кокетничать со мной?

— Абсолютно уверена, — решительно заявила Бисет. — Мужчина... простите, сэр, человек из рода Эгелей не знает этих арбайтов, а я-то знаю. Они гушу продадут, только бы принадлежать к аристократии.

Джайлс взглянул на ее плотно сжатые губы. Вероятно, она права, сказал он себе мрачно, но было что-то отвратительное в том, как она это сказала.

Однако дело есть дело, и в данном случае в интересах полиции, как и Ока-фронта, арестовать арбайтов «Черного четверга» или просто вывести их из игры. Но кто бы мог подумать, что эта красивая, умненькая Мара...

Вдруг новая мысль возникла в его мозгу. Он сурово взглянул на Бисет.

— Одну секунду, — сказал он. — Мы кое о чем забыли. Ты из полиции, но мне об этом известно только с твоих слов. Может оказаться, что это ты член «Черного четверга», а Мара — из полиции.

— Да, конечно, сэр. Вы совершенно правы, — ответила она.

Ее пальцы потянулись к замку молнии на комбинезоне, помедлили несколько секунд, потом потянули замок на несколько дюймов вниз. Воротник расстегнулся, открывая тонкую шею, обвязанную шнурком. В темной впадинке на шее светился пятнышком зеленого живого огня крошечный предмет.

Джайлс откровенно разглядывал его. Он слышал про особые полицейские иденти-споры, удостоверяющие личность, но ни разу в жизни не видел их. То, что открылось его взгляду, представляло собой прозрачный кристаллический пузырек, внутрь которого была введена живая спора; культивация таких спор составляла один из наиболее тщательно охраняемых секретов полиции и Совета. Пузырек был прикреплен к шее Бисет специальным физиологическим клеем и соединялся с ближайшим кровеносным сосудом почти невидимой трубкой тоньше волоса. По этой трубочке, как по капилляру, поступала кровь Бисет, питавшая спору, отчего спора светилась своим собственным, неповторимым светом.

Отделенная от кровеносной системы Бисет, она бы погибла, даже если бы ее без промедления связали с кровеносной системой другого человека. Любое другое тело было для нее ядом.

— *Моя идентификационная карточка, — сказала Бисет.*

Она держала в руке белую карточку, тоже окаймленную несколькими миллиметрами прозрачного кристаллического вещества — материала, подделать который практически невозможно. Обычное удостоверение личности арбайта, но один из уголков карточки был ярко-зеленым. Джайлс взял карточку, приложил окрашенный уголок к крошечной живой драгоценности на шее. Цвета совпали.

— *Да, — проговорил он. — Спасибо. Теперь я тебе верю.*

Он протянул ей карточку. Бисет застегнула ворот на комбинезоне.

— *Значит, я могу рассчитывать на вашу помощь, ваша честь, сэр?*

— *Да, — натянуто произнес он. — Ты можешь на меня рассчитывать. Хотя подожди...*

Неожиданные резкие ноты в голосе Джайлса заставили ее остановиться.

— *Полиция служит Совету, а Совет представляет род Эделей. Я здесь единственный из этого рода. Ты будешь следовать моим указаниям. Я приказываю тебе никого не арестовывать и не допрашивать без моего разрешения. Это понятно?*

Лицо ее оставалось непроницаемым, но на какое-то мгновение она заколебалась, и тут из динамика прозвучал голос Капитана.

— *Время,* — прогремело над ухом.

Джайлс переключился мгновенно, Но сосредоточиться на действиях Инженера, цель которых была ему мало понятна, оказалось непросто. Одетая в скафандр фигура Инженера толкалась в обшивку двигателя неуклюжими движениями пьяного, не совершая мало-мальски осмысленных действий.

— *Эдель,* — раздался голос Капитана, — *вы слышите меня? Начинайте! Постарайтесь быстрее добраться до Инженера. Осторожно... охватите тело... осторожно...*

Джайлс с трудом маневрировал рукоятками и кнопками для пальцев. Непривычные механические вальдо были похожи на руки человека, но значительно мощнее. Джайлс сосредоточился на том, чтобы как можно бережнее обхватить Инженера вокруг места, которое на человеческом языке называлось талией.

Но он переосторожничал. Он держал Инженера всеми шестью пальцами и тут же выпустил. Тело в скафандре подскочило вверх и поплыло над корпусом, связанное с кораблем только шлангами жизнеобеспечения. Джайлс попытался поймать его, но инстинктивно, на человеческий манер, воспользовался двумя пальцами вместо альбенаретских трех, и Инженер опять выскользнул из захвата.

Джайлс не слышал голоса Капитана в динамике. Он сделал еще одну попытку, используя все три пальца на каждой механической руке, и на этот раз надежно схватил Инженера.

Сквозь оболочку спасательного корабля донесся резкий звук. Капитан включила транспортное устройство и передвигала к шлюзовой камере агрегат с вальдо, обхватившими Инженера.

— *Приготовьтесь, Эдель,* — прозвучал голос Капитана из динамика. — *Сейчас будет трудный момент. Вам нужно втащить Инженера через край шлюза в камеру и поместить так, чтобы его не унесло, когда я буду закрывать наружную дверь шлюза.*

Джайлс что-то пробурчал. Маневр для любого обученного альбенаретца проще простого, но для нетренированного человека это все равно что балансировать

тарелкой на острие ножа, а потом, на секунду оставив ее в воздухе, дотянуться до другой и положить ее поверх первой. Ему придется ослабить захват обоих вальдо в надежде, что инопланетянин останется лежать на краю шлюза, пока Джайлс не схватит его под другим углом. Если он допустит малейшую ошибку, Инженера отнесет в сторону и все придется начинать сначала. И с каждой минутой Инженер все ближе к смерти, если еще не умер.

Где-то, на задворках сознания, Джайлс смеялся над самим собой. Чем он занят? Тем, что изо всех сил пытается спасти жизнь существу, для которого смерть — лучшая и высшая из наград. Но как ни странно, в этот момент точка зрения альбенаретца ничего не значила для Джайлса. Он не принадлежит к альбенаретской цивилизации, он человек. А люди всегда борются со своей смертью и смертью тех, кого любят или за кого они чувствуют ответственность, борются, пока не исчерпают последней надежды.

Джайлс осторожно высвободил фигуру, одетую в скафандр, из шестипалой металлической хватки. Он быстро вывернул обе рукоятки, изменяя угол наклона к телу. Затем снова двинул ими, чтобы ухватить Инженера.

Тот уже начал отплывать от спасательного корабля, но Джайлс под действием адреналина в крови творил чудеса. Он довольно удачно зацепил Инженера всеми шестью пальцами, помедлил секунду, пережидая, пока схлынет чувство облегчения, и стал медленно поворачивать Инженера вниз, в сторону шлюзовой камеры.

Продвижение внутрь прошло гладко, но узел шлангов все выскакивал через наружную дверь. Если не внести шланги в камеру, они не дадут надежно закрыть дверь.

Джайлс действовал довольно рискованно, хотя до сих пор не решался одновременно использовать две руки вальдо. Теперь, когда Инженер в шлюзе, нельзя позволить ему опять вылететь наружу. Поэтому Джайлс одной рукой придерживал Инженера на полу камеры, а другой потянулся к шлангам.

На долю секунды он почувствовал, что внимание его раздваивается. Так чувствует себя человек, впервые попробовавший старый трюк, — попытаться одной рукой почесать голову, а другой круговыми движениями гладить себя по животу. Но вскоре механические паль-

цы нащупали и зацепили плавающие шланги и втянули их обратно в шлюз.

Едва шланги оказались в камере, наружная дверь стала закрываться. Капитан не промедлила ни секунды. Джайлс выпустил рукоятки из ноющих рук и, задыхаясь, привалился к стене корабля. Его одежда намочка от пота.

Инопланетянка была права. То, что совершил Джайлс, было бы не под силу арбайту. Эта работа требовала не только здорового тела и крепких нервов, но и уверенности в себе; требовала подобно игроку не бояться риска... Тут Джайлс обнаружил зрителей. Все арбайты корабля, с Марой и Бисет в первом ряду, столпились у прохода в соседнем отсеке и молча смотрели на него.

Он открыл рот, чтобы отослать всех назад, но голос Капитана, с шипением произносящий непривычные слова человеческой речи, опередил его.

— Назад! Вон! Эдель, прикажите вашим людям убраться и помогите мне, когда я открою шлюз.

— Вы слышали? — выпалил Джайлс. — Возвращайтесь на свои койки и держитесь подальше. Через минуту мы понесем Инженера. Путь должен быть свободен!

Они моментально исчезли. Джайлс повернулся, чтобы присоединиться к Капитану, но та жестом приказала ему остановиться.

— *Стоп*, — сказала инопланетянка на языке альбенаретцев, — *если вы дотронетесь до него, вы навредите себе.*

Капитан была права. Внутренняя дверь шлюза отворилась, и они увидели Инженера. Его скафандр был покрыт инеем, как и внутреннее помещение шлюзовой камеры. Капитан вошла в шлюз, предварительно обернув руки пластиком. Неловкими, но быстрыми движениями она отсоединила шланги и внесла неподвижное тело Инженера в помещение корабля.

— *Идите впереди меня*, — сказала она Джайлсу. — *Удостоверьтесь, что путь к хвостовому отсеку свободен. Когда мы дойдем туда, скафандр достаточно согреется, и вы тоже сможете прикасаться к нему.*

— Я понял, — сказал Джайлс.

Он поспешно направился к кормовому отсеку. Капитан, следуя за ним, донесла Инженера до койки. Ди и уложила его, пристегнув закрепленные на поясе скафандра ремешки для инструментов к раме постели.

— *Приступаю*, — сказала она.

Смотав пластик со своих рук и осторожно поставив мощные пальцы по линии изгиба шлема, она стала осторожно поворачивать его. Послышался тихий звук засасываемого воздуха, и все еще покрытый инеем шлем оказался в ее руках. Они наконец увидели лицо Инженера.

Глаза Инженера были закрыты, а темная кожа приобрела пепельный оттенок, будто ее посыпали серым порошком. Дышит он или нет, понять невозможно.

— *Как он?* — спросил Джайлс.

— *Хорошо. Жизнь еще теплится*, — коротко ответила Капитан. Ее руки металась по скафандру, расстегивая пряжки и разнимая швы. — *Эдель, позади вас на койке лежат инструменты, найдите ножницы. Срежьте ими шнуры с его ног. Не пытайтесь разжать зажимы. Режьте. Это понятно?*

— *Понятно*, — ответил Джайлс.

Он нашел ножницы.

Разрезая шнуры, он воочию убедился, насколько ненадежен ветхий скафандр. На центральной его части повреждений, похоже, не было. Но на каждой руке и ноге, перевязанных шнурами, в нескольких местах скафандр разгерметизировался. Шнуры ограничили область утечки воздуха; в секциях, где воздушное давление отсутствовало, ноги Инженера безобразно раздуло. Джайлс случайно дотронулся до такого места, и отек под его пальцами раздулся рядом, как старый шланг, готовый прорваться под напором жидкости.

Джайлс разрезал последние шнуры на лодыжках, Капитан освободила Инженера от скафандра до пояса. Еще минута — и Инженер остался в космическом костюме инопланетянина.

Глаза Инженера еще были закрыты. Понимал ли он, что его принесли на корабль и пытаются привести в чувство? Он не двигался, но пару раз слабый свистящий звук вырвался из его горла.

— *Как он? Он умрет?* — спросил Джайлс.

— *Он умирает*, — сказала Капитан. Она обернулась к Джайлсу. — Теперь уйдите отсюда. И держите своих людей подальше от кормового отсека. Я хочу, чтобы здесь никого не было. И чтобы они не смотрели сюда. Ясно? Последние часы альбенаретца — это не спектакль для гуманоидов.

— Разумеется, я уйду и не пущу сюда никого, — сказал Джайлс. Он повернулся и прошел через ближайшую переборку в отсек, где ждали арбайты. Внезапно позади раздался резкий скрежет металла. Обернувшись, он увидел, что койка Фрэнко буквально выдрана из пазов и поставлена в отверстие переборки, образуя барьер.

Хотя койка не закрывала отверстия целиком. Со стороны стены оставалась щель, сквозь которую вполне мог бы пролезть человек. Но с середины корабля инопланетяне были не видны, чего и требовала Капитан.

— Я думаю, вы поняли, что это означает, — обратился Джайлс к арбайтам. От крайней усталости его голос был хриплым. Джайлс показал на койку, блокирующую вход в кормовую секцию. — Капитан сказала, что никто из нас не должен входить или заглядывать туда. От своего имени я тоже запрещаю подходить к переборке...

Он внезапно умолк. Впервые с тех пор как они попали на борт корабля, бело-голубые лампы на стене, питающие светом лозу *иб*, вдруг потускнели.

— Повторяю, — прохрипел Джайлс, — держитесь подальше от кормового отсека. Там нет ничего, что вам может понадобиться. — Он многозначительно кивнул на примитивный санузел, отгороженный переборками центрального отсека. — Оставайтесь здесь и не шумите. Если вы нарушите мои приказания, вы будете иметь дело не только со мной. Капитан, вероятно, тоже примет свои меры, и в этом случае я не могу обещать вам защиту.

Он на ощупь пробрался через проход в переборке и вслепую отыскал свою койку. Сон мгновенно настиг его...

Джайлс, еще не проснувшись окончательно, уже бежал бегом. Воздух сотрясаясь от криков. Лампы на потолке опять сияли бело-голубым светом. Он бежал на звук сквозь толпу арбайтов, которые собирались к бреши в заблокированной задней переборке. Джайлс сдвинул койку, загораживавшую дорогу, и ворвался в кормовой отсек. Крики прекратились так внезапно, будто кто-то зажал рот кричавшему.

Джайлс оказался лицом к лицу с Капитаном. В длинных темных руках Капитан держала, словно сломанную куклу, Ди. Глаза девушки были закрыты. Инженера не

было видно, но одежду Капитана, пол и койку покрывали пятна темной крови инопланетянина.

— *Возьмите ее,* — Капитан сделала шаг вперед, протягивая Джайлсу не пришедшую в сознание Ди. — *Несмотря на запрет, она явилась сюда. Но ей не причинили вреда.*

Джайлс принял бесчувственное тело Ди.

— *Где Инженер?* — почти заикаясь, спросил он по-альбенаретски.

— *Он с честью прошел следующие Врата Пути,* — ответила Капитан и неожиданно перешла на терралингву: — То есть прошла та его часть, которая и есть его «я». А оболочка, — Капитан обернулась и кивнула на конвертер, — оболочка может быть пущена в дело.

В толпе арбайтов, стоявших в проходе, раздался стон. Джайлс взглянул на конвертер. Главная дверь в его верхней части была приоткрыта. Щель достаточно широкая, чтобы просунуть в нее тело Инженера, и расчленять труп не было никакой необходимости. Джайлс бросил взгляд на груду инструментов. Ни на одном из них он не увидел темной крови.

— *Чья это кровь?* — спросил он по-альбенаретски.

— *Человек,* — ответила Капитан тоже по-альбенаретски. — *Мне надоели ваши вопросы и ваши люди.*

Она прошла мимо Джайлса, чуть не сбив его с ног. Арбайты рассыпались в стороны, затем опять стали стекаться в кормовой отсек, чтобы поглазеть на пятна крови, конвертер и на Ди.

Джайлс тоже посмотрел на Ди. На ее шее проступали темные пятна от кровоподтеков: два с одной стороны и один с другой — след мощной трехпалой руки.

— *Что случилось?* — Перед ним стояла Мара. Она нагнулась, чтобы приподнять голову девушки, лежащей без чувств. — Фрэнко говорил, что у нее бывают кошмары. Может быть, после очередного страшного сна она, забыв обо всем, пошла к своей койке. Но почему она кричала? Что она увидела?

— Бог знает, — мрачно произнес Джайлс. Он взглянул на закрытые глаза девушки. — И вряд ли она захочет вспоминать, что же произошло, когда придет в себя.

Глава 6

Второй день. 16 часов 15 минут

Дилетантские прогнозы Джайлса оправдались. Когда Ди очнулась на койке в центральном отсеке, она ничего не помнила. Казалось, она чувствует растерянность и стыд, как после наркотического сна. Она рыдала и льнула к Маре и Бисет. Любой мужчина, включая Фрэнко, которого, похоже, она не узнавала, приводил ее в истерическое состояние.

Мара и Бисет решили по очереди дежурить подле нее, и Ди на короткое время забылась беспокойным сном. Время от времени она с криком просыпалась, но мучившие ее кошмары, по-видимому, стали отступать. Она не помнила ничего из того, что увидела в кормовом отсеке. Последнее, что удержала ее память, — момент, когда Инженера несли из шлюза.

Фрэнко за какие-то сутки превратился из круглолицего юнца в бледного, измученного мужчину. Он был на грани срыва и не мог поверить, что Ди не хочет его видеть. Джайлсу даже пришлось поставить Хэма охранять девушку.

А тем временем арбайты явно выходили из повиновения. За исключением Хэма, которому, по всей видимости, было безразлично, что произошло с телом Инженера, и Джайлса, насильно заставлявшего себя есть, никто не притрагивался к плодам *иб*. Сначала все отка-

зывались и от сока, но жажда взяла свое. В конце концов Джайлс собрал их всех в центральном отсеке.

— Послушайте меня, — начал он. — Попробуйте понять. Мы сейчас одни в космосе, окруженные пустотой на много световых лет. Этот спасательный корабль — единственное, что дает нам шанс выжить. Если мы останемся живы, то только благодаря кораблю, Капитану и, разумеется, Инженеру. Не отводите глаз, когда я говорю с вами. Попробуйте взглянуть со стороны на все, с чем вы росли, чему учились, что считали самым собой разумеющимся. Этот замкнутый цикл с конвертером совершенно такой же, как и у нас на Земле, только упрощенный... Смотрите на меня, я к вам обращаюсь!

Бледные лица повернулись к нему. Спасибо и на том, что они подчинялись простым командам. Но приучить их мыслить в категориях этой чужой непривычной обстановки... И все же надо пытаться.

— Я хочу, чтобы вы беспристрастно разобрались во всем, — продолжал Джайлс. — Двигатели нуждались в ремонте. Это факт. Инженер должен был выйти наружу, произвести ремонт даже ценой своей жизни, и он был готов к этому. Это тоже факт. Выход в космос, действительно, стоил ему жизни, а Капитан не может пренебречь питательными веществами, которые могут поддержать жизнь в нас — повторяю, именно в нас, людях, а не в альбенаретцах. Капитан помещает тело Инженера в резервуар с замкнутым циклом, питающий лозу *иб*. Вот они, факты. Не чье-либо мнение, с которым можно соглашаться или не соглашаться, а факты. И последний факт: если вы не будете есть, вы умрете.

— И в себе тоже поддерживать жизнь, — невнятно пробормотал мужской голос.

— Кто это сказал? Эстивен? — Джайлс бросил взгляд на арбайта. В отличие от прочих, Эстивен покраснелся, и в глазах его читался вызов. — Что ты имеешь в виду — в ком это в себе?

— Я имел в виду его — Капитана! — произнес Эстивен уже громко. — Он тоже живет за счет плодов *иб* и за счет Инженера. Я сказал, что он положил туда Инженера для поддержания своей жизни... ваша честь, сэр!

Последние три слова прозвучали почти дерзко, но Джайлс предпочел не обращать на них внимания. Он

совсем забыл, что арбайты считали альбенаретского Капитана мужчиной. Мгновение он раздумывал, не сказать ли им правду, но решил, что чем меньше сюрпризов на борту, тем лучше.

— У альбенаретцев не принято, как у нас, сопротивляться перспективе смерти, — спокойно проговорил Джайлс. — И тебе это известно. Капитаном движет чувство долга, а не забота о себе.

— Извините меня, ваша честь, сэр, — сказал Эстивен. Обычно тихий, замкнутый, сейчас он был почти агрессивен. — А вы уверены в этом?

Надо его осадить, подумал Джайлс.

— Эстивен, — сурово проговорил он, как бы ставя точку, — можешь не сомневаться, что я всегда уверен в своих словах. Иначе я не стал бы говорить. А теперь, если ты не хочешь сообщить нам что-нибудь более ценное, сядь и помолчи. Ты понял?

— Да, ваша честь, сэр... — Вся воинственность с него слетела.

— Хорошо, — сказал Джайлс, обращаясь к остальным. — Я не собираюсь приказывать вам есть. Я просто прошу вас приходить сюда два раза в корабельные сутки и смотреть, как мы с Хэмом едим. Хэм?..

Огромный арбайт поднялся с места, прошел в кормовой отсек и вернулся с двумя мисками с мякотью плодов. Одну из них он протянул Джайлсу. Джайлс старался есть со всей возможной флегматичностью. Маске безразличия он научился в школе-интернате в первый же год. А Хэму и впрямь было все равно. Наблюдавшие за ними арбайты поначалу сидели молча, но, когда Хэм стал безмятежно слизывать налипшие на пальцах остатки мякоти, Ди, а за ней Гросу и Фрэнко стало плохо. Они поспешили к санузу.

Почти то же повторилось спустя шесть часов, а потом еще трижды, пока наконец Бисет и Мара не уселись с мисками, в которые положили с чайную ложку мякоти и с трудом проглотили ее. Еще две попытки, и ели уже все, включая Ди.

Тем временем Ди и Фрэнко вернулись в кормовой отсек, на прежнее место, предоставляющее хотя бы иллюзию уединения. Остальные спали в центральном отсеке, за исключением Хэма, который переместился на койку наверху в носовом отсеке, туда, где раньше Джайлс спал один.

Для арбайта низшей касты такая инициатива была просто поразительной, но Джайлс счел, что лучше не задавать никаких вопросов. Арбайты вроде Хэма в таких случаях чрезвычайно смущались и теряли дар речи, боясь дать неправильный ответ. Между тем теперь, когда люди наконец приспособились к обстановке и вновь стали есть, Джайлс обдумал нынешнее положение вещей. В нормальной ситуации он как-нибудь вознаграждал бы арбайтов, чтобы поощрить их и дальше вести себя хорошо. Но здесь, на спасательном корабле, с наградами было не так просто.

В конце концов он остановился на несколько необычной возможности. Ему необходимо поговорить с Капитаном, и, может быть, предоставится шанс поговорить об особом одолжении.

После смерти Инженера Джайлс выждал несколько корабельных суток. Выбрав момент, когда все арбайты находились в центральном или кормовом отсеке, он подошел к переборке, за которой Капитан проводила время в полной изоляции от всех. Джайлс обратился к ней по-альбенаретски:

— *Капитан, я хотел бы поговорить с вами.*

После небольшой паузы раздался голос инопланетянки:

— *Входите.*

Джайлс вошел в отсек и увидел Капитана. Она сидела перед одной из контрольных панелей управления. Не вставая с места, она развернула свое кресло, чтобы быть к нему лицом.

— *Капитан, —* сказал Джайлс, *— не сообщите ли вы мне, сколько времени еще пройдет до посадки на планете?*

— *До Белбена мы доберемся за сто восемь корабельных дней или чуть меньше того.*

— *Ясно, —* сказал Джайлс. *— Это довольно долго.*

— *Столько на это нужно времени, —* произнесла Капитан. Человеческое ухо не способно различать альбенаретские интонации. Но все же на этот раз Джайлс почувствовал некую отчужденность, словно Капитан увеличила дистанцию между нею и всеми, кто находился на борту.

— *Насколько я понимаю, более подходящего места назначения нет?* — спросил Джайлс.

— *Нет никакого другого.*

— Прошу вас выслушать меня, — сказал Джайлс. У него было чувство, будто он идет по полю, начиненному капканами и минами, причем он не может их не только обнаружить, но даже вообразить. То, что он намеревался сказать, было вторжением в опасную зону чужих чувств, чужой совести. — В мире под названием 20 В-40 есть шахтерская колония людей и там же, если судить по нашим лоциям, альбенаретская космическая станция. Я, разумеется, ничего не понимаю в навигации, мне доводилось управлять только своим маленьким космокатером в пределах Солнечной системы; и все же, если не ошибаюсь, в настоящее время расстояние от нас до 20 В-40 вдвое короче, чем до Белбена.

— Возможно, — сказала Капитан. — Тем не менее место назначения — Белбен.

— Но почему, если 20 В-40 ближе?

— Белбен с самого начала был местом нашего назначения. Мой корабль гибнет, но доставить пассажиров для меня дело чести.

— Сто восемь дней — это очень долго, и мои люди не выживут в этих условиях.

— Выжить? — произнесла Капитан. — Ах да, я и забыла, что вы, люди, не имеющие понятия о Пути и Вратах, дрожите и спасаетесь бегством при одной мысли о Переходе. Но это касается только вас самих. Мой долг — доставить вас, а живыми или мертвыми — мне безразлично.

— А мне нет, — сказал Джайлс. — Я несу ответственность за жизни моих соплеменников. И я прошу доставить нас на 20 В-40.

— Нет, — объявила она. И закрыла глаза, словно очень устала. — Я не могу больше позволить никаких отклонений от Пути.

— Капитан, — медленно проговорил Джайлс. — Я принадлежу к роду Стилов, а Стили очень богаты, причем частью этого богатства я могу распоряжаться по своему усмотрению. Если вы повернете корабль в сторону 20 В-40, я обещаю — а обещание человека, рожденного в семье Эделей, равносильно подписанному контракту, — что заплачу вам столько, сколько необходимо, чтобы построить для вас другой корабль, точно такой же, как тот, что вы потеряли. Или же заплачу сначала вашим соплеменникам, чтобы они по-

строили такой корабль, а затем подарю его вам. Таким образом, вы ничего не потеряете.

Капитан открыла глаза и мгновение разглядывала его.

— Но я все равно потеряю, — сказала она. — Вы принадлежите к иной цивилизации и не поймете. Вся команда, а теперь, когда скончался Инженер, и все офицеры были награждены смертью при гибели моего корабля. Новый корабль сам по себе для меня ничего не значит. Он лишь развлечет меня. Но если я приму его, это будет оскорблением чести моей команды и офицеров, ныне прошедших через следующие Врата, — ведь они не могут принять его вместе со мной.

Она замолчала. Джайлс молча стоял перед ней, ощущая, как уходит последняя надежда. Он предлагал целое состояние и никак не ожидал, что оно может быть отвергнуто.

— Вы правы, Капитан, — сказал он медленно. — Я не понимаю. Но я хотел бы понять. Может, если я пойму, мы найдем и другие возможности для взаимопонимания.

— Нет, — ответила Капитан. — Я ничего не объясана вам объяснять, а вы — понимать.

— Не могу с вами согласиться, — сказал Джайлс. — Я всегда считал, что альбенаретцев и людей связывает не только торговля и космонавтика. Понимать друг друга — не только наш долг, но и необходимость и как отдельных личностей, и как представителей разных цивилизаций.

— Ваша точка зрения лишена смысла, — сказала Капитан. — То, о чем вы говорите, попросту невозможно. Вы не с Альбенарета, то есть не принадлежите к народу. Значит, вам не дано понять образ мыслей народа, какие бы усилия я или кто-либо другой для этого ни прикладывал.

— Полагаю, — возразил Джайлс, — что ваши слова не вполне справедливы. Мне кажется, это ваше личное мнение, и только, и ошибаетесь вы, а не я. Я же прошу вас лишь сделать попытку.

— Нет, — ответила Капитан. — Для этой попытки требуются силы. Мои же силы сейчас ограничены. Я не стану тратить их впустую.

— Но это же не впустую, — настаивал Джайлс. — Это крайне важно для вас и для вашей чести. И для

меня и моей чести. Важно с точки зрения жизни моих арбайтов. И для ваших соплеменников, и для моих, ведь обе цивилизации могут захиреть, если не будет найден новый способ взаимопонимания.

Капитан опять закрыла глаза.

— Не стоит больше обсуждать это, — сказала она. — О чем еще вы хотели поговорить со мной?

— На борту сейчас больше побегов иб и плодов, чем нужно для такой немногочисленной группы, — заговорил он. — Во время ухода Инженера свет горел не так ярко, как раньше. Моим людям было бы легче выносить это путешествие, если бы свет регулярно и на короткие периоды приглушался. Ведь лоза иб и при сниженном освещении сможет снабжать нас достаточным количеством еды.

— Свет должен остаться, — ответила Капитан, не открывая глаз. — Все должно остаться в неизменном виде, пока мы не доберемся до места назначения. А теперь, человек из рода Эделей, я устала от разговоров и хочу остаться одна.

— Очень хорошо, — сказал Джайлс. — Я больше не буду говорить с вами — сейчас.

Он вернулся к своей койке. Сел, мысли его путались. Ведь существует же какой-то способ убедить Капитана изменить направление, чтобы приземлиться в ближайшем мире. Вдруг он заметил, что на его койке сидит Хэм и молча наблюдает за ним.

— Что ты тут сидишь! — воскликнул Джайлс, раздраженный молчанием и пристальным взглядом великана. — Займись чем-нибудь! Иди поговори с другими! Если ты будешь торчать тут в одиночестве, они не примут тебя к себе!

Не произнеся ни слова, Хэм встал и побрел через проход в переборке в среднюю секцию корабля, к арбайтам.

— И вы, все прочие, тоже отправляйтесь туда! — прибавил Джайлс, повышая голос. — Хэм один из вас, и я хочу, чтобы вы относились к нему так же, как к остальным. Запомните это!

Он почувствовал слабый, но болезненный укол в душе, — он сознавал, что переносит на арбайтов свое раздражение, но заставил себя отбросить эту мысль. Вытянувшись на койке, он прикрыл глаза рукой, чтобы защитить их от непрерывных потоков света, льющихся

с потолка. Может быть, если он поспит, он придумает, как переубедить Капитана.

Когда он проснулся, арбайтов за переборкой не было слышно, и все же ему показалось, что его разбудил какой-то шум. Он прислушался. За переборкой словно кто-то пытался вздохнуть и не мог.

Он молча сел, подобрав ноги. Отсюда ему были видны койки в среднем отсеке корабля, но звук шел не оттуда и не из-за дальней переборки, где спали Фрэнко и Ди.

Не понимая, в чем дело, Джайлс продолжал прислушиваться. Звук доносился с койки, которая, как и его собственная, была разложена в носовой части корабля.

На ней лежал Хэм, прижав к лицу кулаки; его большое тело скрючилось на длинной, узковатой для него постели. Джайлс молча встал и подошел к изголовью.

Большой арбайт рыдал. Лицо он прикрыл громадными ручищами, а часть покрывала, застилавшего койку, засунул в рот, чтобы заглушить плач. Из его сомкнутых глаз струились слезы.

Джайлс нахмурился.

— Хэм, — сказал он тихо.

Великан не отвечал.

— Хэм! — повторил Джайлс так же тихо, но настойчиво.

Глаза Хэма открылись и уставились на Джайлса не то с удивлением, не то с испугом.

— В чем дело, Хэм? — спросил Джайлс.

Хэм мотнул головой, по щекам его катились слезы.

Какое-то время Джайлс смотрел на него в полном замешательстве. Потом сел на пол рядом с его койкой, чтобы приблизить губы к уху арбайта и говорить совсем тихо.

— Ну вот, Хэм, — сказал он мягко. — Теперь можешь рассказать мне, в чем дело.

Хэм снова замотал головой.

— Нет, можешь, — проговорил Джайлс, и в его ласковом голосе послышалось напряжение. — Что-то тревожит тебя. Что именно?

Хэм постарался подавить рыдания и наконец, вытаскивая изо рта тряпку, пробормотал одно едва слышное слово.

— Ничего...

— Не может быть, — сказал ему Джайлс. — Взгляни на себя. Ну-ка, говори, что тебя тревожит? Или кто? Отвечай.

— Я болен, — шепнул Хэм.

— Болен? Чем? Какая у тебя болезнь?

Но Хэм снова засунул в рот тряпку и молчал.

— Хэм, — все еще мягко сказал Джайлс, — когда я задаю тебе вопрос, я хочу, чтобы ты мне ответил. Что у тебя болит — живот?

Хэм отрицательно покачал головой.

— Тогда что же? Рука? Нога? Голова?

На все предположения Хэм отвечал тем же покачиванием головы.

— Что это за болезнь? — требовательно спросил Джайлс. — Ты ощущаешь боль в каком-то определенном месте?

Хэм снова потряс головой. Потом закрыл глаза и кивнул. Слезы полились с новой силой.

— Ну так где же? — настаивал Джайлс.

Хэм вздрогнул. Не открывая глаз, он вытащил ткань изо рта.

— Да, — прошептал он.

— Что да? Что болит? Голова? Руки? Ноги? Что?

Хэм молча, как прежде, качал головой. Джайлс с трудом подавил нарастающее раздражение. Хэм не виноват, что не способен ничего объяснить. Искать слова должен не этот великан-арбайт с его ограниченным запасом слов, а он, человек из рода Эделей, наделенный возможностью объяснять.

— Скажи мне, если можешь, Хэм, — сказал Джайлс. — Когда это началось? Сразу после того, как мы перебрались в спасательный корабль? Или несколько часов назад? Или ты плохо себя чувствовал на большом космическом лайнере?

И наконец из обрывков разорванных фраз начала складываться картина. Хэм не хотел вербоваться для работы во внешних мирах. Как понял Джайлс, причиной тому были его статус и цель жизни Хэма на Земле. Джайлс только теперь задумался о них по-настоящему.

Арбайтов вроде Хэма взращивали, специально предназначая для тяжелой физической работы. Они были, по сути, особым видом, существующим отдельно от прочих групп рабочего класса. Чтобы они не разочаровались в своей работе, относительно простой и монотонной, на

них распространялся генный контроль. С его помощью формировался низкий уровень интеллекта и склонность к покорности. Формально они были, разумеется, свободны, как и другие арбайты. Иногда кому-нибудь из них удавалось даже вырваться из рабочих казарм и завязать постоянные семейные отношения с нормальной женщиной из числа арбайтов, но такие случаи были редки.

В социальном отношении они были беспомощны. Большинство из них проживали свою сравнительно короткую жизнь в обществе сотоварищей, они были более других подвержены болезням, особенно пневмонии, и редко кто из обитателей казарм доживал до тридцати пяти лет.

И Хэму казармы заменяли весь мир, а Джейз, друг, с которым они пили пиво, был для него чем-то вроде семьи. Зачатый в пробирке, выращенный в среде таких же, как он, мальчиков с низким уровнем интеллекта, отправленный в казармы в возрасте тринадцати лет, сразу после достижения зрелости, Хэм был психологически совершенно не готов к тому, чтобы отправиться за много световых лет от дома в компании превосходящих его арбайтов. У Хэма было отнято все, что было для него привычным. Никогда ему уже не вернуться в казарму, где живут его старые друзья. Не доведется ему больше участвовать в дружеских пирушках и столь же дружеских потасовках, в шутках и розыгрышах, не удастся радоваться работе вместе с товарищами. И самое главное, он больше никогда не увидит Джейза.

Потребовалось какое-то время, прежде чем Джайлсу удалось связать воедино бессвязный, прерывистый шепот великана. И тогда ему открылись изъязны в тех сведениях о низшем классе арбайтов, которые он, как и все прочие, принимал на веру, не задумываясь. Предполагалось, что люди типа Хэма в силу своего невежества всегда неизменно жизнерадостны, неизменно храбры, поскольку им не хватает ума, и они никогда не сомневаются в себе. Их размеры и сила внушают им равнодушие к мнению других, более слабых и более умных представителей рода человеческого.

Теперь он понял, что все это неправда. Однако и новое понимание, чувствовал он, еще не раскрывает всей проблемы. Хэма мучило нечто большее, чем несоответствие его натуры тому, что думают о нем другие.

Джайлс продолжал задавать арбайту ласковые, но настойчивые вопросы и в конце концов доискался до более глубоких вещей.

Для Хэма чрезвычайно важен был его сотоварищ Джейз. При этом он размышлял о нем в такой детской манере, что оказывалось совершенно несущественным, были ли отношения, которые Хэм пытался описать, гомосексуальными. Суть в том, что никто никогда не любил Хэма — ни мать, ни отец, ни брат, ни девушка. Только Джейз. А Хэм любил Джейза. Двенадцать лет, проведенных в казармах, они составляли друг другу компанию за пивом. Это, в сущности, означало, что всегда после окончания работы они выпивали вместе.

А затем Хэма внезапно забрали и отправили на корабле в какую-то колонию в чужом мире, и вряд ли там найдется хотя бы один такой же арбайт, как он. Он даже не мог написать Джейзу, это было бы для него слишком сложной творческой задачей — написать нечто большее, чем бесстрастный текст, содержащий простейшие фактические сведения.

И вот, переживая потерю, Хэм все глубже погружался в свое горе, о котором не подозревал никто вокруг. Он не умел обозначить эту терзавшую его боль, но Джайлс, понемногу заполняя пробелы в горестном повествовании Хэма, понял причины ее.

Дело было в том, что Хэм, у которого украли Джейза, отчаянно нуждался в ком-нибудь, к кому он мог бы привязаться. И бессознательно в конце концов привязался к Джайлсу. Джайлс, единственный среди инопланетян и арбайтов высшей касты, составляющих теперь среду Хэма, был крупным, физически сильным мужчиной — обладал признаками, которые Хэм привык связывать с собственными товарищами.

И этой реакции не приходилось особенно удивляться, размышлял Джайлс. Он сопоставил свою жизнь в интернате с жизнью Хэма. Они находились на противоположных концах социального спектра, однако в обоих случаях неумолимая рука обычая и власти подхватила их, сформировала по своему усмотрению и определила для них будущее, когда они были еще слишком молоды, чтобы понимать, что с ними творят. Оба были словно прокляты... Но Хэму все же оставили свободу любить — пусть даже одного из сотоварищей. Когда-то у Джайлса были близкие отношения с Полом Окой, может быть,

ближе, чем с кем бы то ни было, но их нельзя было назвать сотоварищами, даже в том обыденном, рабочем смысле слова, который подразумевался в казармах Хэма.

Что же касается девушек... женщин... Джайлсу внезапно пришло в голову, что никто никогда не любил его и сам он никого не любил. Его родители были рядом, во плоти и крови, но возраст и образ жизни отдалили их от него. Братья и сестры, если бы они у него были, воспитывались бы раздельно и стали бы друг для друга вежливыми незнакомцами. Он не страдал от отсутствия привязанностей, которые для Хэма были главной составляющей жизни, он признавал их существование. Но для него любовь была долгом, а долг — любовью. На этом пресекались движения его души, и он не надеялся ни на что большее.

Мысли его вернулись к Хэму. Хэм бессознательно взял Джайлса за руку и держал ее в своих огромных ладонях, рыдая над ней. Хэм никогда не поймет, почему он несчастлив. И наверное, хорошо, что, привязавшись к Джайлсу, он не отдавал себе в этом отчета. Само по себе предположение, что он, Хэм, может мечтать о человеке из рода Эделей как о сотоварище, несовместимо с представлениями Хэма о жизни. Сознание его было милосердно избавлено от такой мысли. Но оставалось отчаянное желание что-нибудь сделать для Джайлса, что-нибудь большое и опасное, например отдать жизнь за человека из рода Эделей. Он и попытался рассказать об этом Джайлсу.

— Хорошо, — сказал Джайлс. — Очень хорошо, Хэм. Я тебе очень благодарен. Как только ты мне понадобишься, я тебя позову — сразу же.

— Правда? — переспросил Хэм.

— Конечно, — ответил Джайлс. — Конечно. Пусть это тебя не беспокоит, Хэм. Все будет хорошо.

— Да? — Хэм начал успокаиваться. Он все еще плакал, но уже от облегчения и благодарности. Он не мог бы объяснить себе причину нынешних слез, как раньше не мог догадаться о причине своего несчастья. Он вцепился в руку Джайлса и рыдал.

Джайлс терпеливо сидел с ним, пока великан не уснул. Потом осторожно высвободил руку, встал и расправил затекшие конечности. От сидения на полу со скрещенными ногами все тело было в мурашках. Он

решил навести справки на случай, если они все же приземлятся: где в Колонизованных мирах живут такие же арбайты, предназначенные для тяжелой работы. Маловероятно, чтобы Хэма удалось вернуть на Землю, но хорошо бы изменить место его назначения.

Потом Джайлс лег на свою койку и прикрыл глаза. Надо все же найти способ убедить Капитана изменить курс. Если и Межгалактическая полиция считает, что Пол Ока находится в одном из Колонизованных миров, ясно, что ее люди охотятся за Полом. Время становилось существенным фактором.

Почему же офицер инопланетян с таким упрямством настаивает на первоначальном курсе корабля? На этот вопрос не было ответа. Почему Капитан так категорически отказывалась поступить по велению разума и направить корабль в сторону ближайшей планеты? Если бы ему удалось выяснить, что движет ею...

Глава 7

Прошло двое условных корабельных суток, а Джайлс еще не нашел ответа на свой вопрос и по-прежнему не представлял себе, как направить корабль в сторону 20 В-40. Но долго ломать над этим голову ему было не суждено. Однажды, усевшись на койке с магнитофоном Эстивена, чтобы наговорить на него события прошедшего дня, он услышал в среднем отсеке корабля шум, крики, визг.

Джайлс сунул магнитофон в карман и выскочил в проход почти так же быстро, как в день, когда кричала Ди и когда умирал Инженер. В проходе Грос прижал Эстивена к стене и избивал его до потери сознания. Грос был на добрый десяток лет старше Эстивена. Маленький, легкий, он понятия не имел о том, как надо драться, но сжал кулаки и махал ими что есть силы. Эстивен, зажатый между двумя койками спиной к металлической стенке, был не в состоянии уклониться от его бешеного натиска.

— Прекратите! — крикнул Джайлс, вырывая Гроса из рук привалившегося к стене Эстивена. — Успокойся, Грос... Нет-нет, меня колотить не стоит. Садись и успокойся. И ты тоже, Эстивен. Сядь вон на ту койку и расскажи мне, что тут происходит.

— Он... Он... — Эстивен почти плакал. На его щеках вновь пылал тот неестественный румянец, который Джайлс замечал и раньше. — Ему же есть чем заняться. У него есть компьютер. И книга тоже есть. Я хотел

только взять несколько страниц из этой книги, чтобы записать музыку, которую я сочиняю...

— Только! — заорал Грос. Голос его казался высоким от гнева. — Из книги моего предка вырвана целая кипа страниц, из книги об исчислении предикатов! Я прорабатывал в ней формулы — чтобы занять время. Это моя книга — и ей цены нет! Ей больше двухсот двадцати пяти лет! Вы думаете, я позволю вырывать страницы из семейной антикварной книги, чтобы он царапал на них свои доморощенные ноты!? И что это еще за музыкальные сочинения? Никто теперь не пишет настоящей музыки без компьютера...

— Грос! — сказал Джайлс. Грос умолк.

— Он полагает... — начал Эстивен.

— И ты тоже помолчи, — сказал Джайлс. — Успокойся. Ну-ка, Грос, покажи мне эту книгу.

Не сводя взгляда с Эстивена, Грос полез в карман комбинезона и вытащил томик в коричневом переплете, такой маленький, что его можно было бы зажать в кулаке. Открыв его, Джайлс обнаружил, что на страничках довольно много пустого пространства — между графиками и вокруг них.

— Да, это книга по математике, — сказал он. — Ты говоришь, исчисление предикатов?

— Именно так, ваша честь, сэр, — ответил Грос спокойнее. — Ее купил мой дед еще до Зеленой Революции. Она осталась от него, от тех времен, когда компьютеры занимали в зданиях целый этаж.

— Книга двухсотдвадцатипятилетней давности, — Джайлс кивнул. — Тогда я понимаю, почему ты так хотел сберечь ее, Грос.

Он нахмурился, зажал уголок страницы между средним и большим пальцами и потер.

— Для такой старой книги она в отличном состоянии, — сказал он. — Как...

— В нее был введен пластик. Все исходные материалы были заменены одномолекулярным веществом, — с гордостью объяснил Грос. — Мой отец об этом позаботился. Это стоило ему месячного жалованья, однако с тех пор, за пятьдесят четыре года, она ничуть не износилась.

— Пластик? — повторил Эстивен странным голосом. Он не отводил глаз от книги в руке Гроса.

— Да, Эстивен, — сказал Джайлс. — Грос нам только что это сказал. А в чем дело?

— Да... ничего... — пробормотал Эстивен, уставясь на книгу. — То есть... Я думаю, раз это пластик, то мое перо не годится. Я бы все равно не смог писать на этих страницах...

— Какой стыд! Ты даже не сказал, зачем тебе она, прежде чем воровать у меня книгу! — выкрикнул Грос ему в лицо.

— Я сначала попросил ее у тебя...

— А я тебе отказал! — завопил Грос. — Я что, должен объяснять, почему не хочу драть в клочья книгу, доставшуюся мне по наследству?

— А объяснить было бы вполне уместно, — сухо сказал Джайлс, возвращая ему книгу. — Возьми. И держи ее в таком месте, где до нее никто не доберется.

Он вернулся в носовой отсек корабля. Позади него включили магнитофон, слышались три знакомых аккорда Боссера, сопровождавшие заволакивающий хрипловатый голос Сингха.

Он сел на койку и обнаружил, что за ним по пятам следовала Мара.

— Слушаю, — сказал он, подняв к ней голову.

— Я хотела бы вам кое-что показать... — Лицо ее было серьезным, почти угрюмым.

— Что именно? — спросил он.

— Прошу вас пойти со мной...

В среднем отсеке снова раздались громкие голоса. Ансамбль Боссера — Сингха сменился инструментальным соло, наигрывавшим жалобную мелодию на высоких нотах, Джайлс вскочил с койки и отправился в средний отсек, где увидел Гроса, который пытался вырвать магнитофон из рук Эстивена.

— ...и выключи эту пакость! — ревел Грос. — Давай обратно Боссера и Сингха! Вот они — это дело!

— Минутку... одну только минутку... — умолял Эстивен. — Только послушай этот спинет...

— Какой там еще спинет! — завопил Грос. — Пакостная дрянь, ненавижу!

— Сэр! — воззвал Эстивен к Джайлсу. — Вы же разбираетесь в музыке, ваша честь, сэр. Даже, может быть, специально учились. Вы ведь чувствуете разницу, правда? — Дрожащими пальцами Эстивен все еще прикрывал магнитофон, надеясь выиграть время.

— Да, верно, это спинет, — подтвердил Джайлс. — Но боюсь, я не так уж интересовался музыкой, Эстивен. Боссер и Сингх меня вполне устраивают.

Он хотел было уйти, но Эстивен поднял руку, словно пытаясь удержать его. Движимый смутной жалостью к этому человеку, Джайлс остановился.

— Ведь правда на моей стороне, сэр, — сказал Эстивен. — Вы-то знаете. Вы бы удивились, если бы я сказал, кто здесь солист? Я. Моя работа как раз в том, чтобы аранжировать и исполнять такие пьесы. Я понимаю, что инструментальную часть можно запрограммировать и она выйдет из синтезатора в безупречном виде. Но в наши дни осталось мало таких, как я, — кто в самом деле знает и любит свои инструменты... Я замечал, что в запись вкладываешь гораздо больше, если проиграл одну или две партии... то есть если использовать живого музыканта...

Музыка внезапно оборвалась — это Грос дотянулся до кнопки. Снова полились Боссер и Сингх.

Эстивен собрался было протестовать, но промолчал.

— Грос, — сказал Джайлс. Грос поднял глаза. — Это магнитофон Эстивена, а не твой, как книга твоего дедушки принадлежит не ему, а тебе. Если тебе не нравится музыка, приходи ко мне и скажи об этом. Я не хочу, чтобы ты трогал этот магнитофон.

— Хорошо, сэр, — пробормотал Грос, уставясь на койку.

— Пусть они с полчаса послушают то, что хотят, — обратился Грос к Эстивену, — а потом полчаса проиграй то, что сам хочешь.

— Да, ваша честь, сэр, — сказал Эстивен. Глаза его переполняла такая благодарность, что Джайлса замутило. Он повернулся к Маре, стоявшей сзади.

— Так что же? — спросил он. — В чем дело?

— Я прошу вас пойти со мной, — сказала она.

Она направилась к пустующему заднему отсеку, подошла к стене с лозой, пошарив среди листьев, приподняла один из побегов.

— Посмотрите на этот плод, — тихо сказала она Джайлсу.

Он подошел ближе. Сначала он не заметил в нем ничего особенного, но потом, прикрыв глаза от ослепительного света, различил смутные тени на его поверх-

ности. Приглядевшись, он различил под кожицей темные пятна.

— Поначалу я заметила отдельные пятнышки, — тихо говорила Мара ему на ухо, — на одном из плодов. Тогда я проверила все побеги и нашла десятка два с такими же коричневыми пятнами.

— Покажи мне, — попросил он.

Она кивнула и повела его вдоль стены. Перебрав побеги, она отыскала еще несколько плодов с отчетливыми пятнами, хотя пятен на них было поменьше, чем на том, первом.

Джайлс принялся осматривать всю лозу. Скоро он заметил почерневший скрученный лист. В задумчивости он оторвал его и стал искать другие.

Их набралось четыре, и Джайлс вернулся за тем первым плодом, который Мара ему показывала.

— Отнесу к Капитану, — сказал он, одобрительно глядя на нее. — Ты поступила очень благоразумно, не рассказав об этом никому, кроме меня.

Она чуть улыбнулась.

— Даже у арбайта встречаются проблески здравого смысла, ваша честь, сэр, — сказала она.

Была ли ирония в ее ответе?

— Я, разумеется, дам знать, что скажет Капитан. Спасибо, что сказала мне. Пока я не поговорил с Капитаном, держи это в секрете.

— Само собой, — ответила она.

Джайлс повернулся и направился к носовому отсеку корабля. Проходя средний отсек, он спрятал листья и плод, чтобы их не видел никто. В душе его шевелилась смутная тревога. Естественно, эта простая система вряд ли будет работать без перебоев. Пока спасательный корабль находится в резерве на борту лайнера, питательную цистерну, чтобы поддерживать лозу, регулярно заполняют новыми добавками. Испытания на Земле показали, что система питания должна обеспечивать пассажиров спасательного корабля по крайней мере шесть месяцев, а число пассажиров на борту было далеко до полного комплекта.

Джайлс между тем уже подошел к переборке, за которой сидела в своем капитанском кресле инопланетянка.

— Райумунг, — сказал Джайлс по-альбенаретски, — мне нужно поговорить с вами.

Она не ответила, глаза ее были закрыты. Он подошел ближе, оказавшись у ручки ее кресла. Скрытый за защищающим ее экраном, он заговорил снова, не повышая голоса, но почти вплотную к ее крошечному ушному отверстию.

— *Капитан! Капитан Райумунг!*

Она пошевелилась. Глаза ее открылись, голова повернулась, она взглянула на него.

— *Да?*

— *Я прошу вас внимательно выслушать меня,* — сказал Джайлс. — *Речь идет о лозе иб.*

— *Эту лозу трогать нельзя. Берите только плоды, как вам было приказано.*

— *Райумунг,* — сказал Джайлс, — *вас, видно, поводит память. Вы никогда не давали нам приказа питаться плодами. Я сам приказал это своим людям.*

— *Ну, вот и поступайте соответственно.* — Глаза на темном морщинистом лице вновь закрылись.

— *Райумунг,* — повторил Джайлс теперь уже громче. — *Мне нужно, чтобы вы отнеслись к моим словам с полным вниманием. С лозой неблагоприятно.*

— *Неблагополучно?* — Ее глаза вновь открылись.

— *Прошу вас осмотреть этот плод.*

Джайлс протянул ей плод, который дала ему Мара. Три длинных темных пальца схватили его.

Капитан некоторое время держала его в руке, рассматривая, потом вернула Джайлсу.

— *Не ешьте его. Выкиньте.*

— *Почему? Что с ним случилось?*

— *От него вам будет плохо. Вы можете даже умереть. Их есть нельзя.*

— *Я пришел к вам не за предостережениями,* — сказал Джайлс. — *Я спросил вас, что случилось с этим плодом.*

— *Он стал гнить.*

— *Это тоже очевидно.* — Джайлс однажды уже допустил ошибку, позволив себе раздражение в разговоре с инопланетянкой. Теперь он пообещал себе, что больше этого не случится. Его голос, произносящий слова со звенящими альбенаретскими интонациями, казался ледяным, но таким же сдержанным, как у Капитана. — *Тогда взгляните на эти листья.*

Он протянул ей четыре скрученных потемневших листа. Она взяла их, подержала так же, как раньше держала плод, и вернула ему.

— Листья мертвы, — сказала она.

— Я это вижу, — сказал Джайлс. — Я хочу знать, почему это произошло. Почему листья засохли? Почему плод внезапно стал гнить? Что случилось с лозой?

— Не имею представления. — Голос Капитана был далеким, почти равнодушным. — Я космический офицер, а не биолог. Тех, кто мог бы объяснить, что случилось с иб, на корабле нет.

— А вы не можете провести какие-нибудь испытания? Например, проверить питательный раствор в конвертере?

— На борту нет никакой контрольной аппаратуры.

— Да, — утрюмо сказал Джайлс. — Собственно говоря, этот корабль, подобно всем вашим кораблям, капитан Райумунг, разваливается от дряхлости и отсутствия надлежащего ухода.

Он надеялся, что его слова рассердят Капитана и выведут ее из странной апатии. Но попытка не удалась.

— Вы не понимаете, — Капитан говорила тем же отстраненным голосом. — Эти корабли умирают. Альбенарет умирает. Но мы умираем не так, как малые цивилизации. Мы не хотим погибать в туманах атмосферы, подвергаться химическому разложению и превращаться в почву или в нечто еще более неопределенное, из чего мы пришли на свет. Мы делаем иной выбор — гордо идем навстречу смерти, один за другим, проходим следующие Врата, пока окончательно не сотрется воспоминание об альбенаретцах. Вы принадлежите к иному племени и не понимаете этого. И никогда не поймете. Лоза иб на этом корабле тоже умирает — неважно почему. Раз ваша жизнь зависит от нее, вы тоже умрете. Здесь дело в химии и законах природы.

— А как насчет вашей ответственности за пассажиров?

— Я уже говорила вам, что в мои обязанности входит доставить их на место, и при этом не имеет значения, окажутся они живыми или мертвыми.

— Я не верю в это, — сказал Джайлс. — Когда вы брали нас на борт вместе с людьми, попавшими на

корабль над Землей, вам было вовсе не безразлично, доберутся они до места назначения живыми или нет.

— Это было еще до того, — сказала Капитан, — как один или несколько представителей человеческого рода повредили мой корабль и все альбенаретцы на борту оказались обесчещены. Если какие-либо человеческие поступки лежат в основе логической цепи событий, ведущих к гибели людей, я не могу нести за это ответственность.

— Я с вами не согласен, — ответил Джайлс. — И что касается меня, то, как я вам уже говорил, я ответствен за жизнь моих людей на борту. Может быть, вы способны объяснить собственное поведение самой себе, но предупреждаю вас: ни я, ни другие люди не примут ваших объяснений, а альбенаретцы нуждаются в поставках металла и энергии, которые вы получаете от нас, — если вы хотите, чтобы эти ваши корабли летали еще несколько тысяч лет или столько, сколько вам нужно, чтобы надлежащим образом умереть.

— Не стану пререкаться с вами, — сказала Капитан. — О том, что будет после прибытия на Белбен людей, живых или мертвых, позаботятся другие представители моего племени, это уже не мое дело.

— Уже не... — Джайлс запнулся, потрясенный внезапным подозрением. — Райумунг, может, дело в том, что вы сами не рассчитываете добраться до Белбена живой?

— Именно так. Я живой не доберусь.

Джайлс уставился на длинную, узкую, темную фигуру в командирском кресле.

— Но почему? — резко выдохнул он.

Инопланетянка отвернулась, переведя взгляд на ближайший из двух экранов приборного щита — тот, что высвечивал бесконечный мрак космоса, испещренный впереди, по ходу корабля светящимися звездами.

— Лоза иб не может дать мне всех питательных веществ, в которых я теперь нуждаюсь, — сказала она. — Будь я огна, мне бы хватило их. Но я теперь не огна. Я несу в себе новую жизнь — еще свободную от бесчестья, и она продолжит поиски того, кто разрушил мой корабль. Эта новая жизнь станет основой новой семейной линии и передаст по наследству цель —

найти виновного. Это будет и новая жизнь корабля, рожденная Инженером и мной, она будет носителем чести всех моих офицеров и команды, всех, кто был со мной рядом, пока корабль был мой. Я умру, но гитя моего корабля возьмет из моего тела все необходимое и доживет до приземления на Белбене, станет офицером и загладит позор случившегося.

Она замолчала. Джайлс долгое время не мог найти слов. В его сознании мгновенно все сложилось в единую картину: эластичные тросы вокруг ног Инженера в космическом костюме практически не защищали его от возможного нарушения герметичности скафандра, однако предохраняли репродуктивную зону его тела. Да, именно это увидела Ди там, в кормовом отсеке корабля, залитом кровью инопланетянина, когда наткнулась на Капитана и умирающего Инженера.

— Но вы могли бы жить, если бы не... совершили этого, — сказал он. — Почему бы вам не выжить и не загладить одной позор случившегося?

— Я уже обещана, и помочь мне не может никто, кроме членов моей команды, но они мертвы. Новая жизнь во мне ничем не запятнана, и альбенаретцы не откажут ей в помощи, если не возникнет каких-либо новых препятствий. Их помощь нужна будет для поисков тех, кто разрушил мой корабль.

Снова наступила пауза.

— Ну, хорошо, — сказал наконец Джайлс. — Я, как вы говорили, не принадлежу к альбенаретской цивилизации и признаю, что не могу до конца понять вас. И все же я не вижу причин, почему бы вам не повернуть этот корабль в сторону 20 В-40 и не дать нам шанса на спасение. Собственно говоря, я официально настаиваю на том, чтобы вы изменили курс.

— Нет, — голос Капитана был ровен. — Жизнь, которую я ношу в себе, при рождении будет незапятнанной, но в данном случае требуется нечто большее. Чтобы утвердить свое право на ранг корабельного офицера, доступный лишь немногим альбенаретцам, юное существо должно обладать унаследованной честью. Если корабль доставит на Белбен пассажиров, живых или мертвых, честь его будет спасена. Иначе все теряет смысл.

— А в том, чтобы спасти людям жизнь, никакой чести нет? — выкрикнул Джайлс.

— Откуда же ей быть? — ответила Капитан. — Владелец жизни должен сам спасти свою жизнь. Если это делает другой, он грубо вмешивается в чужую сферу чести. Каждый берет на себя ответственность, отказывая себе, сколько возможно, в удовольствии прохождения через следующие Врата. И, кроме того, это всего лишь людские жизни. Если бы вы были альбена-ретицы, вы бы приумножили свою честь, помогая мне выполнить долг и доставить пассажиров до Белбена. Но вы другие, вы просто не понимаете разницы. Эдель, поймите, мы летим на Белбен, и иных вариантов нет.

Капитан закрыла глаза.

— Райумунг, — сказал Джайлс.

Темная фигура не отвечала. Джайлс повернулся и вышел.

В первом отсеке корабля он увидел лежащего на койке Хэма и Мару, в ожидании стоявшую рядом с ним. Секунду Джайлс непонимающе смотрел на нее, потом вспомнил. Он говорил с Капитаном по-альбенаретски, а Мара, разумеется, не знала этого языка.

Он улыбнулся, чтобы подбодрить ее.

— Боюсь, — сказал он, — Капитан знает о лозе не больше нашего. Это не ее специальность. Пока мы просто будем избегать плодов с пятнами. Порченные плоды отправляй прямиком в конвертер. Сообщи об этом всем остальным.

— Хорошо, — ответила она, но не ушла. Ему показалось, что Мара смотрит на него с некоторым любопытством. — И это все, что вам удалось выяснить? Вы с ней так долго разговаривали.

— Похоже, мы с Капитаном обречены на вечные споры, — сказал он. — Боюсь, я не узнал ничего, что стоило бы пересказывать. Но я еще буду говорить с Капитаном и, если будет новая информация, поделюсь ею. Пока же не ешь плодов с пятнами и не тревожься. И скажи об этом другим.

— Скажу, — пообещала она.

Мара отправилась в средний отсек, и Джайлс слышал ее голос. Однако на фоне включенного магнитофона, который звучал все громче, он не мог разобрать, что

именно она говорит людям. Магнитофон стал чем-то вроде средства, обеспечивающего приватность разговоров, что устраивало всех.

Джайлс улегся на койке и стал думать о Капитане. Как бы там ни было, курс нужно поменять в направлении 20 В-40, и сделать это теперь, пока инопланетянка в состоянии пилотировать корабль.

Глава 8

Шестой день. 23 часа 57 минут

Все, кроме Джайлса, спали. Лампы по-прежнему горели над ними, но у людей уже выработался рефлекс смены циклов сна и бодрствования. В полночь по корабельному времени Джайлс наговаривал в магнитофон события дня.

«Шестой день, — диктовал он. — Плодов еще достаточно, но появляется все больше экземпляров с пятнами, умирающих листьев. Настроение примерно то же. Конец шестого дня».

Он бережно положил магнитофон на пол у изголовья, чтобы Эстивен мог забрать его утром, и потянулся за рукавом, который отрезал от космического костюма. Оранжевый рукав был достаточно длинным; его можно было использовать в качестве повязки, чтобы защититься от света. На корабле не было зеркала, но Джайлсу легко было вообразить собственный одичавший, почти варварский облик — с одной обнаженной мускулистой рукой и курчавой шестидневной щетиной. Любопытно, что арбайты выглядели иначе. Хотя и Грос, и Эстивен отрастили изрядные бороды — у Гроса с небольшой проседью, — они скорее казались взъерошенными и нематыми, чем одичавшими. У Фрэнко и Хэма бород не было. У Фрэнко на подбородке выросло несколько редких мягких черных волосков. У Хэма —

пышные светлые усы и жесткие песчаного цвета заросли по линии скулы, от подбородка до верхней части щек.

Почти все они, кроме Бисет, пожертвовали частью одежды, чтобы сделать себе повязки для глаз во время сна. К счастью, ни один из них не храпел, хотя Хэм иногда переворачивался на спину, и тогда в горле у него что-то булькало.

Джайлс обернул рукав вокруг головы и вытянулся на постели. Ему долго не удавалось заснуть. В такие минуты он особенно остро чувствовал тесноту и духоту на корабле, надвигались все нерешенные проблемы, связанные с безопасной посадкой на 20 В-40, не говоря уже о необходимости осуществления его главной миссии. Он беспокоился, ворочался, пытаясь найти удобное положение. Допустим, лоза *иб* еще продержится и ему удастся направить корабль к 20 В-40, но выдержат ли арбайты еще тридцать или сорок таких дней?

Что-то нарушило ход его мыслей. Что-то едва слышное, словно кто-то вскрикнул и умолк. Он прислушался...

Ни единого звука, кроме сонного тяжелого дыхания.

Он сел на постели и сорвал с головы повязку. Яркий свет ослепил его. В носовом отсеке раздавалось какое-то глухое постукивание.

Он встал. Стук шел из-за переборки, закрывающей центральный пульт управления. Он прошел за переборку и увидел, что инопланетянка душит Эстивена. Лицо Эстивена потемнело, руки тщетно пытались разжать пальцы, обхватившие его горло с невероятной силой. Дергавшиеся ноги ударили по мягкой обивке пола, производя тот глухой стук, что слышал Джайлс.

Джайлс бросился на Капитана.

— *Отпустите его!* — закричал он по-альбенаретски, вцепляясь в ее пальцы. Казалось, он пытается вырвать из земли стальной шест. — *Отпустите его! Вы его убьете!*

— *Я избавляюсь от него,* — холодно ответила инопланетянка. — *Он осквернил навигационную книгу и, по соображениям чести, должен быть исторгнут из нашей среды.*

— *Но это же ваше бесчестье!* — в ярости крикнул Джайлс. — *Он вам не принадлежит! Вы не имеете права! Он мой человек, не ваш, только мне решать —*

оставить его жить или убить! Вы — похититель, лишенный чести!

Реакция была мгновенной. Капитан буквально бросила Эстивена, который, задыхаясь, упал на пол. Руки ее были подняты вверх, длинные пальцы направлены на Джайлса, готового встретить нападение инопланетянки.

Но руки опустились. Капитан отвернулась от Джайлса и рухнула в кресло, устремив взгляд на главный экран.

— *Заберите его.* — Голос альбенаретки был холодным и равнодушным. — *Он осмелился тронуть и перелистать страницы книги, которая для нас — святая святых. Делайте с ним, что хотите. Но если я еще раз увижу его в носовой части корабля, я сочту, что тот, кто не способен управлять своей собственностью, лжет относительно своих прав на нее.*

Джайлс поставил Эстивена на ноги, приподнял его в воздухе, отбивая слабые попытки сопротивления, подтолкнул вперед и вывел из отсека Капитана. Они прошли первую секцию корабля, затем среднюю.

Арбайты столпились в первом отсеке, разбуженные громкими голосами и альбенаретской речью. При приближении Джайлса и Эстивена они, подобно волне, отхлынули в средний отсек. Подойдя поближе, Джайлс подтолкнул к ним Эстивена и позвал Мару. Та замешкалась на секунду, и Джайлс раздраженно притянул ее к себе, чтобы его слов не услышала альбенаретка.

— Присмотри за Эстивеном, — сказал он ей. — Капитан чуть не задушила его, но все обошлось.

— Что?!! — начала Мара. Джайлс взглядом остановил ее.

— Я только что спас его дурацкую жизнь... да тише же! — хрипло прошептал Джайлс. — Но я не гарантирую, что смогу спасти вас и дальше, если вы не будете слушаться приказов. Так что делайте, как я вам говорю, и не пускайте Эстивена в носовую часть корабля, если вам дорога его жизнь!

Он повернулся и вышел. Сзади рыдал рухнувший на пол Эстивен.

— Я не хотел сделать ничего дурного. Я не мог заснуть. Я думал, это просто книга, чтобы ее читать, рассматривать, понимаете...

Джайлс в сопровождении Хэма вернулся в носовой отсек корабля.

— Хэм, — сказал он рослому арбайту, — удержи-
вай их на месте. Мне надо подумать.

Хэм кивнул и встал в дверном проеме. Джайлс бросился на койку. Теперь, в довершение всего, надо ломать голову из-за Эстивена. Джайлс ни на секунду не поверил, что тот хотел просто посмотреть навигационную книгу. Да и войти в помещение Капитана требовало такого мужества, каким — в этом Джайлс готов был поклясться — Эстивен вовсе не обладал. С другой стороны, зачем ему эта книга? Альбенаретская математика для него пустой звук, притом руководство по навигации вряд ли содержало свободные места, как та старинная математическая книга Гроса, на страницах которой Эстивен хотел записывать свою музыку.

В среднем отсеке корабля вновь включили уже знакомых Боссера и Сингха. В такт однообразной мелодии вопросы в мозгу Джайлса как бы сновали вверх и вниз, описывали круги...

Внезапно он очнулся с ощущением, что проспал. Над его койкой неясно маячила фигура Хэма.

— Мара хочет поговорить с вами, ваша честь, сэр, — сказал он.

— Да? — Джайлс сел на койке, протирая глаза. Он увидел, что Мара стоит как перед невидимым барьером у входа рядом с переборкой.

— Садись, — сказал он. — Побереги силы. Нам они еще потребуются.

Она с секунду поколебалась. Потом все же села.

— Вы правы, — сказала она.

Джайлс улыбнулся. Она нередко проговаривала неожиданные вещи — утверждения или вопросы, которые показались бы дерзкими, если бы не невинный тон. Арбайту не пристало рассуждать, прав Джайлс или нет. Он вспомнил, что подумал о ней вскоре после первого знакомства.

— Скажи мне, Мара, — начал он. — Ты, случайно, выросла не в семье Эделей?

— Я? — Она засмеялась. — Ничего похожего. Мой отец умер, когда мне было всего три года. В нашей семье восемь детей; благодаря ошибке компьютера мои родители получили разрешение на большое потомство и долго не отдавали себе отчета в том, что это просто ошибка. Потом, как я уже сказала, отец умер, а мать получила особое разрешение посвятить все свое время

семье. Ей даже разрешили взять в дом бабушку, чтобы та ей помогала. Так что росла я примерно так же, как если бы жила лет сто пятьдесят назад, до Зеленой Революции.

Джайлс в изумлении воззрился на Мару.

— И ты не жила в интернате? — спросил он.

— Ну, я прошла обычный курс, — ответила она. — Но дома я попадала в наш собственный домашний круг. Типичная старинная средневековая семья.

— Понятно, — сказал он. Его охватила жалость к ней. Не удивительно, что девушка попала в эту ловушку — вступила в организацию «Черный четверг». Какое-то мгновение он боролся с искушением предупредить ее, сказать, что Бисет опознала в ней революционерку, но привычка подчинять себя долгу взяла верх.

— О чем ты хотела поговорить со мной? — спросил он.

Мара предусмотрительно глянула в сторону среднего отсека корабля, но магнитофон играл достаточно громко.

— Я хотела сказать вам об Эстивене, — проговорила она. — Мне показалось, что вы должны это знать. У меня нет диплома медсестры, но в школьные годы я проходила стажировку в медицинском учреждении. У Эстивена что-то неладно со здоровьем. Руки у него ледяные, хотя воздух на корабле густой, как в парилке, а пульс частый и неровный.

Джайлс посмотрел на нее с уважением.

— Очень хорошо, что ты заметила и пришла рассказать мне, — сказал он. — Но чем могут быть вызваны эти симптомы?

Она покачала головой.

— Я проходила практику в течение одного года и к тому же совсем девочкой.

Джайлс кивнул.

— Понятно. Что ж, я поговорю с Эстивеном, может быть, он сам знает, что с ним происходит.

— Что бы это ни было, мы вряд ли сможем ему помочь, — сказала Мара. — На этом корабле нет никакого медицинского оборудования и лекарств. Не знаю, что и делать.

Джайлсу показалось, что она говорит с искренним огорчением.

— Это не входит в твои обязанности, — мягко напомнил он ей. — За это отвечаю я.

— Да, разумеется, — сказала она и сделала жест, словно отмахиваясь от сказанного Джайлсом. — Вы Эдель и полагаете, что всю ношу должны взвалить на собственные плечи. Но вы заперты здесь с оравой арбайтов, а что вам известно о них?

— Что мне... — повторил он с изумлением и умолк. Как далекое эхо, вспомнились слова Пола Оки, говорившего ему почти то же. Если бы не изумление, он бы не прореагировал на нелепое обвинение Мары. — Разве не ты рассказывала мне о том, что все низшие классы мечтают попасть в Колонизованные миры?

Джайлс запнулся. Он посмотрел в сторону переднего и среднего отсеков корабля. Хэма там не было. Он, стало быть, в кормовом отсеке собирает урожай или подыскивает для себя плод *иб*. Тем не менее Джайлс понизил голос.

— На днях, — сказал он, — я долго разговаривал с Хэмом. Он очень страдает. Корабль уносит его далеко от тех, с кем он привык работать. Он готов отдать все, что угодно, лишь бы вернуться на Землю. Может быть, я знаю об арбайтах больше, чем ты думаешь.

— А, Хэм! — сказала Мара. — Это просто аморально, когда бедные беспомощные дети, подобные Хэму, проходят генный контроль и из них растят нечто вроде животных...

— Шш! — сказал Джайлс встревоженно. — Говори тише. Есть люди... кто-нибудь на борту может донести на тебя.

Мара стала говорить тише, но в голосе ее по-прежнему сквозило презрение.

— Вы имеете в виду эту доносчицу? — сказала она. — Я ее не боюсь!

— Доновщицу? — переспросил Джайлс.

— Полицейского агента, — сказала Мара. — Бисет.

Он не верил своим ушам.

— Ты... ты знаешь, что она служит в полиции?

— Разумеется, — сказала Мара. — Об этом на корабле знают все. С каждым кораблем работников-арбайтов Межгалактическая полиция посылает своего агента. Любому арбайту это известно.

— Что еще ты о ней знаешь? — спросил он.

— Знаю, что она с легкостью донесет на каждого, кто ей не понравится, независимо от того, виноват человек или нет.

Джайлс угрюмо взглянул на нее.

— Похоже, тебя это не слишком беспокоит, — сказал он.

— Дело в том, что в Колонизованных мирах на агентов не обращают особого внимания. Они доносят о плохом поведении или о разговорах в революционном духе. Их много — полицейских осведомителей, прибывающих с кораблями и пытающихся затеять свару.

— Боюсь, ее обвинения могут оказаться более серьезными. — Джайлс вдруг отбросил все свои представления о долге. Таких, как Бисет, целые толпы. А эта девушка, с ее прямоотой и мужеством, сверкала, словно бриллиант, среди груды щебня, которым был низший класс. — Она может обвинить тебя в принадлежности к революционерам «Черного четверга».

Мара взглянула на него.

— Вот как? — сказала она.

И тут между ними словно вырос некий невидимый барьер. Два только что откровенно беседовавших человека оказались оппонентами, глядящими друг на друга поверх полосы спорной территории. Джайлс испытывал желание разрушить этот барьер, покончить со всем, что разделяло их, — его самого удивила сила этого желания. Но сейчас было не до эмоций.

— Она мне сказала об этом, — проговорил Джайлс. — Я, собственно, ей не поверил.

— Вы очень добры, ваша честь, сэр, — сказала Мара. — Вы, разумеется, правы. Я не принадлежу к этой группе.

— Я так и думал, — сказал Джайлс.

Но барьер оставался на месте и по-прежнему разделял их.

Она поднялась.

— Тем не менее, спасибо, что известили меня, Эдель.

— Не за что, — ответил он вежливо, ощущая некоторую беспомощность. — Благодарю, что ты рассказала мне об Эстивене.

— Я хотела помочь, — сказала она.

Мара вышла. Он не удерживал ее. В его груди теснилась странная боль. Он не мог разобраться, что, собственно, было не так.

А через несколько часов — в среднем отсеке по-прежнему громко играл магнитофон — у его койки объявилась Бисет. Без всяких преамбул она заговорила с ним на эсперанто.

— *Извините меня, ваша честь, сэръ, — сказала она совсем не извиняющимся тоном. — Боюсь, мне необходимо поговорить с вами. Однажды я уже предупреждала вас относительно этой девушки, Мары, и ее революционных связей. Я должна напомнить вам, что ваш ранг не освобождает вас от контроля полиции. Вы позволяете этой девушке пользоваться недопустимой свободой.*

— *Она пришла рассказать мне о...* — Джайлс остановился. Он собрался было рассказать этой женщине об Эстивене, но понял, что опускается до объяснений. Холодная ярость овладела им.

— *Убирайся вон!* — прорычал он.

Гнев поднял его на ноги, но Бисет уже исчезла. Он почувствовал сердцебиение, отдававшееся в артерии под подбородком.

Он прошел в средний отсек корабля и увидел в углу Бисет, уставившуюся на него расширенными побелевшими глазами. Мары там не было. Он задержался на секунду у магнитофона, включив его на полную громкость, и направился в хвостовой отсек. Ди, Фрэнко и Мара собирали испорченные плоды и отправляли в конвертер.

— Оставьте нас одних, — сердито бросил Джайлс Ди и Фрэнко. Те поспешили уйти.

Мара озадаченно смотрела на Джайлса.

— Бисет, — сказал он. Они стояли лицом к лицу, совсем близко, и, хотя он говорил обычным голосом, магнитофон заглушал его слова. Они могли говорить без помех. — Она только что была у меня. Пришла сказать, неслыханная наглость с ее стороны, чтобы я не разговаривал с тобой.

Мара открыла рот.

— Может быть... — начала она тем же официальным тоном, что и раньше, но тут же ее лицо и голос

изменились, обнаружив явную тревогу. — Может быть, действительно не стоит?

— Я — Джайлс Ашад из рода металлургов, — сказал он. — Но важно другое. Если Бисет попытается причинить тебе вред, приходи ко мне. Подозреваю, что она вознамерится обвинить тебя в том, что ты подбросила бомбу, взорвавшую космический лайнер.

Мара пристально посмотрела на него.

— Так это и в самом деле была бомба? — спросила она. — Вы уверены в этом?

— Она — нет, — коротко бросил Джайлс. — Это я подложил бомбу. — При воспоминании о случившемся Джайлс заскрежетал зубами. — Я вовсе не хотел разрушить лайнер. Предполагалось, что бомба повредит лишь трюм корабля, и он повернет в направлении ближайшей посадки — в сторону Шахтерского Мира под названием 20 В-40, для ремонта.

Мара не сводила с него глаз.

— И все эти погибшие... — начала она, но передумала и, подойдя к нему, взяла его за руку. — Вы ведь сказали, что никому не хотели причинить зла. Что же случилось?

Он почувствовал, что изо всех сил, до ломоты в челюстях, стискивает зубы.

— Не знаю! — воскликнул он. — Я — идиот, да и все мы... Мы недооценили, насколько дряхл альбена-ретский флот. Вероятно, разрушилась перемычка, которая должна была локализовать взрыв в грузовом трюме, и начался пожар... ты его видела.

Мара еще сильнее сжала его руку и подняла на него глаза.

— Почему вы все это мне рассказываете? — спросила она.

Некоторое время он мрачно глядел на нее.

— Может быть, потому, — сказал он медленно, — что я доверяю тебе. Не знаю почему и никому не смог бы этого объяснить. Просто теперь я... Я вдруг почувствовал потребность поделиться, а ты единственный человек, с которым я мог заговорить о происшедшем.

Она смотрела на него так, как никогда еще не смотрела ни одна женщина. Это вызвало беспокойство и почему-то смущение. Он попытался вымолвить хоть

слово, но годы муштры и привычка к дисциплине словно перехватили горло.

Джайлс неуклюже погладил ее руку и отвернулся. Она ослабила пальцы и отпустила его. Проходя средний отсек, он задержался на мгновение, чтобы повернуть регулятор громкости магнитофона до прежнего уровня звучания. Арбайты не сводили с него глаз. Среди них была и Бисет.

Он, не глядя на них, прошел в носовой отсек и лег на койку лицом вверх, прикрыв рукавом глаза.

Глава 9

Десятый день. 11 часов 22 минуты

Ди плакала. Сидела на своей койке и плакала. После того, что она пережила, увидев Капитана с умирающим Инженером, ей помогало присутствие одной из женщин. Потом, казалось, ей стало лучше, и, если она просыпалась от ночных кошмаров, ее ободряло присутствие Фрэнко. Потом не помогало уже ничто. Она часто плакала и не могла объяснить почему.

— Что я могу поделать? — Фрэнко стоял с Джайлсом и Марой в заднем отсеке. Ди только что оттолкнула его, когда он присел было рядом с ней.

— Не знаю, — задумчиво сказал Джайлс, глядя на девушку. — Она явно нуждается в медицинской помощи. И никто из нас не сможет ее оказать. Не вини себя, Фрэнко...

— Это я подал идею проситься в Колонизованные миры, — с бешенством сказал Фрэнко. — Моя идея. Шансов у нас было — один против тысячи, и, когда мы получили положительный ответ, мы просто поверить в это не могли. И так радовались. А теперь...

— Я же сказал — не вини себя, — повторил Джайлс. — Ты не виноват. Депрессия у Ди может быть самого разного происхождения. Причиной может быть еда или воздух на борту. Или это наследственное, и, останься она на Земле, это ничего бы не изменило. Мы

сделаем все возможное. Зовите меня, если я чем-нибудь смогу быть полезен.

— И меня, — сказала Мара юноше, — в любое время.

— Спасибо, — сказал Фрэнко. Но в голосе его звучала усталость человека, вконец потерявшего надежду.

— Держи себя в руках! — резко сказал Джайлс. Такой же разумный, хоть и трудновыполнимый, совет он дал бы любому из Эделей, но Фрэнко съежился от страха, и Джайлс вспомнил, что говорит с арбайтом. Он постарался смягчить интонацию. — Если она продержится до посадки, потом, в дальнем полете, все будет в порядке.

— Да, сэр, конечно, — сказал Фрэнко. Он с явным усилием пытался вложить в слова побольше бодрости.

— Вот и хорошо, — сказал Джайлс. — Ну, а сейчас ее лучше оставить в покое. Ты же видишь, она предпочитает одиночество, да и тебе необходим отдых. Пойди в носовой отсек и займи пока мою койку.

Фрэнко с благодарностью взглянул на него.

— Благодарю вас, ваша честь, сэр, — сказал он. — Но вы уверены?.. Может быть, я все же могу ей понадобиться здесь?

— Уверен, — ответил Джайлс. — За ней присмотрят, пока тебя не будет.

Фрэнко кивнул.

— Да, — сказал он. — Спасибо. Спасибо вас всем. Я и вправду пойду прилягу.

Он вышел.

Джайлс повернулся к Маре.

— Ты ела что-нибудь? — спросил он. — По-моему, ты похудела.

На ее лице появилось подобие улыбки.

— Все мы тут худеем, — сказала она. — Непонятно, как мы продержимся еще семьдесят дней до Белбена.

— Пожалуй... — Джайлс почувствовал внезапную боль в челюстях, значит, он опять чересчур крепко стиснул зубы. В последнее время это стало входить в привычку.

— Вы что-то хотите сказать? — посмотрела на него Мара.

— Да, кое-что... — Он взглянул на Ди, но та ничего не слышала, погруженная во тьму собственных несчастий; звуки ее рыданий смешивались с музыкой, льющейся из магнитофона в среднем отсеке. — Помнишь, я говорил, что с помощью бомбы планировалось повернуть лайнер в сторону 20 В-40?

— Помню, — ответила она.

— Существует критический период, — сказал он, — максимальное число корабельных дней, в течение которых можно изменить направление. День взрыва был начальным днем этого периода. С тех пор я считал дни. Нам осталось не более шести дней. Потом менять курс будет поздно.

Глаза ее казались огромными. Может быть, оттого, что так похудело лицо.

— А каково расстояние до 20 В-40?

— Сейчас? — переспросил он. — Около тридцати дней пути.

— Но тридцать дней мы могли бы продержаться! — воскликнула Мара. — Я не понимаю...

— Капитан отказывается изменить курс, — сказал Джайлс. — Я не буду пытаться объяснить почему. Я и сам этого толком не понимаю. Это имеет отношение к понятию чести, как его трактуют инопланетяне.

— Как же они его трактуют? Неужели понятие чести...

— Дело не в этом, — сказал Джайлс. — С самого начала я кое-что держал при себе, чтобы не напугать арбайтов. — Он рассмеялся коротким резким смешком. — Знаешь, я начинаю забывать, что ты арбайт. На борту этого судна все мы опускаемся до базисного общего понятия «человеческая тварь»... Да, Капитан — женщина. Более того, она беременна. Ее партнером был Инженер, как раз перед смертью. И это... их совокупление увидела Ди в тот момент, который она не может припомнить.

Мара глубоко вздохнула.

— О Господи... — сказала она.

— То обстоятельство, что инопланетянка забеременела, каким-то образом увязывается с альбенаретским понятием о чести: спасательный корабль должен достичь места назначения, даже если все мы — и она тоже — умрем прежде, чем достигнем его.

— Но если она умрет, как же тогда с... с ребенком?

— Он не умрет. Он каким-то образом будет жить за счет ее тела. — Джайлс махнул рукой. Почему-то ему стало во много крат легче теперь, когда он смог кому-то рассказать о Капитане, о ее беременности и о 20 В-40, как раньше про эту историю с бомбой. — В любом случае все сводится к тому, что я должен каким-то способом убедить ее переменить курс в сторону 20 В-40 в течение ближайших шести корабельных дней.

Мара покачала головой.

— Я все-таки не понимаю, — сказала она. — Почему бы нам не взять дело в свои руки? Разумеется, инопланетяне невероятно сильны, но в конце концов нас восемь человек, а она одна.

Он с грустью улыбнулся в ответ.

— Ты представляешь себе, что значит поменять курс? — спросил он.

— Нет, — сказала она, — честно говоря, не представляю. Это как-то связано с приборами управления, да? Но ведь вам приходилось изучать альбенаретский язык и их корабли, чтобы рассчитать взрыв бомбы? Стало быть, вы знаете, как работают их приборы?

— Проблема не в приборах, — ответил он. — Проблема в том, чтобы вычислить курс, который сможет привести нас к 20 В-40, и поправки к нынешнему курсу, чтобы перевести нас на новый.

— Но ведь у нас есть Грос с его компьютером, — сказала Мара. — Грос поможет вам с любыми вычислениями...

Он качнул головой, и она замолчала.

— Почему же нет? — спросила она.

— Прости, — пробормотал он. — Но ты и в самом деле не понимаешь, что требуется для межзвездной навигации. Приборы просты в обращении, и вычислить курс можно по компьютеру Гроса. Но навигация здесь, в дальнем космосе, сама по себе целая наука. Здесь требуется человек сведущий и желательно имеющий за плечами практический опыт.

— А вы? Вы — из клана Эделей, а у большинства из них есть космические катера, на которых они летают между Землей и другими планетами Солнечной системы. Разве вам не приходилось делать то же?

— Сотни раз, — ответил он. — Но межпланетные катера снабжены программами с большим объемом информации, а нам здесь придется собирать ее по

крупцам. Главная задача в межзвездном пространстве — определить свое местонахождение... это отправная точка любого последующего действия. Нет, уж если надо менять курс, то это придется делать Капитану, и ее надо заставить изменить направление, пока она еще достаточно бодра. Она постепенно теряет подвижность, все больше погружается в себя и делается ко всему безразличной. Из ее слов я понял, что «новая жизнь» внутри нее вытягивает из нее все необходимые питательные вещества.

Мара продолжала настаивать.

— Но должен же быть какой-то способ, — сказала она.

— Нет. Это может сделать только Капитан... Почему бы и тебе не отдохнуть, а я пока помучаюсь с этой проблемой?

— Я могу побыть с Ди. Чтобы вы думали без помех. Он снова покачал головой.

— Я тоже могу побыть с ней. Это не мешает мне размышлять.

Она медленно поднялась на ноги.

— Но вы позовите меня, — сказала она, — как только вам понадобится помощь.

— Непременно.

Он смотрел, как она идет через проход в задней переборке, переходит в средний отсек и пропадает из виду. Он чувствовал такое изнеможение, что хотелось прилечь и вытянуться, хотя бы на несколько минут. Но Джайлс знал, что стоит ему принять горизонтальное положение, и он не сможет сопротивляться желанию уснуть.

Ему надо сосредоточиться. В каждой ситуации можно найти выход. С Капитаном трудно было спорить просто потому, что ее возражения определялись неведомыми ему психологическими и социальными факторами. Если бы придумать способ предоставить инопланетянке то, чего она хочет, не рискуя при этом человеческими жизнями и не нарушая собственных обязательств...

Он вздрогнул и проснулся, почувствовав, что кто-то стоит рядом, почти вплотную к его левому локтю.

Он обернулся. Это был Эстивен.

— Сэр, сэр... — сказал Эстивен хриплым голосом. По его серому от беспощадного света ламп лицу катились крупные капли пота.

— Что такое? — спросил Джайлс.

— Мне... — Казалось, что у него нет сил говорить. — Мне нужна помощь, сэр. Вы... Вы мне можете, ваша честь, сэр?

— Разумеется, если смогу, — сказал Джайлс. — Садись, старина, а то упадешь.

— Нет... нет, спасибо, ваша честь. — Эстивен закачался. — Мне необходимо... Это просто просьба, небольшая просьба. Но необходимая. Прошу вас, Эдель, пойти мне навстречу. Понимаете... я... этот Капитан...

— Так что же ты хочешь сказать? — еще раз спросил Джайлс. — Соберись с духом. И говори внятно.

— Дело в том, что мне нужно... Нет ли у вас, ваша честь, сэр, нет ли у вас листочка бумаги... например, в вашем бумажнике?

— Бумаги? Нет, у меня нет даже блокнота или ручки... — Джайлс вдруг замолчал, уставившись на Эстивена сузившимися глазами. — Это что, опять насчет музыки? Да как...

— Нет, сэр! Нет, ваша честь, сэр! — сорвался крик с бескровных губ Эстивена. — Я не могу вам объяснить. Но мне необходимо некоторое количество бумаги. Просто потрогать. Просто посмотреть на нее. Прошу вас, заклинаю...

В голосе Эстивена слышалась неподдельная боль. Джайлс машинально принялся рыться в многочисленных карманах космического костюма. Там оказалось много разного хлама, но никаких бумажек. Был, разумеется, приказ о присвоении офицерского звания, но это же бесценный документ. Эстивен не должен знать о нем. Бумага на Земле была почти коллекционной редкостью, во всяком случае теперь. Ее производили в большом количестве в Колонизованных мирах. Неужели Эстивен считал, что Джайлс здесь, на чужом корабле, в космическом костюме найдет в кармане ценнейший...

Ну, конечно! Джайлс выудил из правого кармана брюк бумажник с удостоверением личности. Позади удостоверения лежал хранившийся на память сложенный в несколько раз банкнот, выпущенный шестьдесят лет назад одной маленькой африканской страной перед тем, как все независимые виды валют были заменены Международным кредитным стандартом. Эстивен вцепился было в банкнот, но Джайлс забрал его из его дрожащих пальцев.

— Минуту, — резко сказал Джайлс. — Ты же говорил, что хочешь только посмотреть на него, потрогать.

— Потрогать, подержать... Если бы мне можно было на время оставить его у себя... — В уголках рта Эстивена начала собираться слюна. Нижняя челюсть совершала неритмичные жующие движения. Джайлс всмотрелся в его лицо, вылезавшие из орбит глаза, серую кожу, и вдруг его осенило.

— Да ведь ты принимаешь тонк! — Джайлс отреагировал мгновенно, спрятав банкнот, и вопль, который издал при этом Эстивен, был достаточно красноречив. — Ты жуешь тонк! Я слышал об этом наркотики — кажется, это один из псевдогаллюциногенов, так ведь? После приема некоторое время все кажется нереальным. Так вот что с тобой происходило!

— Ваша честь, сэр... — Эстивен кружил вокруг Джайлса, пытаясь дотянуться до его руки с банкнотом за спиной. Его подбородок был залит слюной. — Прошу вас, вы представить себе не можете, что это за муки. Боль от каждого звука. Больно двигаться и даже...

Джайлс отпихнул его. Это было все равно что толкнуть ребенка. Казалось, Эстивен совсем обессилел. Соскользнув с койки на пол, он, задыхаясь, пресмыкался у ног Джайлса.

— Пойми же, — сказал Джайлс ледяным голосом, хотя ему было невыносимо тяжело видеть человека в таком состоянии. — Даже если бы я тебе дал банкнот, тебе бы хватило его на пару раз, а пройдут еще недели, прежде чем мы достигнем планеты, где ты сможешь раздобыть себе бумаги. Ведь тонк принимают вместе с бумагой, не так ли? Целлюлоза несколько смягчает действие, иначе тонк может поразить насмерть. А как случилось, что ты стал принимать эту отраву?

— Что может знать Эдель вроде вас? — почти за визжал с пола Эстивен. — Я умею играть на тридцати двух инструментах, но кому это теперь нужно? Я стал разрабатывать развлекательные программы. Аранжирую и проигрываю идиотские пленки с идиотской музыкой для идиотов-арбайтов, вот и все, что у меня есть в жизни. И что будет впереди — на Земле или там, в колониях... Заклинаю вас, дайте мне половину этой бумажки... маленький клочок, чтобы я мог принять горсточку тонка, оставшуюся у меня...

— Нет. — Джайлс поднялся на ноги и спрятал банкнот в карман. — Я не могу помогать тебе губить себя. И не стану. Ведь когда наркотик кончится, тебе все равно придется жить без него.

Он вышел за переборку в носовой отсек, подальше от причитаний Эстивена. Казалось, кто-то огромный и страшный сдавил его внутренности. Все, чему он научился, все, во что он верил, теряло всякий смысл при виде Эстивена, распростертого на полу и молящего о клочке бумаги. Подступило удушье, словно прекратился доступ воздуха. Так пресмыкаться и унижаться... Все, что угодно, только не это.

Он прошел в носовой отсек и принялся расхаживать взад и вперед. Проблемы без конца. Теперь, зная, что происходит с Эстивеном, нужно решить, чем ему можно помочь. Ясное дело, Эстивену придется обходиться без наркотика и справиться с пагубной привычкой. Но, несомненно, он нуждается в заботе и внимании...

Джайлс нахмурился, пытаясь вспомнить, что он знает о тонке, одном из контрабандных токсических веществ, которые изготовлялись и имели хождение в среде арбайтов. Если он не путает, это чисто синтетическое вещество, первоначально использовавшееся в лечении психических заболеваний, пока не обнаружили его вредные свойства и реакция быстрого к нему привыкания.

Сложная молекулярная цепочка, которая влияла непосредственно на нервную систему, вызывала отравление и смерть. Химически она была близка карбогидратам, любой из которых был способен замедлить ее действие, если принять один из карбогидратов одновременно с небольшим количеством наркотика в виде серого порошка. Самым удобным и эффективным из карбогидратов, сочетающимся с наркотиком, оказалась обычная целлюлоза, содержащаяся в бумаге. Если медленно жевать тонк вместе с бумагой, то химическое поглощение его организмом происходит медленно, в течение часов, а то и нескольких дней. С другой стороны, даже небольшое количество наркотика давало более длительный эффект. Наркотик значительное время сохранялся в организме, и при таких условиях распад, и моральный, и физический, наступал довольно скоро.

В плодах *иб* было мало карбогидратов и много протеина. К тому же эти карбогидраты усваивались легко

и быстро, почему не могли замедлить эффект тонка. Джайлс понял, почему Эстивен покушался на книгу по навигации: ее страницы изготовлены из растительных волокон...

Ход его мыслей был нарушен каким-то завыванием.

Эстивен шел к носовому отсеку корабля, с его губ свешивалась длинная струйка слюны, он издавал звуки, которые слышал Джайлс. Потом на миг затихал, двигал челюстями, глотал слюну и снова выл. Руками, вытянутыми вперед, он шарил, как слепой. И явно не слышал, не замечал Джайлса.

Он принял дозу наркотика, подумал Джайлс, в чистом виде.

Джайлс поспешил проскочить средний отсек и выйти ему навстречу.

— Я помогу тебе, — крикнул он. — Держись. Мы что-нибудь придумаем.

Вытаращенные глаза Эстивена смотрели сквозь Джайлса. Джайлс схватил его за плечи и развернул в обратном направлении. Эстивен сопротивлялся с невероятной энергией. Затем метнулся в сторону пресса для плодов иб. Вытянув руку, он ухватил рукоятку пресса, дернул за нее, съеденная ржавчиной рукоятка выскочила из паза и переломилась. В руке Эстивена оказалось нечто похожее на лом с заостренным концом.

Он двинулся вперед, по-прежнему подвывая, и замахнулся на Джайлса. Тот пригнулся, нырнул под его руку, пытаясь избежать удара, но железная рукоятка проехала по его голове. Стараясь удержаться на ногах, Джайлс откатился в ревущую алую тьму...

Как сквозь пелену он увидел, что Эстивен идет мимо него.

— Книга, — прохрипел Джайлс, обращаясь к арбайтам. — Книга по навигации! Он пошел за ней... остановите его!

Когда сознание вернулось к нему, он увидел, что арбайты даже не пытаются задержать Эстивена. Они расступались перед ним, стараясь держаться подальше. Джайлс, согнувшись и спотыкаясь, побрел вслед за сумасшедшим.

В проеме первой переборки появился Хэм. Эстивен снова взмахнул металлической палкой, обрушив ее на правое предплечье Хэма, и тот с тяжелым стоном отлетел в сторону. За Хэмом, перед книгой, лежавшей

на сверкающей алмазами подставке, появилась высокая, узкая, темная фигура Капитана.

— Эстивен, нельзя! — вскрикнул Джайлс, кидаясь вперед. Но не успел. Эстивен в третий раз нанес удар ломом.

Увернуться было невозможно. И человек непременно оказался бы жертвой этого удара. Но фигура Капитана заколыхалась, тело ее грациозным змеиным движением изогнулось дугой, и палка просвистела мимо. Одновременно ее правая рука стремительно протянулась вперед — не для того, чтобы схватить, а чтобы ударить; три длинных пальца сложились в тупоконечный стержень, вонзившийся в грудь Эстивена.

От сильного удара человек покачнулся и упал.

Он выронил свое оружие и какое-то время лежал без движения. Потом с полузадушенным стоном попытался встать на ноги. Досталось ему здорово, во всяком случае, дышать было страшно тяжело, может, и ребра сломаны, однако наркотик пока действовал. Шатаясь, он, точно слепой, двинулся туда, где лежала навигационная книга.

Инопланетянка ждала его. Но прежде чем она успела схватить Эстивена, Джайлс сумел напасть на него сзади и повалить на пол. Инопланетянка сделала шаг вперед, но теперь путь ей преграждал Джайлс.

— Нет! — крикнул он и перешел на альбенаретский. — *Я запрещаю! Он не ведает, что творит!*

— *На этот раз я его прикончу,* — мощные пальцы Капитана нацелились в лицо самого Джайлса. — *Я вас предупреждала.*

Эстивен шевельнулся, пытаясь подняться, но над ним навис Хэм. Его тяжеленный кулак, напоминавший булыжник, готов был в любой момент сломать Эстивену шею.

— Смотри не убей его! — крикнул ему Джайлс.

Однако он опоздал: гигант уже занес руку и лишь каким-то чудом Джайлсу удалось отклонить направление удара. Кулак опустился Эстивену на макушку, пощадив хрупкие шейные позвонки.

Джайлс снова повернулся к Капитану — как раз в тот момент, когда инопланетянка явно намеревалась попросту смести его со своего пути. *«Нет! Подумайте. Вы куда сильнее любого из нас, но что будет, если все мы объединим усилия? Если вам совсем*

не страшно за себя, вспомните о той новой жизни, которую вы несете в себе. Неужели рискнете, не испугаетесь? Ведь мы, все вместе, способны убить вашего гитя».

Инопланетянка как-то совсем не по-человечески замерла на шагу, обретая прежнюю монументальность, словно никогда и не двигалась с места.

— *Теперь я догадался, чем он болен, — быстро проговорил Джайлс. — И могу гарантировать вам, что он ни шагу не сделает на корабле без спросу и не прикоснется к вашему драгоценному журналу.*

Инопланетянка по-прежнему не шевелилась, изображая монумент. Количество адреналина, выброшенное в кровь после того, как Джайлса стукнули по голове металлической ручкой, и помогавшее ему держаться на ногах, явно стало уменьшаться. Джайлс чувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

— *Поверьте мне! — с нажимом произнес он. — Либо так, либо этак, но я не позволю вам убить никого из моих людей!*

Какое-то мгновение жизнь Эстивена — а возможно, и жизни остальных членов экипажа — висела на волоске. Джайлс изо всех сил старался держаться прямо и смотреть Капитану в глаза — в эти темные непроницаемые нечеловеческие глаза. В душе он молился, чтобы инопланетянка не обнаружила, насколько серьезно он ранен, как и того, что у Хэма, по сути дела, действует лишь одна рука и что остальные, застывшие как кролики перед волчьей пастью, без них с Хэмом совершенно беззащитны.

— *Хорошо, — Капитан сделала шаг назад, — на этот раз — и пусть он будет последним! — я дарю вам жизнь этого арбайта. Но больше я подобного не потерплю.*

Она повернулась и исчезла за перегородкой. Джайлс тоже повернулся и... потерял сознание, успев понять, однако, что его подхватили одновременно десять рук и среди них — руки Мары и Бисет.

Глава 10

Пятнадцатый день. 16 часов 19 минут

— Ну как, вам лучше? — спросила Мара.

— Да вроде бы, — ответил Джайлс и тут же укорил себя за столь невразумительный ответ. — Ерунда. Мне, конечно, гораздо лучше. Я просто отлично себя чувствую.

— Ну, не то чтобы отлично, — сказала Мара, пристально на него глядя. — Уж я-то лучше знаю, однако жить вы, по крайней мере, будете.

— Жить? Ну, разумеется, я буду жить. Почему бы, собственно, и нет? — голос звучал глухо.

— Потому что у вас, по всей вероятности, было серьезное сотрясение мозга, — пояснила она. — Знаете, если стукнуть металлом по кости, то прочнее почему-то оказывается металл.

— Да ладно, давай не будем об этом, — сказал Джайлс и потрогал свою забинтованную голову. Несмотря ни на что, ему было приятно, что кто-то заботится о нем, тревожится о его здоровье. — Надо признаться, случившееся в последнее время я помню не слишком ясно. А я долго был...

Он помялся, подбирая подходящее слово.

— Долго ли вы были без сознания? — спросила она. — Пять дней.

— Пять дней? — Он уставился на нее. Не может быть! Пять дней!

— Пять, — мрачно подтвердила Мара.

Джайлс почувствовал, что говорить ему трудно. Он полежал неподвижно, наблюдая за Марой, что-то делавшей у его постели.

— Но это же не моя койка! — вдруг сообразил он и попытался сесть. Она мягко уложила его на подушку.

— Вам нужно отдохнуть, — сказала Мара. — Лежите спокойно. Мы перенесли вас сюда, чтобы Капитан не видела, насколько вы беспомощны.

— Хорошо, — сказал он, пристально вглядываясь в горевшие над головой лампы. — Вы мудро поступили.

— Разумно.

— Хорошо — пусть разумно. — Он начинал припоминать случившееся. — А как там Хэм?

— С ним все в порядке.

— Руку-то он не сломал? Я боялся, что сломал.

— Нет. Только ободрал. Да у него вообще кости, как у хорошего коня.

Джайлс вздохнул с облегчением.

— А Эстивен?...

— У него, по-моему, два ребра сломаны. Нам пришлось его дня на два связать, пока у него была «ломка», — сказала Мара. Она подошла к изголовью и протянула ему маленький пластиковый пакет, в котором было примерно две столовые ложки какого-то сероватого порошка. — Это все, что осталось от его запасов тонка. Мы подумали, что вы захотите, чтобы наркотик хранился именно у вас.

Он протянул руку — что совершенно неожиданно потребовало от него невероятных усилий — и, взяв пакетик с остатками наркотика, сунул его в нагрудный карман космической куртки.

— Значит, вам пришлось его связать? — переспросил Джайлс. — Ну, а сейчас-то он как?

— Тихий, — ответила она. — Даже слишком тихий. Нам приходится все время следить за ним. Он уже несколько раз пробовал совершить самоубийство. Во время «ломки» у них часто бывает депрессия, особенно когда боли утихнут. Так Бисет говорит. Она видела, как это бывало с другими наркоманами, которых арестовывала полиция. А еще она говорит, что такая депрессия

может длиться неделями. И что всем нам было бы лучше, если б он убил себя.

Джайлс только слабо покачал головой.

— Бедняга, — проговорил он. — Бедный мальчишка!

— Никакой он не мальчишка и вовсе он не бедный! — резко возразила Мара. — Он просто очень несчастный, может быть, даже не совсем нормальный психически, взрослый человек, который пристрастился к наркотикам и чуть было не погубил всех нас.

Джайлс изумленно посмотрел на нее.

— Я, наверно, просто неудачно выразился, — проговорил он. — Но все-таки я не понимаю...

— Да, — сказала она. — В том-то и беда. Вы не понимаете!

Она повернулась и вышла из отсека. Ему вдруг очень захотелось вскочить и последовать за ней, заставить ее объясниться. Но при первой же попытке сесть в голове у него помутилось, и он снова лег, кляня собственную беспомощность и не в силах справиться с нею.

Потом он уснул. И проснулся, когда остальные члены экипажа, по всей видимости, спали. Динамик рядом с ним включен на минимальную громкость, не было слышно голосов, никто не разговаривал. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше, и в голове значительно прояснилось.

Он огляделся. В хвостовой части корабля он один. Все было по-прежнему. Даже отломанная ручка пресса аккуратно приварена обратно. Интересно, с помощью чего? Ди и Фрэнко, должно быть, переехали в другой отсек. Мысль о том, что они сделали это, заботясь о нем, слабом и больном, была странно приятной. Любопытно. До того как он отправился с Земли в эту экспедицию, ему и в голову бы не пришло задумываться о том, что вот ведь кому-то из арбайтов пришлось убраться с насиженного места, поскольку ему, Джайлсу, это место понадобилось.

Пол Ока был тогда прав: он, Джайлс, никогда по-настоящему не понимал арбайтов. Во всяком случае, он никогда не понимал их так хорошо, как теперь, прожив с ними бок о бок пятнадцать дней. С другой стороны, Мара только что сказала ему, что он их по-прежнему не понимает, и это, разумеется, тоже правда. Он криво усмехнулся.

Но проблемы взаимопонимания к делу сейчас не относятся. Он, возможно, сваял дурака, подвергнув риску и выполнение задания, и собственную жизнь, спасая Эстивена от Капитана. Зато теперь он убедился, что ему на роду написано в известных случаях проявлять дурость. Странно... Мара рассердилась, когда он назвал Эстивена мальчишкой! Он произнес это слово, не подумав, как любой из клана Эделей в подобном случае. Но Мара, разумеется, права: Эстивен — не мальчишка, хотя Эдели привыкли считать арбайтов примитивными, инфантильными, от рождения несколько ущербными и весьма мало образованными.

Занятно, но именно в этот миг ему пришло в голову: а не наоборот ли? Рабочие на корабле были кем угодно, только не примитивными «недозрелыми» людьми. На самом деле, если исключить Ди и Хэма — а если подумать, то не исключая даже их, — арбайты на корабле были не просто взрослыми людьми, но людьми, обладающими богатым и нередко тяжелым жизненным опытом, сильно повлиявшим на их теперешние характеры.

А вот сам он... может быть, именно его-то и можно было назвать незрелым. Жизнь не коснулась его своей тяжелой дланью, не внесла особых изменений в его характер. Набор черт характера и реакций, свойственных ему, — это все равно что костюм из магазина готового платья: только и ждет, когда его примерят; и надел он этот «костюм» в столь раннем возрасте, когда и оценить-то его по достоинству был еще не способен. И с тех пор, не задумываясь, носит его. И только после этого отлета с Земли, после пожара на космическом лайнере, после перехода на спасательный модуль с горсткой оставшихся в живых рабочих Джайлс начал задумываться о многом, что ему раньше и в голову не приходило. Да и сам стал меняться. Новые чувства и новый опыт, обретенный вследствие пережитого, сперва сбили его с толку. Он не сразу смог понять, что правильно и что неправильно из того, что прежде принималось за нечто само собой разумеющееся.

Теперь он чувствовал растерянность и слабость. Чувствовал себя странно несчастным и не мог определить причину этого. Ему будто чего-то не хватало... чего-то совершенно необходимого. Некоторое время он тешил себя мыслью, что это, возможно, просто физическое

недомогание, вызванное сотрясением мозга. Но что-то уж больно не похоже...

Он решил не думать об этом. Существовали куда более важные проблемы. Если он действительно пробыл без сознания целых пять дней, то спасательный корабль всего через несколько часов окажется в точке возможной перемены курса, и еще можно будет приземлиться на 20 В-40, а не лететь на Белбен. Впервые Джайлс чувствовал, что сумеет убедить инопланетянку сделать это.

Пока все остальные спят, время поговорить с Капитаном. Второе осторожнее обычного, понимая, что любое резкое движение может снова вызвать головокружение, Джайлс медленно приподнялся, сел, посидел на краешке кровати и медленно встал на ноги. Голова оставалась ясной. Он ощущал ее чрезвычайно хрупкой, как бы хрустальной, готовой разбиться при сильном толчке, но в целом чувствовал себя вполне прилично.

Джайлс медленно двинулся в носовую часть корабля. По пути осмотрел лозу *иб*. Теперь на ней было полно сухих листьев, и лишь изредка попадался здоровый плод. Добравшись до носового отсека, где стояла его койка, он увидел резервуар для сбора плодов *иб*. Резервуар был заново припаян к корпусу корабля, ближе к тому отсеку, где жила Капитан. Это могла сделать только сама инопланетянка. Джайлс и понятия не имел, что на корабле есть все необходимое для переноски резервуара и установки его на новом месте.

Он заглянул за переборку. Там находился командный пульт управления. Инопланетянка сидела за ним в той же позе, в какой он видел ее в последний раз: на одном из двух кресел у пульта. Глаза ее были закрыты, она не пошевелилась, даже когда он вошел и с грохотом повернул второе кресло, чтобы сесть.

— *Капитан*, — обратился к ней Джайлс на альбенаретском языке.

Ответа не последовало. Длинная темная фигура инопланетянки оставалась совершенно недвижимой.

— *Райумунг*, — снова начал Джайлс, — *мне необходимо поговорить с вами. Настало время решать судьбу.*

Ни малейшей реакции.

— *Если вы не хотите обсуждать со мной этот вопрос, я обойдусь и без обсуждения*, — сказал Джайлс.

Медленно открылись круглые темные глаза. Медленно повернулась голова; теперь инопланетянка смотрела на него.

— *Вы ничего не сделаете, землянин. — Гудящий чужой голос был, как и всегда, абсолютно бесстрастен, но звучал теперь как бы издалека. — Я еще не настолько беспомощна, чтобы не держать под контролем все, что происходит на этом спасательном корабле.*

— *Нет, не беспомощны, — сказал Джайлс, — но с каждым днем вы отдаете все больше своих сил той новой жизни, что таится в вас. Я считаю, что вы слабеете быстрее нас, ибо мы слабеем только из-за недостатка еды и питья.*

— *Нет, — сказала Капитан, — Я сильнее вас и останусь сильнее.*

— *Я готов согласиться. Мне это безразлично. А не безразлично мне лишь одно: очень скоро будет поздно менять курс на 20 В-40.*

Темные глаза некоторое время не мигая смотрели на него.

— *Откуда вам это известно? — спросила инопланетянка.*

— *Известно, и все, — ответил Джайлс. — Этого вполне достаточно. Возможно даже, что я и сам смог бы изменить курс на 20 В-40...*

— *Нет, — сказала инопланетянка. Впервые Джайлсу показалось, что голос Капитана чуть дрогнул. — Вы лжете мне. Лжете глупо. Здесь, в космосе, вы совершенно беспомощны, как и вся ваша раса.*

— *Не вся наша раса так уж беспомощна в космосе, — возразил Джайлс. — У нас есть люди, которые умеют управлять межзвездными кораблями. Но вы прервали меня. Я собирался сказать, что независимо от того, могу я изменить курс спасательного корабля или нет, я этого делать не стану, ибо уважаю решения командующего любым космическим кораблем, находящимся в межпланетном пространстве.*

— *В таком случае уважайте и решение держать курс на Белбен.*

— *Этого я не могу, — сказал Джайлс. — Подобно тому, как вы чувствуете ответственность перед той единственной жизнью, которую несете в себе, я испытываю ответственность за семь грустных человеческих жизней — за жизни членов нашего экипажа.*

— Жизни рабов, — проговорила инопланетянка, — ничего не стоят.

— Они вовсе не рабы.

— А я считаю, что рабы, и совершенно бесполезные.

— А я считаю, что полноценные мужчины и женщины. И они непременно должны остаться в живых. Я должен обеспечить это! И ради этого готов отдать Капитану то, чего она хочет.

— Вы? — Инопланетянка не сводила глаз с Джайлса. — Вы не можете вернуть мне мою честь.

— Нет, — возразил Джайлс, — могу. Я могу назвать того, кто уничтожил ваш космический корабль. Я могу передать этого человека в ваши руки.

— Вы... — Инопланетянка буквально взвилась. — Вы знаете, кто это сделал?

— Только дотроньтесь до меня... — быстро проговорил Джайлс, потому что длинные тонкие руки почти схватили его за горло, — ...дотроньтесь только, и я обещаю вам совершенно твердо: вы никогда ничего об этом не узнаете.

Инопланетянка снова рухнула в кресло.

— Скажите мне, кто это, — проговорила она. — Во имя всех тех, кто работал на моем корабле вместе со мной, во имя того, кого я ношу в себе... скажите мне, землянин!

— Я скажу вам, — проговорил Джайлс. — И отдам названного мною человека в ваши руки — и только в ваши, — чтобы вы делали с ним все, что хотите. Но это произойдет только тогда, когда все люди, находящиеся на борту, благополучно приземлятся на 20 В-40.

— Вы хотите заставить меня изменить курс, который столь же важен для меня, как моя честь и исполнение долга! — проговорила инопланетянка. — Вы хотите утаить важнейшую информацию до тех пор, пока я не потеряю последней надежды спасти честь еще не рожденного мной, но последнего в моем роду? Вы хотите утаить эту информацию, пока вы сами и прочие люди не приземлятся благополучно и не окажутся среди подобных вам гуманоидов, а те так или иначе станут защищать вас? Вы хотите обмануть меня, землянин!

Она почти кричала, произнося эти слова.

— Я назову вам имя этого человека и передам его в ваши руки с тем, чтобы вы спокойно поступили с ним так, как считаете нужным, и вам при этом не помешает никто, — медленно, с расстановкой проговорил Джайлс. — Я обещаю вам, я даю вам слово, и таковы условия нашей сделки. Жители Альбенарета уже много десятков лет имеют деловые контакты с землянами, Капитан. Разве кто-либо из рода Эделей когда-либо обманывал вас?

— Это правда, — проговорила инопланетянка, глядя на экран приборного щита, словно надеясь найти там какую-то подсказку и помощь. — Слово свое такие, как вы, всегда держали твердо. Насколько мне известно.

Она умолкла. Джайлс ждал. Ни в командном отсеке, ни за переборками не было слышно ни звука. Наконец инопланетянка шевельнулась и произнесла тем же, как бы издалека идущим голосом:

— Я должна поверить вашему слову. Если я этого не сделаю, а вы окажетесь честным в своих намерениях, то я совершу еще большее преступление против чести, ибо не использую возможности восстановить свою честь.

Джайлс чуть слышно выдохнул. Он даже не заметил, что все это время дышал едва-едва, самыми верхушками легких — столь велико было его напряжение в ожидании ответа Капитана. Она обернулась и посмотрела прямо на него.

— Я прямо сейчас внесу первые изменения в курс, а чуть позднее — последующие, — сказала она. — После первой поправки мы двенадцать часов будем следовать этим курсом, прежде чем будет можно внести вторую поправку.

Глава 11

Шестнадцатый день. 17 часов 9 минут

— Я хочу, — начал Джайлс, — чтобы вы знали: ситуация очень серьезна. Нам придется жить на борту этого спасательного корабля еще самое малое двадцать семь дней; а лоза *иб* дает все меньше плодов, и причина этого так же мало понятна Капитану, как и нам. Похоже, что-то отравляет растение. Капитан полагает, что именно мы, люди, являемся отравляющим лозу элементом. Двадцать семь дней мы сможем прожить и при самом минимальном рационе, однако сок этих плодов — наш единственный источник питья. Вам придется постоянно помнить об этом и постараться приучить себя к ничтожному количеству жидкости, выпиваемому за день.

Джайлс собрал всех арбайтов, включая Эстивена, который чувствовал себя много лучше. Он рассказал им, к какому полу в действительности принадлежит Капитан, а также о своих переговорах с инопланетянкой. Арбайты слушали молча. Легкий шепоток волнения прошел только, когда он сообщил, что, возможно, им придется приземлиться раньше, чем было рассчитано. Но в целом они реагировали не так бурно, как он ожидал.

Джайлс сделал вывод, что они недооценивали серьезности ситуации, в которой оказались. Или просто не

поняли, о чем он им говорил сейчас. Мысль об этом не давала Джайлсу покоя.

— Вы ведь следили за моим рассказом, не правда ли? — резко спросил он, обращаясь ко всем сразу. — Вы достаточно хорошо понимаете, что с нами происходит? Если мы намерены выжить, нам придется собрать для этого все свои физические и душевные силы. Вы ни в коем случае не должны падать духом. Понимаете ли вы, насколько серьезно наше положение даже теперь, когда курс корабля изменен?

Ответом было молчание. Затем послышалось что-то вроде одобрительного шепота или невнятного бормотания, прерванного негромким, но весьма странным звуком, донесшимся из носового отсека. Там находилась Капитан, скрытая панелью пульта управления. Звук походил на легкое покашливание — как если бы инопланетянка, слышавшая речь Джайлса, вдруг решила вежливо дать понять, что тоже хочет высказаться.

Джайлс посмотрел в сторону носового отсека. Все остальные тоже прислушались, однако звук не повторился.

— Что это было? — спросила Мара.

— Не знаю, — ответил Джайлс. — Капитану пора вносить вторую поправку в курс и направить наш корабль на 20 В-40. Может быть, что-то случилось, и...

Он вскочил.

— Оставайтесь на месте, — сказал он и поспешил в носовой отсек.

Обогнув пульт управления, он подошел к инопланетянке. Звездная книга повернута на подставке так, что читать ее можно было с кресла, в котором сидела Капитан. Руки ее лежали на подлокотниках, спина напряженно застыла, глаза закрыты.

— *Капитан Райумунг!* — окликнул ее Джайлс по-альбенаретски. — *Возникли какие-то сложности? В чем дело?*

Ответа не последовало: инопланетянка сидела совершенно неподвижно. Безжизненно.

— *В чем дело, Капитан? Что случилось?* — вопрошал Джайлс.

Ответа по-прежнему не было. Рот инопланетянки чуть приоткрыт, дыхание едва ощутимо, а тело недвижимо. Джайлс протянул руку и легонько приподнял темное веко. Инопланетянка потеряла сознание.

— В чем дело? — вдруг услышал он голос Мары и обернулся. Нарушив приказание, арбайты последовали за ним и теперь стояли полукрутом, глядя на Капитана.

— Она без сознания, — ответил Джайлс. Не знаю почему. Осмотри ее, Мара. Может, сумеешь установить причину.

Мара отодвинула его в сторону и безуспешно пыталась нащупать пульс на тонкой длинной руке инопланетянки. Потом, совсем как Джайлс, приподняла веко инопланетянки. Затем стала искать пульс в самых различных точках тела Капитана и наконец нашла — на шее, у самого основания черепа.

— Поймала! — воскликнула она. — Бьется. Хронометр у кого-нибудь есть? Нету? Грос, ты не можешь сделать так, чтобы твой компьютер отсчитывал секунды?

— Конечно, могу, — ответил Грос. Включил компьютер и начал громко считать вслух, следя за экраном: — Один... два... три...

Мара подождала, пока он досчитает до тридцати.

— Можешь больше не считать, — сказала она. — Эдель, — она повернулась к Джайлсу, — она жива. Однако трудно в это поверить. У нее пульс — шестнадцать ударов в минуту! У жителей Альбенарета сердце в обычном состоянии бьется настолько медленно?

Джайлс покачал головой.

— Не знаю. Однако так медленно — вряд ли. Они живут не дольше, чем мы, вполне теплокровны и почти так же активны. В состоянии покоя частота пульса у них обычно такая же, как у человека: примерно семьдесят ударов в минуту...

— Так или иначе, похоже, что Капитан пребывает в коматозном состоянии. Или у нее что-то вроде летаргии.

Бисет произнесла вслух то, что было у всех на уме.

— А вторая поправка в курс внесена до того, как она впала в это состояние? Как вы думаете, ваша честь?

— Я очень и очень на это надеюсь, — ответил Джайлс.

Он внимательно осмотрел пульт управления, однако не обнаружил никакой информации, которая помогла бы ответить на вопрос Бисет.

— Я обследую показания контрольных приборов и постараюсь что-нибудь выяснить, — сказал Джайлс. — Не стоит предполагать худшее, пока мы ничего не знаем

наверняка. Капитан имела твердые намерения... — Он заставил себя замолчать. Он, разумеется, не сообщил арбайтам о своем предложении Капитану выдать виновника взрыва на лайнере. — У нее были собственные весьма веские причины взять курс на 20 В-40. Возможно, кома — естественное для жительницы Альбенарета состояние в период беременности. Капитан, возможно, сознавала, что такое вероятно, и постаралась внести необходимую поправку в курс корабля до того, как потеряла сознание.

— А если это приключилось с ней неожиданно? — спросила Мара.

— Я уверен, что она не утратила способности контролировать себя, — сказал Джайлс несколько напряженно. — Приготовьте постель и уложите ее. Ну же, скорей! — рявкнул он, заметив их нерешительность.

Хэм, Грос, Мара и Бисет подняли безжизненное тело инопланетянки и понесли прочь. Джайлс снова принялся обследовать приборы пульта управления, хотя не понимал назначения многих из них. О действии одних он догадывался благодаря своим не слишком обширным знаниям в области космической навигации, другие оказались просто похожими на земные. Но экран, на который так любила смотреть Капитан, по всей видимости, был принадлежностью только этого типа космических кораблей. Джайлс одинаково тщательно изучал все приборы подряд, стремясь извлечь нужную информацию.

Но информации он не получил никакой.

Не только о внесении каких-либо поправок — нет, вообще никакой; он так и не узнал, изменила Капитан курс спасательного корабля до того, как впасть в бессознательное состояние, или нет.

Он хотел было отойти от пульта, сдаться, ибо невозможно пытаться решить эту проблему с позиций чистых гипотез, но тут его внимание привлекла навигационная книга.

Сумей он разобраться в содержащейся в ней информации, он, возможно, получил бы ответы на интересующие его вопросы. Но он не в состоянии прочесть записи — не только из-за чуждой ему системы математических исчислений, но потому, что сами эти математические исчисления являлись частью неведомой ему системы космической навигации. И все же Джайлс

пролистал журнал. Каждая страница в два столбца была исписана какими-то каракулями, совершенно бессмысленными с виду значками — такой, наверное, представляется, скажем, арабская письменность неискушенному глазу европейца.

Однако Джайлс заметил, что одна страница книги вырвана.

Он всмотрелся пристальнее: сомнений не оставалось, страницу явно вырвали. Но с какой стати Капитану?..

Эстивен!

— Эстивен! — проревел Джайлс. — А ну-ка, пойді сюда!

Прошло некоторое время, прежде чем Эстивен появился, упирающийся и подталкиваемый арбайтами. Джайлс взял книгу и ткнул в то место, где была вырвана страница.

— Эстивен... — начал он.

Эстивен разразился слезами и рухнул на колени. Он явно пытался что-то объяснить, однако эмоции, переполнявшие его, делали его речь совершенно непонятной и бессвязной.

Джайлс посмотрел поверх головы Эстивена на арбайтов.

— Я звал Эстивена, — сказал он. — А остальных, кажется, нет?

Смущенные, они стали пятиться и вскоре исчезли за первой переборкой. Джайлс дождался, пока все не попрятались окончательно; и только тогда он наклонился и поднял Эстивена с колен.

— Ну, теперь рассказывай, — прошептал он. — Когда ты вырвал из книги страницу? Когда я лежал без сознания?

— Нет... нет... — зарыдал Эстивен. — Это было раньше... гораздо раньше. Еще до того как эта вообра... когда Капитан впервые поймала меня. Поверьте мне... — Эстивен изо всех сил вцепился в руку Джайлса. — Я не вру, я никогда не стал бы вам врать. Вы мне трижды жизнь спасли. Сперва не позволив Капитану убить меня — а ведь она дважды хотела сделать это, а потом, когда помогли отвыкнуть от тонка. Я никогда и не думал, что кому-то не безразлично, умер я или еще жив. Но вам это было не все равно — а ведь вы даже и не знали меня совсем, просто я вместе с вами оказался на корабле. Я для вас что хотите сделаю. Поверьте — я

только одну страничку вырвал, давно... только одну страничку...

— Ну, ладно, — сказал Джайлс, ошеломленный и одновременно тронутый такой бурей чувств. — Я тебе верю. А теперь ступай к остальным и не рассказывай им, о чем мы с тобой говорили. Не говори, что вырвал страницу из книги. Понял?

— Спасибо вам... спасибо, ваша честь, сэр. — Эстивен попятился, потом повернулся и пошел прочь.

Джайлс, чувствуя холодок в душе, вернулся к книге. Он полистал страницы, предшествующие и следующие за той, что была вырвана, надеясь обнаружить какие-нибудь пометки, по которым можно было бы установить номер страницы. Пометок не было, однако подозрения его усиливались и почти превратились в уверенность, когда за спиной его вдруг раздался голос Мары.

— Так вот почему Капитан лежит без сознания. — тихо сказала Мара таким тоном, словно это было не вопросом жизни и смерти, а всего лишь обычной темой для разговора. — Она искала нужную страницу, чтобы внести вторую поправку в курс, и обнаружила, что Эстивен ее уничтожил.

Джайлс резко обернулся.

— Не думай, что... — начал он и осекся. Мара, при ее маленьком росте, обладала удивительной способностью всегда смотреть ему прямо в глаза.

— Мы ведь не дураки и не грудные дети, Эдель, — сказала она. — И, пожалуйста, не нужно обращаться с нами как с идиотами.

Он мрачно посмотрел на нее.

— Хорошо, — сказал он. — Ты, вероятно, права. Эстивен украл и употребил для своих надобностей страницу задолго до того, как Капитан успела что-либо заподозрить. И вполне возможно, что страница, которую он вырвал, содержала именно те сведения, которые были необходимы Капитану для внесения второй поправки.

— Это означает, — подхватила Мара, — что вторая поправка не была внесена. И мы летим сейчас даже не на Белбен, мы летим вообще без какой бы то ни было цели.

— Да, — проговорил он, — похоже, дела обстоят именно так.

Джайлс внимательно посмотрел на Мару.

— Ты отлично держишься, Мара, — сказал он. — По правде говоря, ты меня просто поражаешь. При всех несчастьях, которые постигли наш корабль, ты всегда на высоте и держишься куда лучше арбайтов-мужчин. Единственный арбайт, который в какой-то степени похож на тебя, — это Бисет, тоже женщина.

— Женщины, — сказала Мара, — всегда были более сильным полом, Эдель.

— Да, конечно, — сказал он. — Но ведь вы... — Он недоговорил, однако она закончила его мысль.

— Мы — женщины-арбайты? — сказала она громко. — Это ничего не меняет — даже наоборот. Когда мужчины угнетаемого класса доходят до последней черты, это делает женщин данного класса сильнее, а не слабее.

Он медленно кивнул.

— Когда-нибудь, когда все это кончится, — проговорил он, — мы, может быть, еще поспорим по этому поводу. Но сейчас не стоит тратить силы на спор.

— А для чего мы бережем эти силы?

— Ну, для... — Он улыбнулся так же мрачно, как она порой улыбалась ему. — Ты, возможно, уже сдавалась, а я пока — нет.

Ее лицо неожиданно смягчилось.

— Это хорошо, — сказала она. — Я знала, что вы не сдадитесь. Теперь вам, наверное, придется самому взять на себя управление кораблем и рассчитать для нас вторую поправку курса, чтобы сесть на 20 В-40?

— Взять на себя управление кораблем? — Мара так спокойно проговорила эти слова, что на мгновение Джайлс потерял дар речи. — Я уже пытался объяснить тебе, до какой степени это невозможно.

— А что же еще делать? — спросила она. — Вы не сдались только потому, что все еще надеетесь приземлиться на 20 В-40. Но кто, кроме вас, сможет осуществить посадку?

Джайлс рассмеялся. Так горько, что сам удивился. А вот удивилась ли Мара, он бы не смог сказать. Джайлс повернулся к пульту управления, к чужой ему космической технике.

— Ну хорошо! — сказал он. — Оставь меня одного. Я хочу все обдумать и если есть еще чудо, которое помогло бы нам выкарабкаться из этой истории...

Глава 12

Двадцатый день. 20 часов 45 минут

— Грос, — сказал Джайлс, — сядь и выслушай меня. Да повнимательнее. Если что-то не поймешь, скажи сразу. Можешь перебивать меня, когда потребуется. Сейчас тебе нечего стесняться, мы в таком положении, когда ты...

Он оборвал себя. Хотя в последнее время слишком часто ему приходилось недоговаривать. Он собирался предупредить Гроса, что ситуация, сложившаяся на корабле, в корне отлична от подобных нештатных ситуаций на Земле. Притворяться, что все понимаешь, просто опасно.

— Сейчас, — повторил Джайлс, — просто недопустимо не понимать друг друга. Ясно тебе?

Грос кивнул. Выражение его лица ничуть не изменилось, однако Джайлс почувствовал, как от Гроса исходят мощные волны возбуждения.

— Так, — продолжал Джайлс, — вот что, по-моему, мы должны предпринять: прежде всего определить свое положение в пространстве, то есть корабля как движущейся точки на линии проложенного курса. Затем — определить местоположение цели нашего назначения. Затем на основании этих данных вычислить угол отклонения от нынешнего курса, чтобы достигнуть избранной цели.

К его удивлению, Грос кивнул и сказал:

— Пока что все звучит довольно просто.

— Наверное, потому, что я все слишком упрощаю, — сказал Джайлс. — Попробую объяснить подробнее. Это совсем не так просто, как кажется. Капитану ничего не стоило бы сделать подобные расчеты, поскольку она вела наблюдение за расположением звезд, пользовалась показаниями космических приборов и локций, легко могла определить положение конечной цели нашего полета, соотнести с этим данные локции — как именно, я понятия не имею, и внести соответствующие поправки в курс корабля. Я способен вести наблюдение за космосом с помощью имеющегося на борту оборудования, однако это все, на что я способен. Еще я мог бы ввести готовые поправки в систему управления кораблем. Но с локциями я обращаться не умею. Это умеет только Капитан. Как получить данные для изменения курса, исходя из наших координат, я совершенно не представляю.

— А почему мы должны менять курс? — спросил Грос.

— Потому что спасательный корабль, так же как и большой альбенаретский космический корабль, оснащен подпространственным двигателем. Каждые одиннадцать минут этот двигатель переводит нас в подпространство, а затем возвращает назад. За каждую миллисекунду, что мы находимся в подпространстве, мы покрываем колоссальные расстояния обычного космического пространства. В подпространстве мы движемся всего несколько миллисекунд, но там вероятность следования правильным курсом составляет только восемьдесят процентов, понимаешь? Только около восьми миллисекунд из каждых десяти мы движемся по правильному курсу. Однако если ввести в компьютер спасательного корабля необходимые поправки, он будет все время перерассчитывать курс и возвращать нас на тот путь, что ведет к заданной цели. Со стороны могло бы показаться, что мы движемся каким-то болтающимся курсом. Если нам не удастся правильно рассчитать поправку, каждый раз при входе в подпространство или при выходе из него придется останавливать корабль и определять наши координаты вручную. Это семьсот раз за корабельные сутки, до тех пор пока мы не доберемся до солнечной системы планеты, к которой летим. Такой

полет занял бы примерно тысячу лет, а ее, этой тысячи лет, у нас, разумеется, нет.

Грос согласно покивал. Он по-прежнему источал оптимизм.

— Мы с моим компьютером, — сказал он, — вычислим для вас любую константу, если будут вводные данные этой задачи. С чего начнем?

— Начнем с того, — мрачно сказал Джайлс, — что я попробую применить принципы межпланетной навигации к межзвездному пространству. В основе своей эта задача сводится к обычной геометрии, правда, с движущимися точками вместо постоянных...

Он продолжал объяснения. Ситуация складывалась довольно любопытная. Прежде чем приступить к решению задачи, им пришлось заняться взаимным обучением. Как уже успел убедиться Джайлс, Грос больше интересовался цифрами, чем космическим пространством. И Джайлс с трудом находил способы и приемы, чтобы объяснить Гросу основную задачу в математических символах, доступных пониманию арбайта и пригодных для его дальнейших компьютерных расчетов.

— Вот смотри, — говорил Джайлс, — представь, что ты вырезал из картона, скажем, треугольник и держишь его двумя пальцами за углы. — Он вытянул большой и средний пальцы, чтобы показать, как это делается. Грос кивнул. — Вершина треугольника, остающаяся свободной, — продолжал Джайлс, — может описывать окружность вокруг оси, расположенной между твоими пальцами, понял? — Грос кивнул. — Отлично. Теперь представь, что те две вершины, которых ты касаешься, — известные нам координаты. Тогда положение в пространстве — та вершина, что осталась свободной, и она соответствует некоей точке, принадлежащей этой окружности. Чтобы определить эту точку, ты должен узнать, каков угол между одной из двух уже известных тебе прямых и третьей, проходящей через ту точку в пространстве, координаты которой тоже необходимо определить.

— Ага, — сказал Грос, и лицо его просветлело. Пальцы арбайта, будто танцуя, скользнули на клавиатуру компьютера. Он был похож на музыканта, понявшего, как исполнить трудный пассаж, и ударившего по клавишам рояля.

— Первые три точки, — продолжал Джайлс, — должны быть достаточно заметными и находиться вне данной галактики, а также на достаточном расстоянии от галактической плоскости. Помнишь, я объяснял тебе, что такое галактическая плоскость?

— Да, — ответил Грос.

— Вот и хорошо, такими тремя точками могут быть Дорадус, ядро созвездия Андромеды и ядро спиральной туманности в созвездии Гончих Псов — М 51.

— Я не... — начал было Грос.

— Хорошо, хорошо, — сказал Джайлс. — Ты ничего не знаешь об этих созвездиях. Пусть это тебя не волнует. Важно, что эти точки находятся вне пределов данной галактики, вне ее плоскости. И их легко увидеть из нашей Галактики. А теперь я хочу, чтобы ты понял, как нам с их помощью определить местонахождение корабля.

— Это я понял, — сказал Грос, воодушевляясь. — Конечно, понял! Это простая геометрия, только в трехмерном пространстве.

— Отлично! — воскликнул Джайлс. — Тогда продолжим. Теперь, используя три точки, о которых я говорил, мы определим общие координаты нашей Галактики — настолько общие, что они, видимо, будут включать в себя и Солнечную систему, и Землю, и Белбен, и 20 В-40. После того как мы определимся с помощью этих трех точек, расположенных вне Галактики, нам придется посмотреть звездные карты и выбрать три яркие, известные нам звезды, которые находятся близко от нас. По ним мы сможем сделать более точные исчисления и определить наши координаты. К счастью, в данном случае в этом нет необходимости. Я хорошо запомнил все звезды, мимо которых пролегал наш первоначальный курс на Белбен, и примерно представляю себе, где мы находимся.

Грос кивнул. Ему, видимо, даже в голову не приходило спросить Джайлса, зачем тому понадобилось изучать звездные карты и учиться космической навигации.

— Я даже знаю местоположение планеты 20 В-40 относительно той части пространства, где она находится, а также координаты наиболее крупных планет поблизости от нее, — продолжал Джайлс. — Стало быть, все, что нам теперь нужно определить, — это наше собственное местоположение в данный момент, при-

чем, по возможности, с максимальной точностью; а еще нам нужен угол между нашим курсом и той прямой, что проходит через точку 20 В-40. Капитаном была введена лишь одна поправка в первоначальный курс на Белбен, и я готов спорить на что угодно, что при этом мы пропустили по крайней мере одну фазу перехода в подпространство. Следовательно, мы сейчас находимся не более чем в одной фазе перехода от нашего первоначального курса и все еще в том же звездном окружении, где мне известны все крупные звезды и планеты, которые можно увидеть вот на этом экране... — Он указал на обзорный экран. — В сущности, я действительно неплохо их знаю, так что вычислить наше нынешнее местонахождение сравнительно нетрудно. Я могу воспользоваться системой управления спасательного корабля для определения угловых склонений всех трех звезд, о которых я говорил тебе раньше. Это и даст нам наши собственные координаты. А отсюда мы сможем вывести и угол между нашим теперешним курсом и курсом на 20 В-40, после чего будем готовы проделать поправочный фазовый переход в подпространство.

— А то, о чем вы говорили раньше? — спросил Грос. — То, что вы объясняли сейчас, довольно просто, такого рода вычисления я могу делать хоть во сне. А вот как насчет тех поправок, о которых вы упоминали? Вы сказали, что мы только восемь миллисекунд из десяти в подпространстве движемся по правильному курсу.

— В том-то все и дело, — проговорил Джайлс и тяжело вздохнул. — Именно в этом и заключается сложность проблемы. Поправка вводится, чтобы свести на нет снос космического корабля в подпространстве. Снос бывает разный — это зависит от типа корабля и от курса, которым он следует. Капитан всякий раз справлялась по логии, а нам придется все делать самим — вычислять величину поправки с учетом именно нашего спасательного корабля и именно того единственного курса, который существует между точкой, где мы сейчас находимся, и планетой 20 В-40.

— А как?

Джайлс снова вздохнул.

— Единственное, что я смог придумать, — это вычислить наш курс, затем уйти в подпространство, выйти из него и вновь определить наши координаты, чтобы

понять, насколько далеко мы ушли от прежнего своего местоположения после пребывания в подпространстве. И потом нам придется повторять эту операцию после каждой фазы перехода, после каждого выхода из подпространства, до тех пор пока у нас не будет достаточно данных о том, какая в среднем ошибка возникает после каждой фазы. После чего мы легко вычислим постоянную поправку для сохранения прежнего курса. Другими словами, то, что спасательный корабль делал бы автоматически каждые несколько минут, мы должны будем делать вручную, причем многократно, до тех пор, пока не научимся определять величину поправки.

Грос почесал в затылке.

— Ну хорошо, ваша честь, — сказал он. — Наверное, надо приниматься за дело.

И они принялись за дело. Теоретически, как уверял себя Джайлс, дело заключалось в том, чтобы выполнять все необходимые наблюдения и вычисления, пока у них не наберется достаточно данных. Рано или поздно они с этим справятся. Затем нужно будет определить величину поправки. В исходе этого этапа работы Джайлс был совершенно не уверен, и потому тревога не покидала его. Но до поры до времени все должно идти гладко и без проблем.

Однако Джайлс ошибся. По той простой причине, что жизнь всех людей на борту определялась лозой, а она упорно давала все меньше и меньше плодов.

Ничтожное количество пищи вроде бы никого не возмущало: особого аппетита не было ни у кого. А вот сока теперь явно не хватало даже тем, кто раньше находил его тошнотворно сладким и не утоляющим жажду. Теперь на корабле всем правила жажда. В любое время бодрствовало по крайней мере три-четыре человека, ревниво следивших за созревающими плодами и количеством сока в контейнере. Кожа на лицах натянулась и блестела, люди мучались от сухости во рту и стали подозрительны друг к другу.

Состояние Капитана оставалось без изменений. Дышала она так, что трудно было сказать, дышит ли она вообще, жива она или мертва. Однако она механически проглатывала дневную порцию сока. Ропот, поднявшийся среди арбайтов по поводу того, что эта часть сока тратится понапрасну, в конце концов заставил Джайлса отставить в сторону расчеты.

— Но почему? — причитала Ди. — Капитан ведь не человек. И это именно она поставила нас в такое сложное положение. Она ведь, скорее всего, мертва...

— Она жива! — рявкнул Джайлс. От жажды он плохо владел собой. — Если мы откажем ей в заботе, жители Альбенарета откажутся помочь нам в случае необходимости. Не говоря уже о том, что именно им принадлежит идея выращивания лозы с консервацией сока, с обеспечением корабля всем необходимым для жизни. Мы просто обязаны обращаться с этой инопланетянкой так, как хотели бы, чтобы обращались с нами жители Альбенарета, случись нечто подобное с кем-то из нас.

— К черту все это! — пробурчал кто-то из мужчин. Джайлс быстро вскинул глаза и встретился с хмурыми взглядами Фрэнко, Гроса и Эстивена. Только Хэм смотрел на него открыто и безмятежно.

— Мы не пошлем к черту ни ответственность за Капитана, ни что-либо другое, — медленно проговорил Джайлс, по очереди оглядывая каждого, — по крайней мере до тех пор, пока я здесь. Это вам ясно?

Все молчали. Они еще не были готовы к открытому неповиновению, однако с этого момента Джайлс взял себе за правило: он должен присутствовать в тот момент, когда кто-либо из арбайтов приподнимал безжизненную голову инопланетянки и вливал в ее безвольно приоткрытые губы драгоценную влагу. Дважды он ловил арбайтов на том, что чашка оказывалась пустой. После этого он дал себе дополнительное задание: сам приносил Капитану сок и поил ее.

А между тем их с Гросом расчеты шли неважно. Страдая от изматывающей душу и тело жажды, Джайлс винил себя в том, что был недостаточно внимателен, — они получили первые и явно неверные результаты. Он тщательнейшим образом все пересчитал заново и, с помощью Гроса, обнаружил ошибку.

Однако когда он ввел новые данные в компьютер, их опять постигла неудача. Сорвавшись, он заорал на Гроса. Тот, впрочем, ответил тем же.

— Как это я могу ошибаться? Я никогда ни одной ошибки не сделал. Никогда! Это ваши цифры неправильные... ваша честь, сэр!

«Ваша честь» и «сэр» прозвучали с явным, если не с намеренным, опозданием. Грос продолжал возмущаться

и раздраженно повторял, что ошибки с его стороны и со стороны компьютера невозможны.

— Ладно, я тебе верю, — согласился в конце концов Джайлс. — Давай оставим эту тему и все пересчитаем снова.

И опять они получили ту же неверную цифру.

— Не могли мы так далеко продвинуться за время последнего пребывания в подпространстве, — бормотал себе под нос Джайлс. — Такое отклонение приведет в итоге к ошибке, большей, чем весь путь, который мы успели проделать... Грос, дай-ка мне поглядеть твой компьютер!

Грос неохотно уступил ему свое место. Джайлс тщательно обследовал машину, но не нашел ничего необычного. Самый обыкновенный герметически запаянный корпус с несколькими рядами клавиш, на которые нанесены различные символы или цифры. Были ли какие-то неполадки в его механизме, ни Джайлс, ни сам Грос сказать не могли.

— Ну ладно, — сказал Джайлс, возвращаясь на свое место. — Мы проведем все расчеты еще раз, с самого начала, очень медленно и дважды перепроверя каждую операцию.

Они начали проверку. Джайлс следил за каждым движением Гроса, производившего вычисления с какой-то параноидальной одержимостью. Большая часть его манипуляций была для Джайлса совершенно бессмысленной, но, когда дело дошло до введения в компьютер показателей, которые назвал ему Джайлс...

— Грос! — проревел вдруг Джайлс, и пальцы арбайта замерли на клавишах, словно парализованные. — Грос! — Теперь Джайлс говорил чуть тише, однако все равно очень сердито. — Грос, я только что назвал тебе цифру «девять». А ты нажал цифру «пять».

Грос поднял глаза от клавиатуры и посмотрел на Джайлса: рот арбайта приоткрылся, готовый произнести слова протеста, но... По выражению Гроса Джайлс понял, что на его собственной физиономии, должно быть, написано желание убить арбайта.

— Значит, — проговорил Джайлс с нескрываемой злобой, — ты никогда не ошибаешься, как и твой драгоценный компьютер? Ты никогда не ошибаешься...

Он ничего не мог с собой поделать: он опять орал. Бешенство, порожденное жаждой и безумной усталостью.

стью, билось в глотке. Он уже привстал со своего места... но вдруг сквозь пелену окутавшей его ярости услышал хриплый крик Хэма.

— Нет, это неправильно! — кричал Хэм. — Отпустите ее... отойдите! Ваша честь, сэр... скорее! Скорее сюда!

Джайлс выдрался из кресла и ураганом пронесся мимо Гроса. Огромными прыжками он миновал два соседних отсека и обнаружил, что все собрались вокруг койки, на которой лежало длинное темное тело инопланетянки. Одной громадной ручищей Хэм удерживал Бисет за плечо, а другой, сжатой в кулак, грозил всем остальным, не рискующим подойти к нему слишком близко.

— Ваша честь, — заявил он, и лицо его просветлело при виде Джайлса, — я же знал, что вы бы не позволили им этого. Я так им и сказал. Но она все равно начала...

Он указал на Бисет своим чудовищным кулаком. Та метнула на Джайлса яростный и бесстрашный взгляд.

— Это, — Бисет мотнула головой в сторону Капитана, — представляет угрозу всем нашим жизням. Я намеревалась избавить ее от столь унижительного положения.

Рот и нос Капитана были накрыты оторванным от рабочего костюма арбайтов рукавом.

— Я вовсе не уверен, что Капитан находится в столь уж унижительном положении, — резко сказал Джайлс. — Так или иначе, не вам — я имею в виду всех вас — что-либо предпринимать на сей счет.

Он оглядел всех по очереди. Никто не отвел глаз. Даже лицо Мары было спокойным и решительным.

— И ты тоже? — спросил он у нее.

— И я тоже, — ясным голосом ответила Мара. — Я бы никогда не сделала этого сама, но я не могу мешать людям, которые хотят выжить. Здесь не Земля, Эдель. Мы на спасательном корабле, который с горсткой людей на борту затерялся в просторах космоса, и эти люди имеют право на жизнь.

Ее спокойный взгляд, казалось, обвинял его в том, что он подложил бомбу на борт корабля, из-за которой они невольно стали беспомощными скитальцами в космическом пространстве. Какое-то мгновение он мрачно решал, что бы они сказали, узнай про его слово Капи-

тану — слово, которое он сдержит, даже если Капитан не выживет, — обещание отдать собственную жизнь в качестве выкупа за благополучное приземление корабля на планете 20 В-40. Но, разумеется, сейчас это не имело абсолютно никакого значения. Он не мог рассказать им ничего, как не мог и нарушить данное Капитану слово. Он был наглухо заперт, изолирован внутри представлений, воспитанных в нем с детства.

— Имеете вы такое право или нет, — проговорил он, — но никто, ни человек, ни инопланетянин, не будет убит на борту этого спасательного корабля, пока я в силах остановить вас. Хэм, перенеси Капитана на мою постель в носовой части корабля и с этого момента не оставляй ее ни на минуту. Если тебе нужно будет отойти, позови меня. Что же касается всех остальных... если я обнаружу, что кто-то ранил или убил Капитана, виновный будет навсегда лишен своей порции сока. Если я не смогу обнаружить, кто именно это сделал, то, клянусь словом Эделей, я буду выливать ее порцию сока на пол!

Он подождал, ожидая реакции на свои слова, но все молчали.

— Ладно, — сказал он. — Я ведь понимаю, каково вам сейчас. Но мы должны работать вместе, а не воевать друг с другом. И знайте, если все мы, включая Капитана, живыми доберемся до 20 В-40, я выкуплю контракты каждого из вас, перепишу их на ваши имена и преподнесу вам в подарок. Все вы будете вольны строить судьбу, как заблагорассудится, сможете заплатить за образование ваших детей или потратить эти деньги еще каким-либо образом. Это не подкуп и не взятка. Я дал вам слово.

Он повернулся и пошел к пульту управления, где по-прежнему сидел Грос. Удивительно, Грос не пошел посмотреть, из-за чего возник шум. Джайлс понял, что Грос просто боялся пошевелиться, опасаясь, как бы этот Эдель не уничтожил его, Гроса, как муху.

— Займемся делом, — кратко сказал Джайлс, усаживаясь на свободное сиденье у пульта.

Прошли одни сутки, потом вторые... Грос, когда не был нужен Джайлсу, умудрялся задремать, Джайлс упорно бодрствовал. Он не мог бы с уверенностью сказать, жив он или нет, и вряд ли способен был отличить состояние сна от бодрствования. Что-то за-

ставляло его действовать. Медленнее и медленнее, но действовать...

И все же однажды на экране компьютера засветилась последняя цифра.

— Неужели?... — спросил Грос. — Та самая необходимая поправка?

— Кто знает, возможно, благодаря ей мы попадем прямо в ад, — Джайлс слышал свой собственный хриплый голос, звучавший издали, как если бы говорил не он, а кто-то другой, стоявший на дальнем конце темного длинного туннеля. Он протянул руку — пальцы тряслись, как у алкоголика, — и медленно, осторожно ввел поправку в курс корабля, формула которого уже была набрана на контрольном пульте.

— Ну, а теперь... — проговорил он и нажал кнопку. Они вышли в подпространство. Не возникло ни малейшего ощущения перемены скорости или направления, однако это свершилось. Джайлс неуклюже поднялся и побрел мимо Гроса, прочь от пульта управления кораблем.

— Теперь вам нужно поспать, — проговорила Марра, подойдя к нему сзади. Она коснулась его плеча, поддерживая, когда он споткнулся, и он накрыл ее пальцы своей ладонью. Кожа у нее была нежная, странно прохладная.

— Да... — сказал он словно издали, — наверное, надо поспать.

— Простите, — голос Мары прошелестел ему в самое ухо, — что я... намекнула, что знаю... то, что знаете вы, когда Бисет пыталась убить Капитана.

— Это ничего, — сказал он. — Это не имеет значения.

— А должно бы иметь, — сказала она. Она вела Джайлса к его собственной койке. Длинное неподвижное тело инопланетянки лежало на койке Хэма. Теперь он заметил и Хэма, который стоял возле Капитана и наблюдал за Джайлсом. Джайлс тяжело рухнул на койку и откинулся на спину.

— Немножко посплю... — пробормотал он. — Да. Совсем немножко...

И провалился в тот же темный туннель, откуда прежде доносился до него его собственный голос; и корабль, и арбайты, и Капитан корабля с планеты Альбенарет — все осталось далеко позади.

Глава 13

Тридцать четвертый день
11 часов 45 минут

Лоза дала последний плод.

Они все вместе смотрели, как Джайлс срывал его и некоторое время бережно держал в ладонях. Плод был крупный, мягкий, полный сока; он оставался на лозе до самого последнего момента. Контейнер с соком был полон примерно на три четверти, что составляло шесть дней жизни при половинном рационе. Они проделали такой долгий путь, пока не наступил этот день, — и вот сорван последний плод, отжата последняя капля, а дальше...

Хэм осторожно поднял ручку пресса, чтобы Джайлс смог положить плод в отверстие. Затем надавил на ручку, потом еще и еще, пока весь сок, до последней капельки, не стек в контейнер. Сока оказалось ужасающе мало. Джайлс извлек отжатую мякоть плода и тщательно разделил на восемь равных частей.

— Съешьте это прямо сейчас, — сказал он. — В мякоти еще осталось немного сока, так что сегодня можно пропустить одну раздачу. А с завтрашнего дня мы станем получать по половине обычного рациона, пока не кончится весь сок, имеющийся у нас в запасе. Это единственный способ выжить. Мы должны растянуть запас на все то время, пока жива надежда.

Возражений не последовало. Они проглотили мякоть плода, тщательно высосав каждую капельку содержащегося в ней сока, насухо вылизав миски. Джайлс отправился к пульту управления — проверять дневной курс. Теперь он гораздо быстрее справлялся с этим. Как только поправка вводилась в систему управления, ему, по сути, нечего было делать в течение шести часов. Звезды на обзорном экране казались совершенно неизменными, похоже, они никогда не изменятся, подумал он, и с трудом поборол чувство черного отчаяния, готовое вот-вот окутать его душу. К нему подошла Мара, она теперь, как и все, ходила очень медленно; одежда болталась на ее исхудавшем теле. Мара указала на экран.

— А это что за звезда? — спросила она. — Нет, я имею в виду не планету 20 В-40. Я знаю, что ее мы увидеть не можем. Я имею в виду солнце ее системы.

Он ткнул пальцем в пятнышко света, ничем не отличающееся по виду от множества остальных.

— Разве ему уже не пора становиться больше или ярче?

— Нет. До тех пор пока мы в последний раз не выйдем из подпространства. Этот экран служит лишь для космической навигации. В любом случае та или иная звезда не выглядит ни больше, ни ярче до тех пор, пока до нее не останется один-два дня полета.

— Но мы действительно идем теперь верным курсом? — Голос Мары звучал так, словно ей очень нужно было, чтобы ее еще раз в этом убедили.

— Я полагаю, что да, — сказал он.

— Если курс правильный, сколько еще продлится наш полет?

— По словам Капитана, мы должны достигнуть цели примерно через десять суток. Но это в том случае, если бы курс прокладывала она сама, то есть при идеальных условиях навигации. Не думаю, что от меня можно ожидать столь же блестящих результатов, даже если мы теперь и идем верным курсом. Все-таки, наверное, больше десяти дней.

— Что-то вы не слишком бодро об этом сообщаете, — Мара сделала слабую попытку улыбнуться.

— Извини... — он продолжал следить за экраном и не мог придумать, что бы сказать еще.

Разговор увял, едва начавшись. Впрочем, в последнее время все разговоры не клеились. Джайлс задремал, сидя в кресле, а когда проснулся, Мары уже не было. Звезды на экране смотрели холодными глазами, очень холодными.

Сорок первый день. 12 часов 00 минут

Последняя капля сока с легким шлепком упала из раструба в чашку. Самая последняя. Говорить было не о чем, и они молча выпили свои порции. Последние порции сока.

Бутонов на лозе больше не появлялось, хотя они упорно высматривали их. Бутонов не было, как не было и плодов. Лоза выглядела достаточно здоровой, с блестящими плоскими листьями. Они попытались жевать листья, но это оказалось бессмысленной затеей, ибо листья были безнадежно сухими и горькими, и, чтобы разжевать их, требовалось больше слюны, чем то количество сока, которое они могли дать.

Сорок второй день.

Сорок третий день.

Сорок четвертый день.

Сорок пятый день.

Сорок шестой день.

— Вы по-прежнему следите за курсом? — спросила его Мара шепотом. Голос ее звучал горько. — Вы все еще надеетесь?

— Да. Я должен... — прошептал Джайлс в ответ. Состояние его было не лучше, чем у остальных. Жажда и приходящая с ней тупость мышления не имеют уважения к представителям высших классов, думал он.

— Я поняла, что все мы скоро умрем. Ди, похоже, уже впадает в состояние комы, глаз давно не открывает, и, думаю, первой умрет она. Я не хочу так умирать, просто сдавшись. Вы сможете застрелить меня?

— Нет. — Он поднял голову. — Пока жив хоть кто-то, мы все будем живы.

— Вы просто не хотите помочь мне. Вы хотите заставить меня страдать. — Впервые в голосе ее звучала обида, злость; она бы, наверное, расплакалась, если бы в пересохших глазах были слезы.

Он сидел в командном кресле. Остальные лежали — кто на койке, кто прямо на полу, не имея ни сил, ни желания сдвинуться с места. Кто-то включил динамик на полную громкость, и ни у кого не поднималась рука

выключить его. Какая-то девица пела песенку, причем на редкость пронзительным голосом, в котором слово «любовь» повторялось совершенно неестественное число раз. Ее пение сопровождали однообразный треск барабана и бесконечный грохот ударных. В любое другое время Джайлс сошел бы с ума от такой музыки, но сейчас едва замечал ее. Горло у него болело, глаза жгло, тело казалось высушенным, абсолютно обезвоженным; все желания и чувства исчезали. Возможно, Мара права: это не самый лучший способ умереть. Певица завизжала, ударные совсем расходились. Открылась дверца, ведущая в камеру шлюза.

Он как бы попал в плен галлюцинаций, которые сначала толкнули его за дверцу, ведущую в камеру шлюза, а затем заставили в пустом пространстве космоса увидеть жителя Альбенарета на длинных тонких ногах, одетого в скафандр и в данный момент снимающего шлем.

Когда рядом с ним раздался не то вопль, не то стон, он осознал, что и остальные видят то же. А может, это не галлюцинация? Задышавшись, он приподнялся, подперся локтями, подобрал ноги и с трудом встал, держась за край пульта. Из-под шлема появилось покрытое рубцами и морщинами темнокожее лицо жителя Альбенарета, который уставился на Джайлса.

— Вы не вышли на связь, — голос инопланетянина звучал не очень уверенно, поскольку пользовался он терралингвой.

— Воды... — прошептал Джайлс; голос, казалось, царапал горло, как наждачная бумага.

— У меня с собой нет. Вы получите ее позже. Но связь... мы вызывали вас...

— Я не знаю, где включается связь, как ею пользоваться... Воды!

— Неужели что-то случилось с лозой иб?

Джайлс упал на постель, беззвучно смеясь; он не мог удержаться от смеха, то сгибаясь пополам, придерживая диафрагму, то откидываясь назад. Воды! Что-то случилось с лозой! Воды!! Им нужно сейчас только одно — напиться воды!

Что-то тяжело ударило в корпус корабля. Это был сорок шестой, и последний, день их пути.

Глава 14

— Невероятная история, Эдель, — прошептал директор Горнодобывающего комплекса планеты 20 В-40. Это был маленький розовощекий человечек, очевидно, бывший арбайт, получивший высшее образование и благодаря своему мастерству и прочим выдающимся качествам достигший этого поста. А пост действительно довольно высок, вынужден был напомнить себе Джайлс. Амос Барси был ближайшим помощником представителя Земного правительства на этих горнодобывающих планетах. — Вы позволите налить вам еще?

Джайлс улыбнулся в знак согласия и протянул Барси свой высокий стакан, а потом смотрел, как темное и холодное местное пиво льется, поднимаясь пенистой шапкой. Замечательное зрелище! Рука его дочерна загорела под воздействием ультрафиолетового излучения, проникавшего сквозь иллюминаторы спасательного корабля. Слишком много времени они провели в нем — рука выглядела теперь не только загорелой, но и костлявой, точно птичья лапка с когтями, сжавшими запотевший стакан. Рядом с ухоженными здоровыми руками Барси контраст был особенно заметен.

— Благодарю вас, — сказал Джайлс. — Вы очень любезны.

Он пил, чувствуя, как прохлада льется ему в горло.

— Все еще кажется совершенно невероятным, — проговорил он почти мечтательно, — что этот кошмар позади. С навигационными приборами я сумел справиться-

ся лучше, чем ожидал. Только вот никто из нас и не подозревал, что включенный радиомаяк все это время посылал сигналы о помощи.

— Вы же знаете, это не помогло бы, — откликнулся Барси, — не окажись вы в состоянии привести корабль на достаточно близкое расстояние от нашей солнечной системы. Только после этого ваши сигналы услышал здешний радист.

Барси неожиданно захихикал.

— Никогда не видел, чтобы эти инопланетяне так волновались! — сказал он. — Они все еще не могут поверить, что вы сумели справиться с управлением спасательного корабля, а их соплеменница не сумела.

— Это произошло не по ее вине, — сказал Джайлс.

— Да, надеюсь, что так. — Барси искоса глянул на Джайлса из-под кустистых бровей, и тон его стал более сухим и отчужденным. — Страницы в книге не хватает... и так далее... Очередная тайна. Но я полагаю, что навигационная книга могла пострадать, когда был взорван сам космический корабль.

— Это возможно, — сказал Джайлс.

— Мда... — Барси в своем огромном кресле на колесиках подплыл к столу и вытащил из ящика какой-то листок бумаги. — А вот и еще одно таинственное явление. Ничего особенно важного, но что там произошло с лозой? Жители Альбенарета утверждают, что лоза пострадала от ядовитого вещества, однако космическая ремонтная станция на нашей планете не располагает необходимым оборудованием для химического анализа. Они прислали образец питательной жидкости в нашу лабораторию для проведения соответствующих анализов. В осадке содержится целый перечень органических веществ, однако ни одно из них, насколько мы можем судить, не способно повредить растению. Возможно, эксперты с Альбенарета и сумеют найти среди этих компонентов что-либо вредное для лозы... Мы же обнаружили слабые следы еще одного вещества. — Глаза Барси скользнули по лицу Джайлса, встретились с его взглядом и переметнулись на какой-то предмет в дальнем углу комнаты. — Это наркотик, которым пользуются люди, дрянь под названием «тонк». Наши химики полагают, что именно в нем-то и загвоздка, в том случае, если наркотика в питательную жидкость попало много и в течение длительного времени. Невоз-

можно определить, когда именно произошло отравление растения — я имею в виду точный момент. Может быть, кто-то из пассажиров космического лайнера использовал спасательный модуль для хранения запасов своего наркотика во время любого из пятидесяти последних перелетов. Упомянуть об этом в разговоре с жителями Альбенарета не имеет смысла. Я уже предупредил наших химиков. Как мне кажется, подобные разговоры могут вызвать лишь негативные чувства.

Он посмотрел Джайлсу прямо в глаза. Листок покачивался в его пальцах.

— Я бы все-таки не стал упоминать о наркотиках при инопланетянах. — Он бросил листок в раскрытый верхний ящик письменного стола. — Это только затруднит поиски решения, тем более что наши медики не обнаружили ни у одного из ваших арбайтов ярко выраженных признаков приема наркотиков, обследовав их сразу после приземления.

— Да, — пробормотал Джайлс, — не думаю, чтобы вы обнаружили среди них активных наркоманов.

— Вот именно, — заявил Барси. — Что ж, пожалуй, хватит об этом. Теперь перейдем к другому вопросу. Вы таки задали нашим медикам задачку, требуя непременно вернуть вам костюм, который носили на борту спасательного корабля. Вот он, пожалуйста.

Он потянулся к столу, открыл ящик и вытащил оттуда драный оранжевый костюм Джайлса.

— Спасибо, — сказал Джайлс. И стал шарить в карманах куртки. Там было немного вещей, но среди них — документ о выдаче преступника, который он вынес с горящего корабля и хранил. Документа в карманах не оказалось.

— Что-нибудь пропало? — спросил Барси. Он явно следил за ним.

— Ничего такого, без чего нельзя обойтись, — ровным голосом ответил Джайлс. Что было правдой. Судейский чиновник с планеты 20 В-40, который подписал документы, был тем самым человеком, с которым Джайлсу полагалось вступить в контакт от имени Окафронта. Но имя этого чиновника Джайлс запомнил. Теперь нужно только встретиться с ним и получить либо копии тех документов, либо доступ к убежищу Пола, чтобы Джайлс мог осуществить террористический акт здесь, на 20 В-40. Без них уничтожение Пола

на 20 В-40 повлекло бы за собой обвинение в убийстве, однако теперь Джайлс говорил себе, что стоит задуматься и о более серьезных вещах, чем просто нежелание быть пойманным. Он доставил арбайтов на планету, не потеряв ни одного человека, так что его доброе имя, имя Джайлса Стила, осталось незапятнанным. Что произойдет теперь, особенно если это произойдет на благо всех землян, ему почти безразлично. Тем более, что на совести у него еще и смерти тех, кто погиб в огненной ловушке на борту космического лайнера; этот грех еще ждет искупления. Искупить его можно лишь тем, что обеспечит будущее для всего человечества. Это, в свою очередь, поможет обеспечить и нормальное будущее для жителей Альбенарета. Команда инопланетян погибла в горящем корабле по своей воле; и все же... Джайлс заставил себя отвлечься от собственных мыслей и стал слушать, что говорит ему директор Комплекса.

— ...это довольно изолированный и заброшенный мир, — рассказывал между тем директор. — Здесь нет Эделей, за исключением вас, сэр; и то, что мы во всем зависим друг от друга в этих Колонизованных мирах, сделало нас более близкими — близкими даже инопланетянам, жителям Альбенарета, у которых здесь тоже есть станция. Вы и сами увидите, — Барси откашлялся, — что мы воспринимаем многое несколько иначе, чем те, кто остался на Земле, — как арбайты, так и, простите меня, Эдели.

Он тут же взял себя в руки.

— Но я вовсе не собирался так много распространяться на эту тему. — И продолжил. — Скоро, дня через два, отсюда отправится на Землю корабль. Как я понимаю, вы бы хотели полететь на нем?

— Верно, — Джайлс поднялся. — Но мне нужно повидаться с одним моим старым другом. Вы, наверное, знаете его. Он один из ваших судейских чиновников — Олаф Ундстед.

— Олаф? Ах, как жаль! — Барси с трудом выбрался из кресла и встал. Вид у него был самый несчастный. — Он умер... только на прошлой неделе. Вы говорите, он ваш старый друг?

— Я и прилетел-то сюда, чтобы с ним повидаться, — сказал Джайлс.

— Какая неудача... но я дам вам его адрес. — Барси быстро нацарапал что-то на листке бумаги. — У него

был приятель, что-то вроде его эконома. Свободный человек, бывший арбайт. Звали его Вилло. Арне Вилло.

Он протянул листок Джайлсу, тот машинально взял его, чувствуя в душе неприятный холодок.

— Да, спасибо большое, — сказал он, тоже машинально.

— Арне сможет рассказать вам о нем все, — сказал Барси. — Если я еще что-то смогу для вас сделать, сразу же возвращайтесь и приходите ко мне.

— Конечно, — сказал Джайлс. — Конечно, мы с вами вскоре увидимся...

Он повернулся и вышел. Выйдя из здания управления Горнодобывающего комплекса, Джайлс взял двухместный автокар и отправился по адресу, написанному Барси.

Он надеялся, что это место находится внутри Комплекса, напоминавшего огромный купол. Планета 20 В-40 обладала атмосферой, и воздух был пригоден для дыхания, однако в течение большей части года на ней царили арктические холода. Сейчас, в летний период и на широте Комплекса, погода на планете напоминала скучную бесснежную зиму. Крутом расстилались залитые лавой поля и разбросанные в беспорядке груды валунов. Но Джайлс обнаружил, что за последние годы число поселений на планете значительно увеличилось, люди жили или отдельно, под своими собственными маленькими куполами, или группами, под куполами побольше. Джайлс понял, что его автокар направляется к выездным воротам, там служитель одел его в термический костюм с прозрачным шлемом и пересадил на место водителя в грузовую вагонетку — простое трехколесное устройство, снабженное компьютерным управлением и электродвигателем.

Джайлс удалялся прочь от купола; вагонетка с огромными, куда больше обычного колесами мягко подскакивала на неровной каменистой поверхности. Невероятно далекое солнце — белый карлик — освещало изрытый шахтами ландшафт; такой свет на Земле могла бы давать полная Луна, да и контрастное сочетание белого света и черных теней тоже наводило на воспоминания о лунной ночи. У него за спиной возвышался Комплекс, похожий на скрючившегося гигантского зверя, становившегося все меньше и меньше.

Автопилот уверенно вел вагонетку по заданному курсу, хотя цель их путешествия Джайлсу была по-

прежнему невидима. В сумеречном свете солнца-карлика поверхность планеты 20 В-40 казалась небольшим каменистым плато, окруженным множеством звезд. Джайлсу вдруг пришло в голову, что после долгих дней скитаний в космосе на крошечном спасательном корабле эти необъятные, непостижимые глубины пространства продолжают оказывать на все его чувства особое воздействие, хотя теперь он твердо стоит на поверхности планеты. На спасательном корабле все эти звезды казались всего лишь светящимися точками на экране. Здесь же они предстали во всей своей красе, они реальны, близки, их, казалось, можно было потрогать.

И эта реальность окружающего мира обволакивала его. Она пробиралась даже под его термический костюм, леденя, точно прикосновение зимнего ветра, способного заморозить до костей, если осмелишься предстать перед ним обнаженным. В слабом свете далекого бледного солнца, правящего этим безжизненным миром, все его собственные представления о людях и жителях Альбенарета, обо всех личных планах, целях и обязанностях как бы съежились, превратились в нечто преходящее, несущественное — в некие теплые касания, приятные в застывшей от холода Вселенной. Касания, что длются лишь мгновение и не оставляют ни следа, ни какого-либо знака.

В конце концов, сказала та атавистическая часть его «я», что давно уже спряталась глубоко в душе, важно только выжить. Все остальное не считается. Все остальное просто не имеет значения.

Нет, возразил ей его упрямый высокоразвитый мозг. Во всем остальном тоже непременно должен быть свой смысл. Выживание без смысла — это ничто.

Выживание важнее, заявило его атавистическое «я», спрятавшееся глубоко, где-то в животе.

Нет, смысл важнее — то был голос разума.

Выжива...

Он постарался отвлечься от споров с самим собой. Вагонетка приближалась к куполу, который, судя по размерам, был, скорее всего, жилищем для одной семьи. Вагонетка неслась к куполу с такой скоростью, будто собиралась вдребезги разбиться о его гладкую изгибающуюся поверхность. Однако метров за пять до стены в ней открылась диафрагма дверцы, и вагонетка влетела туда. Дверца закрылась за ними.

Внутри оказалась вполне обширная стоянка, способная вместить еще по крайней мере три такие же вагонетки, но совершенно пустая. Джайлс припарковался и подошел к дверце со звонком во внутренней стене купола. Он позвонил, однако ответа не последовало. Он попробовал нажать на защелку замка, и та поддалась; замок щелкнул, и дверь перед ним раскрылась.

Он шагнул и оказался в комнате отдыха, просторной, с белым потолком и стенами, удобными креслами, но совершенно пустой. Только в одном кресле сидел человек; завидев Джайлса, он поднялся. Это был Хэм, державший в руке лазерный пистолет.

Глава 15

— Хэм! — команда прогремела совершенно инстинктивно. — Сейчас же опусти эту штуку и не целься в меня! Положи пистолет!

Хэм мгновение помедлил с озадаченным видом, потом лицо его сморщилось от раскаяния.

— Простите, ваша честь, сэр, — сказал он. И сунул пистолет за ремень серых рабочих штанов. Джайлс перевел дыхание.

— Что это ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я должен оставаться здесь, — заявил Хэм, и лицо его просияло, — чтобы охранять вас.

— *Охранять меня?* — Джайлс почувствовал покалывание в спине, от шеи вниз потекли струйки холодного пота. Он собрался было приказать Хэму отдать ему оружие, но если тот получил приказания относительно пистолета, такая прямая команда прозвучала бы глупо. И Джайлс решил изменить тактику.

— И все-таки, Хэм, что ты здесь делаешь? Разве не здесь живет человек по имени Арне Вилло?

— О да, здесь, — сказал Хэм, — но он куда-то уехал на несколько дней.

Джайлс начинал терять терпение. Он велел себе успокоиться. Это не вина Хэма, что его приучили отвечать на вопросы по-школьному. Что-то здесь явно происходило, и частью происходящего был лазерный пистолет, такая же опасная игрушка в руках этого великана, как противотанковая граната, которой забавляется

пятилетний малыш. Хэм сунул оружие за пояс, а не положил его на стол так, как приказал ему Джайлс. Может быть, это еще ничего не значит, но в такой ситуации задавать вопросы нужно с особой осторожностью.

— Итак, ты здесь совершенно один, Хэм? — спросил его Джайлс.

Хэм кивнул.

— Они все пошли проверить, не гнался ли кто-нибудь за вами.

— Кто «они», Хэм?

— Вы же знаете, ваша честь. Все. Все, кто с корабля.

— Понятно, — сказал Джайлс. — Ты хочешь сказать, что и Мара, и Бисет, и Грос, и все остальные?

Хэм снова кивнул. Он, казалось, забыл о пистолете, заткнутом за ремень. Джайлс медленно приближался к арбайту. Если ему удастся подойти достаточно близко, он выхватит пистолет и...

— Они, наверное, скоро вернутся, да, Хэм? — спросил Джайлс. Если парень будет занят ответами на его вопросы, вряд ли он обратит внимание на что-то другое.

Хэм кивнул.

— А знаете что, ваша честь? Догадайтесь! — сказал он.

— погоди минутку, — сказал Джайлс, медленно и осторожно приближаясь к Хэму, — сейчас попробую отгадать. Но откуда вы узнали, что я собираюсь сюда?

— Это она узнала, — сказал Хэм.

— Она? Ты хочешь сказать, Мара?

Хэм отрицательно помотал головой.

— Нет. Не Мара. Эта нюхачка... Бисет.

— Ага, — проговорил Джайлс. До Хэма ему оставалось буквально несколько шагов. — Следовательно, Бисет знала, что я приду сюда. А откуда ей это стало известно?

Хэм с растерянным видом покачал головой.

— Этого я не знаю, ваша честь, сэр. Она не сказала. Она сказала только, что все мы должны явиться сюда, потому что рано или поздно вы непременно сюда придете. А потом, когда вы придете, чтобы все обязательно посмотрели, не идет ли кто за вами следом. Когда на стоянке зажегся свет, все отправились проверять. Все, кроме меня.

Джайлс с огромным трудом сдержался: ему страшно хотелось обернуться и посмотреть, не стоит ли кто-нибудь у него за спиной. Бисет и остальные могли вернуться в любой момент. Он все-таки рискнул и быстро глянул через плечо, но комната была по-прежнему пуста, никого, кроме него самого и Хэма.

— А все-таки, сэр, попробуйте угадать знаете что? — снова заговорил Хэм. Его широкое лицо буквально сияло от возбуждения и счастья.

— Что? — спросил Джайлс, делая еще один шаг вперед.

— Я еду домой! — почти выкрикнул Хэм. — Я возвращаюсь назад, на Землю.

— Возвращаешься назад?

Джайлс так удивился, что даже забыл сделать еще шаг.

— Так ты говоришь, что возвращаешься назад? — медленно повторил он.

Хэм с энтузиазмом закивал.

— Я скоро увижу Джейза! — заявил он. — И я собираюсь сказать ему: «Догадайся-ка, Джейз, где я был?», и Джейз, он у меня спросит: «Ну где? Тебя что, в другие казармы перевели?». А я ему скажу: «Меня вообще на Земле не было. Я летал в космосе на большом корабле и еще на маленьком, спасательном, и побывал совсем в другом мире. Ты смотри, Джейз, — скажу я ему, — я привез тебе кусочек этого другого мира, другой планеты!». Понимаете, сэр...

Хэм порылся в кармане и вытащил небольшой осколок вулканической породы, явно подобранный где-то неподалеку от купола.

— И Джейз тогда скажет мне: «Эй! Вот здорово, что ты вернулся!». И еще он скажет: «Я ждал твоего возвращения, очень ждал. Я потому больше ни с кем в пивную не ходил».

Джайлс держал ушки на макушке. Ему показалось, что где-то внутри купола раздался шум. Нет, наверное, померещилось. Он обернулся к Хэму, который все еще репетировал беседу с Джейзом в момент встречи.

— Минутку, Хэм, — Джайлс воспользовался тем, что гигант остановился, и перевел дыхание. — А почему ты, собственно, решил, что непременно полетишь обратно на Землю?

— Она сказала, что я могу это сделать, — ответил счастливый Хэм.

— Она?

— Бисет.

— Ах вот как, черт бы ее побрал! — воскликнул Джайлс, внезапно рассвирепев. — Хэм, послушай меня. Бисет не имеет никаких прав распоряжаться вашим размещением. И она не может организовать отправку обратно на Землю, в ваши казармы.

— Да, сэр, — подтвердил Хэм торжественно и печально. — Она ведь из полиции, сэр. Все знают, что такие способны на что угодно.

— Неужели способны?

— Конечно, ваша честь, сэр. Они могут засадить тебя в тюрьму, бить, а потом оставить сидеть там всю жизнь. Или наоборот, могут перевести тебя в любое место, куда пожелаешь, если ты им понравишься. Они могут даже просто убить тебя, и судья и все остальные скажут, что так и надо.

Джайлс, прищурившись, смотрел на гиганта.

— Хэм, — спросил он его, — кто вбил тебе в голову всю эту чушь? В Межгалактической полиции никого не избивают. Такие вещи там запрещены уже по крайней мере лет двести.

— Да нет, ваша честь! — Хэм говорил совершенно искренне. — Эделей они не бьют, это верно, а вот любого арбайта, который оказался не там, где надо, или сделал что-то не то, они бьют обязательно, правда, иногда и не очень сильно. Даже арбайтов-чиновников. Раза два они избивали нашего табельщика за то, что он отпускал нас большими группами в город из казарм, а потом однажды они вообще никого обратно не пустили. Конечно, с теми, кто рангом повыше, они ведут себя осторожнее — их сажают в тюрьму или посылают на работу куда-нибудь в плохое место.

— Послушай-ка меня, Хэм, — жестко сказал Джайлс. — Тебя запугали небылицами. Ты просто не понимаешь: если кто-то из Межгалактической полиции совершил бы поступок вроде тех, которые у тебя на уме, в это оказались бы замешанными почти все отрасли общественного контроля — суды, архивные отделы... да все!

Хэм выглядел совершенно несчастным.

— Но ведь они делают это, ваша честь, — сказал он. — И они могут человека куда угодно заслать. И она тоже может послать меня обратно на Землю, эта Бисет!

Джайлс решил сменить тему.

— Ну хорошо, Хэм, — сказал он. — Об этом мы еще поговорим с тобой в другой раз. Скажи мне вот что: почему именно Бисет собирается помочь тебе вернуться на Землю?

— Да, сэр, — ответил Хэм, заметно повеселев. — Она сказала, что все это из-за вас. Потому что я помогу ей насчет вас.

— Поможешь... — начал Джайлс и умолк. Хэм улыбался так, что было ясно: он совершенно не понимал, что имела в виду Бисет.

Слабый шорох позади — кажется, шаги по гладкому полу — заставил Джайлса напрячься и похолодеть. Он резко обернулся. Мара, Грос, Эстивен, Ди, Фрэнко. И Бисет, в руках которой, как и у Хэма, лазерный пистолет. Однако, в отличие от Хэма, в руки этой особы оружие попало не случайно.

— Ни с места! — сказала Бисет. — Не вздумайте шевельнуться, пока я не разрешу!

Лазер был направлен прямо ему в грудь. Джайлс стоял неподвижно. Из-за занавески в дальнем углу комнаты появилась седьмая фигура. Это был мужчина, Эдель, высокий, прямой, с тонким, красивым лицом, но, в отличие от большинства смуглолицых Эделей, совершенно не загорелый.

— Ну что ж, Пол... — проговорил Джайлс.

— Привет, Джайлс, — сказал Пол Ока, вставая рядом с Бисет. — Значит, ты меня и здесь выследил?

— Только вот порадоваться он не успеет, — сказала Бисет почти с удовольствием. — Он только что узнал об этом.

— Да, действительно. — На какое-то мгновение лицо Пола помрачнело. — Знаешь, Джайлс, из всех Эделей того прославленного дискуссионного клуба, который я создал, ты, на мой взгляд, должен был когда-то прозреть истину. Наступило время перемен, и ничто не может их остановить. Помнишь «Смерть Артура» Теннисона? О том, что меняются прежние порядки...

— Да, — сказал Джайлс, — наверное, Пол, старый порядок должен смениться. Однако не обязательно

именно тем путем, который представляется наилучшим тебе.

— Неужели? — Пол Ока изумленно поднял брови.

— Именно, — ответил Джайлс. — Во всяком случае, никому до сих пор и в голову не приходило, что у жителей Альбенарета почти те же проблемы, что и у нас. Никто не замечал, сколь схожи наши ситуации, по той простой причине, что наши и их взгляды на жизнь и на смерть невообразимо различны. Однако мы вполне можем помочь друг другу...

— Ну-ну, Джайлс, — прервал его Пол, качая головой. — Сколько же еще ты и подобные тебе будут хвататься за соломинку в надежде на перемены в нашем обществе без каких-либо травматических последствий? Перемены всегда происходят непросто. Повернись, наконец, лицом к этому факту. В данном случае цена успешных перемен — это никак не меньше, чем ампутация двух бесполезных, загнивающих элементов общества с тем, чтобы истинная, срединная культура человечества одержала победу.

— Ампутация? — Джайлс пристально посмотрел на него.

Пол кивком головы указал в сторону Хэма — так порой показывают на телеграфный столб или на животное, к этому столбу привязанное. Голос его зазвучал более проникновенно.

— До тех пор пока существуют Эдели и генетически подавленные субъекты, именуемые арбайтами, вроде вон того типа, всякие перемены в нашем обществе блокируются. Однако человечество не может терпеть подобного на пути своего развития. Мы должны вырваться из пут любой ценой и создать новый сильный класс профессионалов из числа лучших арбайтов внутри той культуры, которая создана исключительно самими арбайтами — и только ими.

— Из числа лучших арбайтов? — Джайлс пронзил его взглядом. — С каких это пор ты так заботишься о судьбе именно лучших арбайтов?

Аристократическое, бледное лицо Пола стало, пожалуй, еще чутью бледнее.

— Давай не будем жонглировать словами, Джайлс, — сказал он. — Совершенно очевидно, что какая-то их часть должна оставаться под контролем, пока вызревает срединная культура.

— Что же это за группа? И что значит «вырваться из пут любой ценой»? Не можешь же ты просто построить всех из рода Эделей и всех работников физического труда в две колонны и расстрелять?

В лице Пола ничто не дрогнуло. Холодный как лед, скульптурный мраморный лик в замерзшем зимнем саду. Молчание, которое, собственно, и было его ответом, повисло в комнате.

— О Господи! — Джайлс с трудом перевел дыхание. — Ты собираешься убить миллионы людей — миллионы! — чтобы воплотить в жизнь собственные замыслы!

— Сделать это совершенно необходимо, Джайлс, — сказал Пол. — Именно поэтому мы не могли допустить, чтобы ты нашел меня. Потребуется еще полгода, чтобы организовать всемирную и мгновенную чистку как среди Эделей, так и среди арбайтов...

— Эй, — постаревший, хриплый голос Хэма прервал речь Пола. — Вы ведь не повредите Джейзу, а? Вы ведь не сделаете этого, а?

Слова Хэма с трудом доходили до слуха Джайлса, волком смотревшего на Пола.

— Кто это «мы», Пол? — спросил Джайлс.

— Послушай, Бисет, — теперь Хэм обратился к представительнице полиции, — послушай, ты можешь и не отсылать меня обратно на Землю. Только Джейзу не вреди, пожалуйста.

Бисет рассмеялась.

— Неужели ты, парень, думаешь, что мы ради твоего удовольствия собирались послать тебя на Землю? — спросила она. — Ты нам пока нужен, ты нам можешь быть полезен — там.

— Там? — растерянно спросил Хэм.

— Ну, хватит, — сказала Бисет.

Совершенно спокойно она подняла лазерный пистолет, прицелилась и нажала на кнопку. Блестящий, едва видимый луч коснулся груди Хэма, колени его подогнулись. Он медленно сполз на пол, и Бисет еще раз успела выстрелить ему в грудь.

Упал Хэм ничком. Потом со стоном перевернулся на бок и посмотрел вверх, на Бисет.

— Больно, — проговорил он. — Почему...

На большее у него не осталось ни сил, ни слов. Веки еще раз вздрогнули, ресницы затрепетали, и глаза Хэма закрылись. Он лежал неподвижно.

— Почему? — обратилась Бисет к мертвому телу. — Потому что все те, кто последует за твоим высокорожденным и могущественным другом Эделем, найдут здесь свою смерть.

По-прежнему держа в руках лазер, она обернулась к Джайлсу. Сейчас она пристрелит и его, понял Джайлс. Он пригнулся, собираясь прыгнуть. Но левое плечо его пронзил мертвящий холод, и ноги отчего-то стали ватными. Ухватившись за спинку кресла, он удержался на ногах и, как сквозь туман, увидел, что Мара вырывает пистолет у Бисет. Потом зрение его прояснилось, и он увидел: Мара держала в руках пистолет, нацеленный на Бисет.

— Идиотка! — нервно выкрикивала Мара. — Я ведь сказала тебе, что сама пристрелю его! Рана должна быть нанесена с анатомической точностью, если вы хотите, чтобы он прожил столько, чтобы успеть благополучно отбыть с этой планеты. А теперь ты все испортила!

Бисет рычала, почти как дикий зверь.

— Не смей мне приказывать! Ты с горсткой своих фанатиков ничего не решаешь! Ассоциация готовила этот день целых двести лет — и только Ассоциации с ее могуществом и силой дано править, когда произойдут перемены. И я не намерена плясать под твою дудку, а вот ты под мою — будешь!

Джайлс по-прежнему держался за спинку кресла, хотя начал понемногу приходить в себя после ранения. Лучи лазера смертельны, попадая в жизненно важную точку человеческого тела, в прочих случаях они оставляют ранки с очень чистыми, как бы специально обработанными краями, приносящие человеку значительно меньше страданий, чем другие виды оружия. Казалось, Джайлса аккуратно проткнули насквозь очень тонкой шпагой, раскаленной добела. Выстрел Бисет, догадываясь Джайлс, попал в верхнюю часть плеча, не задев, однако, кости или крупного кровеносного сосуда. Ему повезло. Но, пожалуй, не стоит показывать, что он уже вполне оправился.

— Ассоциация? — спросил Джайлс, непонимающе глядя на Бисет. — Какая Ассоциация?

Бисет рассмеялась ему в лицо.

— Глупец! — сказала она. — Сверхобразованный глупец! Неужели вы думаете, что всемирные революции совершаются несколькими философами, вроде вас и вон того вашего приятеля, — она мотнула головой в сторону Пола, — или даже полусотней членов секты «Черный четверг», — она повернулась к Маре, — которые торжественно выходят на улицу и дают себя перестрелять, чтобы обеспечить нужное количество жертв во имя победы великого дела?

Она усталилась на Мару.

— Они даже не способны сделать это сами! — крикнула, как сплюнула, она. — Мы, члены Ассоциации, вынуждены подбирать настоящих людей в полицейской форме, подготовленных и проинструктированных таким образом, чтобы все эти «жертвы» были убиты на месте и все свершилось четко и аккуратно, иначе само дело может потерпеть крах.

— Ну, хорошо, — сказал Джайлс. — Расскажите же мне, наконец, что такое эта Ассоциация?

— Что такое Ассоциация? — переспросила Бисет, поворачиваясь к нему. — Ассоциация — это Ассоциация; это хорошо организованная сеть арбайтов, которые занимались настоящей работой под вашим, высоко-рожденных, так называемым руководством. Это полиция, чиновники администрации, производственных структур и сферы обслуживания — все довольно высокого ранга, как я, например. — Она оборвала свою тираду на полуслове. — Вы думали, что я — всего лишь обыкновенный полицейский? Я заместитель директора отдела расследований, сектор Северо-Восточной Европы. Именно я и несколько тысяч таких, как я — но каждый из этих нескольких тысяч держит под контролем тысячи людей, — и составляем Ассоциацию, настоящую подпольную организацию арбайтов, созданную чуть ли не в первый день вашего прихода к власти для того, чтобы избавиться от вас, Эделей.

Она отвернулась от Джайлса и заговорила, обращаясь исключительно к Маре.

— Займись делом, пристрели его, наконец — так, как считаешь нужным. Пора сдвинуться с мертвой точки.

— Минутку, — успел проговорить Джайлс, совершенно инстинктивно, просто чтобы выиграть время,

которого у него, видимо, не оставалось совсем. Голова у него шла кругом не только от того, что он только что узнал, но и от тех неизбежных выводов, которые напрашивались сами собой. Он мучительно искал слова, способные разозлить Бисет, заставить ее говорить еще.

— Значит, — начал он, обращаясь к ней, — ты вовсе не из партии Пола? А я-то думал, что ты из числа его неофитов, что ты все-таки поверила в него.

Бисет наживку проглотила.

— Поверила? — Слова вылетали у нее изо рта, точно плевки. — В него? — Последнее слово она произнесла с таким отвращением, будто стряхнула с языка ядовитую жабу. — Пусть глупцы верят этим снам наяву. Я принадлежу к людям, которые действительно совершают события, — и принадлежала к их числу с самого начала. Неужели вы думали, что я стану слушать таких, как он? Или — как она?

Взгляд ее метнулся с Пола на Мару.

— Это не так уж просто, — ядовито проговорила она, — за двенадцать часов избавиться от миллионов и миллионов людей, рассредоточенных по всей планете. Нам очень нужны эти дополнительные полгода полного спокойствия — полного! — пока все не будет готово, и чтобы ни один из Эделей не проявил ни любопытства, ни беспокойства. А этот дурак, — она быстро глянула в сторону Пола, — обязательно должен был улететь так, чтобы позволить вашему любительскому Ока-фронту выследить его аж на 20 В-40, несмотря на все наши усилия — я имею в виду Межгалактическую полицию — ему помешать. Убили бы вы его или привезли обратно, все равно невозможно было бы скрыть тот факт, что он получил убежище у здешних инопланетян и землян. Это, конечно, вызвало бы подозрения, служащие в полиции Эдели непременно начали бы расследование, и все наши планы аккуратной ликвидации излишков населения были бы разрушены.

Она резко умолкла. Джайлс тут же снова заговорил.

— Значит, тебе было известно, что я лечу именно на 20 В-40? — спросил он. Потом покачал головой. — Нет, ты этого знать не могла!

— Не могла? — вспыхнула Бисет. — Разумеется, мы всё знали! Я и полетела-то на вашем корабле только для того, чтобы следить за вами. А этих, — она равнодушно кивнула в сторону арбайтов, — я взяла с собой

в качестве помощников. Эта команда набрана из низших слоев Ассоциации, и они, в общем-то, не знали ничего, кроме того, что им необходимо выполнять приказы...

Она помолчала и взглянула на Мару.

— Все, кроме вот этой. Меня заставили взять ее с собой, чтобы сохранить добрые отношения с представителями этой идиотской секты «Черный четверг»!

— Очень интересно... — проговорил Джайлс (и он действительно так думал). — А теперь скажи мне только одно...

Но Бисет явно надоели его расспросы.

— Ничего я вам не скажу, — заявила она, поворачиваясь к Маре. — Так, красotka, оружие у тебя. Пристрели его, и нам пора!

Мара подняла руку с пистолетом. Его тонкое, слегка расширяющееся на конце дуло нацелилось на Джайлса маленьким кольцом с черной точкой посередине. Джайлс мог поклясться: лицо Мары как-то не соответствовало моменту и нацеленному на него пистолету — это лицо молило о понимании.

Потом из крохотной черной точки посередине металлического кольца вылетело легкое, еле заметное пламя — и Джайлса окутала чернота.

Он очнулся — если можно так выразиться, ибо сознание его было по-прежнему замутнено и он не мог толком понять, где находится, — в каком-то крохотном, слабо освещенном помещении. Над его лицом, буквально в нескольких сантиметрах, склонилось лицо Мары. Он узнал ее, хотя лицо расплывалось, меняя очертания. Он почувствовал, что ее пальцы скользят по его телу и что-то с ним делают — похоже, она привязывала его к сиденью какой-то машины, видимо, той самой грузовой вагонетки, на которой он сюда приехал.

— Что это ты делаешь? — попытался выговорить он, однако слова больше напоминали глухое рычание, а не человеческую речь.

— Тш-ш-ш... — Выдохнула она и совсем низко склонилась над Джайлсом. — Поберегите силы. Не надо разговаривать. Послушайте меня... Выбора не оставалось. Я вынуждена была выстрелить в вас еще раз. Они думают, что вы благополучно скончаетесь минут через пятнадцать, еще до того, как вагонетка привезет вас к воротам Комплекса. Но я чуть передвинула рычажок, и

выстрел был не таким мощным. Если вы в течение ближайших двух часов доберетесь до врача, вы непременно останетесь в живых. Вы должны... — Она легонько коснулась губами его щеки, покрепче привязывая его к спинке сиденья. — Больше я ничего сделать не могу. Бисет держит меня в своих когтях почти так же прочно, как и вас. Но помните вот что... ничего не предпринимайте, пока вагонетка не доставит вас в Комплекс. А потом наберите на пульте автоматического управления адрес ближайшего госпиталя. Не теряйте времени и не пытайтесь сперва связаться с местным отделением полиции. Вы меня поняли?

— Да, — сказал он или подумал, что сказал. Так или иначе, Мара поняла. Она слегка кивнула, и лицо ее отдалилось от него, исчезло из поля зрения.

Джайлс обнаружил, что смотрит в лобовое стекло грузовой вагонетки, стоящей прямо перед закрытой металлической дверью, в которую он въезжал раньше, и металлическая поверхность двери поблескивает в свете фар вагонетки. Еще через несколько секунд створки двери раздвинулись, вагонетка вздрогнула и выкатилась наружу, на каменистую, похожую на лунную поверхность планеты 20 В-40.

Теперь далекое крохотное белое солнце плыло высоко в небе, и беспорядочно заваленная осколками скал каменистая равнина перед ним представляла собой удивительный пейзаж в черно-серебристых тонах, а свет фар вагонетки казался почти невидимым. Над всем этим вздымался гигантский купол ночного неба, усеянного звездами, и до самого горизонта никаких следов человеческого пребывания; даже гигантское здание Комплекса было не видно. Несмотря на великолепную подвеску, вагонетка без конца подскакивала и подпрыгивала на неровной поверхности планеты, то и дело налетая на крупные валуны.

Это бесконечное подскакивание и раскачивание вызвали у Джайлса легкую тошноту, вполне соответствующую тому общему ощущению тупости и дурноты, которое обволакивало его. Особой боли он не чувствовал, однако непреходящее ощущение дискомфорта пропитало его, казалось, насквозь, до мозга костей. Голова почти не соображала, тело было тяжелым и совершенно бессильным.

Он с трудом, но заставил себя думать о том, где он находится и что с ним происходит. В голове прояснилось, видимо, организм выбросил в кровь добавочное количество адреналина, однако усилилось общее чувство дискомфорта. Теперь он отчетливо ощущал, что болезненные ощущения сконцентрированы в двух местах — в левом плече и чуть повыше грудины, где, казалось, были наложены слишком тугие повязки на довольно обширные и болезненные раны. Он тупо вспомнил, что Бисет выстрелила ему тогда именно в плечо. А боль над грудиной означала, видимо, что второй выстрел — выстрел Мары — угодил в это место.

Почему, почему все это с ним произошло, тупо вертелось у него в голове. Зачем им понадобилось пристрелить его вот так, не до конца, а затем отправить в Комплекс на той же вагонетке?

Он попытался сесть, чтобы осмотреть вагонетку, и его правая нога задела за что-то. Он сделал второе неимоверное усилие, и ему удалось наклониться. На полу валялось тело Хэма — арбайт словно сам свалился на пол с соседнего сиденья; из-за пояса его серых рабочих штанов все еще торчала рукоять лазерного пистолета.

Каждое движение Джайлсу давалось с огромным трудом, однако он мог двигаться. Медленно, несколько судорожными, но удачными рывками ему удалось наклонить свое тело вперед, а потом дотянуться до Хэма и взять пистолет. Он нащупал пальцем спусковой крючок, прицелился в соседнее пустое сиденье и выстрелил.

Ничего не произошло. Заряд либо кончился, либо просто был вынут. Он сунул бесполезный, но все-таки грозного вида пистолет за пазуху и тяжело откинулся на спинку сиденья.

Усталость опутывала его по рукам и ногам мягкими, но прочными узами. Вагонетка, по-прежнему подпрыгивая, неслась к куполу Комплекса, все еще невидимому в этой вечной ночи.

Он во второй раз потерял сознание...

Глава 16

Он очнулся, едва не задохнувшись, и почувствовал во рту вкус желчи.

Его стошнило... вернее, его страдающее тело попыталось избавиться от того, что было внутри, но не нашло ничего, что можно было бы выбросить наружу, кроме желудочного сока и желчи. Кислота из собственного желудка так обожгла ему горло и рот, что он снова пришел в сознание.

В голове прояснилось. Теперь он чувствовал собственное тело — боль была еще не острой, скорее, ноющей. Все сильнее хотелось пить: глаза жгло, в них словно насыпали песку. Однако, несмотря на все неприятные ощущения, голова снова работала хорошо, даже слишком хорошо — такая острота восприятия бывает порой при высокой температуре. Он посмотрел под ноги и увидел тело Хэма. Потом посмотрел вперед и увидел высокий черный полукруг стены — здание главного купола Комплекса, теперь отчасти закрывавшее звездное небо.

Его мозг заработал с лихорадочной поспешностью, и все планы Бисет и ее подпольной организации арбайтов стали ему ясны. Барси знал, что Джайлс направился в гости к хранителю дома его умершего друга. Теперь же на контроле зафиксируют, что он вернулся вместе с одним из арбайтов с потерпевшего аварию корабля и что арбайт этот застрелен, а сам он имеет два ранения и лазерный пистолет с пустым зарядом. Бисет, видимо,

рассчитывала, что к тому времени, когда автоматически управляемая вагонетка прикатит на стоянку в здание главного управления Комплекса, Джайлс, как и Хэм, будет мертв.

Это повлекло бы непременно расследование со стороны Межгалактической полиции — только в их компетенции находятся дела, в которых в совершении чего-то противозаконного подозревается Эдель. Сама же Бисет, вместе с другими арбайтами спасшаяся с потерпевшего аварию корабля, автоматически не подлежит расследованию. В свою очередь, это означает, что следователя нужно доставить с Земли, и на путешествие уйдет немало дней или недель — скорее всего, именно недель, подумал Джайлс, если, как утверждала сама Бисет, Межгалактическая полиция до такой степени наводнена членами ее подпольной Ассоциации арбайтов. И, скорее всего, тот, кого пошлют расследовать дело, окажется членом данной Ассоциации и растянет расследование на срок, нужный самой Ассоциации.

Тем самым подпольщикам будут обеспечены те шесть месяцев покоя, о которых упоминали Пол и Бисет, или столько времени, сколько нужно для подготовки массовой резни Эделей и рабочих-арбайтов.

Джайлс заставил себя дотянуться до акустического контроля автопилота вагонетки.

— Изменение курса, — прокаркал он в микрофон, когда на панели загорелась маленькая белая лампочка. — Отправляйся... туда, где находятся жители планеты Альбенарет. В сектор, который занимают инопланетяне в главном Комплексе. Мне необходимо узнать местонахождение Капитана...

На миг он усомнился, достаточно ли ясны его указания автопилоту. Но вагонетка резко изменила курс. Джайлс, задыхаясь от изнеможения, упал на спинку сиденья. Теперь оставалось только ждать — и надеяться, что место, куда он велел ехать, находится не слишком далеко.

Вагонетка, подскакивая, неслась в новом направлении. Через некоторое время он сумел рассмотреть, что едут они рядом с высокой металлической стеной, составлявшей основание купола Комплекса, и параллельно ей. Должно быть, они направлялись к другим воротам, ведущим внутрь купола. Минут через пятнадцать Джайлс понял, что цель близка. Однако ворота и не

думали отворяться, когда вагонетка притормозила перед ними. Джайлс был почти без сознания.

Он приподнялся и посмотрел вокруг. Они были внутри купола, на стоянке. Метрах в двадцати от него находилось строение, и сквозь одну из его прозрачных стен виднелась голова жителя Альбенарета, смотревшего на него, Джайлса. Тонкие губы инопланетянина шевелились, видимо, он что-то говорил.

Чуть помешкав, Джайлс нажал на кнопку автопереводчика.

— Повторяю: ответьте, что вам здесь нужно? — Обычные человеческие слова, выговариваемые голосом инопланетянина, звучали странно. — Вы прибыли сюда и дали опознавательный сигнал, однако не ответили на мой вопрос. Что вам угодно?

— Ох, простите... — сказал Джайлс хрипло. — Переговорное устройство отключилось. Я бы хотел... я бы хотел увидеться с Капитаном корабля Райумунг.

— С каким именно Капитаном? У нас здесь несколько альбенаретцев, носящих то же имя.

— С той самой... с Капитаном Райумунг, которая потеряла свой корабль во время взрыва в космосе... которая прилетела на эту планету вместе с группой людей, и я один из этих людей... я из рода Эделей, мое имя Стил. Она меня непременно узнает. Не позовете ли вы ее?

Инопланетянин немного помолчал и снова заговорил:

— Теперь понятно, о ком вы говорите. Теперь это экс-Капитан Райумунг. Я попытаюсь определить ее местонахождение и связаться с ней. Не войдете ли вы внутрь?

Джайлс собрался было выйти, но понял, что сил у него на это не хватит.

— Я... знаете, я должен подождать ее здесь, снаружи. Я прошу меня простить. Скажите ей... да, так и скажите. Что я прошу меня простить. Спросите, не выйдет ли она ко мне. Но только, ради Бога, скорее.

— Мы всегда действуем со всей возможной быстротой.

Едва переговорное устройство умолкло, как Джайлсом снова овладела полудрема, а может, и полуобморочное состояние. Очнулся он, когда кто-то забарабанил по стеклу вагонетки справа, с той стороны, где он прислонился к окну головой.

Он выпрямился и посмотрел в окно. За стеклом он увидел внимательно смотревшие на него глаза инопланетянки. Интересно, видно ли ей было тело Хэма, лежавшее на полу и полускрытое тенью от ног Джайлса? Он нашарил замок дверцы чуть ниже бокового окошка. Дверца открылась, и он то ли выпал, то ли все-таки вылез сам и оказался лицом к лицу с Капитаном.

— *Капитан Райумунг?* — с трудом выговорил он на ее родном языке.

Темные глаза внимательно смотрели на него.

— Теперь я экс-Капитан, — инопланетянка чужим голосом произносила земные слова. — Но я узнаю вас, Эдель. Что вам от меня нужно?

Джайлс прислонился к борту вагонетки, чтобы не упасть. Колени предательски подгибались. Еще минута, и она заметит, как они дрожат. Он попытался и дальше говорить на ее языке, но оказалось, что ему это не под силу.

— Я кое-что обещал вам, — сказал он на своем родном языке. — Я обещал назвать того, кто подложил бомбу в космический корабль.

Глаза инопланетянки следили за ним. Слова человеческого языка, произносимые чужим голосом, жужжали у него в ушах.

— Теперь это уже неважно. После долгих размышлений я решила передать другим жизнь, которую несла в себе. Зародыш выносит и родит другая. Так что прерваны все связи, и теперь не имеет значения, как именно погиб мой корабль.

— Не имеет значения... — Он уставился на нее непонимающим взглядом; его тошнило от слабости, от боли, и он не мог сообразить, как ему быть теперь. — Вы передали другой... Но почему?

— Я утратила свою честь и не могу довести до конца столь важное дело. Вы посадили корабль с людьми и спасли их. Бесчестья это не прибавляет, однако и не помогает восстановить честь. Было бы очень хорошо выяснить, кто уничтожил моих товарищей и мой корабль, и наказать виновного по справедливости, однако все это не имеет ни малейшего отношения к жизни, что была у меня внутри. И я отдала эту жизнь. Если бы моя честь была восстановлена, был бы смысл поддерживать отношения с ребенком, которого я лишена. Но сам

корабль и его экипаж погибли, и ничего нельзя изменить.

— Но если бы, — проговорил Джайлс, — жители Альбенарета, всего Альбенарета получили в результате нечто большее, нечто безусловно важное для их жизни?..

— Нечто большее? Нечто важное? — Темные внимательные глаза были совсем близко. — Для всего моего священного народа?

— Да, — сказал Джайлс.

— Разве это возможно? И откуда вам, всего лишь человеку, знать, что может быть важно для жителей Альбенарета?

— Я знаю, ибо это важно и для людей.

— Никакой взаимозависимости тут быть не может, — заявила инопланетянка. — Мы абсолютно ни в чем не похожи, человек.

— Вы уверены? — спросил Джайлс. Ноги уже почти не держали его. Незаметно он стал сползать по борту вагонетки, о который опирался. Инопланетянка молча стояла рядом. — Вы столько дней прожили на спасательном корабле с нами — со мной и другими людьми. И вы и теперь уверены, что мы абсолютно ни в чем не похожи, что у нас с вами не может быть ничего общего?

Очертания высокой фигуры инопланетянки стали расплываться в его глазах.

— Возможно... — услышал он голос Капитана, и тут две мощные руки подхватили Джайлса за плечи, подняли его, как ребенка, и прижали к борту вагонетки. — Вы больны?

— Немного нездоров... ранен, — сказал Джайлс.

Он шевелил губами, пытаясь что-то сказать, но сил не хватило. Сквозь туман он видел, что инопланетянка наклонилась и посмотрела куда-то внутрь вагонетки. Не заметить лежащего там Хэма она, конечно, не могла.

Джайлс ждал, что она потребует объяснений и, скорее всего, даст сигнал тревоги. Но этого не произошло. Он почувствовал только, что его отодвинули в сторону, открылась дверца вагонетки, и инопланетянка подняла его, закрывая собственным телом от дежурного, наблюдавшего за ними из-за прозрачной панели, и посадила в машину.

Пристяжные ремни на его груди застегнулись. Дверца вагонетки захлопнулась. Еще через секунду открылась противоположная дверца, и длинное тело инопла-

нетянки шлепнулось на соседнее сиденье. Она протянула руку к пульту управления, вагонетка тронулась с места, развернулась и выехала из-под купола.

Инопланетянка гнала машину прочь от купола. Через некоторое время она заговорила.

— Теперь я экс-Капитан, — сказала она. — И теперь до самой смерти останусь привязанной к поверхности планеты, как если бы никогда прежде не знала космоса; не останется и моих товарищей по полетам, которые бы помнили меня. Но кое-что в этой истории осталось незаконченным. Вы открыто выступили против меня, чтобы спасти горстку своих людей-рабов, и вот здесь, с вами вместе я вижу одного из тех людей, и он мертв, а сами вы, совершенно очевидно, ранены значительно серьезнее, чем сказали. Кроме того, вы спросили, не может ли быть что-то общее между людьми и жителями Альбенарета, и этот вопрос не дает мне покоя. До нашего совместного полета на спасательном корабле я, не задумываясь, отвергла бы подобную идею. Теперь же — не знаю...

Голос ее как-то странно прервался. Джайлс лежал, стараясь приспособиться к рывкам и подпрыгиваниям вагонетки.

— Вы можете говорить? — спросила она через некоторое время.

— Да, могу, — ответил он. Вернее, прошептал еле слышно. Собрав оставшиеся силы, он постарался говорить громче. — Сейчас я понимаю многое такое, чего не понимал прежде. Жители Альбенарета вовсе не ищут смерти, во всяком случае, не больше, чем люди. Смерть для них — только пересадочная станция на пути к чему-то большему, к некоему единству со всей Вселенной.

— Разумеется, — сказала инопланетянка.

— Нет... не «разумеется», — возразил он. — Вы не понимаете, как трудно людям воспринять подобную концепцию. Для нас смерть — нечто очень личное, единственное в своем роде; это либо конец всему, либо высвобождение того, что называется «душой», которая в итоге и устанавливает как бы личностные отношения со Вселенной.

— Живет целый народ, — сказала она. — Отдельная личность — только одна из его составляющих.

— Это справедливо для вас, жителей Альбенарета, но не для нас, людей, — снова возразил он. — Мы всегда воспринимаем себя отдельными личностями. «Когда я умру, — считает или может сказать любой из нас, — этот мир перестанет существовать». Вы не способны по-настоящему оценить подобный образ мышления, как и мы не в состоянии по-настоящему оценить вашу теорию Ворот и Пути.

— В таком случае у нас все же нет ничего общего.

— Нет, есть, — сказал Джайлс. — Один общий недостаток. Те, кто создавал философию наших столь различных народов, вполне соответствовали культуре этих народов до тех пор, пока те жили в пределах своего родного мира, своей родной планеты. Но теперь и мы, и вы вырвались на просторы космоса, и отнюдь недостаточно всего лишь перевести в систему общекосмической терминологии такие, свойственные лишь вашему миру, понятия, как Врата и Путь. Этот путь может привести вашу цивилизацию лишь к застою и физическому исчезновению. Точно так же и для нас, людей, совершенно недостаточно просто сказать: «Когда умираю я, со мной умирает весь мир». Потому что теперь мы видели этот мир, мы видели Вселенную, мы теперь понимаем, что она слишком огромна, чтобы исчезнуть только потому, что умер кто-то из людей. Вселенная слишком велика для нас как отдельных личностей.

— Общий недостаток ничто не может связать воедино.

— Однако тот факт, что мы можем помочь друг другу, говорит о нашей общности, — сказал Джайлс. Лихорадочное возбуждение снова охватило его, и он обнаружил в себе неожиданный запас сил, чтобы продолжать спор. — То, чего не хватает нам, людям, частично существует в уже созданной вами, инопланетянами, философии. Главное — это идея о том, что народ всегда выживает. Как отдельные личности мы слишком ничтожны, чтобы принимать вызов Вселенной, но как человечество мы этого вполне достойны. Как раз этого и не хватает нашей философии. А вам, жителям Альбенарета, не хватает того, что есть в нас, людях: индивидуум не сдастся даже в ситуации, когда народная мудрость утверждает, что дальнейшая борьба невозможна. Вспомните, ведь вы тогда сдались, а я в конце концов все-таки посадил спасательный корабль на планету.

В кабине вагонетки наступило молчание; за окнами лежала безжизненная равнина, окрашенная неземными цветами — черным и серебристым. Джайлс повернулся к круглоголовой собеседнице-инопланетянке, ожидая ее реакции на свое заявление. Какой она будет, предсказать он бы не смог. С точки зрения человека, он самым безжалостным образом напомнил ей о том, что она потерпела поражение в том, чем особенно гордилась.

— Это верно, — в конце концов медленно проговорила инопланетянка. — И это именно то, что казалось мне как бы незаконченной мыслью. Ты сделал такое, что, по всей видимости, было невозможно для тебя.

— Только потому, что у меня не было выбора, — сказал он. — Я непременно должен был попасть на 20 В-40, даже если бы этому противилась вся Вселенная, все жители Альбенарета, все человечество, даже если бы они вместе считали это невозможным.

Капитан медленно повернула голову, внимательно на него глядя.

— Но такой вариант поведения — это ведь анархия, — сказала она. — Ни одна цивилизация не способна существовать при подобном поведении индивидуума.

— Наша существует. Мы живем и даже вместе с вами, жителями Альбенарета, оказались в космосе.

Она отвернулась и стала смотреть мимо него, сквозь лобовое стекло на каменистую равнину перед ними.

— Даже если вы и правы, — проговорила она, — как мы можем помочь друг другу — ваш народ и мой?

— Мне нужна ваша помощь, чтобы спасти одного человека от других людей. Они, другие, хотели бы использовать его для оправдания уничтожения миллионов человеческих жизней. Вместе с вами мы могли бы освободить его и тем самым уничтожить саму возможность оправдания грядущих массовых убийств. Ведь точно так же мы с вами благополучно доставили спасательный корабль на эту планету. Вы были не в состоянии управлять им на самом последнем отрезке пути, но до этого я ничего не сумел бы с ним сделать. До момента, когда возникла жизненная необходимость, заставившая меня научиться управлять этим крошечным модулем. Она открыла мне многое относительно вашего народа и моего собственного и позволила мне понять,

сколь многое из того, чему я прежде верил, в чем был убежден, на самом деле ложно.

— Даже если мы что-то и сделаем вместе, что это докажет?

— Лишь то, что вместе мы способны купировать недостатки друг друга, — сказал Джайлс, — совершить то, чего поодиночке не может ни один из нас. Спасение жизни нескольких людей и Капитана Райумунг — дело достойное. Однако речь может идти о спасении жизни множества людей и благодаря этому спасении, пусть потенциальном, жизнью множества жителей Альбенарета. Перед ними откроется новое понимание Пути, новая возможность сотрудничества с человечеством. Это, безусловно, не может остаться незамеченным и сможет убедить ваш народ, и мой тоже, в том, что и тем и другим необходимо научиться думать иначе, иначе воспринимать действительность и вместе работать как в космосе, так и на дальних планетах. А положительные результаты подобной деятельности безусловно принесут немало чести и вам, и вашему ребенку.

Она чуть шевельнулась — ему показалось, беспокойно.

— То, о чем вы говорите, — ответила она, — не коснется моей чести. Вы ждете от меня чего-то совершенно необычного.

— Я знаю, — сказал он. — Если для этого и существует особое слово в вашем языке, я его никогда не слышал. А у нас, людей, это называется дружбой.

— Дружбой? — эхом откликнулась она. — Странное слово, если оно не несет в себе никакой информации ни о родстве, ни о деловом сотрудничестве, ни о логической причине подобного сотрудничества.

— В основе его лежит взаимоуважение и расположение друг к другу, — сказал Джайлс. — Этого достаточно? Или нет?

Он ждал, пока она ответит. Инопланетянка смотрела прямо на него. Как и всегда, глаза ее и интонации совершенно ни о чем не говорили.

— Все это совершенно ново для меня, — сказала она наконец. — Правда, я заметила нечто подобное в отношениях между представителями вашего народа и моего на этой планете — на 20 В-40. — Она внезапно умолкла. — Что ж, во всяком случае того, что вы

сказали, пока вполне достаточно, чтобы начать действовать. Куда нам нужно поехать?

Лихорадочное возбуждение, придававшее Джайлсу силы, внезапно схлынуло, и он скрючился на своем сиденье, с трудом сохраняя ясность сознания.

— Я указал автопилоту вагонетки, куда ехать... в памяти компьютера это должно сохраниться — мы были там до того, как я отправился искать вас... — говорил он уже с трудом, почти шептал.

Ее пальцы потянулись к пульту управления автопилотом. На маленьком экране замелькали яркие цифры.

— Нашла, — сообщила она. — Я ввела снова эти данные.

Автопилот сработал, и вагонетка свернула вправо. Джайлс закрыл глаза и поплыл в тошнотворном потоке слабости, охватившем его...

— Мы прибыли к цели, — ровным голосом провозгласила инопланетянка.

Он открыл глаза и обнаружил, что вагонетка, явно сбившись с курса, остановилась посреди залитой тусклым белым светом солнца-карлика каменистой равнины. Потом, далеко не сразу, он с трудом различил вдалеке, прямо по курсу, маленький купол одинокого дома.

— Хорошо, — пробормотал он невнятно. — Вы специально остановились так далеко от него?

— Мы говорили только о том, что нужно делать до момента прибытия сюда, — ровным голосом произнесла инопланетянка. — Теперь вы хотите, чтобы мы въехали внутрь?

— Да, — ответил Джайлс. Он начинал приходить в себя, стараясь разбудить те запасы сил, что уже не раз приходили ему на помощь в экстремальных ситуациях. В то же время он явственно чувствовал и постоянную боль, и чудовищную, неизбежную слабость — вся верхняя часть тела была словно накрепко опутана железными оковами. — Да, — повторил он. — Но нам нужно не въехать, а войти. Где-то здесь должна быть дверь не для машин, а для пешеходов, и, может быть, нам удастся проникнуть внутрь так, чтобы они нас не заметили.

Он попробовал сесть, но сумел лишь слабо пошевеливать руками.

— Погодите, — сказала инопланетянка.

Она стала рыться в заднем отделении вагонетки, где хранились скафандры для выхода наружу при непредвиденных обстоятельствах. Ей удалось отыскать мягкий скафандр, однако оказалось, что ей он безнадежно мал, ибо был рассчитан на обыкновенного человека, а не на очень высоких жителей Альбенарета.

— Вы не можете выйти наружу без скафандра, — безнадежным тоном проговорил Джайлс, голова которого уже была накрыта прозрачным шлемом. — Там слишком холодно.

— Здесь нет другого скафандра, а этот мне совершенно не подходит, — проговорила инопланетянка совершенно индифферентным тоном. — Но здесь недалеко.

Она вылезла наружу и подошла к дверце со стороны Джайлса. Потом открыла ее и, взяв его на руки, пошла по направлению к куполу. Дыхание, вырывавшееся наружу, тут же становилось видимым: вокруг рта и носа инопланетянки моментально образовались ледяные корки. Однако несла она Джайлса, похоже, без малейшего усилия, шагая по каменистой, совершенно не приспособленной для ходьбы равнине ровно и спокойно.

Подойдя к куполу, она обошла его кругом, и на противоположной от больших ворот стороне, почти перпендикулярно тому месту, где остановилась вагонетка, они обнаружили маленькую дверцу, возле замка которой горел красный огонек, сигнализируя, что дверь незаперта. Капитан нажала на кнопку замка, и дверь отъехала в сторону. Она внесла Джайлса внутрь, дверь за ними закрылась, и тут же вспыхнул свет, освещая небольшую прихожую и дверь в стене напротив.

— Теперь вы в состоянии идти? — спросила инопланетянка.

Джайлс отрицательно помотал головой.

— В таком случае я вас понесу.

Она подошла ко второй двери, отворила ее и поднялась по застланной ковром лестнице в жилые помещения купола. Из коридора справа донеслись голоса, и Капитан, с Джайлсом на руках, свернула туда. Вскоре, раздвинув легкие занавески у входа, они очутились в той самой комнате отдыха, где Джайлс уже побывал однажды.

Инопланетянка остановилась. Зеркальная стена напротив отражала их обоих — ее и Джайлса. Он в

своем скафандре выглядел весьма бледно и ordinarily, Капитан же так и сверкала черным и серебряным, подобно пейзажу за окнами, ибо черная шерсть, покрывавшая ее тело, вся была покрыта крохотными кристалликами льда; особенно в тех местах, где при соприкосновении с влажным и теплым воздухом помещения на ее промерзшем теле выступила изморозь.

Она шагнула к ближайшему мягкому креслу и усадила Джайлса, потом сняла с него шлем, выпрямилась и обернулась к окружавшим их людям, все это время потрясенно и молча разглядывавшим пришельцев.

— Я принесла сюда этого Эделя; вы его знаете, — сказала она. — У него здесь какое-то неотложное дело — и делать его он будет с моей помощью. Но прежде чем я предоставляю эту помощь, я бы хотела увидеть среди вас или между вами и самим этим Эделем то, что он называет дружбой и что все вы, люди, безусловно должны знать, ибо это слово из вашего языка.

Глава 17

Беспомощно сидя в кресле, Джайлс проклинал себя. Он совершил, повторял он про себя, главную из всех возможных ошибок: пошел на поводу у собственного антропоморфизма. Он забыл о том, что ни при каких обстоятельствах инопланетянка не сможет воспринимать понятие «дружба» так же, как он. С какой стати он решил, что сумеет так просто влезть в шкуру существа, обладающего совершенно чуждой ему психологией, являющегося продуктом чуждой ему культуры?

Бисет, Эстивен, Грос, Ди, Фрэнко и даже Мара — все теперь сгрудились вокруг кресла, в котором сидел Пол Ока, и молча смотрели на Джайлса и Капитана. Джайлс заметил, что Пол привязан к креслу, а изо рта у него стекает тоненькая струйка крови. Очевидно, Пол проявил непокорность, и Бисет обрушила на него свой гнев. Возможно, еще есть какая-то надежда. Некогда Пол был самым близким его другом. Может быть, сейчас он признается в дружбе с Джайлсом и удовлетворяет требование Капитана. Без помощи инопланетянки ни у него, ни у Пола нет никаких особых надежд, и Полу это должно быть понятно.

— Пол, — обратился к нему Джайлс, — Капитан Райумунг выслушала меня, когда я рассказал ей, что существует такая вещь, как дружба. Однако о дружбе она впервые услышала от меня и совершенно не представляет, что это такое. Мы с тобой были когда-то

друзьями, Пол. Ты ведь не откажешься признать это, правда?

Джайлс вложил в последние слова столько чувства, надеясь, что Пол поймет его. *Признай меня своим другом и останешься в живых. Если ты этого не сделаешь, нам обоим больше не на что рассчитывать.*

Пол внимательно посмотрел на него.

— Я... — начал было он, и вдруг будто окаменел. Его лицо приобрело выражение, какого Джайлс не видел уже много лет. — Нет, — ясным голосом проговорил Пол. — Что бы я ни выигрывал благодаря союзу с тобой, Джайлс, я все равно отвечу «нет». Я никогда не лгал, не солгу и теперь. Мы выросли вместе, но друзьями не были никогда. У меня вообще не было друзей, как и у тебя, впрочем. Ни один истинный Эдель ни к кому не испытывает дружбы; он знает и понимает лишь собственный долг.

Взгляд его, устремленный на Джайлса, был совершенно безжалостен. Джайлс только слабо покачал головой. Даже после того, как внезапно вспыхнувшая в нем надежда обратилась в пепел, он не мог заставить себя винить Пола. В конце концов, тот ответил именно так, как того требовало его воспитание, теми самыми словами, за которые некогда и Джайлс готов был умереть и которыми жил.

— Что ж, — сказал он, — если это действительно так, Пол, я больше не истинный Эдель. После этого путешествия на спасательном корабле я пережил и перечувствовал многое из того, что отнюдь не входило в понятие моего долга.

Он посмотрел на арбайтов, стоявших возле кресла с Полем.

— Даже по отношению ко всем вам, — продолжал он. — В самом начале путешествия я хотел одного: добраться до планеты 20 В-40 и отыскать Пола. Я отправился в полет на спасательном корабле, твердо намереваясь сохранить всем вам жизнь только потому, что таков был мой долг; именно так и только так поступил бы любой член моей семьи. Но в течение путешествия я лучше узнал вас. Я научился любить вас, всех без исключения; вы мне нравились просто как личности, вы были мне интересны, несмотря на то что каждый из вас в отдельности порой разочаровывал меня, раздражал, а то и доводил до бешенства. Вы не

ангелы. Никто из людей никогда ангелом не был. Вы даже не Эдели. Но вы — те люди, с которыми я прожил достаточно долго, с которыми вместе я был на пороге смерти, и все вы теперь значите для меня достаточно много. Вы — и не только вы, но и все арбайты, оставшиеся там, на Земле.

Он посмотрел на них с легкой печалью.

— Неужели никто из вас не понимает, о чем я сейчас говорю? — спросил он. — Неужели ни один из вас не чувствует того же, что и я... того, о чем я рассказывал?

От группы арбайтов вдруг отделилась Мара и подбежала к нему.

— Сейчас же верните ее на место! — рявкнула Бисет. — Эстивен, Грос — а ну тащите ее назад!

Оба арбайта колебались, неуверенно поглядывая друг на друга.

— Ну же! — взорвалась Бисет. — Выполняйте приказание!

Мужчины отвернулись друг от друга и двинулись к креслу, где сидел Джайлс. Однако, подойдя к нему, Мару не тронули, хотя она стояла неподвижно, обеими руками обхватив Джайлса, а встали по обе стороны от нее, глядя на Бисет.

— В чем дело, идиоты? — снова рявкнула Бисет. — Верните же ее на место!

— Нет, — сказал Эстивен.

Лицо его было бледно, по щекам катились капли пота, однако губы были решительно сжаты.

— Ты мне не хозяйка! — сказал он Бисет. — Если бы все зависело только от тебя, я давно бы уже рехнулся или помер из-за этого тонка. Он спас меня от Капитана! Он спас меня от наркотика! С какой стати мне поступать так, как хочешь ты?

— Это верно, — хрипло подтвердил Грос. — Ты нам не хозяйка.

— Значит, я вам не хозяйка? Ах вы, дряни безмозглые... — Бисет внезапно умолкла, ибо остальные арбайты тоже двинулись по направлению к Маре, Эстивену и Гросу, стоявшим у кресла Джайлса. — Немедленно вернитесь назад, все, вы слышали?

Одна лишь Ди чуть замедлила шаг при этом вопле Бисет, но Фрэнко схватил ее за руку и потащил за

собой. Подойдя к остальным, они тоже повернулись к Бисет лицом.

— Никто нам не хозяин, — заявил ей Эстивен. — Здесь, в Колонизованных мирах, все по-другому. Здесь ты не можешь ни забить нас до смерти, ни засудить, как преступников, ни сослать на вечную каторгу только потому, что так угодно тебе. Здесь тебе придется сперва доказать, что мы совершили что-то противозаконное.

— Значит, вы так думаете? — мрачно спросила Бисет.

Сунув руку в карман, она вытащила лазерный пистолет.

— Я могу перестрелять вас всех и заявить, что все вы были членами секты «Черный четверг». Возможно, меня посадят под домашний арест до прибытия следователя Межгалактической полиции с Земли, однако, когда он прибудет, обвинение с меня будет снято, можете быть уверены. А вы, лежа в своих могилах, можете размышлять на сей счет сколько угодно, и...

Бисет слишком увлеклась разговором с восставшими арбайтами и не заметила инопланетянки, внезапно сорвавшейся с места и в несколько прыжков оказавшейся возле нее. Бисет резко повернулась и прицелилась прямо в нависшую над ней Райумунг.

— Назад! — крикнула она. — Я ведь и тебя пристрелю, если потребуется!

Но остановить инопланетянку было невозможно. На таком расстоянии Бисет бы не промахнулась, и Джайлс в отчаянии выхватил из кармана пустой лазерный пистолет, что нашел в вагонетке. Прицелившись в женщину-полицейского, он крикнул:

— Эй, Бисет!

Та резко повернулась, увидела в его руках лазер и почти нажала на спуск, рассчитывая прежде пристрелить Джайлса, а уж потом разделаться с Капитаном. Однако не успела. Джайлс заметил вспышку света на конце ее лазера, услышал, как сердито заворчал Грос, схватившись за раненое плечо, а потом темное длинное тело инопланетянки странным образом сплелось с телом Бисет, и та исчезла...

Джайлс озирался: волна ужасной слабости грозила вот-вот подхватить его и унести. В голове, правда, прояснилось, зато что-то неладное творилось с глазами: он видел двойное — нет! — тройное изображение

ние Капитана в разных углах комнаты. Он зажмурился и снова раскрыл глаза, однако видения не уходили. Теперь комната была полна инопланетян, и людей тоже прибавилось, хотя буквально секунду назад их не было. Одним из них оказался Амос Барси, под руководством которого Пола Оку освобождали от пут двое мужчин с повязками полицейских на рукаве — явно местные.

Освобожденного и поставленного на ноги Пола тут же вывели из комнаты. Перед уходом он остановился у кресла Джайлса и холодно сказал:

— Запомни этот день, Джайлс. Сегодня ты помешал спасению человечества и отправил его по тому пути неизбежной гибели, которым уже следуют все эти инопланетяне.

— А может быть, это как раз путь к жизни для обеих наших цивилизаций? — возразил Джайлс. — Придется нам подождать и проверить, так ли это, не правда ли, Пол? Однако держу пари, что выбранный мною путь верен.

Пол, не говоря ни слова, отвернулся и в сопровождении полицейских вышел из комнаты. Еще двое пронесли мимо Джайлса тело Бисет, а потом на месте, где только что стоял Пол, оказался человек с медицинским саквояжем, который принялся обрабатывать раны Джайлса. Над головой сосредоточенно работавшего врача Джайлс увидел знакомое лицо Капитана; инопланетянка шагнула вперед и наклонилась к нему.

— Это вы? — несколько неуверенно спросил на терралингве Джайлс. Даже после долгого совместного полета на спасательном корабле он не был уверен, что достаточно хорошо отличает Капитана от других альбенаретцев.

— Я довольна, — сообщила ему Капитан. — По всей очевидности, эта ваша «дружба» — вещь вполне реальная. Среди нашего священного народа есть и другие, кто побывал в иных, подобных этому мирах, имеет опыт общения с людьми и подтверждает, что названное мной явление встречается довольно часто. Теперь я имею самые различные тому подтверждения.

— Подтверждения... — пробормотал Джайлс и огляделся; он видел вокруг высокие темные фигуры инопланетян. — Но откуда они взялись здесь?

— Не знаю, — ответила Капитан. — Видимо, пока вы ждали меня, ваш внешний вид и нежелание двигаться

ся вызвали подозрения у того представителя моего народа, что приветствовал вас у ворот, и он послал за мной. В качестве меры предосторожности он связался с местной полицией вашего народа, которая приказала установить на вагонетке подслушивающее устройство. Это было сделано незаметно для вас. Таким образом, представители обоих наших народов могли слушать, о чем мы разговаривали, и узнали, куда именно мы направляемся.

Джайлс слабо помотал головой. Врач только что сделал ему укол, и он чувствовал, как уходит боль и возвращаются силы. Однако ему по-прежнему было не по себе.

— Я ничего не понимаю, — сказал он.

— Мы были объектом пристального внимания обеих сторон, с тех пор как приземлились на 20 В-40, — сказала инопланетянка. — Наверное, я могла бы сказать, что в этих новых мирах наши народы стали значительно ближе друг к другу, чем где-либо еще. Однако я жду того, что вы мне обещали.

— Обещал вам?

— Вы обещали мне назвать того, кто уничтожил мой корабль. Теперь я жду, я хочу это услышать.

— Джайлс... — Рядом с ним оказалась Мара, она явно хотела предостеречь его. Он взял ее за руку, желая успокоить.

— Я скажу вам, кто это сделал.

— Джайлс!

— Да нет, — обернулся он к Маре, — все будет нормально. Послушайте, Райумунг... Это я подложил бомбу в космический корабль.

— Вы? — Длинное тело инопланетянки почти незаметно, но все же дернулось в его сторону.

— Да, — подтвердил он. — Это была лишь часть того плана, который разработал Ока-фронт; мне нужно было попасть на 20 В-40, не вызвав ни малейшего подозрения со стороны Пола Оки. — Джайлс сокрушенно мотнул головой. — Подумать только, я улетел с Земли специально, чтобы убить... Впрочем, тогда я заблуждался относительно очень многих вещей...

Он посмотрел Райумунг в глаза.

— План заключался в том, что бомба вызовет незначительные повреждения на корабле и вы захотите сесть

на планету 20 В-40, чтобы произвести необходимый ремонт. Приземлившись, я бы сразу отыскал Пола.

— Я вас слушаю. — Голос Капитана был лишен эмоций и звучал как бы издалека.

— Чтобы этот план сработал, — устало продолжал Джайлс, — я должен был устроить взрыв точно в положенное время. Именно поэтому мне было кое-что известно о курсе, избранном вами, и местоположении планеты 20 В-40. По нашим расчетам бомба должна была нанести такой ущерб вашему кораблю, чтобы заставить вас изменить курс, но без особых приключений сесть на эту планету. В наши планы отнюдь не входило добираться сюда на спасательном модуле.

Теперь голос его звучал уже достаточно резко.

— Значит, у вас был план, — сказала она. — Что же, бомба оказалась большей мощности, чем вы думали? Джайлс покачал головой.

— Нет, она была той мощности, какая требовалась. Однако мы получили «поддержку», на которую вовсе не рассчитывали. Кто-то подложил еще одну бомбу, значительно более мощную, которая наверняка способна была вообще полностью уничтожить корабль. — Голос его чуть не сорвался. — Господи, где еще горстка каких-то революционеров-любителей могла бы заполучить средство, способное заставить металл гореть, словно кучу сухих листьев?

— А откуда взялась эта вторая бомба? — спросила Капитан.

— Дело в том, что существовал иной план, о котором я не подозревал. Согласно этому плану я должен был добраться до 20 В-40 на спасательном корабле, как это и произошло. И не только я, но и еще несколько человек. — Джайлс с трудом поднял ставшую вдруг очень тяжелой руку и указал на Мару и всех остальных арбайтов, неподвижно стоявших возле его кресла. — Подразумевалось, что если погибнет большой корабль, то вы, как все уроженцы Альбенарета, предпочтете погибнуть вместе с ним. Однако желательно было оставить в живых одного из вас, чтобы тот смог в дальнейшем управлять спасательным модулем и благополучно совершить посадку вместе с горсткой землян на планету 20 В-40.

— Почему же вы согласились с этим вторым планом и со взрывом второй бомбы? — спросила она по-прежнему бесстрастным тоном.

— Я и не соглашался. И никто из оставшихся на спасательном корабле тоже. Кроме одного человека. И этот человек выдал себя впервые только тогда, когда я попал сюда. Это Бисет.

— Та женщина, которую я только что убила?

Джайлс кивнул.

— Бисет призналась в том, что планировала вместе со мной и остальными переправиться на спасательном корабле на нужную нам планету. Таким образом, она выдала себя с головой. Получалось, что именно она должна была подложить эту вторую бомбу, будучи абсолютно уверенной, что та обладает достаточной мощностью, чтобы разрушить корабль. Однако ей еще нужно было дать возможность спастись отобранным ею на Земле арбайтам. Головой ручаюсь: если бы мы могли обследовать корабль до того, как произошел взрыв, вы бы обнаружили, что все остальные спасательные модули, кроме того, что спас нас, были выведены из строя.

В комнате надолго воцарилось молчание. Первой заговорила Капитан.

— Откуда она могла знать, что у меня... — голос у нее вдруг сорвался, что было совершенно неожиданно, затем она продолжила, взяв себя в руки, совершенно бесстрастным тоном. — ...Что именно вы сумеете взять на себя командование спасательным кораблем и посадить его на 20 В-40, а не на Белбен?

— Этого она не знала, — ответил Джайлс. — И она сама, и ее люди совершенно не представляли себе, как, впрочем, и я тоже, как могут рассуждать в подобном случае жители Альбенарета. Ни ей, ни мне и в голову не приходило, что вы способны предпринять нечто совсем иное, а не направиться к ближайшей планете 20 В-40, чтобы получить там необходимую помощь. Когда же вы стали настаивать, что нам нужно продолжать полет на Белбен, даже если бы мы добрались туда мертвыми, ей пришлось вытащить из своей колоды джокера — того самого человека, который был включен в команду лишь затем, чтобы выполнить, в случае необходимости, самую грязную работу.

Он повернулся и посмотрел на Эстивена.

— Она ведь снабжала тебя не только наркотиком, но и бумагой для него, не так ли? По крайней мере, сначала? — спросил он Эстивена. — А потом стала утверждать, что запасы бумаги у нее кончились.

— И я ей поверил! — Лицо Эстивена исказилось. — Я ей поверил! Именно поэтому я и взял книгу.

— Да, — сказал Джайлс и снова посмотрел на инопланетянку. — Ну вот, Райумунг, теперь вы все знаете.

— Да, — сказала она и вскинула голову. — И теперь, узнав все это, я сама выношу своего ребенка и произведу его на свет. Потому что я отомстила за свою поруганную честь, убив того, кто уничтожил мой корабль; кроме того, большая честь — получить то, что вы называете дружбой, и я именно так объясню это остальным представителям моего священного народа.

— Верно, — сказал Джайлс. — А когда вы это сделаете, то сможете объяснить им и еще одно новое понятие, Слово «сотрудничество». Им можно, например, пользоваться, когда люди и жители Альбенарета вместе управляют одним большим космическим кораблем, летящим в космическом пространстве.

Темные глаза, смотревшие на него, сверкнули.

— Вы уже очень много сделали, Эдель, — проговорила Капитан, мрачней. — Имейте в виду: не следует делать слишком много и слишком быстро.

Она смотрела на него, не мигая, и Джайлс медленно опустил голову.

— Может быть, вы и правы, — согласился он. — Так или иначе, я желаю вам счастья, Райумунг.

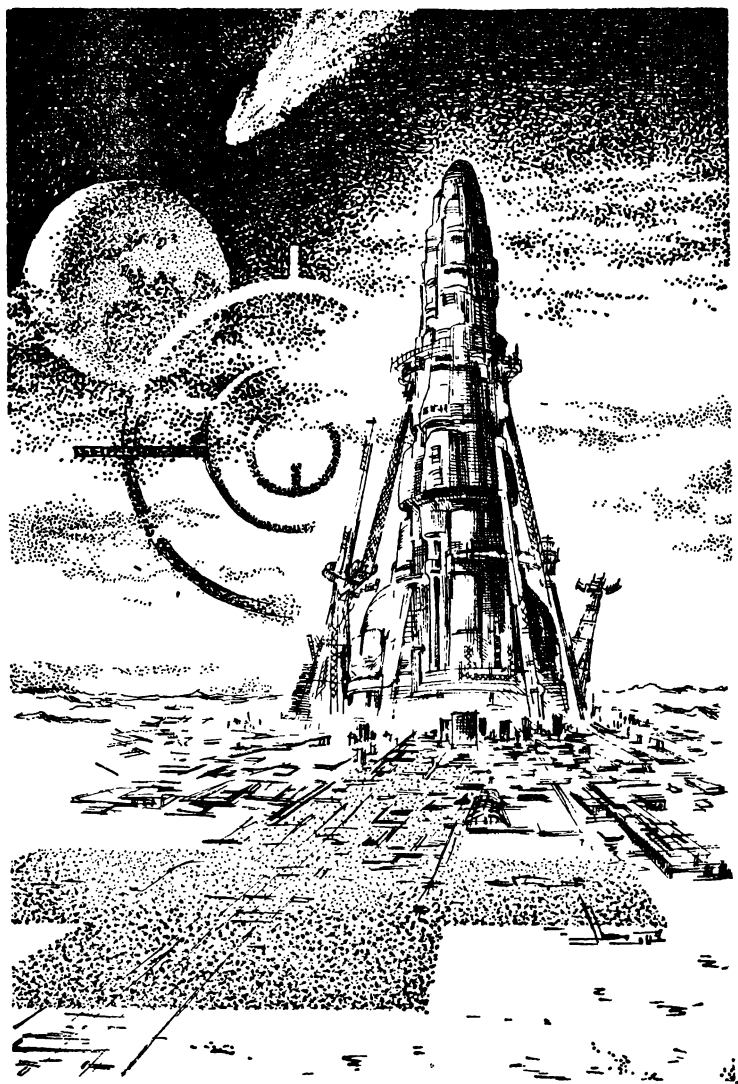
— Счастье не является залогом успешного развития моего священного народа. Залогом этого является понимание того Пути, по которому могут совершать путешествия любые существа.

Она повернулась, чтобы уйти. Но потом вдруг подошла к нему.

— Любые существа, но только не рабы, — сказала она. — Мне приходится признаться, что я изменила свое мнение об этих вот существах. — Она глазами показала на арбайтов, стоявших рядом с Джайлсом. — Они доказали, что не являются рабами — все, кроме одного, той женщины, которую я только что убила. Это значительно более важная информация, и она тоже будет доставлена мною на Альбенарет, чем информация о том, что вы называете дружбой. Ибо если говорить

честно, то прежде всего прочего между нами и вами должно быть достигнуто взаимное уважение.

Она повернулась и пошла прочь, прямая, нестигаемая, гордая, удаляясь от них крупными спокойными шагами, словно теперь ясно видела перед собой путь в недостижимую для них вечность.

ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Глава 1

Байконур, СССР

— Господи... Какая же она здоровенная, — хрипло прошептал Хардинг. — Я и не представлял себе, что на свете есть нечто подобное.

Сказать «здоровенная» — не сказать ничего. Посреди плоской равнины высился сверкающий небоскреб без окон — металлическая башня, по сравнению с которой все окрестные здания казались карликами. Но это был не небоскреб, а космический корабль. Громада весом в двадцать тысяч тонн, которая скоро, изрыгнув пламя, содрогнется и поползет вверх — сначала медленно, потом быстрее и быстрее, чтобы стрелой устремиться в пространство. Это был крупнейший космический корабль из всех, которые когда-либо строил или проектировал человек.

Четырехмоторный реактивный самолет рядом с этим гигантом казался мухой, жужжащей возле церковного шпиля. Каждая из шести одинаковых ступеней была больше любого из прежних американских космических кораблей. В космосе пять нижних ступеней по мере сгорания топлива отделятся, и останется лишь шестая, с полезной нагрузкой. Впрочем, термин «полезная нагрузка» применительно к «Прометею» звучал слишком тривиально, ведь Прометей был смертным, осмелившимся украсть огонь у небожителей и доставить его на

Землю, а теперь этим именем был назван аппарат, которому предстояло подняться на орбиту, на высоту 22 300 миль, простереть оттуда свои серебряные руки, похитить энергию Солнца и переправить ее землянам. Это решило бы для человечества проблему энергии — окончательно и бесповоротно, навсегда.

Таков был план. Лишь увидев воочию громаду «Прометей», Патрик Уинтер до конца осознал грандиозность всего проекта. Реактивный самолет описал круг по периметру «Прометей», и Патрик выровнял руль, чтобы совершить заход на посадку. Но мысли его были далеко, а потому Уинтер, будучи опытным пилотом, решил не рисковать:

— Посадите самолет, полковник. Ладно? — попросил он.

Хардинг кивнул и принял управление. Он знал, о чем сейчас думает майор. Башня из полированного металла и на него самого произвела изрядное впечатление. Хардинг отогнал это видение и сосредоточился; колеса шасси коснулись посадочной полосы, полковник включил реверс, и самолет замедлил бег. Лишь когда машина, мерно покачиваясь, подрулила к зданию аэропорта, Хардинг вновь разомкнул уста:

— Неужели вы в самом деле полетите на этой чертовой штуковине?

Это был полувопрос-полуутверждение, в котором звучало явное сомнение, способна ли такая громадина вообще оторваться от земли. Патрик уловил интонацию полковника, слегка усмехнулся, отстегнул ремни безопасности и встал.

— Да, именно на этой чертовой штуковине я и полечу.

Он вышел в салон и подсел к И. А. Дж. Флэксу. Тот сидел на диванчике, откинувшись назад, в его мясистой ручище телефонная трубка была почти не видна. Флэкс не любил летать на самолете, потому что ему всегда было там тесно. Огромный детина шести футов росту и столько же в талии заполнял собою весь диван. Флэкс, как всегда, обливался потом — на его гладко выбритом черепе выступили капельки влаги.

— Хорошо, я согласен, — сказал он в трубку ясным, почти лишенным акцента голосом. — Держите с ними связь. Я позвоню, как только будет покончено с формальностями.

Догадаться, с кем Флэкс говорит, было непросто. Самолет № 1 ВВС США был оснащен узлом связи, не уступавшим по мощности радиорубке авианосца. Флэкс положил трубку и оттолкнул от себя аппарат, утрюмо покосившись на иллюминатор.

— Обследование продолжается, но врачи уверены, что это аппендицит, — сказал он. — Операция через пару часов. Просто замечательно! Уж медик-то мог бы заботиться о себе и получше. Что за чертовщина — у доктора аппендицит!

Флэкс недоверчиво покачал головой, отчего заколыхалось все его брыластое лицо.

— Можешь верить или нет, но у докторов тоже есть аппендиксы.

Патрик встал перед зеркалом и принялся завязывать галстук. Для тридцати семи лет он выглядел совсем неплохо. По сравнению с Флэксом смотрелся сущим Аполлоном — впрочем, это было нетрудно. Брюшка пока не было, физические упражнения позволяли держать себя в форме. Да и вообще не урод — девушки вроде не путаются. Правда, нижняя челюсть тяжеловата, и лоб с каждым годом становится все выше. Патрик затянул узел галстука и взял пиджак.

— И потом у Кеннелли ведь есть дублер. Мы все работали с Файнбергом, дело он знает.

— Ставлю десять против двадцати, что Файнберга мы не увидим, — сказал Элай Брон.

Брон сидел у окна, уткнувшись длинным носом в книжку — его обычная поза, — и казалось, ни к чему не прислушивался. Однако он обладал весьма нервирующей способностью одновременно читать и разговаривать. Брону ничего не стоило положить противника на обе лопатки в споре, читая при этом книгу и запоминая каждое прочитанное слово. Он перевернул страницу.

— Какое тут может быть пари? — удивился Патрик. — Файнберг наш единственный врач-дублер. Он просто обязан появиться.

— Ты так думаешь? Тогда ставь десятку.

— Годится, — согласился Флэкс. — Или, может быть, тебе известно что-то такое, чего не знаем мы, Элай?

— Знать, догадываться, уметь слышать — это все одно и то же.

— Что ж, я тоже поставлю десятку, раз ты так легко расстаешься с деньгами, — заявил Патрик.

Он застегнул китель и стряхнул невидимые пылинки со своих майорских погон. Скорее всего, десять долларов выброшены на ветер, потому что доктор Элай Брон никогда не ошибался и всегда выигрывал пари. Причем любил всем напоминать об этом своем качестве. Патрик изо всех сил старался относиться к своему коллеге, физику-ядерщику, с симпатией, но это, увы, не всегда удавалось.

— Ладно, пойдем, — сказал Флэкс, тяжело поднимаясь на ноги. — Оркестр, почетный караул, суесящиеся политики и прочая дребедень.

— Сейчас добрый день или добрый вечер? — спросил Патрик, глядя на часы.

— «Добри вэчэр» годится для любого времени дня, — заметил Флэкс. — Или просто «здрастуите».

Дверца открылась, и снаружи донеслись первые ноты «Звездно-полосатого знамени» — в несколько непривычной тональности и со странноватым ритмом. Американский гимн в этом исполнении более напоминал русскую народную песню, чем гимн в честь героической обороны форта Макгенри. Едва гости появились на трапе, как дружно защелкали фотокамеры, и навстречу вновь прибывшим двинулась толпа встречающих. Несколько милосердно коротких приветственных речей по-русски; столь же лаконичное изъяснение благодарности со стороны американцев — и вот все уже на банкете, пьют водку и едят икру. Все вокруг кишело представителями прессы. Патрик испытал немалое облегчение, когда Флэкс взял основную нагрузку на себя, без особых затруднений переходя с русского на польский, с польского на немецкий, а с немецкого на английский. Элай Брон столь же успешно объяснялся по-французски и по-немецки — эти языки он наверняка выучил в Мичиганском технологическом институте, где-нибудь в перерыве между защитами диссертаций. Патрик немало времени потратил на изучение русской технической терминологии, научился неплохо в ней разбираться, но для интервью эти знания не годились. Майор умел объясняться только по-английски. К нему протолкнулся маленький человечек в сильно измятом костюме и грязных очках. Когда он говорил, изо рта у него летели брызги слюны.

— Пилкингтон, газета «Уорлд стар», Лондон, — объявил он и сунул микрофон Патрику под нос. — Майор Уинтер, у вас, как у командира этого мероприятия, наверняка есть вполне определенное мнение по поводу всей затеи. Во-первых, что вы думаете об опасности...

— Вряд ли «мероприятие» — подходящее слово, — улыбнулся Патрик. Ему нередко приходилось встречать людей, подобных Пилкингтону, по обе стороны Атлантики. Одних репортеров интересовали только факты, новости и больше ничего. Другие же писали для того разряда читателей, который, углубляясь в газету, сосредоточенно шевелит губами. Уинтер порой просматривал «Уорлд стар» и считал, что наилучшее использование этой газеты — заворачивать в нее мусор, однако майора учили всегда быть вежливым с прессой.

— Операция «Прометей» — это совместный советско-американский проект, объединяющий научные и технологические достижения обеих наших стран. Этот союз принесет благо всему миру.

— Вы хотите сказать, что русские кое в чем преуспели больше американцев?

Микрофон придвинулся еще ближе, и Патрик, изо всех сил стараясь сохранить улыбку, представил себе, как засовывает эту штуковину Пилкингтону в глотку.

— Дело, которым мы сейчас занимаемся, выше политических и национальных разногласий. Операция «Прометей» обеспечит мир экологически чистой энергией, причем именно тогда, когда традиционные топливные ресурсы планеты начинают иссякать. К этой энергии будут иметь доступ все страны мира...

— А пока все будет доставаться только русским и американцам, верно?

— Пока русские и американцы создают и финансируют этот проект, который уже обошелся в 22 миллиарда долларов. По мере развертывания он будет стоить дешевле. И в любом случае увеличение энергетических ресурсов планеты пойдет всему человечеству на благо.

Пилкингтон вытер губы ладонью, скривился и снова устремился в атаку:

— А как насчет опасности, о которой говорит весь мир? Ведь этот ваш «луч смерти» может стереть с лица земли целые города, не правда ли?

— Это не совсем так, мистер Пилкингтон. Боюсь, вы слишком увлекаетесь чтением своей собственной газеты, — огрызнулся Уинтер и сразу пожалел о своей резкости. — Полковник Кузнецов разработал технологию, которая была всесторонне изучена и проверена. Энергия генерируется из солнечного света обычной термоаппаратурой. Турбинный генератор посылает ее на Землю посредством коротких волн высокой насыщенности. На Земле это излучение конвертируется в электроэнергию.

— А не могут ли эти «лучи смерти» выйти из-под вашего контроля и превратить Землю в выжженную пустыню?

— Эти волны ничем не отличаются от обычных радиоволн, которыми переполнен сегодня эфир. Они просто сильнее и концентрированнее. Конечно, если вы встанете прямо под их пучком, то будете изжарены. — Судя по интонации Уинтера, он был бы совсем не против подобного поворота дела. — Но такая вероятность крайне мала. Принимающие антенны расположены в отдаленных и малонаселенных местах. Кроме того, существует целая система автоматического контроля, призванная отключить подачу энергии в случае какого-либо ЧП. — Патрик поверх головы репортера увидел, что у дальней стены стоит Надя. — А теперь извините, но мне придется вас покинуть. Не забудьте сообщить вашим читателям, что система электроснабжения Великобритании идеально подходит для получения электроэнергии таким способом. Со временем вы сможете удовлетворить энергетические потребности Соединенного Королевства на сто процентов. И при этом — никакого загрязнения атмосферы, которое неминуемо происходит, когда вы сжигаете такое бесценное минеральное топливо, как нефть и уголь. Благодарю вас.

Патрик увернулся от микрофона и стал протискиваться через толпу к Наде. По дороге он захватил с подноса две рюмки ледяной водки. Надя обернулась ему навстречу. Как хорошо помнил он это лицо — прозрачные, холодно-голубые, слегка раскосые глаза и волосы, напоминающие золотую украинскую пшеницу. Надя была в военной форме: широкий кожаный ремень

стягивал длинный китель, на высокой груди — шеренга медалей.

— Надя...

— Добро пожаловать в Советский Союз, майор Уинтер. — Она взяла одну из рюмок и без улыбки поднесла ее к губам.

— Благодарю вас, майор Калинина. — Патрик разом осушил рюмку, не сводя глаз с ее лица, на котором не дрогнул ни единый мускул. — Надя, когда эта церемония закончится, я хотел бы с тобой поговорить...

— Мы еще успеем наговориться, майор, при исполнении служебных обязанностей.

— Черт подери, Надя, ты же знаешь, что я имею в виду. Я хочу объяснить...

— Я знаю, что вы имеете в виду, майор. Не надо ничего объяснять. А теперь прошу меня извинить.

Ее тон, как и выражение лица, был ледяным. Но когда Надя повернулась, ее юбка слишком уж стремительно крутанулась вокруг высоких, полированных сапог. Глядя ей в спину, Патрик улыбнулся. Все-таки она живая женщина. Может быть, она его и ненавидит, но уж во всяком случае не равнодушна.

Сколько же прошло времени после ее отъезда из Хьюстона — месяца четыре? Несколько долгих недель они вместе готовились к полету в учебном центре. Сначала Патрик, как и прочие американцы, никак не мог примириться с мыслью, что вторым пилотом на корабль назначена женщина. Разумеется, все знали, что русские включают женщин в свои космические программы: первой была Валентина Терешкова, за ней последовали и другие. Но «Прометей» был слишком важным проектом, в котором следовало участвовать лучшим из лучших. А Советский Союз включил в экипаж женщину! Это был политический трюк — ясное дело. Справедливый Советский Союз, где женщина равноправна с мужчиной, где нет расовой дискриминации, должен явить разительный контраст с капиталистической Америкой, в которой фашистское большинство безжалостно угнетает женщин и темнокожих. Вероятнее всего, именно из таких соображений Надю и выбрали. Впрочем, утверждать это наверняка Патрик не мог, потому что майор Калинина прекрасно справлялась со своими обязанностями, упрекнуть ее было не в чем.

Она проявила себя специалистом высшего класса. С самой первой встречи в Хьюстоне Патрик чувствовал себя с ней не в своей тарелке...

— Я ор-чен рад встре-ти-ца с вами, — старательно проговорил Патрик.

— Как поживаете, майор Уинтер? У вас прекрасное произношение, и я уверена, что во время полета мы будем говорить по-русски. Но давайте сейчас пока общаться по-английски.

«Еще бы, ты-то отлично говоришь по-английски, а я по-русски — как какой-нибудь безграмотный шахтер с Кавказа», — подумал Уинтер. Но может быть, он и ошибался, потому что русская быстро прибавила, что впервые попала в англоязычную страну и рада возможности поговорить с носителями языка по-английски, чтобы попрактиковаться. Патрик охотно согласился, ибо как раз и был «носителем языка».

Тренировки были напряженными, но Надя держалась молодцом. Как и Патрик, начинала она с истребительной авиации, а потом стала летчиком-испытателем. Однако, в отличие от него, она впоследствии вернулась в институт и защитила диссертацию по орбитальной навигации. Несколько раз летала в космос на кораблях «Союз» и «Салют». Хорошо еще, что Уинтер совершил на один космический полет больше. И еще его утешало то, что главную ступень «Прометея» разработали американцы. Иначе вторым пилотом пришлось бы стать ему, а не ей. Даже звание майора Надя получила на месяц раньше, чем он. Как тут мужчине избавиться от ощущения неполноценности?

К тому же Надя была чертовски хороша собой. Светлые волосы, голубые глаза и вздернутый носик уже смотрелись неплохо, хотя Надя редко улыбалась и приходила на тренировки в довольно уродливом спортивном костюме. Но как-то в выходной — а согласно правилам НАСА в Хьюстоне по воскресеньям занятий не было — она приняла приглашение доктора Кеннелли и появилась возле бассейна, где на лужайке жарили шашлыки. Доктор Кеннелли, коренастый улыбчивый ирландец, глава чудного семейства, состоявшего из заботливой жены и семи шумных ребятишек, любил по-

шутить и выпить ирландского виски, но при этом считался лучшим космическим врачом. Когда он пригласил Надю в гости, она не сумела отказаться. У доктора она появилась в русском хлопчатобумажном платье столь уродливого покроя, что оно, как ни странно, сильнее подчеркивало ее собственную красоту — Надя казалась в нем еще женственнее и привлекательнее. Мэй Кеннелли кинула на этот наряд один-единственный испуганный взгляд и тут же увела гостью в дом. После короткой чисто женской дискуссии, главным аргументом которой была невыносимая жара, Надя вернулась к гостям, облаченная в узенький купальник-бикини. Мужчины встретили ее восторженным свистом и рукоплесканиями. Надя в ответ поклонилась и изящно нырнула в воду. Вечер прошел великолепно. Скинув одежду, Надя вела себя гораздо раскованнее, чем обычно, — охотно разговаривала о всяких житейских мелочах, не жалела улыбок. Когда док крикнул, что шашлык готов, Патрик первым схватил две картонные тарелочки и поспешил к Наде. Она вытирала волосы толстым полотенцем; в бикини вид у нее был просто потрясающий.

— Вы голодны? — спросил Патрик.

— Как сибирский волк.

— Тогда вам повезло. У дока мясо жарят не так, как в нашей столовой. Отборнейшее филе с бермудским луком и канадским чеддером. Прибавьте к этому секретные рецепты его жены — бобовый салат, кислая капуста, маринованный чеснок, жареный картофель и так далее. А теперь полейте кетчупом и вгрызайтесь.

Так она и сделала, проявив не меньшее усердие, чем сам Патрик. Мясо она запивала ледяным пивом «Джэкс».

— Здорово!

— Еще бы, — откликнулся Патрик. — Настоящее американское угощение, субботнее. А если бы вы сейчас были в России, что бы вы ели?

— Это зависит от того, где бы я находилась. Не забывайте, что Советский Союз очень большой, в нем живет множество народностей. У меня на родине, в Ленинграде, я, наверное, поела бы селедки с черным хлебом, салат из огурцов со сметаной — это очень полезно. И еще выпила бы квасу.

— Квасу?

— У вас здесь этого напитка нет. Его делают из старого хлеба...

— Звучит не очень аппетитно.

— Уверяю вас, это очень вкусно, вроде пива. Особенно хорош квас в жару.

Разговор был приятный, не слишком содержательный, но забавный. Надя лежала на траве, закинув руки за голову. При всем желании Патрик не мог не заметить, как вздымается ее аппетитная грудь.

— У вас дома семья?

— Да, у меня есть брат и сестра. Я уже трижды тетя. Когда я возвращаюсь домой, все время провожу с родственниками.

— И вы никогда не были замужем?

— Нет. Когда-нибудь выйду, но пока нет времени. Знаете, не вам меня в этом упрекать. Я читала информационный бюллетень НАСА и знаю, что вы — единственный холостой астронавт во всей Америке. Почему?

— Никакой особой причины нет. Просто мне нравится быть холостяком, не люблю себя связывать. Предпочитаю быть вольным игроком.

— Извините, но я не поняла этого выражения.

— Это сленг. Ну, знаете, когда живешь в свое удовольствие и играешь по собственным правилам. Встречаешься с девушками, ведешь здоровую половую жизнь и при этом не думаешь о свадебных колоколах.

Надя резко села, накинула полотенце на плечи, и на ее лице возникло знакомое официальное выражение, как во время работы.

— У нас в Советском Союзе о подобных вещах говорить не принято.

— Понятно. А у нас об этом говорят совершенно спокойно. Стоит вам уединиться с местными дамами, и они порасскажут вам массу интересного. Расслабьтесь, Надя, такова жизнь. Что поделаешь — я здоровый мужчина тридцати семи лет. Вы же не думали, что я девственник? Что же касается вас, то, если верить пресс-релизу, вам тридцать лет, к тому же вы чертовски хороши собой...

— Извините, мне пора, — Надя стремительно встала. — Я должна поблагодарить доктора Кеннелли и его супругу за гостеприимство.

Больше на подобные темы они не разговаривали. Не то чтобы Надя держалась отстраненно или недруже-

любно, нет, но их отношения оставались строго профессиональными. Если выпадал случай поболтать о чем-нибудь постороннем — например, когда выходил из строя тренажер или компьютер, — говорили на какие-нибудь отвлеченные авиационные темы, как обычно у летчиков, мало знакомых друг с другом. Личные вопросы не обсуждались. Так продолжалось в течение всего курса подготовки. Патрик и Надя хорошо сработались, оба проявляли высокий профессионализм. И точка. После работы они не виделись — вплоть до прощального банкета, устроенного в честь окончания тренировок. Период подготовки к полету закончился. На следующее утро советские члены экипажа должны были вернуться на Байконур, в Звездный городок, где находился гигантский космический комплекс. В следующий раз экипажу предстояло встретиться на Байконуре уже перед взлетом.

На банкете было жарко, кондиционер не справлялся со своей задачей. Все были в парадных мундирах, звучали все новые и новые тосты. Патрик посмотрел на часы, и по тому, что пришлось трижды сморгнуть, прежде чем он сумел разглядеть циферблат, определил, что пора уходить. Был третий час ночи. Он здорово выпил, но не настолько, чтобы обратный путь на машине по пустынным улицам вызывал у него опасение. Однако больше ни капли, решил Патрик. Дверь на улицу он отыскал не без труда. На ступеньках двое русских пытались привести в чувство своего пьяного товарища. Патрик осторожно обошел их, нащупывая в кармане ключи от машины. Под деревом у парковки кто-то стоял, и Уинтер увидел, что это Надя.

— Спокойной ночи, — попрощался он. — Увидимся на Байконуре. — Он пошел было дальше, потом остановился. — Что-нибудь не так?

— Нет, все в порядке. Просто я не хочу ехать в одной машине с этой троицей.

— Я вас понимаю. Если они вообще доберутся до автомобиля, то непременно попадут в завтрашние газеты. В раздел дорожных происшествий. Давайте я отвезу вас домой.

— Спасибо, но я уже вызвала такси.

— Это еще не значит, что оно придет. В субботу вечером ждать такси — все равно что надеяться на снегопад в августе. Садитесь, нам по дороге.

Патрик знал, что выпил лишнего, а потому вел машину осторожно и сосредоточенно. Он ехал со скоростью не более 35 миль в час и ни разу не проехал на желтый свет, то есть «по-голливудски», как говорят американцы. Однако, несмотря на все эти предосторожности и отсутствие на улице машин, они все же чуть сами не попали в аварию.

Из-за поворота им навстречу, слепя фарами, выскочила машина, мчавшаяся по их полосе.

Отличная реакция летчика-испытателя не подвела Уинтера. Встречная машина могла завилать на асфальте, если бы он попытался ее объехать, и тогда неминуемо произошло бы столкновение. Сворачивать было некуда: справа дома, вплотную придвинувшиеся к дороге, слева лужайки и газоны.

Уинтер резко вывернул руль, и автомобиль вынесло через тротуар на газон. Завизжали тормоза, машина чуть не перевернулась. Встречный лихач пулей пролетел мимо, даже не сбавив ходу. Наконец, справившись со своим железным конем, Патрик снова выехал на проезжую часть и остановился.

— Ах ты, гад паршивый, — пробормотал он, глядя вслед удаляющимся огням.

— Все в порядке?

— Теперь да, но этот сукин сын чуть не угробил нас.

На улице было тихо. В темных окнах не зажглось ни единого огонька — всем было наплевать. Скорее всего, скрежет тормозов среди ночи воспринимался здесь как самое обычное явление. От предпринятого Уинтером маневра на газоне и цветочных клумбах остался уродливый след.

— Я отвезу вас домой, позвоню оттуда в полицию и расскажу о случившемся. Моя страховая компания наведет тут порядок и посадит новый розовый куст.

Патрик почувствовал, что от опьянения не осталось и следа. Он подвез Надю к дому и от нее все-таки позвонил в полицию, хоть уже и сам не очень понимал, зачем ему это понадобилось. Никто не пострадал, машины остались целы, поэтому дежурный полицейский не пожелал даже записать подробности происшествия. Тем не менее Патрик сообщил ему все детали и лишь потом

положил трубку. Надя стояла у него за спиной, держа в руках большущий бокал виски со льдом. Уинтер вдруг почувствовал, что он абсолютно трезв, и спиртное после адреналинового шока ему совсем не мешает.

— Благослови вас Боже, — поблагодарил он и отхлебнул виски. Потом поставил бокал на стол и обнял Надю за талию.

— Знаете, мы ведь с вами чуть жизни не лишились.

— Да, это было опасно.

— Смертельно опасно. Этот псих нас чуть на тот свет не отправил. Американско-советская космическая программа отстала бы от графика лет на десять. — Внезапно Патрику расхотелось шутить. — Я ужасно испугался. Не за себя — за вас. Я не хотел бы, чтобы с вами что-нибудь случилось...

Он не знал, что еще сказать, и поэтому, не особенно задумываясь, притянул Надю к себе и поцеловал, да с такой неподдельной страстью, что сам удивился. Она ответила на поцелуй, ее губы были горячи. И, когда его руки заскользили по ее телу, Надя не отстранилась.

Белье у нее было тончайшее, все из темных кружев — совершенно не пролетарского вида. Они опустились на мягкий ковер, все шло просто замечательно — до тех пор, пока Патрик вдруг не осознал, что Нади рядом с ним нет. То есть она была рядом — обнаженная и невероятно соблазнительная, — но мысли ее, судя по всему, витали где-то далеко. Она словно не замечала его ласк, руки ее лежали без движения. Импульс, бросивший их друг другу в объятия, погас. Патрик провел пальцами по ее груди, по твердому, округлому животу, но Надя даже не шелохнулась.

— Надя, — прошептал он, не зная, что сказать. Ее глаза были открыты, но смотрели куда-то в сторону. — Знаешь, для насильника я уже староват, пожалуй.

Патрик отодвинулся от нее и тут же пожалел о вырвавшихся у него словах.

Однако было уже поздно. Надя вбежала в спальню, захлопнув за собой дверь. О происшедшем между ними напоминали только скомканные кружева и смятое платье. Патрик попытался объяснить с нею через запертую дверь, попросить прощения, но в ответ не раздалось ни звука. По правде говоря, он лепетал нечто невразумительное, ибо и сам, в общем-то, ничего не понял. В

конце концов он оделся, налил себе полный стакан виски, но так и не выпил, а сердито направился к выходу. Лишь в самый последний момент он придержал дверь, чтобы не хлопнуть ею. Гнев вдруг куда-то улетучился, сменившись озабоченностью. Патрик почувствовал, что не знает, как он на самом деле относится к Наде, да и ко всему на свете.

С тех пор он так и не сумел разобраться в своих чувствах. Кое-что, правда, прояснилось, порой ему даже начинало казаться, будто все ясно, но, стоило ему увидеть Надю здесь, на Байконуре, и все снова стало неопределенным. И так, за четыре месяца ровным счетом не изменилось ничего. Тот же тупик, та же запертая дверь. Уинтер даже позавидовал Наде, которой, очевидно, все было ясно. О себе он этого сказать не мог.

— *Товарищ*, — слышался сзади чей-то низкий голос. Патрик обернулся и с благодарностью взял стакан водки из рук советского офицера.

— *За мир*, — сказал он, — в наше проклятое время и во веки вечные.

И осушил стакан.

— Рэйли, ведь только девять часов утра, а уже такая жарница, что на моем осциллографе можно яичницу жарить. Здесь еще хуже, чем у нас на мысе Канаверал.

— Сочувствую тебе, Даффи. Если тебе тут не нравится, то зачем ты подписывал контракт?

— По той же причине, что и ты. Когда свернули проект С5А, кроме как в НАСА, податься мне было некуда. Что это за караули здесь написаны?

— Это кириллица, Даффи, не строй из себя невежду. Тут написано: «Земля 445 Л». Этот код означает... Эй, Евгений! — он обернулся к коренастому технику, стоящему на платформе рядом с ними, и задал ему вопрос по-русски. Евгений что-то пробормотал, полистал желтую папку и нашел соответствующую схему. Щурясь от яркого солнечного света, Рэйли прочитал вслух перевод:

— «Сервоустройство первой стадии схемы вторичного стартера».

Даффи отвинтил шурупы из нержавеющей стали, на которых крепилось опорное кольцо, и осмотрел муль-

тиконнекторы, пучки проводов, шедших к цистерне, предназначенной для сжиженного гелия. Потом осторожно снял зажимы, потянул на себя верхнюю пятидесятиштекерную пробку и побрызгал на золоченые контактные штыри очищающим спреем. Потом, довольно кивнув головой, вставил пробку на место и махнул Евгению, который сделал в папке соответствующую отметку.

— Тринадцатый есть, — сказал Даффи. — Осталось всего каких-нибудь миллиона четыре. Теперь спроси у своего русского дружка, какой узел следующий. Слушай, Рэйли, объясни мне ради Бога, как это тебе удалось выучиться их тарабарщине?

— В колледже мне сказали, что русский и английский — языки космической эры.

— Судя по всему, тебя не обманули. А я два года учил испанский, но в результате не научился даже торговаться на мексиканском базаре.

Русский техник нажал на кнопку, и инспекционная платформа медленно поползла вверх, вдоль гигантских цилиндров ракет-ускорителей. До земли было добрых 300 футов — люди внизу казались не крупнее муравьев. А стальная громада над головами техников вздымалась еще на 150 футов вверх. Ускорители были соединены друг с другом и с корпусом основной ракеты огромными скобами. Внутри находились гидравлические линии, топливные трубопроводы, электрокабели, кислородные краны, датчики компьютеров, телеметрическое оборудование, сотни узлов самых разнообразных систем, обеспечивающих слаженное функционирование всего ракетного комплекса.

Каждый из этих элементов был необходим, каждому полагалось работать бесперебойно. Достаточно одному единственному из тысяч и тысяч компонентов выйти из строя — и весь корабль окажется под угрозой.

А если «Прометей» взорвется, это будет самый большой неядерный взрыв во всей истории человечества.

Глава 2

Григорий Сальников услышал шум автомобиля еще издалека — сначала раздалось едва слышное жужжание, почти неотличимое от возни пчел в цветнике под открытым окном. Но на улице были и другие дома, а служебных автомобилей на Байконуре было множество. Чего здесь не хватало, так это асфальтированных дорог; каждый автомобиль оставлял за собой облако белой пыли. Если бы не она, Григорий вообще не обращал бы внимания на проезжающие мимо машины — они не имели к нему никакого отношения. Сальников аккуратно намазал персиковый джем на толстый кусок хлеба. Потом налил себе стакан чаю. Машина затормозила возле дома — было слышно, как выключили мотор. Неужели гости? Хлопнула дверца, и Григорий выглянул в окно. Это была огромная черная «татра» чехословацкого производства, больше похожая на танк, чем на легковушку. Во всем Звездном городке была только одна «татра» такой допотопной модели, с ребристыми стабилизаторами сзади. Григорий отправился по коридору к входной двери и как раз взялся за ручку, когда раздался звонок.

— Входите, полковник, — сказал он.

— Зовите меня Владимиром. Мы ведь с вами давние знакомые. Что о нас подумают американцы, если во время полета мы будем именовать друг друга «полковник Кузнецов» и «инженер Сальников»?

— Извините, Владимир. Входите, пожалуйста. Я от жары плохо соображаю...

— Я всегда говорю своим подчиненным, чтобы они не оправдывались и ничего не объясняли. Вы у меня не служите, но я дам вам тот же совет. Бесплатно.

Двое русских были разительно несхожи между собой. Полковник Кузнецов, мужчина под шестьдесят, напоминал массивную несокрушимую скалу; его седеющие волосы были жесткими как проволока. Григорий Сальников был на голову выше, на двадцать лет моложе и гораздо раскованнее; он родился в Грузии и говорил с легким кавказским акцентом. Инженер отвел полковника на кухню, налил в чашку заварки и добавил кипятка из самовара.

— Я заехал, чтобы отвезти вас на пресс-конференцию, — сказал Кузнецов. — Очень важное мероприятие, на высшем уровне. Будет смотреть весь мир.

Григорий взглянул на часы.

— Остается еще больше часа.

— Вот и хорошо. Можно спокойно попить чайку.

Кузнецов бросил в стакан ломтик лимона и раздавил его ложкой. Кусочек сахара он зажал между зубами и стал пить чай вприкуску. Он вообще предпочитал вести себя по-простецки, и некоторые ошибочно считали его неотесанной деревенщиной.

— Приятно у вас тут, Григорий, — сказал он.

— Да, — кивнул Сальников, оглядевшись по сторонам. Лицо его померкло. Он так и не научился скрывать свои чувства. Кузнецов понимающе кивнул:

— Извините, если скажу что-то не то, но мы с вами старые товарищи, и я хочу, чтобы вы меня выслушали. Траурная повязка у вас не только на рукаве — сердце ваше тоже все еще в трауре. Я знаю, вам больно об этом говорить, но о таких вещах не нужно молчать. Сколько времени прошло после авиакатастрофы? Два месяца? Эти старые «Илы» пора было бы списать еще десять лет назад. Ваша жена и дочка погибли... Но что поделаешь, надо жить дальше.

Григорий тяжело опустился на стул, сцепив перед собой руки и повесив голову:

— Иногда мне совсем не хочется жить.

— И тем не менее жить нужно. Посмотрите на меня. Я человек семейный, у меня уже двенадцать внуков и

внучек. Но я не всегда был таким счастливым. Когда в нашу деревню вошли немцы, мне было девять лет. — Голос полковника почти не изменился, лишь стал чуточку суше и тверже. — Одетые в черные мундиры, с молниями в петлицах... Мои односельчане просто оказались у них на дороге, поэтому немцы их истребили. Словно жучков каких-нибудь. А мне повезло — я пас коров, и меня не заметили. Коров, правда, тоже перестреляли. — Кузнецов тряхнул головой и шумно отпил из стакана. — Что же я должен был делать? Все деревенские погибли, кругом фашисты. Спрятавшись в лесу, я встретил Петра, оказавшегося точно в таком же положении, только он повел себя иначе. У Петра была новенькая немецкая винтовка, полный патронташ боеприпасов, а лезвие его топора было в крови. — Полковник допил чай, удовлетворенно вздохнул и отставил стакан. — Мы стали партизанами и сражались в тылу врага до самого конца войны. Первого фашиста я убил, когда мне было десять лет. Я рассказываю вам все это, чтобы вы поняли: при любых обстоятельствах человек должен жить. Вы должны жить. Я знаю, что вы испытали, но, если вы не возьмете себя в руки, вас придется снять с полета. А новый человек не сможет работать так хорошо, как вы.

— Я знаю. И делаю, что могу. Но мне трудно.

— В этом мире все трудно, друг мой. Но вы обязаны превозмочь себя. Это ваш долг перед самим собой и перед всеми нами.

— Хорошо, я постараюсь, спасибо.

— Не тратьте времени на благодарности. Давайте-ка сядем в мой драндулет и поставим рекорд скорости на двухкилометровой дистанции.

Глава 3

— Господин президент, эти дамы и господа представляют Совет мудрого правительства из города Топека, штат Канзас.

Члены делегации забормотали приветствия, некоторые женщины неуверенно изобразили что-то вроде реверанса. Президент Бэндин торжественно покивал своей массивной головой, похожий на папу римского, раздающего благословения. Он не встал со стула, но, поскольку письменный стол президента находился на возвышении, его лицо было практически на одном уровне с лицами посетителей. Кривые ноги Бэндина плохо соответствовали благородству высокого лба, но гости их не замечали — помпезность Овального кабинета внушала почтительность даже самым дерзким из них. Здесь билось самое сердце Америки; под сенью Большой президентской печати находился глава великого государства.

— Я счастлив приветствовать в вашем лице население нашего замечательного Среднего Запада. От всей души поддерживаю ваши усилия во имя мудрого правления. Однако, насколько мне известно, вас привели сюда другие проблемы?

Президент Бэндин сделал паузу, его величественная голова склонилась — глава государства был готов выслушать пожелания граждан. Чарли Драгони, помощник президента, дернул руководителя делегации за рукав,

подбадривающе кивнул. Канзасец шагнул вперед, смущенно откашлялся и сказал:

— Господин президент, я, то есть мы, хотели бы... поблагодарить вас за эту аудиенцию. Для нас это большая честь. Мы действительно пришли сюда не столько насчет правительства — вернее, того мудрого управления, к которому стремится наша организация... то есть, видите ли...

— Ближе к делу, Фрэнк, — прошипела пожилая дама, стоявшая за спиной главы делегации.

Канзасец судорожно сглотнул и заговорил быстрее:

— Нас беспокоят цены на зерно. Наши люди трудятся в поте лица, а кое-кто наживает огромное состояние, продавая зерно русским. Нам же приходится залезать в кабалу к банкам, чтобы приобретать удобрения и семенное зерно. Это наносит ущерб фермерскому хозяйству...

— Да, дамы и господа, мне эта проблема известна, — прервал говорящего президент. — Я в курсе. Буду с вами откровенен — этот вопрос не дает мне покоя ни днем ни ночью. В данный момент на моем президентском столе, — Бэндин постучал по толстой папке, лежавшей под его правой ладонью, — как раз находятся результаты новейших исследований данной проблемы, а также проект плана, направленного на улучшение ситуации. Спекулянты будут строго наказаны, им больше не удастся извлекать сверхприбыли. Процветать должны честные люди — такие, как вы. Те, кто обрабатывает землю собственными руками, а не алчные посредники. Именно вы — душа нашей великой страны, а собираемый вами урожай — животворная кровь, питающая тело нашего общества. Я услышал ваш голос. Благодарю вас.

По этому сигналу, подтвержденному внушительным кивком президентской головы, Чарли Драгони подхватил двух посетителей, стоящих рядом с ним, под руки и повлек к выходу. Пожилой канзасец, не в силах сдерживать обуревавшие его чувства, хрипло произнес:

— Господин президент, скажу честно — я не голосовал за вас на прошлых выборах. Но теперь, когда я встретился с вами лично, все во мне переменилось. Господин президент, обещаю вам, что и я, и моя семья будем голосовать только за вас!

— Благодарю вас, сэр. Я ценю вашу искренность, а также ваш свободный выбор в нашем свободном обществе. — Президент на секунду задумался, потом отцепил от галстука заклепку с президентской эмблемой. — Меня глубоко тронула ваша честность. Позвольте вручить вам это на память о нашей встрече. Это последняя заклепка, других подобных у меня нет.

Драгони передал заклепку фермеру, и тот долго рассыпался в благодарностях. В конце концов помощник сумел-таки выпроводить канзасцев из кабинета и закрыл за ними дверь.

— Это все на сегодня, Драгони? Надеюсь, что это так? О Господи!

Бэндин тяжело откинулся на спинку стула и распустил узел галстука. Помощник тем временем изучал расписание.

— Так точно, сэр. Теперь до четырех часов ничего не будет. В четыре у вас встреча с делегацией пуэрториканского конгресса.

— Опять эти латиносы будут трепать мне нервы! В последнее время они стали хуже черномазых!

Президент снял пиджак и протянул помощнику, чтобы тот отнес его в гардеробную.

— И не теряй там времени даром, — крикнул ему вслед Бэндин.

Драгони отлично понял смысл этих слов. Он пошуровал в потайном баре и вскоре вернулся с большим бокалом виски. Бэндин с наслаждением отхлебнул, пошлепал губами, а потом достал из ящика стола новую заклепку с президентской эмблемой и аккуратно прикрепит ее к галстуку. Потом открыл лежавшую перед ним толстую папку, извлек оттуда программку бегов и передал ее Драгони.

— Поставишь на лошадку, подчеркнутую красным карандашом. В Санта-Аните, на четвертый забег. Выигрыш составит тысячу. Что там у нас с врачом из экипажа «Прометей»?

— Вопрос решен, сэр. С доктором Кеннелли пришлось повозиться, но в конце концов он согласился. Ведь речь идет о деле государственной важности, а он, как-никак, находится на службе у государства.

— Да это был просто удар по нашему национальному престижу — когда мерзавец Полярный включил в

экипаж бабу! После всех сладких речей на выставке тракторов, после дружеских рукопожатий, после болтовни о сотрудничестве! И вот, в самую последнюю минуту подсовывает нам эту шлюху! Ну ничего, посмотрим, что он скажет своим коммунистическим друзьям, когда мы поднесем ему наш сюрприз. Эх, как бы я хотел видеть его рожу в эту минуту! Не пожалел бы ста тысяч долларов тому агенту ЦРУ, который сумел бы подслушать в Кремле их разговор!

— Ста тысяч, сэр?

— У тебя нет чувства юмора, Драгони. Налей-ка мне еще.

Глава 4

Каждого человека заботит лишь тот маленький уголок Вселенной, где находится он сам, — подумал И. Л. Дж. Флэкс.

— Господа, вы понимаете, что всего через сорок пять минут я должен выступать на первой пресс-конференции по проекту «Прометей»? Пресс-конференция будет транслироваться по телевидению, там соберется весь цвет мировой прессы и тому подобное.

Он сперва сказал это по-английски Вандельфту, руководившему группой американских инженеров. Потом повторил по-русски доктору Глушко, старшему из советских инженеров. Оба специалиста немного владели родными языками друг друга, но скудные эти знания тут же улетучивались, едва разгорались страсти. Глушко был родом из Сибири, Вандельфт — из Ошкоша, но они были удивительно похожи друг на друга. Очки в золотой оправе, редящие волосы, желтые от табака пальцы, лес ручек и карандашей, торчавших из нагрудных карманов, а в придачу — счетная машинка в футляре, похожем на кобуру.

— Я знаю, Флэкс, — нервно постучал пальцами по столу Вандельфт, — но это не займет и пятнадцати минут. Надо что-то сделать! На кой черт вообще нужна эта пресс-конференция, если будет сорван последний этап проверки? Тогда, как ни крути, а запуск придется отложить.

— Все шло гладко, — возразил Глушко, стараясь не смотреть на своего коллегу, глаза которого горели холодной яростью. — Это вы, американцы, остановили работу. Мои люди готовы немедленно приступить к делу.

— Ладно, — вздохнул Флэкс. — Ради мира и единства я пойду с вами. Прошу вас, не забывайте, что этот проект — совместный. По крайней мере, хоть делайте вид, что довольны сотрудничеством друг с другом.

Он повторил то же самое по-русски и первым вышел наружу, где нещадно палило солнце. По лицу его сразу ручейками потек пот. Вандельфт уселся за руль тележки для гольфа — их специалисты из НАСА использовали для передвижения по огромной территории городка. Флэкс с трудом втиснулся рядом. Советские инженеры относились к этому «буржуазному» виду транспорта с презрением — Глушко уже укатил вперед на своем велосипеде.

Я никогда не привыкну к размерам этой громадины, — подумал Флэкс, глядя на ракету. А ведь через пару дней ему предстояло занять место у пульта в Центре управления полетом и вывести эту птичку на орбиту. Далеко же унесло его от родной Пщины!

Флэкс редко вспоминал городок, где родился. Он жил в Америке с одиннадцати лет, но был родом из Польши — из той ее части, где издавна проживали немцы. Они поселились в тех местах много лет назад, но поляки продолжали считать их германцами. Отец Флэкса был директором местной школы, человеком весьма образованным. И своему сыну он тоже старался дать хорошее образование. Дома говорили по-немецки, в школе и на улице — по-польски и по-русски. Для юного Флэкса все три языка были родными. Когда перед самой войной семья эмигрировала в Соединенные Штаты, отец не дал Флэксу забыть то, что тот выучил в детстве. Мальчик слишком любил книги и вкусно поесть — поэтому у него, толстяка, было мало друзей, а девочки и вовсе не обращали на него внимания. В армию Флэкса не взяли по причине избыточного веса. Он болезненно воспринял это унижение и с удвоенной энергией углубился в учебу. Флэкс был студентом технологического факультета Колумбийского университета, когда объявили набор на курс электроники. Безошибочным чутьем он угадал перспектив-

ность этого направления — совсем нового, даже учебников еще не было, и студенты занимались по размноженным на мимеографе конспектам. Флэкс занялся радаром, что привело его в ряды той самой армии, которая несколько лет назад отвергла его. Наконец-то справедливость была восстановлена! Флэкс оказался у истоков создания НАСА; его технические знания и лингвистические способности оченьгодились, когда американцы вывезли в Соединенные Штаты немецких ученых-ракетчиков, похитив их из-под носа наступающих русских. Со временем Флэкс отучился вспоминать о своем прошлом. Многим казалось, что он и родился прямо в Центре управления полетом. Это, впрочем, его вполне устраивало. Совместный советско-американский проект стал вершиной его карьеры. Однако силы Флэкса были на пределе.

Скоростной лифт моментально доставил инженеров на верхний этаж сборочного здания ракетного комплекса. СЗРК представляло собой пятиэтажную надстройку, венчавшую головную часть «Прометей». Гигантские ускорители и главный корпус ракеты были слишком велики, чтобы их можно было собрать в обычном сборочном корпусе. Перевозить «Прометей» с места на место после сборки тоже было нельзя. Поэтому ракету строили под открытым небом, прикрывая навесами наиболее уязвимые узлы. Вообще же «Прометей» проектировался с таким расчетом, чтоб ему не могла повредить никакая непогода.

Впрочем, это не относилось к главной ступени — то есть собственно кораблю. Он был построен в Центре космических полетов имени Кеннеди в стерильных условиях, под строжайшим контролем, с особым кондиционированием воздуха, призванным защитить электронные схемы от коррозии, а компьютеры — от нежелательного воздействия перепада температур. После сборки всех узлов главной ступени они были доставлены в Советский Союз на специально подготовленных транспортных самолетах. Именно для работы с этими нежными компонентами и предназначалось СЗРК, наростом прилепившееся к верхней части ракеты. В сборочном здании, где поддерживался нужный микроклимат, и велись сейчас все основные работы.

Техники посторонились, пропуская троих инженеров к рабочему трапу. Первым шел Флэкс. Тяжело пыхтя, он пролез в пилотный отсек корабля и огляделся по сторонам. Все здесь ему было знакомо. Почти все пространство было занято пультами и приборами. Когда в космос поднялся Юрий Гагарин, перед ним была панель с двенадцатью кнопками. С тех пор, однако, многое переменялось. Получили развитие самые разнообразные навигационные системы, у каждой из которых был свой принцип управления. Повсюду были датчики, счетчики — стены вокруг коек обоих пилотов были буквально облеплены ими. Требовалось несколько тысяч часов занятий, чтобы всего лишь научиться разбираться в расположении и предназначении всех этих кнопок и рычажков. И еще несколько сотен занятий на тренажере, чтобы быть в состоянии применить эти знания на практике.

— Вы только посмотрите, — сердито замахал руками Вандельфт. — Посмотрите, как эти поганые русские перевернули тут все вверх дном!

— Сами вы поганые! — заорал Глушко. Несколько месяцев сотрудничества с американцами научили его кое-как разбираться в английском языке.

— Господа, господа, — примиряюще простер ладони Флэкс. — Проблема мне ясна. Сделайте одолжение, заткнитесь, и я спокойно подумаю, что тут можно сделать.

Нужно было найти такое решение, которое устроило бы обоих инженеров, а это было совсем непросто. Под каждой кнопкой, каждым переключателем и датчиком находилась табличка с описанием функции данного элемента. Человеку непосвященному аббревиатуры типа PDI ABORT или RCS ничего не говорили, но для пилотов они означали очень многое. Под каждым из английских обозначений находилась соответствующая надпись на кириллице. Так было вначале. Теперь же все выглядело иначе: все панели были залеплены клочками бумаги — клетчатой, цветной, в линейку, — испещренными мелкими русскими каракулями.

— Вы посмотрите, на что это похоже! — возопил Вандельфт. — Просто какая-то доска объявлений в супермаркете. Чем мы тут занимаемся? Космический полет готовим или продаем подержанные детские коляски?

— Эта дополнительная информация необходима в связи с тем, что надписи по-английски недостаточно подробны, — прорычал Глушко, заглушая голос американца. — Моим техникам приходится проверять все схемы, а для этого все тут должно быть написано по-русски. Да и потом ваши люди делают то же самое! Почему же нам нельзя?

Глушко с торжествующим видом показал на приклеенные к пульту карточки, где Патрик Уинтер написал по-английски кое-какие данные, которые понадобятся ему при взлете — контрольные цифры, информацию о предельных величинах и так далее.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Флэкс, жестом прося русского инженера помолчать. — Однако мы можем прийти к компромиссу. Надписи по-русски останутся здесь до тех пор, пока ваши техники не закончат работу. После этого надписи должны быть убраны. Может быть, на Земле подобная дополнительная информация сгодилась бы, но советскому пилоту в космосе она не понадобится. Глушко! Выслушайте меня до конца. Эти бумажки мы снимем, но ваш пилот может приклеить вместо них любые шпаргалки, которые ей понадобятся, — точно так же, как это сделал Уинтер. Пусть они решат этот вопрос между собой, а мы не будем им ничего навязывать. Идет?

Инженерам пришлось пойти на этот компромисс. Флэкс посмотрел на часы.

Господи Боже!

Он уже опаздывал.

Пресс-конференция началась без него. Аудитория была заполнена репортерами и фотографами. Яркие светили юпитеры. На сцене сидело столько народу, что казалось, будто чиновников в зале еще больше, чем журналистов. Здесь была вся верхушка НАСА и советского Государственного комитета по космическим исследованиям. Американские астронавты и советские космонавты совсем растворились среди всего этого воинства. Однако место для Флэкса они придержали. Флэкс терпеть не мог являться на подобные сборища с опозданием, у всех на виду. К тому же он был уверен, что его доклад куда интереснее, чем официозные сло-

веса, которыми уже начал кормить аудиторию советский представитель. Однако делать было нечего; Флэкс набрал в грудь побольше воздуха и собрался решительно пересечь зал. В это время кто-то тронул его за рукав. Сзади стоял капитан из военной полиции с двумя сержантами. Все трое были при оружии.

— Сэр, вам совершенно секретное сообщение из шифровальной. Могу ли я взглянуть на ваше удостоверение личности?

— Ради Бога, капитан! Мы с вами знакомы уже больше года...

Судя по бесстрастному лицу офицера, все протесты были бессмысленны, и Флэкс вытащил из кармана удостоверение. Капитан тщательно изучил его, словно видел впервые в жизни, и удовлетворенно кивнул.

— Сержант, запишите номер удостоверения, а также время вручения депеши.

Переминаясь с ноги на ногу, Флэкс наблюдал, как сержант достает блокнот и медленно записывает данные. Лишь после этого офицер щелкнул замком чемоданчика, прикованного цепью к его запястью, и вынул оттуда запечатанный конверт с ярко-красным штампом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». Флэкс сунул конверт в карман и повернулся, чтобы уйти, но офицер задержал его:

— Сначала распишитесь в журнале, сэр. Вот здесь... И еще здесь... В этой графе поставьте свои инициалы... И на втором экземпляре, пожалуйста.

Покончив с этими формальностями, Флэкс быстро зашагал по проходу, с неудовольствием ощущая на себе множество любопытных взглядов. Лишь выступающий министр как ни в чем не бывало продолжал нести всякую чушь. У самой сцены Флэкс задержался, дожидаясь, пока объектив телекамеры повернется к выступавшему, и затем быстро, но не теряя достоинства, проскользнул на отведенное ему место. Элай Брон, обряженный ради такого случая в отлично сшитый и явно не дешевый костюм утольно-серого цвета, наклонился и прошептал ему на ухо:

— Надеюсь, Флэкс, что ваша подружка того стоила. Познакомьте меня с ней, когда она вам надоеет.

— Заткнитесь, Элай. Идите вы в задницу с вашими предложениями, — сердито прошипел в ответ Флэкс.

Русский закончил свое выступление и уселся на место, публика немного похлопала, после чего слово взял представитель НАСА, произнесший примерно то же самое, что и советский министр, но только по-английски. Флэкс сидел, утирая пот со лба, и ждал, пока его дыхание войдет в норму. Он не сразу вспомнил, что в кармане лежит пакет.

Та или иная степень секретности распространялась практически на все документы, с которыми он имел дело по службе, но гриф «Совершенно секретно», столь торжественное вручение и такое количество подписей все же были редкостью. Во всяком случае, содержимое конверта должно быть интереснее, чем эти дурацкие речи. Флэкс вынул пакет из кармана, прикрыл его ладонями и потихонечку распечатал. Выждав, когда объектив телекамеры снова нацелился на кого-то другого, он быстро прочитал текст.

Затем прочел его еще раз и совсем взмок от пота.

Некоторое время Флэкс сидел в оцепенении, потом Элай похлопал его по плечу:

— Флэкс, просыпайтесь, ваша очередь. Ну-ка, дайте им перцу.

Флэкс медленно занял место на трибуне и приладил микрофон. Щелкали фотоаппараты, со всех сторон на трибуну были установлены круглые глаза объективов. В этот момент на него смотрел весь мир. Флэкс откашлялся в кулак и начал:

— Отвечая за управление полетом, я являюсь связующим звеном между экипажем «Прометея» и всеми наземными службами, чтобы они могли эффективно работать как единое целое. Сегодня я должен представить вам русских и американских космонавтов, которые примут участие в первом полете. Однако перед этим я хотел бы зачитать вам сообщение, только что полученное мною из Космического центра в Хьюстоне. Вы видите, что сейчас на сцене находятся лишь пять членов экипажа. Врач-космонавт, доктор Кеннелли, который должен был принять участие в полете, внезапно заболел. Ничего серьезного, и жизнь его находится вне опасности. Вчера он был оперирован по поводу аппендицита с некоторыми осложнениями. Вскоре доктор

Кеннелли будет совершенно здоров, но в первом полете участвовать он не сможет. Вот почему НАСА заменило его другим медиком. Как вам известно, каждый из членов экипажа имеет дублера, поскольку здоровье отдельного человека не должно ставить под угрозу осуществление всего проекта. Позвольте зачитать вам полученное мной сообщение. — Флэкс поднес к глазам листок бумаги, и фотокамеры защелкали еще лихорадочнее. — Вначале следует описание состояния здоровья доктора Кеннелли. Затем говорится: «В связи с тем, что вышеозначенный член экипажа временно утратил трудоспособность, направляем к вам подготовленного дублера рейсом Хьюстон—Байконур. Самолет совершит посадку в 15.00 по местному времени. Дублер — доктор К. Сэмюэл из Хьюстонского научно-исследовательского центра космической медицины. Возраст — 32 года. После окончания университета Джона Хопкинса в Балтиморе, штат Мэриленд, доктор Сэмюэл закончила ординатуру в госпитале Джона Хопкинса.

Те из журналистов, кто понимал по-английски, возбужденно загудели. Когда же синхронный переводчик повторил сказанное по-русски, оживилась и советская часть аудитории. Флэкс стоял и ждал, пока восстановится тишина.

— Элай, ты слышал? — сердито прошептал Патрик.

— Политика, друг мой, политика.

— Ты прав, черт подери! Советская женщина-космонавт была очком в пользу Кремля, поэтому, как только док Кеннелли заболел, наши, наверное, перерыли все лаборатории, чтобы тоже втиснуть в экипаж бабу. За такой короткий срок ее, разумеется, не могли как следует подготовить. Они с удовольствием весь проект в унитаз спустят, лишь бы только всласть наиграться в свои политические игры...

— Позвольте мне продолжить, — сказал Флэкс. — Итак, после окончания университета доктор Сэмюэл закончила ординатуру в госпитале Джона Хопкинса. Все ее биографические сведения содержатся в полученной мной депеше и будут переданы представителям прессы сразу по окончании конференции. Доктор Сэмюэл со Среднего Запада, родилась в штате Миссисипи, выросла в Детройте. Начальное медицинское образование получила в институте Таскиги.

Смысл сказанного дошел только до американцев — все остальные слушали, ни о чем не догадываясь. Элай умолк буквально на полуслове, что само по себе уже многое значило. Патрик стиснул зубы так яростно, что по лицу его заходили желваки. Сидевшая с ним рядом Надя услышала, как майор тихо выругался.

— Почему вы так реагируете? — сердито прошептала она. — Вы думаете, что женщинам не место на корабле? Они что, хуже мужчин?

— Это все политика, политические игры.

— Ну и что? Если специалист хорошо подготовлен, какая вам разница?

— Неужели вы не понимаете, какую грязную игру затеяли наши? Раз советские включили в экипаж женщину, мы тоже не должны ударить лицом в грязь. Только мы вас еще переплюнем. И за это получим дополнительные голоса, а заодно — напакостим русским.

— Почему вы так раздражены?

— Почему? Вы что, не понимаете? Разве вы не слышали, что она окончила институт Таскиги?

— Слышала, но это название мне ни о чем не говорит.

— А мне говорит. Это учебное заведение только для черных. Что же это такое, если не политические игры, когда толстопузого американца ирландского происхождения заменяют черной женщиной?

Глава 5

Коттенхэм-Ньютаун, Англия

— Включи телевизор, дорогой, а я пока со стола уберу, — сказала Айрин, собирая чашки и блюда.

— Хорошо, — кивнул Генри Льюис, вставая. Он не спеша прошел в гостиную и включил телевизор. Кинескоп был старый и нагрелся не сразу. Любимое кресло Льюиса уже стояло перед экраном, а на столике по соседству лежала пачка сигарет. Он закурил и раскрыл телепрограмму.

— Так я и думал, — довольно пробормотал он. — Повторяют матч в Лидсе. Мы как раз его пропустили, потому что были у твоей матери.

Экран мигнул и ожил. Генри нажал на кнопку дистанционного управления. Однако вместо футбольного поля на экране возник какой-то бульдогообразный дядя, говоривший на иностранном языке. Сказанное синхронно переводилось на английский. Генри в раздражении переключился на первую программу, но толстяк оккупировал и ее. Цепляясь за последнюю надежду, Льюис переключился на второй канал, чего почти никогда не делал. Лучше бы он туда не совался — по второй программе показывали, как трое мужиков сидят на стульях и дуют в какие-то дудки.

Генри сердито скинул шлепанцы и надел ботинки. Натягивая куртку, он крикнул жене:

— Они тут все с ума посходили! Пойду прошвырнусь.

— Смотри не застрянь там, — ответила жена.

Был чудесный летний вечер, и Льюис даже порадовался, что не остался дома. Он свернул на Ньютаунскую дорогу и зашагал вдоль муниципальных многоэтажек. Эти дома ему не нравились — слишком походили на бараки. В таверну «Королевское оружие» Генри заходить не стал — все отделано пластиком, пиво паршивое, вовсю орет музыкальный автомат. Нет, он один раз там побывал, и хватит. Паршивое местечко. Лучше пройтись до старой деревни. На десять минут дольше, зато куда уютнее.

Это был последний клочок земли, еще не занятый новостройками. Шоссе, ведущее с автострады к заводу, разрезало деревню пополам; с обеих сторон ее стиснули многоквартирные дома, но центральная часть поселка находилась в лощине, и было дешевле оставить ее как есть, чем возиться с земляными работами. Тут уцелели несколько коттеджей, пара магазинчиков и дощатое строение с облупившейся вывеской «Лошадь и конюх». Генри поднялся по окованному железом крыльцу и толкнул деревянную тяжелую дверь.

— Здорово, Генри, — сказал хозяин, вытирая стойку.

— Привет, Джордж.

Генри облокотился на темное дерево и молча наблюдал, как Джордж нацеживает ему пинту светлого пива. Потом отхлебнул из кружки и удовлетворенно вздохнул. Джордж понимающе покивал:

— Это хорошая бочка.

— Да уж. Но раньше пиво было лучше.

— Неужели?

— Я тебе говорю. Погода и та теперь не такая, как раньше.

— Говорят, это ракеты виноваты.

— Черт бы побрал эти ракеты! Сегодня по телеку вместо футбола опять про космос передавали. Янки и русские что-то там запускают. Слава Богу, к нам это отношения не имеет. У нас своих проблем хватает. По крайней мере, наша страна не тратит деньги на подобную ерунду.

— Это нам не по карману. Если бы паршивые британские политики могли себе это позволить, они бы раскошелились, уж будь уверен.

— Ты прав, Джордж. Ну и времена — политики продажные, пиво водянистое... — Генри осушил кружку и стукнул ею по стойке. — Ну-ка, плесни мне еще.

Глава 6

— Флэкс, клянусь, я пошлю к чертовой матери всю эту затею!

— Остынь, Патрик. Нажми на тормоза. Ты не вчера родился на свет. Тебе отлично известно, что без компромиссов политики не бывает, а НАСА — организация политическая. Почему я должен тебе это объяснять?

Они стояли у двери из толстого стекла и смотрели, как красный шар заходящего солнца клонится к горизонту. Вечер был знойным, но в здании работал кондиционер. У двери стояли двое солдат — один советский, один американский; под мышками у них расплылись темные пятна пота. Дорога, ведущая к зданию, была пуста.

— Ты сказал, что она уже едет, — произнес Патрик.

— Да, самолет приземлился, машина отправлена. Но ты ведь знаешь, как медленно работают эти русские аэропорты.

— Элай догадывался, что намечается нечто необычное. Помнишь пари? А может, и не догадывался, а знал. Но кто бы мог подумать, что им придет в голову такое? Слишком уж хитрый трюк для шишек из НАСА. Я нутром чувствую, что за этим стоит сам Бэндин.

— За чем, Пат? Она — квалифицированный врач...

— В мире полным-полно квалифицированных врачей, но мало кто из них может принять участие в космическом полете. Ты знаешь, как прозвали прези-

дента, когда он еще только начинал работать в сенате? Резиновый Бэндин. Он умел растягиваться в любую сторону, но потом непременно сжимался вновь. Последний из мастеров политических спекуляций. Таких уже не осталось. Ребята из американской прессы продали его публике, словно гроздь бананов. А он по-прежнему остался все тем же, наш резиновый Бэндин. Ради лишнего голоса или лишнего доллара готов на что угодно.

— Он не такой уж плохой президент...

— Но и не слишком хороший. Может, он и не такой мошенник, как хитрый Дикки Никсон, но по части ловкости и ему даст сто очков вперед. Ты только посмотри, что он придумал! Он готов отправить псу под хвост весь проект «Прометей», но зато обеспечил себе голоса и женщин, и черных. Нет, меня на это не купишь!

— Успокойся, Патрик. Посмотри на все иначе. — Флэкс взял Уинтера своей горячей влажной пятерней за локоть. — Сколько лет ты в астронавтах? Девять? Этот полет — пик твоей профессиональной карьеры. Ты же пилот! Если начнешь ерепениться, тебя на куски разорвут. Владельцы газет на стороне Бэндина, а именно они заказывают музыку. Никто и не поймет, что ты хотел сказать, а ты уже полетишь в унитаз. Тебя выставят лисой в винограднике, живого места на тебе не оставят. А «Прометей» все равно взлетит, только с другим пилотом. Разве по опытности твой дублер может сравниться с тобой? Нет. А это значит, что ты ставишь проект под угрозу. Пара лишних слов — и все к черту.

— Но это грязный трюк, Флэкс. Ты мне тут его расписываешь и так и этак, а факт остается фактом: все дело в политике, причем в грязной политике.

— Патрик, не будь наивным. В нашем деле вообще все замешано на политике. Помнишь старые научно-фантастические романы про полеты на Луну? Какой-нибудь богатый промышленник строит у себя во дворе ракету или безумный профессор собирает космический корабль из паровых котлов. Писатели плохо представляли себе, как это делается. Ни одному из фантастов в голову не пришло, что на Луне высадится обыкновенный военный летчик средних лет. Ни одному писателю не приходило в голову, что исследование космоса превратится в гонку, в соревнование. На карту поставлен

национальный престиж, и все размахивают государственными флагами. Если мы не поспеем туда первыми, нас опередят русские. Вперед, вперед, не жалея денег, рискуй, надейся на удачу!

— Кажется, машина едет... Так ты хочешь сказать, что за последние годы ничего не изменилось?

— Конечно не изменилось. Русские разработали гигантские ускорители. Мы — технологию проекта и все остальное. Ни одна из наших стран не смогла бы осуществить такой проект целиком, по крайней мере еще лет десять, а то и больше. Наше сотрудничество — самый поразительный за всю историю человечества результат политической изобретательности. Не стоит портить его на самой последней стадии. Ну хорошо, пусть Бэндин извлечет из этого политические дивиденды. Ну и что? В конечном итоге это делается для всех нас, а это самое главное, старина.

Черный «линкольн-континенталь» с развевающимся американским флажком на капоте остановился перед зданием. Из автомобиля вышли военный с полковничьими погонами и один из посольских клерков, предупредительно открыв заднюю дверцу. Патрик наблюдал за ними, стараясь подавить сомнения и гнев и все еще не решив, как ему быть. Из машины вылезла молодая женщина и направилась к дверям.

Так вот она какая — маленькая, едва достающая головой до плеч двух сопровождающих ее мужчин. Кожа темная — не черная, но очень смуглая. Волосы выщипанные, коротко подстриженные. Хорошенькая — изящные черты лица, почти египетский носик. И фигура в кремовом летнем костюме смотрится неплохо — крутые бедра, стройные ноги, хорошая походка. Господи, вздохнул Патрик, о чем он думает? Это же не конкурс красоты. От врача может зависеть успех или провал полета.

Вновь прибывшие вошли внутрь, состоялось знакомство. Рука доктора Сэмюэл оказалась твердой и холодной. Вскоре Флэкс и Патрик остались с ней наедине.

— Извините, доктор, что не даю вам отдыха, но вам предстоит сейчас дать интервью.

— Зовите меня Коретта, доктор Флэкс...

— И вы меня, Коретта, зовите просто Флэкс. Меня все так называют. Вы знаете, что нам не мешает хорошая пресса о полете. Журнал «Ньюсуик» относит-

ся к нашему делу с симпатией. Они прислали корреспондента, который готовит специальный номер, посвященный «Прометею». Это Реддич, один из их лучших репортеров. Он уже почти со всеми тут поговорил, остались только вы. Если, разумеется, вы не слишком устали.

— Я ничуть не устала. Полет был великолепен, и я все еще пребываю в состоянии радостного удивления. Я с удовольствием побеседую с журналистом.

— Вот и отлично. Патрик, проводите Коретту.

Очевидно, окна зала для прессы не случайно выходили на летную площадку, где стоял «Прометей». Гигантский корабль потрясающе смотрелся на фоне розовых закатных облаков. Коретта невольно остановилась и всплеснула руками:

— Боже ты мой! Вот это да!

— Я могу процитировать ваши слова? — спросил худой сутулый человечек, сидевший у бара с бокалом в руке. У него были оттопыренные уши, нос картошкой и подчеркнуто добродушный вид. Но глаза смотрели внимательно и не упускали ни единой детали.

— Доктор Сэмюэл, позвольте представить вам мистера Реддича из журнала «Ньюсуик», — сказал Флэкс. — Не хотите ли для начала что-нибудь выпить?

— Виски со льдом, но не очень крепко, пожалуйста.

— Я принесу, — сказал Патрик, направляясь к бару.

Для прессы никогда не жалели хорошей выпивки. Прежде всего Уинтер налил себе полный бокал «Шивас ригала» с содовой, а девушке плеснул немного «Джека Дэниэлса». Все сели к столу, посередине которого репортер водрузил свой магнитофон. Когда Патрик жестом предложил Флэксу выпить, тот отрицательно покачал головой. Тогда Уинтер поставил бокалы на стол и тоже сел.

— Надеюсь, ребята, вы понимаете, что я в технике профан, — начал Реддич. — Наш научный отдел заготовил множество цифр, схем и всего такого прочего. Но редакционную статью пишу я. Интервью у всех основных действующих лиц беру тоже я. Читатель любит всякие личные подробности и вообще все, что не имеет отношения к технике. Это понятно?

— Разумеется. И мы с удовольствием вам поможем, — ответил Флэкс.

— Отлично. Я бы хотел начать с вас, Коретта, потому что вы тут новенькая, а со всеми остальными я уже беседовал. Не могли бы вы мне рассказать что-нибудь о себе?

— Ничего такого, что не содержалось бы в пресс-релизе, который вы наверняка уже видели. Училась, работала, еще работала, но уже в НАСА.

— Я уверен, что в вашей биографии были вещи и поинтереснее. Публику всегда интересует женщина, добившаяся успеха на мужском поприще. К тому же темнокожая. Вы прошли долгий путь и преодолели множество почти непреодолимых препятствий.

— Я смотрю на это иначе, — спокойно ответила Коретта. — Америка — страна цивилизованная, где профессионально подготовленная женщина может преуспеть не меньше, чем мужчина. А цвет кожи тут вообще ни при чем.

— Неужели? — удивился Реддич. — Читатели из негритянских гетто будут рады этой новости. — Он что-то записал в блокноте. — Могу ли я быть с вами откровенным, Коретта? Я не первый год работаю в прессе, знаю жизнь и терпеть не могу, когда мне вешают лапшу на уши.

Лицо Коретты осталось спокойным, но голос сделался ледяным:

— Я говорю вам правду, а вовсе не вешаю лапшу на уши.

Реддич шутливо поднял руки:

— О'кей, не будем ссориться! Говорите все, что сочтете нужным, а я просто буду записывать. — Он пошелестел бумажками и сказал: — Хотя нет, постойте. В пресс-релизе ничего не говорится о том, что вы были замужем и развелись.

— Я вижу, вы хорошо подготовились, — невозмутимо заметила Коретта, отпив из бокала. — Мое замужество продолжалось меньше года. Это был мой старый друг, еще по школе. Мы оба сделали ошибку. Детей у нас нет. Хотя мы и развелись, но продолжаем поддерживать отношения. Вас интересуют имена и даты?

— Нет, спасибо, они у меня есть. Просто хотелось услышать вашу точку зрения. И еще один вопрос, если не возражаете. Как вы думаете, есть ли политическая подоплека в том, что вас, человека в космической профессии нового, включили в состав экипажа?

Это был специально подготовленный вопрос на засыпку, ради которого Реддич и затеял интервью. Все предыдущие вопросы служили лишь для разминки. Патрик застыл, заметив, что шея Флэкса побагровела. Оба они сидели молча. Реддич делал вид, будто настраивает магнитофон, а Коретта спокойно отхлебнула из бокала, отставила его и ровным неторопливым голосом сказала:

— Не думаю. Я в НАСА человек не новый, работаю в космической программе уже пять лет. Мне всегда хотелось проверить свои профессиональные знания по космической медицине на практике. Несомненно, сыграл роль возраст. Некоторые из моих коллег превосходят меня по квалификации, но они уже недостаточно выносливы для продолжительного космического полета. Мне просто повезло — я вытянула выигрышный билет и оказалась участницей столь важного проекта. Я счастлива, что стала членом экипажа «Прометей».

Неплохо сказано, подумал Патрик и налил себе еще. Коретта говорила хладнокровно, безо всякой аффектации, — чувствовалось, что над текстом поработали опытные спичрайтеры из НАСА. Доктор Сэмюэл хорошо выучила свой урок. Реддичу придется попотеть, чтобы выудить из нее что-нибудь пикантное.

Все уловки репортера ни к чему не привели. Он задал этот вопрос еще несколько раз, поворачивая его то так, то этак, а потом отступился. Патрику показалось, что улыбка Коретты стала чуть-чуть пошире. Флэкс подошел к бару, налил себе большой стакан воды со льдом, выпил, потом повторил эту процедуру еще раз. Реддич вынул из магнитофона кассету и повернулся к Уинтеру:

— А теперь вопрос стоимостью в 64 тысячи долларов. Я знаю, что вас об этом спрашивали уже раз триста, но, надеюсь, вы не обидитесь, если я все-таки спрошу еще раз: для чего нужен проект «Прометей»? Расскажите мне.

— Прежде чем рассказывать о проекте, могу ли я немного углубиться в историю?

— Говорите все, что хотите. Я не ограничиваю вас во времени. Но ради Бога, поменьше технических терминов. Я в восьмом классе завалил экзамен по арифметике. Пожалуйста, выше этого уровня не поднимайтесь.

— Хорошо. Прежде всего подумайте, как катастрофически не хватает в мире энергии. Благодаря же проекту человечество избавляется в этом вопросе от диктата политики — никаких алчных арабов, спекулирующих нефтяных корпораций и всего такого прочего. Один простой факт: если мы будем потреблять нефть теми же темпами, что в последние годы, то через несколько лет уничтожим все ее запасы. Необходимо как-то спасать положение. И наш «Прометей» его спасет. Нефть ведь имеет два основных применения. Это не только топливо, которое мы сжигаем в автомобилях и самолетах; это сырье, обеспечивающее работу различных отраслей промышленности — химической, сельскохозяйственной, многих других. Каждая капля сожженной нефти могла бы быть использована для более важных целей. Из этого следует, что нам нужно найти другой источник энергии — нефть необходима нам в других сферах, причем вся, без остатка. Пока все понятно?

— Абсолютно. Яснее не бывает. Давайте дальше.

— Хорошо. Поговорим об альтернативных источниках энергии. Ну, в принципе, вся наша энергия поступает от Солнца.

— Как это так? А уголь? Нефть? Ветер? При чем тут Солнце?

— А при том. Уголь и нефть содержат в себе солнечную энергию, накопленную ископаемыми растениями миллионы лет назад. Что касается ветра, то он возникает в результате того, что Солнце нагревает атмосферу и создает воздушные потоки. Ветер дует, на море поднимаются волны, их энергией пользуются приливные электростанции. Так что и они косвенным образом питаются за счет деятельности Солнца. Так вот, пришло время использовать чистую, неиссякающую энергию самого светила. К этому и сводится проект «Прометей».

— Стоп. Но ведь на одну только разработку этого проекта ушли миллиарды долларов. Не лучше ли было бы истратить эти деньги, скажем, на аккумуляцию солнечной энергии где-нибудь в выжженной пустыне?

— Нет, не лучше. На поверхности Земли собирать солнечную энергию совсем непросто: мешает слой атмосферы, ночью Солнце не светит, оборудование стоит дорого, есть и масса других сложностей. Конечно,

такого рода деятельность тоже нужно вести, но по эффективности и масштабу она не может сравниться с «Прометеем». Со временем «Прометей» обеспечит энергией весь земной шар, причем бесплатно. В этом и состоит суть плана.

— И как это будет делаться?

— А вы посмотрите в окно. Видите — там стоит самый большой в истории космический корабль. Первый из пятидесяти. Мы живем в огромном, перенаселенном мире, который нуждается в невероятном количестве энергии. Наш проект запустит в космос пятьдесят таких кораблей, а потом, возможно, и еще больше.

— Представляю, сколько это стоит.

— Много, — кивнул Патрик. — Но по мере разворачивания проекта он станет самоокупаемым. Электричество будет продаваться по два с половиной цента за киловатт-час. Этих денег хватит на финансирование новых запусков и строительство новых генераторов. Когда же корабль выведен на орбиту, добыча энергии необычайно проста. Большую часть полезной нагрузки «Прометей» составляет пластиковая пленка, напоминающая фольгу, в которую вы заворачиваете продукты, прежде чем убрать их в холодильник. На орбите гравитация отсутствует; трения атмосферы тоже нет. Это позволяет расстелить тончайшую пленку на несколько квадратных миль. Сверху она покрыта алюминием, который выполняет функцию гигантского зеркала. Это зеркало будет отражать и фокусировать солнечный свет. Концентрированный луч разогревает жидкость, которая вращает турбину, генерирующую электричество. Очень просто.

— Действительно, просто. Но вы не рассказали, как электричество будет поступать на Землю. Очевидно, речь пойдет о так называемом «луче смерти»?

Патрик улыбнулся:

— Чем старше неверный слух, тем труднее с ним покончить. Любой вид излучения можно назвать «лучом смерти» — если оно в достаточной степени концентрировано. Лампочка способна нагреть вашу ладонь, не более. Но встаньте прямо перед военным прожектором, и его луч вас изжарит. Или, скажем, на небольшом корабле есть радарное устройство, помогающее ориентироваться в океане. Однако если вы окажетесь в

фокусе луча большого поискового радара, то сваритесь не хуже крутого яйца. Итак, все зависит от силы излучения и его концентрации. Генерируемое в космосе электричество будет превращено в радиоволны низкой частоты, а затем отправлено на Землю. Двухнаправленная антенна направит луч в два накопителя, один из которых находится в Сибири, а второй в штате Вашингтон. Благодаря получаемой им доле энергии Советский Союз сможет покрыть потребности Сибири почти полностью. Нашей же доли хватит на нужды пяти западных штатов. Это будет бесплатная энергия прямо из космоса.

— Звучит заманчиво, но мне не хотелось бы так быстро уходить от «лучей смерти». Мне кажется, что такое мощное количество энергии, даже преобразованной в радиоволны, должно создавать пучок, который будет ударять по поверхности Земли с невероятной силой. Так?

— Совершенно верно. На это я могу вам ответить следующее. Во-первых, радиоволны нацелены исключительно на накопитель, снабженный корректирующей аппаратурой. Во-вторых, если все же луч отклоняется в сторону, излучение автоматически прекращается. Теоретические исследования показывают, что пучок радиоволн не сможет принести Земле ущерб. Однако на всякий случай накопители построены в гористой местности, на значительном расстоянии от населенных пунктов.

Реддич щелкнул кнопкой магнитофона.

— Это звучит разумно, и я удовлетворен. Спасибо, что потратили на меня время. Мне пора бежать, а то на самолет опоздаю.

Репортер вежливо попрощался с присутствующими и ушел.

— А вот теперь я выпью, — сказал Флэкс, садясь к бару. — Пока этот сукин сын был здесь, я боялся даже смотреть в сторону выпивки. Коретта, вам подлить?

— Да, пожалуйста.

Она сидела, выпрямив спину, но умудряясь при этом сохранять раскованность. Руки были аккуратно сложены на коленях. Патрик налил себе еще виски, внутренне недоумевая, как Коретте удастся сохранять такую невозмутимость.

— Вы ведь только что из Хьюстона? — сказал он. — Что слышно про дока Кеннелли?

— Вы, наверное, уже сами все знаете. Операция прошла успешно, прогноз хороший.

— Какое совпадение, не правда ли?

— Что вы имеете в виду?

— А то, что он заболел именно сейчас. И интересно, что стряслось с его дублером, Файнбергом? Очевидно, еврей для «Прометей» оказался недостаточно революционным...

— Патрик, — вмешался Флэкс, — заткнулся бы ты. Дай Коретте отдохнуть — у нее был трудный день.

— Нет, Флэкс, пусть говорит. Давайте разберемся с этим раз и навсегда. Я понятия не имею, что стряслось с доктором Файнбергом, мне никто об этом ничего не говорил. Я неожиданно для себя была включена в засекреченную программу подготовки к космическому полету семь недель назад. Центрифуга, свободное падение и все такое прочее. Лишь позавчера мне сказали, что я включена в экипаж «Прометей». Вот и все, что я знаю.

Патрик невесело рассмеялся:

— Мы знаем не больше. Надо же, семь недель! Значит, эта скотина Бэндин готовил свой трюк заранее. Может, у дока никакого аппендицита и вовсе не было. Они могли это подстроить...

— Ну, хватит! — вспыхнул Флэкс, протискиваясь между Патриком и Кореттой. — Иди к себе в комнату, Патрик. Ты слишком много выпил, тебе надо отоспаться.

— Нет, — возразила Коретта. — Не выгораживайте меня, Флэкс. Мы начали этот разговор, и он должен быть закончен. Причем сразу, сейчас. — Она встала перед Патриком, посмотрела на него и стиснула кулаки; впервые ее лицо утратило невозмутимость.

— Я понимаю, о чем вы думаете, — сердито произнесла она. — По вашему мнению, «скотина Бэндин», как вы его называете, играет в политические игры. Коммунисты включили в экипаж женщину, что принесло им дополнительные очки. Если мы в ответ тоже подсуем им женщину, да еще и черную, то уложим их на обе лопатки. Вот было бы здорово! Нельзя ли устроить так, чтобы Кеннелли заболел и

вышел из игры? Его дублера тоже можно заменить — никаких проблем. Если это произойдет, кого можно назначить вместо Кеннелли? И тут очень кстати оказывается малютка Коретта Сэмюэл, которая тихо сидит себе в лаборатории НАСА, причем не только доказывает общественности, что эта организация лишена расовых и половых предрассудков, но и неплохо разбирается в кальциевых пробах. Еще бы она в них не разбиралась — последние пять лет только этим и занималась. Очень удобно было бы включить такую в состав экипажа. Я полагаю, вы представляете себе дело именно так, не правда ли?

Она придвинулась к Патрику вплотную, так что он ощущал ее горячее дыхание. Уинтер ничего не ответил, лишь медленно кивнул. Коретта отодвинулась, вздохнула и отвернулась.

— Что ж, мистер пилот, мне самой тоже так кажется. — Она стремительно развернулась и погрозила пальцем прямо у него под носом. — Это гнусная история, от которой так и несет вашингтонским политиканством. Но я вам скажу кое-что еще: мне на это наплевать! Мне совершенно все равно, по какой причине я попала в экипаж «Прометей». Главное, что я здесь. Реддич прекрасно знал, что я врала, говоря о положении цветных в Америке. Тем более цветных женщин. Но я участвую в полете не для того, чтобы заниматься пропагандой. Найдутся и без меня охотники. Я же — член экипажа, и не более. Я могу справиться со своей работой. Я полечу в космос и буду делать то, чему меня учили, а потом вернусь на Землю, где меня встретит восторженная толпа. Я потратила много сил и прошла долгий путь, прежде чем оказалась там, где нахожусь сегодня. В истории нашей страны был великий человек, которого звали Мартин Лютер Кинг. Когда его убили, дело Кинга продолжила его жена. Тысячи и тысячи черных девочек были названы в ее честь. И я в том числе. И вот теперь я подниму это замечательное имя до космических высот. Я сделаю то, что должна сделать. Эту работу выполнит женщина, черная женщина, и что бы ни случилось, никто не сможет вычеркнуть из истории этот факт!

Коретта стукнула бокалом по столу — так сильно, что бокал перевернулся, виски разлилось по полирован-

ной поверхности. Прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, доктор Сэмюэл развернулась и вышла вон, хлопнув дверью.

— Рэйли, здесь столько труб, что какой-нибудь водопроводчик просто с ума бы сошел. А хуже всего то, что я не могу ни слова прочесть.

— Даффи, я тебя научу. Недорого возьму — десять долларов за урок. Ты потратишь свои деньги не зря. Очень скоро сможешь говорить по-русски, как местный. А заодно будешь получать на полсотни в неделю больше за иностранный язык.

— У меня не получится. Я и по-английски-то еле-еле объясняюсь. Скажи-ка мне, что тут за каракули на этом узле?

— «Резервная цистерна для двусторонней откачки топлива — 23; питающая линия 19 к питающей линии 104 через цистерну 16 В; в нормальном положении переключатель герметизации отключен 734 ЛЮ».

— Ну спасибо, теперь буду знать.

Перед ними на столе была разложена схема всего узла — огромный, раскрашенный в шесть цветов лист бумаги размером два метра на два. Водя пальцем по схеме, Даффи что-то бормотал себе под нос. Один раз он сбился, обескураженно сморгнул и потер затылок.

— Ну ладно, — сказал он, показывая на открытые панели и пучки электропроводов, — считается, что мы проверяем схему. Отлично. Допустим, участок между пультами управления, компьютером, релейными системами, дополнительными двигателями и сервоустройствами мы проверили. А дальше-то что? Мы должны верить «товарищам» на слово. Всю свою проводку русские запечатали, загерметизировали азотом, и нам теперь ее не проверить.

— Они сами проверили и десять раз перепроверили. Ты видел документацию.

— Видеть-то я видел, но разве я могу быть уверенным?

Рэйли пожал плечами и поковырял в зубах тонким пробником от цифрового вольтметра, наблюдая за дисплеем:

— Конечно, проверить мы не сможем. Придется верить на слово. Относись к русским как хочешь, но одного у них не отнимешь: летать в космосе они умеют. Побольше запас энергии — и полетели. Они используют дополнительные двигатели и резервное топливо, так что, если один из двигателей или какой-нибудь насос откажет, срабатывает дублирующее устройство. Так что летать-то они умеют.

— Но ведь они и взрываются. Или это просто слухи?

— Один корабль у них взорвался. Это мы знаем точно. Съемка со спутника в 68-м году показала на одной из их взлетных площадок большой космический корабль. А на следующий день его там уже не было. Как не было и самой взлетной площадки, и никаких строений — на милю вокруг. Очевидно, произошел взрыв. Но то был корабль старой модели.

— Это ты так говоришь.

— Нет, так говорят документы. Последние два года русские летают на новых ускорителях, причем работают они бесперебойно. С кораблями многоразового использования у русских не ладится, поэтому они стиснули зубы и летают на одноразовых.

— По-моему, нам пора выпить кофе.

— Нет, еще рано. После следующего узла.

Глава 7

— Ну что ж, начнем наши маленькие каникулы, — сказал полковник Кузнецов, улыбаясь остальным членам экипажа. За его спиной с шипением задвинулась массивная дверь, заскрежетали болты.

— Вряд ли это можно назвать каникулами, — ответил Элай Брон. — Карантин есть карантин.

— Да что вы, доктор Брон, — возразил Кузнецов. — Девяносто шесть часов полного покоя до старта. Сейчас технические службы... как это у вас называется... потеют кровью, чтобы все шло гладко. А у нас с вами никаких дел нет. Мы заперты в великолепном особняке, куда не могут проникнуть ни бактерии, ни насекомые. Вокруг нас будут хлопотать повара, прислуга будет стелить нам постель и чистить одежду. Конечно, у нас тоже есть работа, особенно у пилотов. Им придется все время листать свои огромные справочники. Зато у остальных членов экипажа режим посвободнее. Наконец мы можем пообщаться друг с другом без политиков, без журналистов и прочих внешних раздражителей. Начальство вынуждено общаться с нами только по телефону, и если мы не хотим с ним говорить, то попросту не возьмем трубку.

Тут как раз зазвонил телефон. Секундное молчание — и все расхохотались.

— Кто скажет, что нас нет дома? — спросил Патрик, протягивая руку к трубке.

Стоило ему взять трубку, как тут же засветился экран. Это был не просто телефон, а особое устройство связи, оснащенное видеосистемой. Выдвинулся специальный стул, на котором фокусировался объектив телекамеры. На экране возникло лицо звонившего. Это был Флэкс.

— Что стряслось? — спросил Патрик. — Мы еще присесть не успели, а ты уже звонишь.

— Извини. У Коретты хотят взять интервью. Оно должно было состояться еще вчера, но самолет интервьюера опоздал.

— А кто интервьюер? — поинтересовалась Коретта.

— Девушка по имени Смит. Она говорит, что вы обещали эксклюзивное интервью журналу «Черная женщина».

Никто из присутствовавших даже не посмотрел в сторону Коретты. Она секунду поколебалась, потом сказала:

— Пусть немного подождет, я свяжусь с ней сама. Сейчас у меня нет времени.

— Патрик, когда повесишь трубку, отсоедини ты эту штуку к черту, — попросил Элай.

— Я бы с удовольствием. Но лучше последуем примеру Коретты, на звонки отвечать не будем. Если захотим с кем-то пообщаться, выйдем на связь сами. Полковник Кузнецов прав. Всем нам есть чем заняться до старта, но надо и получше познакомиться друг с другом. Мы один экипаж, и нам необходимо хорошо друг друга знать, чтобы мы действовали как слаженная команда. Мы с Надей — пилоты, и мы уже научились работать вместе. Пока кораблем команду я. Я отвечаю за полет до того момента, пока мы не выйдем на окончательную орбиту и двигатель не будет отключен. Затем командование берет на себя полковник, и все мы выполняем его приказы.

— Не совсем так, Патрик, — возразил Кузнецов. — Я отвечаю за генератор и за сборку всей системы. Кроме того, я буду руководить выходами в космос. Но что касается всего остального — функционирования самой станции, связи с Землей и так далее — командование остается за вами.

— Это правильно, Пат, — заметил Элай, переворачивая страницу книги, в которую уже успел углубиться. — Ты капитан корабля, пусть так и будет. Надя —

твой первый помощник. Я отвечаю за ядерный двигатель, но моя задача проста: включу его, когда надо будет выйти на орбиту, и потом выключу. После этого я становлюсь простым такелажником при солнечном генераторе полковника Кузнецова.

— У каждого из нас своя функция, как у муравьев в муравейнике, — заметил Кузнецов. — Патрик с Надей выводят нас на орбиту и следят за нормальной работой всех систем, чтобы экипаж не распрощался с жизнью в условиях враждебной окружающей среды. Я отвечаю за сборку генераторной системы, после чего ее управлением занимается наш главный электрик Григорий.

Сальников кивнул:

— Пока происходит сборка генератора, я устанавливаю на «Прометее» передающую антенну. Мощность на первом этапе будет небольшая, но на питание основной программы хватит. Энергия будет конвертироваться из турбогенераторов в волны частотой 3,3 гигагерца, которые будут направлены в накопители на поверхности Земли. Я не ожидаю особых проблем с этим. Оборудование проверено и работает наилучшим образом.

— Вот и чудесно, — подытожила Коретта. — Все при деле, одна я у вас нахлебница. Единственное, что я могу делать, — таскать ваше тяжелое оборудование. Но должна напомнить, что только одно приспособление не предназначено в принципе для использования в космосе — человеческий организм. Мы будем находиться на орбите, в состоянии невесомости, по меньшей мере месяц, пока не прибудет смена на «Шаттле». Мое дело — следить, чтобы каждый из вас сохранил работоспособность до конца этого периода, а желательно и после него. Чтобы вывести одно человеческое тело — неважно, русское или американское — на орбиту, нужно потратить черт знает сколько миллионов долларов. Поэтому, чем дольше мы продержимся наверху, тем лучше будет для всех. Со всеми жалобами прошу обращаться ко мне. Сочувствие и таблетки аспирина гарантированы вам круглосуточно.

Коретта взяла верный тон. Каждый коротко изложил свои обязанности — это вышло само собой, а доктор Сэмюэл завершила эту процедуру на веселой ноте. Патрик решил, что наступил как раз подходящий мо-

мент покончить с официальным тоном. Прежде чем экипаж научится вместе работать, следовало наладить нормальное общение друг с другом.

— Лампочка запрета на алкоголь еще не зажглась, — сказал он. — Насколько мне известно, среди американской части экипажа, а также среди смешанной группы пилотов трезвенников не имеется. А как насчет вас, полковник?

— Я пью только водку, коньяк, пиво, квас и вино. Правда, во время войны я научился пить немецкий шнапс и шотландское виски.

— Значит, угодить вам будет нетрудно. А что скажете вы, Григорий?

Светловолосый инженер огляделся по сторонам:

— Со мной проблем не будет. Мне хватит рюмки вина. Хотя вообще-то я пью все, что угодно.

— Значит, все алкоголики, — суммировал Патрик. — Позвольте мне, как командиру корабля, откупорить первую бутылку. Это наш национальный американский напиток, «солодовый бурбон». Уверен, он вам понравится. А если нет, попробуем что-нибудь другое.

Патрик разлил виски по бокалам и раздал членам экипажа. Надя кивнула, не оборачиваясь, — она о чем-то оживленно беседовала с Григорием. Возможно, он казался ей привлекательным, хотя, на взгляд Патрика, привлекательность эта была довольно унылая, на русский манер. Стоило ли удивляться, что печальный инженер, овдовевший всего два месяца назад, пробуждает в женщине материнский инстинкт? А может быть, и не только материнский. Зачем Надя держит его за руку — чтобы подбодрить или это нечто большее? Ну и ради Бога — лишь бы на борту была здоровая атмосфера. Какое Патрику дело? Она — пилот, он — командир, а остальное не имеет значения. И все же когда Патрик подливал в бокалы виски, у него перед глазами очень отчетливо возникла та Надя, которую он видел когда-то ночью: обнаженная, с нежной как шелк кожей, с горячими влажными губами. Образ был столь зримым, что Уинтер на секунду замер и с трудом удержался, чтобы не зажмурить глаза. Однако рука, державшая бутылку, не дрогнула. Что было, то было — дело прошлое, значения не имеет. Какой-то миг казалось, что все будет чудесно, но потом что-то разладилось. Патрик не понимал, что именно, да и не хотел понимать. В мире есть

другие женщины, в том числе среди членов экипажа. Например, эта неистовая феминистка Коретта была ему гораздо понятнее, чем Надя. Может быть, Киплинг и прав: «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и так далее. Проект «Прометей» рожден технологическим сотрудничеством и общей нуждой, а вовсе не страстным желанием американцев и русских жить в одной системе. Элай и полковник совершенно правы: надо держаться техники, она-то уж не подведет. Патрик снова раздал бокалы.

— Послушай, Патрик, — сказал Элай. — Ты знаешь, что кабель повышенной проводимости, который мы сейчас прокладываем на Аляске, создал не кто иной, как наш полковник вместе с Пацаевым?

— Нет, я этого не знал, но тут удивляться нечему. Я вообще почти ничего не знаю о сверхпроводниках.

— Это самое великое открытие в физике после магнитного монополя. Все-таки в ЦРУ работают идиоты. Они составили пятнадцатистраничный доклад о полковнике Кузнецове, включая всякую ерунду — его стаж в коммунистической партии, имя его собаки и так далее. Но ни слова о действительно важном — о работе. И не смотри на меня с видом оскорбленной невинности, Патрик. Неужели ты думаешь, что полковнику не известно про толстые досье, которые вручила нам служба безопасности на каждого из русских членов экипажа?

— Уж будьте уверены, мы получили на каждого из вас не менее объемистое досье, — подтвердил полковник. Он отпил виски и одобрительно кивнул. — Не водка, конечно, но что-то есть.

— Есть-то есть, — все еще сердито ответил Патрик, однако тут же не выдержал и улыбнулся. — Я уверен, что обе наши службы безопасности отрабатывают свой хлеб честно. И на самом деле все это не имеет никакого значения. «Прометей» — совместный проект, который наши страны затеяли не от хорошей жизни: и вам, и нам нужны новые источники энергии, ведь старые почти иссякли. У нас в Соединенных Штатах надолго отключали электричество в Сизтле и Сан-Франциско, отчего произошли пожары. У вас не могут собрать урожай, в Сибири недород. Или об этом в ваших газетах не пишут?

— Наша пресса не любит распространять дурные новости, — сухо сказал полковник. — Но полные энтузиазма передачи «Голоса Америки» и Би-би-си держат нас в курсе всех наших бедствий.

Коретта сидела в одиночестве, задумчиво уставившись в свой бокал. Патрик решил, что настал подходящий момент, чтобы наладить с ней отношения.

— Мне хотелось бы кое-что сказать вам по поводу нашей первой встречи, — начал он.

— О чем именно?

Она вовсе не собиралась облегчать ему задачу.

— По-моему, вы неправильно меня поняли.

— По-моему, я правильно вас поняла, майор Уинтер.

— Нам предстоит долгий полет. Зовите меня Патрик.

— Если я буду звать вас Патрик, то вы станете называть меня Коретта, а я к этому пока не готова.

— Не будем ссориться, доктор Сэмюэл. Победителей в этой ссоре не будет. Будут лишь проигравшие. Если станем грызться мы с вами, полет окажется под угрозой и одного из нас придется заменить. Кому от этого будет лучше? Давайте начнем с нуля — как будто мы никогда раньше не виделись, как будто я только что вошел в эту дверь. Тогда бы я сел с вами рядом и сказал, что вы похожи на девчонку, за которой я ухаживал в старших классах. По-моему, это было первое свидание в моей жизни. Не смотрите на меня так недоверчиво, я говорю правду. Я понимаю, с вашей точки зрения я весьма похож на расиста, но не делайте слишком поспешных выводов. Девушку, в которую я был влюблен, звали Джейн. Она была негритянка — в те времена слово «черная» еще не употребляли. По-моему, у нее была потрясающая фигура, и однажды я пригласил ее покататься, для чего одолжил машину у отца. Мне казалось, что все прошло просто шикарно, в особенности поцелуи на заднем сиденье. Однако, когда я отвез ее домой, Джейн на прощанье сказала, что нам не стоит больше встречаться. Представляете, какой это был удар по моему мужскому самолюбию? Я спросил: неужели я так ей не понравился? Помнится, Джейн снисходительно потрепала меня по щеке и ответила, что выгляжу я неплохо, жаль только, поговорить со мной не о чем. Потом она закончила школу первой ученицей, нахвата-ла ученых степеней, а сейчас преподает социологию в

Колумбийском университете. Ее ответ обидел меня не так уж сильно, потому что все-таки она признала, что целоваться я умею, а книжки в то время для меня ничего не значили. Но осадок все же остался.

— Патрик Уинтер, а вы эту историю не придумали?

— Ни в коем случае. Могу показать фотографию в выпускном альбоме. Прямо на подписи Джейн стоит большой красный отпечаток ее губ.

— И она была черная?

— Ну не совсем. Тут я немножко приврал, чтобы к вам подольститься. На самом деле Джейн была чикана, мексиканка. Ее семья приехала в Штаты на заработки. Но какая разница — меньшинство есть меньшинство. Согласны?

Коретта какое-то время сохраняла строгое выражение лица, но потом смягчилась и улыбнулась:

— Знаете, для мужского шовиниста вы, в общем-то, не так ужасны.

— Вы и сами не худший вариант феминистки, которая всю жизнь только тем и занята, что дает отпор фашиствующим мужикам. Давайте выпьем за мир, а также за успех «Прометей».

— Почему бы и нет? — Коретта чокнулась с Патриком, и они выпили. — А при чем здесь успех «Прометей»? Разве в этом есть какие-то сомнения?

— В любом космическом полете есть доля риска. Чем сложнее корабль, тем больше узлов, которые могут выйти из строя. Во время первого полета «Аполлона» на Луну корабль израсходовал 97,5% топлива. И у нас, и у русских случались в полетах разные накладки. А сейчас мы соединили в единый ракетный комплекс шесть самых больших ступеней в истории человечества. Они должны оторваться от Земли все разом и вывести «Прометей» на нижнюю орбиту. Между прочим, последняя ступень, с полезной нагрузкой, тоже превосходит по размеру все предшествующие космические корабли. Итак, сначала мы окажемся на низкой орбите, которая называется «утасающей», потому что, если быстренько с нее не соскочить, мы снова свалимся на Землю; там мы включим ядерный двигатель доктора Брона, который и должен вывести нас на окончательную орбиту. Теперь пару слов об этом двигателе. Тео-

ретически он проверен; на Земле неоднократно испытывались его уменьшенные модели...

— Погодите-ка, дайте я сама догадаюсь. Вы хотите сказать, что в космосе подобный двигатель никогда не испытывался?

— Вот именно. А вы еще спрашиваете, есть ли сомнения в успехе нашего полета. Однако не хочу вас расстраивать. Учтите, что множество людей несколько лет работали только над тем, чтобы фактор риска по возможности свести к нулю. К примеру, гораздо безопаснее находиться в нашем «Прометее», чем пытаться поменять колесо где-нибудь на калифорнийском хайвее. Там средняя продолжительность жизни не превышает 25 секунд — в том случае, если вы занимаетесь колесом со стороны проезжей части.

— Вы здорово меня успокоили. Значит, пока я не на калифорнийском шоссе, могу считать себя в безопасности.

Высокий мужчина в поварском колпаке появился в дверном проеме и сказал по-английски с сильным акцентом:

— Ужин подан.

— Чем кормить будете? — поинтересовался Элай, но лингвистические познания повара были, видимо, истощены, и он в замешательстве скрылся.

— Специально подготовленное меню, — пояснила Надя. — Я поговорила с поваром, он очень горд своей работой. Нам дадут борщ, потом селедку, беф-строганов с лапшой. Ну и, разумеется, икру и водку.

— Пища для русской души, — откомментировала Коретта. — Если у меня когда-нибудь будет возможность, я покажу вашему шеф-повару настоящую американскую кухню — мясо на ребрышках с капустным салатом. Идемте скорее, а то я умираю от голода.

Глава 8

Коттенхэм-Ньютаун

Для сэра Ричарда Лонсдейла завтрак был лучшим временем дня. А в такую чудесную погоду утренняя трапеза была просто совершенством. Стол поставили у распахнутого окна; по розовому кусту прыгала малиновка, в траве возились дрозды. В воздухе — ни ветерка. Рядом с тарелкой лежал свежий номер «Таймс», в подставочках стояли два яйца всмятку, дымился горячий тост. Сэр Ричард налил себе кофе. За столом он сидел один — терпеть не мог разговаривать с кем-нибудь во время завтрака. Эмили появится перед самым его уходом, не раньше. Прежде чем развернуть газету, Лонсдейл понаслаждался последним мигом покоя, пока неутомимый мир еще не успел его нарушить.

Ричард Лонсдейл был директором компании «Фармацевтические химикаты». Эта работа давала ему отличную зарплату, а кроме того, еще кое-какие приятные привилегии. Бумаги, которые он захватил с собой, были все просмотрены и уже лежали в «дипломате» вместе с письмами, которые предстояло перепечатать секретарше. Скоро начнется рабочий день, полный новых проблем. Сэр Ричард аккуратно отрезал верхушечку первого яйца, чуть-чуть посолил и поперчил, зачерпнул ложечкой. В самый раз. Потом взглянул на заголовки в «Таймс», и день начался.

Новости делового мира, как всегда, были удручающими, поэтому он оставил их на потом; прочтет в автомобиле. Мало хорошего происходило на Ближнем Востоке, в Испании, в Корее. «ПРОЕКТУ «ПРОМЕТЕЙ» ПРЕДСКАЗЫВАЮТ НЕУДАЧУ». Вот это то, что надо: зловещее карканье ученых способно разогреть кровь. Одни ученые что-то изобретают, другие предсказывают, что изобретение первых погубит мир, разрушит окружающую среду и заразит все человечество раком. К сожалению, вторые, как правило, оказываются правы. Он как раз сворачивал газету, когда в столовую вошла его супруга, облаченная в длинный, до пола халат.

— Доброе утро, милый, — сказала Эмили, рассеянно чмокнув сэра Ричарда в лоб. — Не забудь, что у нас на ужин приглашены иностранные гости. Не опаздывай. Ты сам назначил эту встречу еще на прошлой неделе, помнишь? У тебя осталось немного кофе? Я бы выпила. Какой кошмар! Ты посмотри на этот заголовок. Я знаю, что газетчики преувеличивают, но звучит просто пугающе. Неужели возможны землетрясения?

— Дорогая, это произойдет в России. К тому же, если ракета взорвется да еще если обстановка действительно окажется сейсмоопасной.

— А как же все остальные ужасные вещи — о «лучах смерти» и прочем?

— Уверяю тебя, дорогая, что бы ни случилось с «Прометеем», на нас это никоим образом не отразится. Ну а теперь мне пора.

«Роллс-ройс» уже ждал у подъезда, ибо сэр Ричард всегда выходил из дому в 8.15. Шофер как раз смахивал невидимую пылинку с черного капота. Просияв улыбкой, он распахнул дверцу перед директором.

— Чудесный денек, сэр. Погода просто коллекционная, как говаривала моя мамаша.

— Ваша мамаша была совершенно права, Эндрю. Такого лета у нас не было с 75-го года.

Автомобиль мягко покотил по аллее, похрустывая гравием. Утренняя поездка всегда была очень приятной, несмотря на то что машина принадлежала не сэру Ричарду, а компании, да и Эндрю был служащим «Фармацевтических химикатов». Окошко было открыто, по третьей программе радио передавали струнное трио Баха. Утро и в самом деле выдалось восхитительное.

Сэр Ричард даже решил сегодня не читать деловых новостей. Они могут подождать, а погода ждать не будет. До завода было десять миль — пятнадцать минут быстрой езды, главным образом по проселочным дорогам. Можно было бы поехать по автостраде, получилось бы на милю длиннее, но по времени гораздо быстрее. Однако сэр Ричард никогда этой дорогой не пользовался. Ему и так целый день предстояло находиться среди суеты современного мира — большие скорости, телефонные звонки и все такое прочее. Чем дольше утром длится очарование деревенского покоя, тем лучше. Мимо проплывали сложенные из неотесанных камней стены, зеленые луга, на которых паслись коровы, стада овец. Ягнята уже подросли и больше не выглядели такими очаровашками. Лесистый пригорок, за ним сельскохозяйственные постройки, потом горбатые, покрытые брусчаткой улочки деревни Драй-Этертон. Магазины уже открывались, и в дверях «Коричневой коровы», как всегда, торчал Гарри Мур, лениво ковыряя в зубах спичкой. Он помахал «роллс-ройсу» рукой — этаким классический добродушный трактирщик. Сэр Ричард ответил на приветствие. В «Коричневой корове» чудесно готовили бифштекс и пудинг с говяжьими почками. Давненько Лонсдейл не навещал это заведение. Может быть, в воскресенье получится?

Дорога выпрямилась и пошла вверх, на известняковые холмы, высившиеся за городком. Вокруг были поля и фермы, как бы рассеченные автострадой, из-за которой и выросли здесь районы новостроек. Потом показался сам город. Сэр Ричард знал, что прямо в центре еще сохранился кусок старой деревни, но отсюда его видно не было. Многоэтажные башни домов выстроились длинными шеренгами, похожие на пчелиные соты.

За жилыми домами располагались приземистые белые корпуса завода. В отличие от новостроек, они довольно гармонично вписывались в ландшафт и были по-своему даже красивы. Дорога описала дугу вокруг территории завода; небо заслонили огромные цистерны с химикатами, покрашенные в оранжевый цвет. Поначалу эти яркие пятна очень раздражали Лонсдейла, но потом он обнаружил, что оранжевый цвет куда веселее, чем серо-стальная окраска, нагоняющая тоску.

Охранник у завода приветливо отсалютовал директорской машине — можно сказать, просто помахал рукой — и «роллс-ройс» медленно подъехал к главному входу.

— Как обычно, сэр? — спросил Эндрю.

— Точнее, как положено: в полшестого. Мне редко удается уехать так рано, но я торжественно поклялся жене, что вернусь вовремя. Если в полшестого меня не будет, позвоните мне в кабинет и напомните.

— Да, сэр. Хорошего вам дня.

— Спасибо, вам того же. И одна просьба, Эндрю: поменьше налегайте на виски из автомобильного бара. Бутылки пустеют так быстро, что я уже начинаю это замечать.

Лонсдейл распахнул стеклянную дверь и вошел в здание. Начинался самый обычный рабочий день.

Глава 9

— Начать отсчет предстартовой готовности, — приказал Самсон Клетеник.

Цифры на табло в зале Центра управления полетом ожили — там было уже не 95:00, а 94:59.

Сотрудники на всех столах зашелестели толстыми томами руководства по предстартовой подготовке, открыв их на первой странице. Тома были вдвое толще, чем обычно, потому что на сей раз текст оказался вдвое длиннее: с одной стороны страницы — колонка по-русски, с другой — по-английски. Несмотря на разделение труда — советские техники отвечали за топливные системы, двигатели, насосы и вспомогательное оборудование, а американцы ведали аппаратурой пульта управления и компьютерными системами, — в ракетном комплексе имелись и узлы совместного контроля, которые нельзя было отнести ни к ступени с полезной нагрузкой, ни к ускорителям. В этих случаях были созданы смешанные группы: нередко у одного и того же пульта сидели русский и американец, следя за работой друг друга и всегда готовые друг друга подстраховать. Проект «Прометей» готовился так долго, что даже самые лингвистически неодаренные специалисты с обеих сторон успели выучить язык партнера. Теоретически все техники и инженеры в Центре управления полетом должны были владеть и русским, и английским. Возможно, они не смогли бы вести застольную беседу на чужом языке, но ракетной и компьютерной термино-

логией владели в совершенстве. Во всяком случае, для совместной работы этого было достаточно. И, как показало время, не только для работы: сначала одна русская сотрудница была вынуждена покинуть космодром из-за явственно развивающейся беременности. Потом руководство получило семь заявлений на заключение смешанных браков. Решение этих вопросов было отложено на потом, когда «Прометей» будет благополучно выведен на орбиту. Главное — не сорвать подготовку.

Самсон Клетеник отвечал за управление стартом. Это был долговязый, длиннорукий мужчина, нескорый на слова, зато очень быстро соображавший. Он почти никогда не улыбался — особых причин для веселья как-то не находил. Несколько лет планирования и сборки корабля позади, близился финал. Со своего пульта Клетеник управлял всеми функциями сложнейшего стартового комплекса. Он отвечал здесь за все. Не располагало к благодушию и то, что, как ему было известно, каждый его шаг контролируется Флэксом и прочими сотрудниками Центра управления полетом, находящимися за много тысяч миль отсюда, в Хьюстоне. Как только корабль оторвется от Земли, вся ответственность за полет переходит к ним. Но это будет еще не скоро. Пока же вся полнота ответственности на Клетенике; вот почему он так аккуратно и сосредоточенно нажимает на кнопки, разговаривает со всеми тихим и ровным голосом, сохраняет спокойный и невозмутимый вид.

Флэкс, вернувшийся в Центр управления полетом в Хьюстоне, не мог похвастать ни спокойствием, ни невозмутимостью. Расслабиться он сможет потом, когда все будет позади. Правда, во время радиосеансов связи голос его звучал подчеркнуто спокойно, но того требовали правила игры. На самом же деле по мере приближения старта Флэкс нервничал все больше и больше. Он то следил по телевизору за суматохой, царившей в Центре управления стартом, то переводил взгляд на своих подчиненных, бездельничавших возле пультов. Они могли себе это позволить — но не он. Флэкс почувствовал, как внутри у него все сжимается от боли. Он знал, что эта боль не оставит его до тех пор, пока полет не закончится. Потом астронавтов ждут церемониальные встречи и президентские рукопожатия, а Флэкс тихо выскользнет через черный ход и вскоре окажется

в Военно-морском госпитале в Бетесде, в отдельной палате. Доктора будут цокать языком, пытаясь вытащить Флэкса из критического состояния, пока язва двенадцатиперстной кишки у него не достигла стадии прободения. И дело даже не в бесконечном курении сигар, бесчисленных чашках кофе, недоеденных сандвичах и недосыпании — виноваты, прежде всего, нервы. За неделю в госпитале Флэкс обычно терял пятнадцать фунтов веса. Жидкая диета была невыразимо скучна, а таблетки, которыми его пичкали, чтобы он не скучал по сигарам, выпивке и кофе, нагоняли сонливость. Потом Флэкс выходил из госпиталя и еще месяц, а то и два не мог очухаться. То есть вернуться к нормальной жизни и вовсю наслаждаться омарами, шампанским, гаванскими сигарами и прочими вещами, которые делали жизнь приятной.

Сейчас нервный узел у него внутри еще только начинал скручиваться. Это было пока лишь предчувствием боли, которая вскоре будет жечь огнем и заставит Флэкса глотать лекарство галлонами. А ведь пока ничего плохого не произошло. Но обязательно произойдет, как всегда. Ожидание неприятностей было хуже самих неприятностей. Сможет ли Центр управления стартом справиться со своей задачей? Приказ об отсчете предстартовой готовности, а также оживление, начавшееся в ведомстве Клетеника, чуть ослабили напряжение. Флэксу стало немного легче.

— Нет давления в гелиевой системе. Нет давления в четвертом, нужно спустить тридцать первый на семь делений...

— Приостановить отсчет? — спросил Клетеник.

— Не стоит. Пока не нужно. У нас есть десять минут, чтобы разобраться.

— Держите меня в курсе, а если я буду занят чем-то другим, в любом случае известите меня о результате в течение девяти минут.

— Роджер. Очень окей!

Американское выражение «супер о'кей» превратилось в «очень окей». Так создается новый комбинированный язык космической эры, подумал Флэкс, молча следивший за происходящим по телеэкрану. А многие американцы вместо «Роджер» стали говорить по-русски «вас понял». Неплохая идея — мирное сосуществова-

ние в сегодняшнем мире. Земле очень не помешал бы мир — в особенности в Африке, где до сих пор шла кровавая бойня.

Задерживать заправку топливом смысла не имело. Сработал байпас, неисправный клапан заменили. Но это была мелочь, одна из прогнозируемых неприятностей. Время, отведенное для предстартовой готовности, предусматривало устранение мелких неисправностей. Если же произойдет что-нибудь посерьезнее, то часы будут остановлены и процесс подготовки продолжится, пока возникшую проблему не разрешат. Однако таких задержек не может быть слишком много, и они не должны затягиваться — многочисленные сложные системы, составляющие ракетный комплекс, нельзя вечно держать в состоянии полной готовности. Некоторые из них рассчитаны на функционирование в течение всего нескольких дней, а то и часов. Кроме того, от криогенного топлива можно было ожидать любых сюрпризов. Если задержек окажется слишком много, весь полет может сорваться. Это означало бы, что пройдут месяцы, прежде чем «Прометей» сможет снова оказаться на стартовой площадке. О таком не хотелось и думать. Настоящему моменту предшествовали годы работы; на карту были поставлены репутации двух государств. За подготовкой к взлету следили руководители обеих стран, да и все человечество. Это на него, на Флэкса, они сейчас смотрят. Нервный узел затянулся еще туже.

На пульте зажегся красный огонек — один из многих тысяч. Защелкали переключатели, потом раздался телефонный звонок; Клетеника вызывали на связь.

— У нас на двадцать седьмом проблема. Требуется ваше присутствие.

Больше всего Клетеника встревожила нарочито спокойная интонация, с которой это было сказано — напускное спокойствие означает, что человек очень взволнован. Клетеник тоже начал нервничать. Он снял наушники и быстро направился к двадцать седьмому пульту.

Тем временем в изоляторе Патрик с помощью Брона натягивал скафандр. До выхода на орбиту, когда придется собирать солнечный коллектор, костюм ему не понадобится. «Прометей» проектировался как космическая станция, предназначенная для длительного использования, а это означало, что внутри поддерживалось нормальное давление и экипаж мог находиться в корабле в

своей обычной одежде. Но у Патрика со скафандром были кое-какие проблемы. У каждого астронавта скафандр изготавливался индивидуально. Даже не один, а два — первый полагалось опробовать на стадии тренировки. Второй же предназначался для работы в космосе; скафандры были идентичными: несколько слоев ткани и резины, сшитых и склеенных с особым тщанием. Костюм должен был обеспечивать гибкость движений и в то же время обладать невероятной прочностью, чтобы выдерживать давление, — иначе астронавт погибнет. Иными словами, скафандру полагалось сгибаться в суставах, но во всех прочих местах быть крепче брони. В результате приходилось довольствоваться компромиссом, а компромиссы всегда далеки от совершенства. Костюм где-то жал, где-то натирал, поэтому постоянно требовалось его подправлять. Патрик трижды отправлял свой скафандр на доработку, потому что в плечо ему каждый раз впивался кусок металла. Патрик надеялся, что на сей раз все будет в порядке. Если нет — еще есть время исправить недоделку.

Сначала нужно надеть тонкое хлопчатобумажное белье, чтобы не раздражать кожу. Затем следует унизительная, но совершенно необходимая процедура, прикрепление желтого пластикового мешочка для мочи. В космосе не отлучишься на пять минут в туалет. Элай поднес к глазам мешочек и восхищенно посмотрел на него:

— Какое дивное изобретение, — сказал он. — Символ покорения космоса мужчиной.

— Это все же лучше, чем женский символ. Катетер, по-моему, куда хуже.

— Значит, не ворчи и спокойненько натягивай это резиновое колечко на свою штуковину. Размер подогнан в самый раз. Вот, казалось бы, век науки, а человек все стремится к единообразию. Мужчины бывают такими разными — от пигмеев в три фута ростом до семифутовых скандинавов — однако жизненно важный орган, судя по всему, встречается всего трех размеров. Маленький, средний и большой. Во всяком случае к мешочку приложены всего три резиновых кольца.

— Это называется не так: «большой», «огромный», «невероятный». Нельзя травмировать мужское эго. Однако, когда подбираешь размер, смотри, чтобы эго не

сыграло с тобой дурную шутку. Если выберешь слишком большое колечко, произойдет утечка — астронавты называют ее «подмоченной репутацией». Это не очень-то приятно.

— Да, меня предупреждали. Дай-ка я помогу тебе натянуть скафандр.

Астронавт, надевающий скафандр, больше всего похож на змею, пытающуюся влезть обратно в скинутую шкуру. Патрик с трудом втиснул ноги в штанины, обтянутые изнутри нейлоном. Затем пришлось согнуться пополам, чтобы просунуть руки в рукава, а голову в шейное кольцо. Элай сзади подтолкнул его, и голова Патрика с трудом пролезла в отверстие.

— Спасибо, — задыхаясь сказал Патрик. — Ты мне всю кожу с шеи содрал.

— А надо было оставаться летчиком-испытателем и не рыпаться. Зачем тебе понадобилось отдавать себя на службу прогрессу?

— Застегни молнию на спине, пожалуйста.

Перчатки Уинтер надевать не стал — ему и без того было смертельно жарко. Он встал, походил по комнате, помахал руками.

— Вроде бы нормально. Дай-ка наклонюсь.

Внезапно Патрик почувствовал неладное. Сработал инстинкт. Он поднял глаза и увидел, что стартовые часы, висевшие на стене комнаты, остановились на 83:22.

— Задержка, — сказал он. — Выясни, что там стряслось, а я пока вылезу из этой штуки.

Когда Патрик вошел в гостиную, там уже собрался весь экипаж. Надя как раз вешала телефонную трубку.

— Они еще не обнаружили, где неисправность, — сообщила она. — Однако подача топлива прекращена.

— Это может быть опасно, если цистерны уже частично наполнены, — заметил Патрик.

Задержка продолжалась почти пять часов. Один лишь Элай, казалось, был совершенно не обеспокоен случившимся: он углубился в книжку с шахматными задачами, работая над какой-то партией. Вначале он попробовал сыграть с полковником Кузнецовым, но игры не получилось, потому что полковник без конца оглядывался на застывшие часы. На них по-прежнему значилось 83:22. Всего двенадцать часов прошло с начала отсчета, и вот такая длительная задержка.

Зазвонил телефон, и в ту же секунду часы ожили.

— Да, — сказал в трубку Патрик. — Мы видим. Хорошо. Будем надеяться, что так пойдет и дальше.

Следующий день и день после этого все действительно было нормально. Потом наступил третий день, и пришла пора отправляться на корабль.

— Знаете, — сказала Коретта, нервно сцепляя руки. — Одно дело говорить, что ты совершишь нечто, и совсем другое — чувствовать, что момент настал. Патрик, вы уверены, что мне нельзя чуть-чуть выпить?

— Ни в коем случае. Пилоту реактивного корабля запрещается принимать алкоголь в течение двадцати четырех часов перед вылетом. Астронавту — за сорок восемь часов. Космический полет — штука серьезная.

— Но ведь вести корабль будете вы с Надей. А мы, остальные, вроде пассажиров.

— Извините, но вы не пассажиры. Вы — экипаж. Я надеюсь, что не возникнет ситуация, в которой нам понадобится ваша помощь. Но все может быть. Так что расслабьтесь и думайте о чем-нибудь приятном.

Патрик взял ее за руки, желая подбодрить. Коретта явно была испугана, они оба понимали это, как понимали и то, что ей придется непременно справиться со своим страхом. За ними сейчас наблюдал весь мир. Весь мир следил за часами, отсчитывавшими минуты в Центре управления стартом. Как только астронавты выйдут из карантина, на них будут направлены все теле- и фотокамеры. Прикосновение Уинтера немного успокоило Коретту, она чуть-чуть прислонилась головой к его груди. Ее волосы слегка пахли духами, и Патрик с трудом удержался, чтобы не погладить Коретту по голове.

— Духи стерильны? — спросил он.

Коретта подняла лицо и улыбнулась:

— Вы умеете поднять девушке настроение, Патрик. Когда мы вернемся с нашей увеселительной прогулки, я хотела бы познакомиться с вами поближе.

— Договорились.

Он поцеловал ее, и это было обещанием, которое оба поняли без слов.

В дверях стояла Надя.

— Пора, — сказала она. — Нас ждут.

Лицо ее было невозмутимо, голос спокоен.

— Идем, — откликнулся Патрик столь же невозмутимо, продолжая обнимать Коретту. Надя отвернулась и вышла.

— Вы с Надей не очень подходите друг другу, — заметила Коретта, причесываясь перед зеркалом. Она совершенно успокоилась, момент паники миновал. Докторам не положено высказывать своих эмоций. Их с самого начала учат никогда не терять уверенного вида, заменяющего им доспехи. Коретта вполне владела этим искусством, но поддержка Патрика пришлась кстати, и девушка была ему за это благодарна.

— Ничего, работается вместе нам неплохо, — ответил Патрик, вытер губы платком и улыбнулся — на ткани осталась помада. — Насколько сейчас в НАСА стало веселее, по сравнению со временем, когда здесь работали одни мужчины.

— По-моему, майор, вы слишком возбудимы. Я дам вам успокоительного. Вот здесь на губах еще помада осталась. Ну ладно, идемте.

И вот все члены экипажа собрались вместе, облаченные в серебристые костюмы. Русские и американцы пошли на компромисс: первые отказались от своего обычного красного цвета, а вторые от синего. Сошлись на серебряном, символизировавшем огромные серебристые крылья, которые «Прометею» предстояло раскрыть в космосе. У каждого на груди слева была эмблема «Прометей-1»: черный круг, обозначающий космическое пространство, и серебряное зеркальце в центре, изображавшее солнечный генератор. Слева от эмблемы располагалась красная звезда, справа — звездно-полосатый флаг. (Красной звезде, разумеется, и полагалось находиться слева, хотя один из читателей газеты «Таймс» справедливо указал, что в геральдике левая сторона соответствует правой.)

Элай стоял на стуле и настраивал фокусировку телевизионной принимающей камеры. Кузнецов сидел перед экраном и разговаривал с кем-то из техперсонала.

— Чуть-чуть повыше, — говорил тот. — А две крайние книжки сдвиньте немного вправо. Вот так, просто замечательно.

Патрик посмотрел, как Надя раскладывает на полу книги, и удивленно поднял брови:

— Могу я спросить, что у вас тут происходит?

— Можешь, — ответил Элай, слезая со стула. — Кто-то там наверху решил, что наш моральный дух сильно поднимется, если господа Б. и П. проведут с нами личную беседу перед стартом. Через пару минут историческая беседа состоится.

— Надеюсь, они явятся к нам не во плоти?

— Упаси Боже. Бэндин в Вашингтоне, Полярный в Кремле. Небольшое злоупотребление достижениями науки позволит всем нам обменяться парой слов. Ладно, пора строиться.

Книгами на полу были обозначены места, где полагалось стоять членам экипажа. Стараясь не раздражаться, астронавты выстроились в ряд. Им пришлось притиснуться поближе друг к другу, чтобы все попали в кадр.

— Минуточку, — попросил оператор, и вместо его нервного лица на экране, разделенном вертикальной чертой на две части, появились Бэндин и советский премьер.

— Это поистине великий момент в истории человечества, — начал Бэндин. Полярный произнес по-русски примерно то же самое. Патрик кивнул головой и постарался придать своему лицу умное выражение. Он все время помнил, что рядом с ним застыли в нелепых позах его товарищи, и не мог отделаться от мысли, что все вместе они похожи на шеренгу игрушечных мишек, обернутых в серебристую фольгу. Полярный открыл было рот, чтобы еще что-то сказать, но американский президент его опередил:

— Когда я говорю о великом моменте в истории человечества, это не просто красивая фраза. Ваш полет — победа науки, плод тяжелого труда, невероятных усилий всех мужчин и женщин, граждан наших великих народов, которые участвовали в проекте «Прометей» и достойно доведут свое дело до конца. Но еще в большей степени это победа всего человечества. Я бы хотел повторить слова Нила Армстронга, первого человека, ступившего на поверхность Луны: «Это большой шаг для всего человечества».

— Совершенно с вами согласен, мистер президент, — включился в разговор Полярный, когда Бэн-

дин неосторожно сделал паузу, чтобы набрать воздуха. — Эпоха великих свершений в космосе началась с того дня, когда Юрий Гагарин впервые поднялся на околоземную орбиту.

— Да, конечно, совершенно с вами согласен. — Счет выровнялся, один-один. — Человечество находится сегодня на пороге великой новой эры, которая начнется, когда «Прометей» проложит огненный путь с небес на Землю, дав человечеству доступ к неиссякаемому источнику энергии. Мы не будем больше зависеть от постоянно истощающегося запаса минерального топлива, а это значит, что человечество покончит с эпохой подозрительности и недоверия. На Земле наступит мир и всеобщее процветание.

Оба государственных руководителя говорили еще долго, и Патрик незаметно переступал с ноги на ногу, чтобы не затекли мускулы или, не дай Боже, не начать клевать носом. Над телеэкраном висели стартовые часы, и Уинтер почувствовал неимоверное облегчение, когда на них появились заветные цифры 02:00. Тут Патрик решительно шагнул вперед, кивнул обоим лидерам и сказал:

— Благодарю вас, мистер президент. *Балшоя спаси-бо, то-ва-ришч пре-зи-дъент.* После беседы с вами наша решимость еще больше окрепла, и от имени всего экипажа я приношу вам нашу благодарность. Однако отсчет предстартовой готовности достиг момента, когда нам пора отправляться на корабль. Так что спасибо вам и всего хорошего.

Он вышел из кадра, и остальные астронавты, стараясь не слишком явно спешить, последовали за Патриком. Сеанс телесвязи закончился, и Кузнецов облегченно зевнул:

— Боже мой! Какие зануды все эти политики. Я полагаю, что это неизбежное зло, но с меня хватит.

Элай кивнул:

— Ни одного политика еще не застрелили за то, чего он не говорил. Поэтому они стараются избегать определенности в высказываниях и добиваются успеха у избирателей за счет своего шарма, имиджа, рекламы и так далее.

— Ладно, поболтаем после, — прервал его Патрик. — Герметический трап, наверное, уже подогнан. Прошу все личные вещи сложить в пластиковые мешки.

Не забудьте все вынуть из карманов. Не пытайтесь пронести на корабль бутерброды с ветчиной, почтовые марки, коллекционные конверты, а также портреты папы римского или Ленина. Никакого багажа. Таков был уговор с самого начала, так что давайте его не нарушать.

— Советские люди лишены капиталистического инстинкта заколачивать деньги, — улыбнулся Кузнецов, — поэтому с нашей стороны возражений не будет. Но, сколько мне помнится, кое-какая компенсация за бескорыстие нам все же полагается?

— Само собой, — кивнул Элай. — Экипажу выданы триста конвертов с марками для погашения в первый день полета. У нас есть штамп, и мы проведем эту операцию, как только окажемся в космосе. Каждому из нас достанется по пятьдесят конвертов, которые мы имеем право оставить себе на память, подарить кому-нибудь или продать. Хотя прибыль от продажи, скорее всего, уйдет на выплату налогов.

Патрик внимательно осмотрел прозрачный пластиковый мешок, в который каждый из астронавтов сложил свои личные вещи. Ничего недозволенного там не было. Тогда Уинтер взглянул на часы:

— Все, пора. Пошли.

Он пожал руку повару и двум горничным, обслуживавшим их во время пребывания в карантине, и первым направился к выходу.

— Я вернусь, чтобы еще поесть твоих картофельных оладий, Иван, — сказал он на прощанье повару на ломаном русском.

— Да я к вашему приземлению целый таз напеку, майор! — отозвался тот.

Над выходом зажегся зеленый огонек. Патрик повернул колесо герметического замка, и раздалось егромкое шипение — уровень давления внутри и снаружи сравнялся. Карантинное здание было полностью изолировано от внешнего мира, чтобы космонавты перед полетом не простудились и не получили какой-нибудь инфекции. Вся пища и вода, которыми они пользовались, были заготовлены заранее. Воздух поступал через сложную систему фильтров, а давление в карантине специально поддерживалось более высокое, чем снаружи, чтобы в случае утечки воздух не поступал

внутри, а вырывался во внешнюю среду. Процедура переезда из карантина на корабль была столь же строгой.

Когда массивная дверь отъехала, астронавты увидели еще одну, точно такую же. Она еще не успела высохнуть от разбрызганного по ее поверхности дезинфектанта. Патрик открыл и вторую дверь, после чего экипаж вошел в камеру герметического транспортера. Это был огромный ящик, установленный в кузове мощного грузовика.

В карантинном здании окон не имелось, чтобы космонавты психологически подготовились к предстоящему «закупоренному» существованию в космосе. Они разговаривали с внешним миром по телефону (чаще всего обсуждались технические вопросы), звонили домой, близким, но, находясь в изоляции, совершенно забыли, как много людей работает над проектом «Прометей», а также о том, что весь мир с интересом следит за подготовкой к полету.

В транспортере были большие окна, и члены экипажа увидели, что вокруг собралось огромное множество людей. Они кричали, махали руками, толкались, чтобы хоть одним глазком увидеть астронавтов. В переднем ряду расположились фоторепортеры, отчаянно щелкавшие аппаратами и с трудом удерживавшие свои выгрышные места. Сквозь стекло и плотные стены транспортера доносился приглушенный гул. Солдаты расчищали в толпе дорогу для грузовика, который медленно катился по направлению к ракетному комплексу. Члены экипажа тоже махали толпе, на время утратив дар речи — они вдруг остро осознали смысл происходящего.

Настал *тот самый день*.

Великий день.

Грузовик неспешно завернул за угол и двинулся от лабораторного комплекса по направлению к «Прометею». Из вентиляционных отверстий ракеты вырывались белые облачка пара; на металлическом фюзеляже посверкивали солнечные блики. «Прометей» по-прежнему больше напоминал небоскреб, чем летательный аппарат. Диаметр фундамента ракеты был не меньше ста пятидесяти футов; высота — четыреста пятьдесят. На головокружительной вышине, над пулеобразными ускорителями, вознесся стройный силуэт собственно

корабля, наконец освободившегося от сборочного каркаса. Из всех сооружений и временных построек рядом осталась лишь стартовая башня, соединенная с кораблем и ускорителями поворотными механизмами и манипуляторами.

Транспортер приблизился вплотную к основанию ракеты и затормозил. Кузов слегка накренился, и герметическая камера плавно съехала на платформу лифта, сразу же закрепленная фиксаторами. Легкий толчок — и лифт неспешно пополз вверх.

— Меня немножко трясет, — призналась Коретта.

— Меня тоже, — сказал ей Элай. — Все нервничают — а как же иначе? — За окном бесконечной металлической стеной проплывали ступени корабля. — Уверен, что даже у наших нестигаемых пилотов поджилки трясутся. Так или не так, Надя?

— Конечно. Только дураки не ведают страха. Но на самом деле хуже всего ожидание. Когда полет уже начался, сразу наваливается столько дел, что не остается времени ни для беспокойства, ни для страха.

Еще один толчок — и лифт остановился. Экипаж прибыл на место. Рабочие покатали камеру вперед. Один из них энергично замахал руками и показал куда-то вверх.

— Что он пытается нам сказать? — обеспокоенно спросил Патрик.

— По-моему, он изображает, что нажимает какие-то кнопки и с кем-то говорит, — предположил Элай. — Минуточку, он что-то пишет на листке бумаги.

Транспортер уперся в фюзеляж космического корабля. Техник поднес к стеклу листок, на котором было написано: «Вас вызывают по радио». Патрик кивнул.

— Что там у них стряслось? — озадаченно спросила Надя.

Патрик пожал плечами:

— Кто их знает. Ступим на борт, сразу же свяжемся с ними. А вот и лампочка зажглась.

Зеленый огонек означал, что дверь можно открывать. Сразу за ней оказался влажный металлический борт «Прометей». Патрик открыл крышку контрольного пульта, нажал на кнопку и отступил назад — люк корабля медленно распахнулся вовне. Пригнувшись, Уинтер шагнул внутрь первым.

— Надя, — попросил он, — когда все войдут, закрой люк. А я включу радио.

Он лег на пилотскую кушетку и нажал на кнопку приемника.

— ...вторяю. Клетеник вызывает «Прометей». Вы меня слышите? «Прометей», отзовитесь. Повторяю...

— Алло, Центр управления стартом, «Прометей» вас слушает.

— Майор Уинтер, у нас возникли кое-какие осложнения. Я сейчас обсуждаю эту проблему с руководством и с Центром управления полетом в Хьюстоне. Они хотят с вами поговорить. Соединяю вас.

— Валяйте, — спокойно ответил Патрик, ничем не выказывая пронзившего его чувства тревоги. — Центр, вы меня слышите?

— Слышим, Патрик, и очень хорошо. Послушай... У меня не очень хорошие новости. Я поговорил с Клетеником и только что разговаривал с Белым домом.

— В чем дело, Флэкс?

— Неприятность. Нужна еще одна задержка, причем длинная. Я боюсь, у нас не хватит времени. Сдается мне, что придется отменить взлет, перенести его на другое время.

Глава 10

— Скажи, чтобы он немедленно отправлялся ко мне! Живее!

Бэндин яростно швырнул трубку телефона и потянулся за чашкой кофе. Вечер он провел в России, рассвет встретил над Англией; за целые сутки спал не более часа. Он закутался в купальный халат и отхлебнул кофе. Черт, холодный, как лед.

— Люси! — заорал он, но вспомнил, что помещение звукоизолировано. Тогда президент нажал на кнопку интеркома и услышал голос жены:

— Да?

— Кофе. Принеси мне кофе, черт бы тебя побрал!

Он отключился прежде, чем она успела ответить. Вообще-то кофе президенту могли бы подать и слуги, но он привык, чтобы утром кофе приносила именно Люси. Бэндин ни разу не спрашивал жену, нравится ей это или нет. В его привычки вообще не входило задавать людям подобный вопрос. Он считал само собой разумеющимся, что если проснулся он, то не спит и Люси. Она должна вставать даже раньше, чтобы успеть сварить кофе. Вошла Люси — бледная, стареющая кукла Барби. Президент взял кофейник без единого слова благодарности и налил себе полную чашку. Потом плюхнул туда четыре ложки сахара.

— Еще чего-нибудь хочешь? — шепотом спросила Люси.

Бэндин отрицательно покачал головой и даже не заметил, как она удалилась. Интерком тихонечко пискнул и голосом Чарли Драгони сообщил, что в приемной находится Саймон Дилуотер.

— Пусть войдет.

Бэндин отхлебнул горячего кофе и с нетерпением уставился на закрытую дверь. В комнате было тепло, но президент так устал, что никак не мог согреться. Он завернулся в халат еще туже.

В дверь негромко постучали, и вошел Саймон Дилуотер. Он был очень высокого роста, худой, весьма представительный, чему способствовали пышные седины. В каждом жесте Дилуотера чувствовалась уверенность и респектабельность: хорошая семья, обучение в дорогой частной школе, Гарвард, а за всем этим — очень большие деньги, которые Дилуотер не смог бы истратить, проживи он на свете хоть двести лет. Бэндин с завистью подумал, что этому человеку все в жизни доставалось легко, на золотом подносе. Интересно, как бы он выглядел, доведись ему родиться сыном канзасского аптекаря, учиться в захолустном церковном колледже, а потом всеми правдами и неправдами пробиваться на самый верх партийной иерархии? Бессмысленный вопрос — Дилуотер таков, каков он есть. Хоть Бэндин и не признавался себе в этом, но завидовал ему.

— Дилуотер! Какого черта! Что там у вас еще стряслось?

— Задержка старта «Прометей», господин президент. Я полагал...

— Это я полагал, что вы присмотрите за лавкой, пока хозяин спит! Вы-то, поди, спокойно дрыхли, пока я препирался с этим сукиным сыном Полярным.

— Мне очень жаль, что вы не выпались, господин президент. Однако все, кто имеет отношение к проекту, не спали уже несколько дней. Я бы справился с этой проблемой сам, уверяю вас, если бы она была обычной, но, увы. Поэтому, следуя вашим собственным инструкциям, я немедленно приказал вас разбудить.

— Ну ладно. Так что случилось?

— Серьезная задержка. Технические подробности...

— Подождут. Скажите, сколько это может продолжаться?

— По меньшей мере четыре часа.

— Ну и?

— Специалисты говорят, что через три часа система дестабилизируется и возникнет опасность механических неисправностей, вызванных нестойкостью криогенного топлива.

Бэндин шумно отхлебнул кофе.

— Пусть разбираются сами. Они умные ребята, им любая проблема по плечу. Во всяком случае, в этом меня уверяют уже не первый год.

— На этот раз опасность слишком велика, мистер президент. Ученые предлагают отменить взлет и перенести его...

— Нет! Это исключено, черт подери! Они что там, с ума посходили?! За нами наблюдает весь мир. Мы столько всего наобещали, что не имеем права уходить в кусты. Да мне просто яйца оторвут! И так лоббисты, газеты и этот проклятый конгресс все уши прожужжали публике про затраты времени и денег в связи с проектом. Этот железный горшок должен немедленно отправляться в космос. Мне наплевать, сколько они там добудут энергии. Пусть хоть на стосвечовую лампочку хватит. Проект мне нужен. Позарез. Поэтому взлет отменен не будет. Это мое последнее слово.

— Но опасность...

— Все мы смертны. Астронавты знали, какую профессию себе выбирают. Поэтому уверен, что они согласятся с моим решением. И готов спорить на что угодно: в данном случае Полярный будет со мной заодно.

Тут как раз зазвонил телефон. Бэндин взял трубку, хмыкнул и тут же положил ее обратно на аппарат.

— Я же вам говорил. Москва вызывает на связь. Не уходите, — приказал он Дилуотеру, который попятился было к двери. — Я хочу, чтобы вы присутствовали при этом историческом разговоре. Пусть люди знают, что два великих государства придерживались единого мнения по данному поводу.

Бэндин снял трубку с красного телефона, вытирая платком пот со лба. Ему уже не было холодно.

Глава 11

Коттенхэм-Ньютаун

Айрин Льюис очень волновалась. Она неуверенно разглядывала витрину магазина, украшенную золотыми буквами: САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ НА МЯСНЫЕ ПРОДУКТЫ ВО ВСЕМ КОТТЕНХЭМ-НЬЮТАУНЕ. Как бы не так! Цены были просто ужасными, вырезка стоила просто фантастические деньги, мясо для рагу тоже, фарш немного подешевле, но совсем белый от жира. Что же купить? После долгой смены на заводе Генри был вправе рассчитывать на хороший ужин. Ведь он каждую неделю отдавал жене всю свою зарплату, оставляя себе совсем чуть-чуть на пиво и сигареты. Ну, может быть, еще несколько пенсов на бильярд. Именно потому, что он был очень хорошим человеком и никогда ее ни о чем не спрашивал, Айрин так переживала. Нет, она его не обманывала, просто не говорила, как скверно обстоят дела. Питание, даже самое скромное, обходилось с каждым днем все дороже. Джуди и Мэй росли очень быстро, и аппетит у них становился все лучше и лучше. Цены поднимались так быстро, что жить по-прежнему становилось совершенно невозможно. А ведь нужно еще устраивать воскресные обеды и все такое прочее...

Пока Айрин кое-как справлялась — но какой ценой! Много лет назад они с Генри решили каждую

неделю откладывать немного денег в банк — на летний отпуск, да и на черный день, который рано или поздно наступит. Однако дороговизна заставляла Айрин каждый раз урезать эту сумму, и в конце концов взносы прекратились совсем. Потом пришлось потихоньку снимать деньги со счета. То девочкам купить обувь, то еще что-нибудь. Айрин брала совсем понемногу, но остановиться уже не могла. Она боялась спросить, сколько там осталось, но одно она знала твердо: о поездке в Блэкпул, к которой Генри уже начал готовиться, нечего и думать. Ох, как это ему не понравится!

— Вы посмотрите, сколько стоят сосиски! — воскликнула миссис Райан с соседней улицы.

— Просто кошмар, — подхватила Айрин, радуясь, что может с кем-то поделиться своими заботами.

Хозяйки покачали головами, поцокали, еще раз внимательно осмотрели витрину в тщетной надежде отыскать что-нибудь подешевле.

— А вы знаете, что по телевизору прервали фильм прямо посередине? — спросила миссис Райан. — Сказали, что с той большой ракетой какие-то неприятности.

— Она что, взорвалась? — испугалась Айрин, твердо зная, что смерть и разрушение всегда рядом, всегда готовы напасть на человека из-за угла.

— Пока нет, но кто знает.

Женщины покивали, потом собрались с мужеством и вошли в мясной магазин. Что бы там ни происходило в мире, надо было кормить свои семьи.

Глава 12

— По-моему, нам пора лечь на свои места и пристегнуться, — сказал Патрик. — Я знаю, что лежать без дела скучно, но задержка может через десять минут кончиться.

— Сколько раз ты уже это говорил? — спросил Элай.

— Много. Давай-ка, Элай, пристегивайся.

В отсеке для экипажа вдоль стен были установлены специальные кушетки для перегрузок. Каждая из них была индивидуально разработана для одного из астронавтов, чтобы обеспечить максимальную защиту во время движения с ускорением. Элай сел на свое место, держа в руках какую-то книжонку. Патрик остановился над ним и стал ждать. Наконец физик трагически вздохнул и улегся. Уинтер пристегнул его к кушетке.

Кушетка Коретты находилась по соседству, рядом с приборным пультом. Доктор Сэмюэл уже пристегнулась и внимательно следила за показаниями датчиков. Сюда с биосенсоров поступала вся информация о физическом состоянии космонавтов; одновременно те же сведения передавались в Центр управления полетом. Каждый из членов экипажа был буквально облеплен самыми разнообразными датчиками, постоянно считывавшими кровяное давление, частоту пульса, потоотделение, температуру тела и все прочие биологические параметры за которыми нужно было внимательно сле-

доть, чтобы жизнь астронавтов находилась вне опасности.

Убедившись, что в отсеке экипажа все в порядке, Патрик направился к люку, ведущему в соседний отсек. Понятия «стена», «потолок», «пол» имели смысл лишь до тех пор, пока корабль находился на Земле. На орбите, в состоянии невесомости, эти слова утратят всякое значение. Так вот, стены и потолок следующего отсека были предназначены для хранения инструментов, всевозможного оборудования, продуктовых запасов и так далее. Сейчас с пола до всего этого снаряжения невозможно было дотянуться. Но вскоре положение изменится — любой из предметов сможет свободно парить в воздухе. Последняя ступень «Прометей» — то есть сам корабль, представлявший собой лишь малую часть огромного комплекса, — была разделена на четыре отсека. В носовом находилась полезная нагрузка: генератор весом в тысячу триста тонн, рефлектор, передающая система — одним словом, все то, ради чего и затевался полет. В противоположном конце корабля, на расстоянии в двести футов, располагался ядерный двигатель и запас уранового топлива; этот отсек выведет «Прометей» на окончательную орбиту. Специальный биологический щит весом в 25 тонн отделял ядерный двигатель от остальных отсеков, чтобы при включении системы члены экипажа не получили облучения. За биологическим щитом находилась цистерна с жидким водородным топливом; этот огромный бак длиной в сто футов служил дополнительной защитой от возможной утечки радиации.

Жилая зона корабля, зажатая между полезной нагрузкой спереди и топливной цистерной сзади, была совсем крошечной. Она состояла из двух кают — большой и маленькой. Большая занимала около двух третей жилого отсека. Здесь размещались гравитационные кушетки четверых членов экипажа (кроме Патрика и Нади), а также хранились запасы пищи, инструменты и оборудование. Внутренняя перегородка с герметически закрывающимся люком отделяла эту каюту от пилотской, в которой находились две остальные кушетки, пульт управления полетом, иллюминаторы, перископы и телекамеры, позволявшие видеть корабль извне и ориентироваться в космосе. Пока эти телеглаза были сле-

пы: специальные футляры защищали их от атмосферного трения, которое многократно усилится в момент старта. Надя лежала на своей кушетке и разговаривала по радиосвязи с Центром управления полетом.

— Он пришел, Флэкс, — сказала она. — Как только подключится к связи, можете с ним говорить.

— Какие результаты? — спросил у нее Патрик, ложась на кушетку и протягивая руку к наушникам.

— Никаких. Ваш президент передумал и говорить с вами не будет.

— А Полярный?

— То же самое. Центр управления стартом связал меня с ним, но он как раз сейчас беседует с вашим президентом.

— Понятно. Они хотят уйти от ответственности за то, что санкционировали взлет. — Патрик щелкнул переключателем приемника. — Ты на месте, Флэкс?

— Роджер. Я хотел тебе сказать насчет президента. Я разговаривал с его первым помощником. Он сказал, что президент как раз сейчас ведет переговоры по телефону с премьером Полярным. Как только закончит, свяжется с вами.

— Флэкс, наш разговор записывается на пленку?

— Ну конечно.

— Тогда я хочу кое-что сказать для протокола.

— Патрик, я понимаю — задержка слишком длинная, ты устал. Не лучше ли тебе...

— Нет, не лучше. Я хочу кое-что сказать для протокола.

— Патрик, я тут разговаривал с медиками. Твой пульс и кардиограмма свидетельствуют о том, что ты находишься в напряжении. Врачи советуют тебе отдохнуть, поспать, в общем, на время передать управление второму пилоту.

— Флэкс, ради Бога, прекрати. Я командир корабля и собираюсь тебе сообщить нечто любопытное. Я все равно сделаю официальное заявление — если не сейчас, то потом.

— Конечно-конечно, Патрик. Я просто пытался...

— Я знаю, что ты пытался сделать. Я же пытаюсь кое-что заявить. Причем именно в качестве командира корабля. Прошло уже два часа, считая с того момента, когда подготовка к старту вступила в «нестабильный

период». Кажется, он именно так называется во взлетном плане, который лежит перед тобой?

— Это был просто предварительный прогноз.

— Да заткнись же ты. Я с тобой не дискутирую, а хочу сказать нечто вполне определенное. Согласно всем показаниям, по мере удлинения «нестабильного периода» работа всех систем разлаживается, и в конце концов взлет должен быть отменен. Предварительный прогноз показал, что предельная допустимость «нестабильного периода» — 30 минут. Как командир корабля я спрашиваю тебя: почему взлет до сих пор не отменен?

— Решение принимается сейчас на самом высоком уровне.

— Я не об этом тебя спрашиваю. Я хочу знать, почему нарушен рекомендованный режим. Почему до сих пор речь идет всего лишь о задержке, хотя ранее планировалось, что в подобном случае взлет будет отменен?

— Более поздние исследования показали, что предварительный прогноз был слишком пессимистичным.

— Тогда ознакомь меня с результатами этих исследований, пожалуйста.

В наушниках раздался неясный гул голосов, и потом Флэкс с явным облегчением сказал:

— С вами хочет говорить Центр управления стартом. Задержка окончена. Отсчет предстартовой готовности возобновляется с минус двенадцати минут.

Патрик хотел было возразить, но передумал и отключил микрофон. Он обернулся к Наде:

— Мы все еще можем отменить взлет. Как пилот корабля, я могу принять такое решение в одиночку, но будет весомее, если вы меня поддержите.

— Я понимаю, — тихо ответила Надя. — Вы этого хотите?

— Не знаю. Знаю лишь, что, если мы сейчас взлетим, нас ждут большие проблемы, а может быть, и катастрофа. Однако, если отменить старт...

— Может пострадать весь проект «Прометей». Вы об этом подумали, да?

— Да, об этом. Проект стоил чертову уйму денег, люди уже начинают ворчать, а пресса делает на этом недовольстве свою игру. Впрочем, в вашей стране подобных проблем не существует.

— Существуют, только на другой манер. У нас есть Политбюро. Оно может собраться как-нибудь ночью на чрезвычайное совещание, и на следующее утро Полярный будет назначен министром свиноводства, а проект «Прометей» прекратит свое существование. Так как же нам быть?

— Если мы согласимся на старт, то рискуем жизнью.

— Мы рисковали уже тогда, когда согласились стать членами экипажа. Мне кажется, игра стоит свеч.

Патрик посмотрел на нее и после продолжительной паузы утрумо кивнул:

— Да, мне тоже всегда казалось, что эта игра стоит свеч. Но речь идет о другом. Если мы соглашаемся на старт, мы рискуем погубить все.

— Но если отказываемся, мы рискуем тем же самым.

— «Прометей» вызывается на связь, — раздался в наушниках голос Клетеника. — 9 минут до старта. Сообщите о вашей готовности.

Патрик посмотрел в глаза Наде, пытаясь найти в них ответ на свой вопрос. Но ведь она уже ответила. Надя была за взлет. А кто он такой, чтобы мешать этому? И его непосредственное начальство, и лидеры обоих государств желали, чтобы полет состоялся. Конечно, Патрик мог воспротивиться и положить делу конец. Это означало бы погубить свою карьеру, а возможно, навек похоронить и весь проект «Прометей». Какая огромная ответственность! Патрик обернулся к микрофону:

— К старту готовы. Полностью ли загружено топливо?

Флэкс обмяк в кресле, похожий на мешок картошки; он истекал потом. При словах Патрика неимоверное напряжение, в котором он находился, разом схлынуло. Итак, полет состоится. Разумеется, риск оставался, но тщательно разработанные программы, компьютеры и он, Флэкс, сумеют справиться с любой проблемой. Эта задача ему по плечу. Программа управления полетом решит любую головоломку, а пилотам останется только нажимать на кнопки. Сразу после старта «Прометей» принадлежит Флэксу. Пусть они там ходят себе в открытый космос, облучаются радиацией и дефилируют

перед ликующими толпами. Однако никто из космонавтов не смог бы занять место Флэкса у пульта. Он был как паук, находящийся в центре огромной паутины, как связующее звено между людьми и машинами, заставляющее работать и первых, и вторых. Ничего особенного не произошло — одна из машин на время вышла из строя, и он тут же исправил оплошность. Потом произошел небольшой сбой в человеческой зоне конструкции, однако Флэкс справился и с этим. Еще каких-то пять минут и...

— Время — 5 минут. Задержка, — объявил голос в Центре подготовки к старту. Флэксу показалось, что его по голове ударили топором — красная лампочка в зоне двигателей. Нарушена герметизация демпфера продольных жидкостных колебаний.

— Итак, дамы и господа, ровно за пять минут до старта произошла еще одна задержка. Уверяю вас, это известие никому здесь не доставило радости. Напряжение в Центре достигло высшей точки. Сейчас Билл Уайт, находящийся среди зрителей на обзорной балюстраде, поделится с вами своими впечатлениями. Билл, прошу.

На миллионах телеэкранов по всему миру вместо зала Центра управления стартом появилась обзорная балюстрада, находившаяся в пяти милях от «Прометей». Отсюда ракета казалась игрушечной; она возвышалась над горизонтом, но поблизости не было ничего такого, что давало бы возможность составить представление о ее размерах. И все равно лишь после продолжительных дискуссий было получено разрешение расположить места для зрителей в столь опасной близости от места старта. Но в конце концов начальство пришло к компромиссу: на балюстраде решили разместить гостей, так сказать, второго порядка. Тех, кем в крайнем случае можно было бы и пожертвовать. Если произойдет катастрофа, исчезновение нескольких журналистов, старых генералов и политиков вряд ли усугубит и без того кошмарные ее последствия. Разумеется, о значении подобного решения знали лишь на самом высоком уровне. Поэтому определенное количество пожилых джентльменов сочли приятным сюрпризом известие о том, что они включены в список почетных гостей. И вот на

экране появилось знакомое телезрителям морщинистое лицо Билли Уайта на фоне зрительской трибуны и торчавшего вдали силуэта корабля. В углу экрана тут же появилась увеличенная фотография «Прометей».

— На зрительских трибунах атмосфера не менее напряженная, чем в Центре подготовки старта и Центре управления полетом. Волнуются и все те, кто наблюдает за этим историческим событием по телевизору. Здесь, в Байконуре, уже почти вечер. Взлет запаздывает больше чем на два часа. Несколько секунд назад объявлена еще одна задержка. Нам остается только догадываться, как себя чувствуют сейчас наши астронавты, мужчины и женщины, находящиеся внутри этой гигантской ракеты. Они профессионалы и привыкли ко всякому, но даже им, наверное, сейчас не по себе. Вряд ли кто-нибудь из нас согласился бы поменяться с ними местами. Но астронавты ведут себя великолепно, и весь мир восхищается их мужеством. А теперь я хочу задать вопрос Гарри Сондерсу, ожидающему новостей в Центре управления стартом. Что-нибудь выяснилось, Гарри?

— Нет, все по-прежнему. Как раз сейчас вы можете увидеть на своих экранах «Прометей».

На телеэкранах возник крупный план «Прометей»: сначала сам корабль, потом огромные многоэтажные ускорители, окутанные дымом. Как только объектив телекамеры отъехал, Гарри Сондерс лихорадочно схватился за свои записи. Задержки отняли так много времени, что он уже не знал, у кого еще взять интервью и чем развлечь телезрителей. Скорей бы уж эта штука взлетела или взорвалась. У Гарри начал садиться голос. Шурша страницами, он профессионально ровным голосом описывал достоинства космического левиафана. Приходилось вдаваться в технические детали, чтобы чем-то занять время. Ага, вот и то, что он искал:

— Боюсь, вы все-таки плохо себе представляете, насколько громаден «Прометей». Если я скажу, что он высотой с сорокаэтажное здание, а весом не уступает авианосцу, это, должно быть, произведет на вас впечатление. Но все же вы не получите представления о всей сложности этого комплекса — ведь он представляет собой по сути дела семь автономных ракет. Наша программа передается не только по телевидению, но и по радио, и, конечно, обладателям телевизоров повезло больше. Подумайте только, как трудно жителю какой-

нибудь маленькой азиатской деревни, видевшему за всю свою жизнь лишь несколько несложных механизмов, представить себе подобное чудо техники. Проще всего конструкцию ракетного комплекса изобразить следующим образом: вытяните пальцы руки и потом согните их, чтобы они образовали с ладонью подобие трубочки. Представьте себе, что каждый палец — это ступень ракеты, оснащенная собственным двигателем, запасом топлива, насосными системами и всем прочим. Теперь возьмите авторучку с колпачком в другую руку и проденьте между пальцами. Приблизительно таков принцип конструкции «Прометей». Пальцы и ручка, которая называется корпусом ракеты, представляют собой единое целое, но в то же время состоят из совершенно автономных космических летательных аппаратов. Колпачок на вашей авторучке — это и есть сам «Прометей», та часть комплекса, которая выйдет на орбиту и останется там навсегда.

Во время старта заработают все ракетные двигатели. Самое мощное в мире топливо, смесь водорода с кислородом, будет всасываться и сгорать со скоростью 14 000 галлонов в секунду. При этом топливо не просто будет сгорать в таких огромных количествах, но будет еще постоянно подаваться из внешних ускорителей в корпус ракеты. Там есть и собственный запас топлива, но приток энергии из ускорителей должен заполнить корпус до предела. Когда отойдут ускорители и догорит топливо в основном корпусе, «Прометей» окажется на низкой орбите. Там корпус отделится от корабля, его миссия будет выполнена. Тогда «Прометей» включит свой собственный ядерный двигатель и поднимется на окончательную орбиту. Система, конечно, сложная, но надежная, ибо ускорители типа «Ленин-5» имеют в своем послужном списке немало успешных полетов, причем каждый раз они поднимали в космос все больше и больше полезной нагрузки. Кроме того... Минуточку... Да, я не ошибся, стартовые часы включились вновь! Задержка окончена! Будем надеяться, что больше проволочек не будет.

— Осталось две минуты, — сказал Патрик. — Отсчет стартового времени вошел в автоматическую фазу.

Теперь ничего остановить уже нельзя. — Он включил внутренний интерком. — Как дела в отсеке экипажа?

— Все в порядке, — ответила Коретта. — Никаких происшествий, биомониторы функционируют нормально, все параметры в пределах нормы.

— Это означает, что никто еще не помер от скуки или страха, — резюмировал Патрик. — Роджер. Вы можете слушать, как мы переговариваемся с Центром, но прошу хранить молчание до отстрела первой ступени. Внимание, экипаж! Приготовиться!

— Одна минута пятнадцать секунд.

Теперь стартом руководил компьютер, отдававший приказы и машинам, и людям. Он сам подключал и разъединял различные системы, сам вел подсчет до нуля.

— До старта одиннадцать секунд.

— Десять.

— Девять.

Металлическая башня дрогнула — это включились двигатели. Пламя било в глубокую яму, расположенную под основанием ракеты; «Прометей» окутался дымом и паром. В считанные секунды напор пламени должен был достичь стартового уровня, и тогда ракета оторвется от Земли.

— Три... два... один... старт!

Мощь двигателей как раз достигла точки, когда ее оказалось достаточно, чтобы чуть-чуть приподнять громаду «Прометей» над землей. Сразу же отошли опоры, и над ними взметнулось пламя. Казалось, сама Земля затрепетала под напором ракетных двигателей; воздух наполнился скрежетом, треском и стоном.

Медленно, очень медленно гигантская ракета поползла вверх.

— Есть отрыв!

Грохот. Вибрация. Скрежет. Векторные двигатели изо всех сил пытались удержать ракету в вертикальном положении, и Патрика то вдавливало в кушетку, то, наоборот, ремни безопасности начинали давить ему на грудь. Первые шесть секунд после старта считались самым критическим периодом — надо было подняться над опорами и набрать скорость. В момент старта включился полетный таймер; вместо 00:00:00 на табло появилось 00:00:01. Начался отсчет секунд Полетного Времени — ПВ.

00:00:04. Стала ощутимой гравитация, начинавшая прижимать астронавтов к кушеткам.

00:00:06. Первая опасность осталась позади. Все приборы работали нормально.

С каждой секундой напор двигателей возрастал. Нагрузка достигла четырех с половиной постоянных, потом пяти и выше уже не поднималась. Пять земных притяжений вдавливали космонавтов в гравитационные кушетки. Дышать стало почти невозможно. Каждый из членов экипажа прошел специальное обучение на центрифуге и умел дышать при сверхнагрузках. Главное — не выдыхать из легких весь воздух, иначе вдохнуть уже не удастся. Следовало набрать полную грудь воздуха и делать очень короткие вдохи и выдохи.

Давление и ускорение. Скорость. Двигатели пожирали 60 тонн топлива в секунду, поднимая ракету все выше и выше.

— «Прометей», старт завершен, — доложили из Центра подготовки к старту. Слова эти раздались в наушниках Патрика словно из далекого далека. На глаза ему давила гравитация, и он мог смотреть только прямо перед собой, как в туннеле. Повернуть голову было невозможно, однако следовало взглянуть на показания прибора.

— Приборы работают нормально.

— Приготовиться к отстрелу первой ступени в одну минуту тридцать секунд. Передаем вас Центру управления полетом.

— Роджер.

Неимоверная тяжесть по-прежнему давила на грудь, а на табло шелкали секунды ПВ. Казалось, что вибрация и перегрузка продолжают вечно, хотя на самом деле первая стадия полета длилась всего полторы минуты. Как только ПВ достигло отметки 00:01:30, двигатели отключились и наступило состояние невесомости. Патрик переключил микрофон на внутреннюю связь:

— Произошло отделение первой ступени. В течение нескольких минут мы будем находиться в состоянии невесомости, так что пусть ваши желудки привыкают к этому ощущению. Перед включением двигателей второй ступени я вас предупрежу. Сейчас ускорители накачивают в корпус ракеты топливо и кислород. Потом произойдет воспламенение... — Корабль содрогнул-

ся. — Вот оно! Попробую показать вам, как это выглядит. Телевизионной системой управляет Центр, но, думаю, я смогу передать изображение на ваши экраны.

На внешней обшивке корабля были установлены телекамеры, до поры до времени почти неразличимые в тени ускорителей. Патрик нашел три нужные кнопки среди многих сотен, находившихся на пульте, и нажал на них. Сначала на экранах была только чернота, потом вспыхнуло ослепительное пламя. Патрик навел изображение на фокус, и космонавты увидели, как первая ступень при помощи собственного автономного двигателя удаляется прочь, к поверхности Земли.

— Это Россия! Вон озеро Байкал! — воскликнула Надя.

— А вот вторая ступень, — продолжил Патрик. — Включаю камеру номер два. Теперь на экранах вы видите все пять ступеней. Центр управления, а у вас изображение нормальное?

— Лучше не бывает, «Прометей»! Отлично видно.

Ступени отделялись одна за другой и, медленно вращаясь, двигались к царившей внизу голубизне. Движением каждой из них управляла специальная наземная служба, находившаяся на Байконуре; орбита ступеней была тщательно рассчитана, ибо успех проекта «Прометей» зависел от того, удастся ли доставить ступени на Землю неповрежденными. Во время взлета они сохраняли стабильное вертикальное положение; при спуске им предстояло перевернуться двигателями вниз. Сопла при этом исполняли функцию тормоза, замедлявшего ускорение и балансировавшего ступень. По мере приближения к поверхности Земли включался автономный двигатель, для которого специально был оставлен определенный запас топлива, и ступень мягко приземлялась где-нибудь среди русских степей. По мере приземления ступени транспортировались на Байконур, где им предстояло принять участие в следующей стадии проекта — «Прометей-2». Ускорители должны были доставить на орбиту все многочисленные компоненты солнечного генератора — до тех пор, пока не будет достигнута последняя стадия — «Прометей-50». Однако проект начнет работать еще задолго до этого, снаб-

жая изголодавшийся по электричеству мир бесплатной энергией.

Все надеялись, что так и будет. Но пока до окончательной орбиты, находившейся на расстоянии 22 300 миль от Земли, было еще далеко. Корабль успел оторваться от земной поверхности на значительное расстояние, но все еще был связан с ней невидимыми узами гравитации. «Прометей» напоминал артиллерийский снаряд, которым выстрелили прямо в небо; снаряд достигает точки максимального подъема, а потом падает обратно. Точно так же ускорители подбросили «Прометей» на максимальную высоту, но недостаточно далеко, чтобы полностью вырваться из зоны земного притяжения.

— Кожух сброшен, сейчас воспламенится топливо в корпусе ракеты, — сообщил Патрик, не отрывая взгляда от табло ПВ. — Через две с половиной минуты двигатель выведет нас на более высокую орбиту. Все, пора!

Двигатель корабля в шесть раз уступал по мощности первоначальной стартовой системе, но все же был невероятно силен. На сей раз нагрузка возросла не так стремительно, но тем не менее снова достигла уровня пяти гравитаций. И тут, впервые с момента старта, произошел сбой. Внезапно корабль затрясся, вибрация становилась все сильнее и сильнее — и вдруг прекратилась.

— У нас пого-колебания! — резким голосом доложил Патрик.

— Давление восстановлено, пого-колебания под контролем.

Вибрация прекратилась и больше не возобновлялась. Астронавты вздохнули с облегчением — они знали, что худшее позади. Трое членов экипажа, впервые попавшие в космос, отныне могли считать себя ветеранами. Они благополучно пережили взлет; в момент включения двигателей, когда воображение рисует самые ужасные картины, они совершили подъем в космос, сидя в маленьком ящике, приютившемся на боеголовке самой большой химической бомбы в истории человечества. Мощная энергия, заключенная в оболочке этой бомбы, благополучно вынесла корабль в космос. А могла бы и взорваться. Вот почему астронавты испытывали такое облегчение. И Коретта, и врачи в Центре управления

полетом сразу заметили эту реакцию по показаниям датчиков, которые следили за пульсом и кровяным давлением членов экипажа. В Центре люди тоже немного расслабились, хоть работы у них по-прежнему хватало; меньше стало хмурых лиц, многие заулыбались. Флэкс достал свою традиционную победную сигару и принялся ее жевать. Но пока не раскуривал.

Все шло по плану.

— Двигатель отключен, — спокойно сообщил Патрик. — Центр, какова наша орбита?

— Четыре нуля. Было бы пять нулей, да вкралась единичка.

Таким образом, ошибка при выходе на орбиту составляла 0,00001, то есть точность была почти идеальной. Патрик потянулся, отстегнул ремни и громко сказал:

— Мы вышли на нижнюю орбиту, но прошу вас пока не покидать кушеток. Я отправляюсь к вам.

Он отделился от кушетки и взмыл к потолку.

— Надя, я пошел поднимать боевой дух личного состава. Возьмите управление на себя, ладно?

— Нет проблем, вас поняла.

Приблизившись к люку, ведущему в соседний отсек, Патрик ухватился за переборку, чтобы затормозить. Его ноги медленно поднялись кверху и уперлись в стену. Движение тела прекратилось. Патрик вплыл в отсек экипажа головой вперед.

— Весьма драматичное появление, командир, — прокомментировала Коретта, глядя, как Патрик в полете пересекает помещение, направляясь к ней. — А скоро нам можно будет попробовать?

— Как только мы выйдем на окончательную орбиту. Как у вас тут дела?

Подлетев к ее кушетке, Уинтер согнул руки и остановился. Первым делом он проверил, хорошо ли закреплены ремни. Коретта кивнула и улыбнулась:

— Сейчас все в порядке. Но что это была за безумная тряска?

— Вы имеете в виду пого-колебания?

— Они так называются?

— Да. По мере опустошения топливного бака возникают упругие продольные колебания, приводящие к повышенной вибрации двигателя. Ракета оснащена спе-

циальной системой демпферов, ослабляющих пого-колебания.

— У меня чуть пломбы из зубов не вылетели.

— А как дела у вас? — обернулся Патрик к остальным членам экипажа.

После минутного колебания Григорий нерешительно произнес:

— Боюсь, что невесомость и тряска застали меня врасплох. У меня произошел небольшой казус... с кишечником. — Сальников едва заметно покраснел. — Слава Богу, есть пластиковый мешок, так что все обошлось.

— Ничего, бывает, — успокоил его Патрик. — Это наше профессиональное заболевание. Сейчас вы в порядке?

— Да, все нормально. Мне так неудобно.

— Ерунда. Когда мы снова окажемся на Земле, я расскажу вам кое-какие пилотские байки на эту тему.

— Только не сейчас, пожалуйста, — попросил Элай, не отрывая глаз от какого-то французского романа.

— Разумеется. Теперь пару слов о положении дел. — Все космонавты стали внимательно его слушать, даже Элай. — Мы находимся в 130 километрах от поверхности Земли и продолжаем подъем. Ускорители отделились, но в корпусе ракеты еще осталось топливо. Произойдет еще один выброс пламени, перед тем как отделится последняя ступень. После того как Центр управления полетом произведет окончательный расчет орбиты и вернет на Землю последнюю ступень, мы будем предоставлены самим себе. Тогда за дело примется Элай.

— Ну наконец-то, — заметил доктор Брон. — Мне надоело быть пассажиром, и я с нетерпением жду момента, когда у знаменитого доктора Брона и его волшебного ядерного двигателя появится возможность показать себя во всей красе. Двигатель мой маленький, ему далеко до многокилотонных чудовищ, которые мы сбросили, но зато он жутко старательный, усердный, и вы еще увидите, как мой двигатель запыхтит, закрехтит и самым лучшим образом выведет нас на идеальную орбиту.

— Будем надеяться. Вопросы есть? Полковник?

— А не пора ли подкрепиться?

— Хороший вопрос. Со всеми этими задержками я сам умираю от голода. Я бы предложил нам перекусить прямо сейчас, но, боюсь, не хватит времени. У вас есть тюбики с лимонадом, так что можете попить. Обед устроим, как только окончательно выйдем на первую орбиту. А потом Элай приступит к подготовке своего двигателя.

Патрик перелетел обратно в отсек пилотов и снова пристегнулся к кушетке.

— Сколько остается времени? — спросил он.

— До запуска двигателей примерно три минуты, — ответила Надя, посмотрев на табло ПВ.

— Хорошо. Беру управление на себя.

Патрик снял предохранительную крышечку и положил палец на кнопку зажигания. Компьютер довел отсчет времени до нуля, и в тот же самый миг Патрик продублировал автоматическую команду и нажал на кнопку — на всякий случай.

Загудели насосы, двигатель включился.

Он работал на полную мощность ровно три секунды. Потом произошел взрыв.

Глава 13

ПВ 00:35

Сила взрыва вдавила Патрика в гравитационную кушетку, на миг в глазах у него потемнело. Он мотнул головой и, когда зрение прояснилось, увидел на пульте множество красных лампочек. В наушниках звучали голоса — пилота вызывали и из Центра, и по интеркому; Надя тоже что-то ему кричала.

Уинтер заставил себя не обращать внимания на все эти призывы и сконцентрировался. Приборы. Двигатель. Автоматическое выключение двигателя. Ручное выключение. Насосы, топливо, защитная блокировка. Корабль вращался вокруг собственной оси. В иллюминаторе возник земной шар и тут же исчез. Патрик взглянул на табло ПВ и стал ждать, пока земной шар появится вновь, чтобы высчитать ротацию. Затем отключил связь по интеркому, потому что голоса членов экипажа отвлекали его.

— Следите за управлением, пока я буду говорить с Центром, — сказал он Наде, нажав на переключатель. — Центр управления полетом, вы меня слышите?

— Да, у нас тут...

— Докладываю о состоянии корабля. Произошел сбой в работе двигателей ракеты. Датчики двигателя номер три не работают, возможно, там произошел взрыв. Остальные двигатели отключились. Подача топлива пре-

кращена. Горючего осталось одиннадцать процентов. Мы вращаемся вокруг собственной оси с периодичностью примерно двенадцать секунд. Сообщите мне данные об орбите и техническом состоянии корабля. Слушаю вас.

— Перигей орбиты 84,63 мили. Время вращения вокруг Земли — 88 минут. Наши приборы показывают, что давление внутри корабля понизилось. Можете сказать точнее?

— Да. 7,3 фунта. У вас что-то не то с датчиками. Могли бы я прекратить вращение?

— Нет, не можете. Повторяю, нельзя. — Впервые в голосе Флэкса прозвучало что-то похожее на волнение. — Прежде всего мы должны определить степень ущерба.

Патрик включил интерком:

— Все слышали, что сказал Центр?

— Я слышала, но ничего не поняла, — ответила Коретта.

— Произошел сбой в работе одного из двигателей, — объяснил Патрик. — Размер ущерба выясняется. Как вам известно, наш двигатель состоит из четырех секторов, функционирующих одновременно. Один из секторов вышел из строя, все его датчики не работают. Полагаю, произошел какой-то серьезный сбой...

— Ты хочешь сказать, что он взорвался? — спросил Элай.

— Да, это возможно. Но как бы то ни было, остаются три остальных.

— Это ты так думаешь.

— Элай, заткнись, ради Бога. Мы пока еще не знаем, что у нас есть, а чего у нас нет. Давай сначала выясним это, а паниковать будем потом. У нас остается достаточно топлива, чтобы произвести маневр, и кроме того, мы находимся уже на орбите. Единственная проблема, стоящая сейчас перед нами, — это вращение вокруг собственной оси. Я прекращу его, как только получу разрешение от Центра.

— Вы говорите, что мы уже на орбите, — медленно сказал полковник. — Могли бы я спросить, что это за орбита?

Патрик заколебался.

— Я точно не знаю. Постараюсь получить данные о ней как можно скорее. Мы находимся на высоте при-

мерно в 140 километров и вращаемся вокруг Земли с периодичностью 88 минут.

— 85 миль — это недостаточно высоко, — заметил Элай.

— А по-моему, выше некуда, — вмешалась Коретта.

— Достаточно, достаточно, — сказал Патрик, стараясь не выдать своей тревоги. — 99% земной атмосферы уже под нами. А теперь я должен выйти на связь с Центром.

Прошло еще пять минут, прежде чем Центр управления полетом сообщил, что компьютеры обработали всю поступившую информацию.

— Хорошо, «Прометей», — сказал Флэкс. — Вам разрешается стабилизировать движение корабля. Советую экономить топливо.

— Это я понимаю, — ответил Патрик. — Приступаю к маневру.

Этот маневр не предусматривался первоначальным планом. Топливо, которое потребуется для его осуществления, предназначалось для стабилизации корабля на окончательной орбите. Но если не прекратить вращение «Прометея» вокруг собственной оси сейчас, то достичь этой орбиты так и не удастся. Придется обойтись минимумом горючего и надеяться на то, что его хватит для последующих маневров. Патрик коротко нажал на кнопку зажигания, и вращение уменьшилось, но не прекратилось.

— Придется еще раз, — сказала Надя.

— Сам вижу, — утрюмо буркнул Патрик. — Внимание, включаю.

Еще несколько коротких манипуляций реактивными маневровыми двигателями, и вращение было окончательно остановлено. В иллюминаторе медленно возник земной шар, единственный надежный ориентир, и остался на месте. Горизонтальные сенсоры произвели коррекцию и стабилизировались.

— В маневровых двигателях остался 71% горючего. Отличная работа, Патрик.

— Ну вот, а на окончательной орбите по предварительному расчету понадобится не больше 50%. Так что запас еще есть. — Уинтер включил связь. — Вызываю Центр управления полетом. Вращение остановлено, положение корабля стабилизировано. Есть ли данные о состоянии корпусных двигателей?

— Пока нет. Мы пропускаем программы через компьютер. Нужны еще кое-какие данные, прежде чем будет получен результат. Вы готовы выслушать наши рекомендации?

— Готовы. Только, Флэкс, давай побыстрей. Мне не нравится эта орбита, я хочу отсюда выбраться как можно скорее.

— Вас понял. Включите ваш п-20 в режим с-64. О результатах немедленно сообщите.

Пока Патрик проверял схему и вводил команду в компьютер, Надя включила интерком и рассказала остальным членам экипажа о положении дел.

— Надя, можно уже отстегнуться? — спросил Григорий. — Хочется немного размяться. Меня тут клаустрофобия одолела.

В его голосе слышались первые признаки волнения — он звучал еще не панически, но уже с надрывом. Самые утомительные тренировки — все равно не более чем подготовительные упражнения. Главное испытание — сам космический полет, и к нему никогда нельзя подготовиться полностью. Надя уловила тревожные нотки в голосе Сальникова, но решила, что это может подождать.

— Пожалуйста, не отстегивайся. В любой момент мы можем снова включить двигатели — как только получим приказ компьютера. Если не пристегнуться, можно получить серьезную травму.

— А как насчет перекусить, Наденька? — спросил полковник. — Вы, наверное, даже по интеркому слышите, как у меня бурчит в животе.

— Ах вот что это был за звук, Володя. А я думала, что это двигатель сам включился. — Кто-то из членов команды хмыкнул на эту шутку, но смеха не последовало. — Боюсь, вам тоже придется потерпеть. Как только выйдем на орбиту, можете делать все, что хотите.

— Но мы ведь уже на орбите, — вмешалась Коретта. — Нельзя ли задержаться здесь чуть подольше? Какая разница? Извините, если я говорю глупости.

— Мы находимся на очень низкой орбите, — объяснила Надя. — Сразу над земной атмосферой. Мы вообще не должны были здесь задерживаться.

— А что произойдет, если мы тут задержимся? — спросила Коретта.

В самом деле, подумала Надя, что произойдет? Может быть, они находятся на утасающей орбите? И долго ли это еще продлится? Ответы на все эти вопросы нужно было получить как можно скорее. Усилием воли она отогнала страх и спокойно ответила:

— Ничего особенного не случится. Если мы останемся на этой орбите, то просто будем вращаться вокруг земного шара с периодичностью 88 минут. Но скоро мы отсюда выберемся. Минуточку, с вами будет говорить Патрик...

— Говорит командир корабля. Компьютер обработал всю имеющуюся информацию и дал заключение. Один из двигателей явно вышел из строя, и мы его заблокировали. Будем работать на двух противоположных секторальных двигателях — втором и четвертом. Двигатель № 1 тоже будет отключен, чтобы не нарушать баланса...

— А нам хватит мощности двух двигателей? — спросил Элай.

— Конечно, доктор Брон. Для отрыва от поверхности Земли нам нужны были все четыре двигателя плюс дополнительные ускорители. Теперь же мы находимся на орбите, а это значит, что вполне достаточно и меньшей мощности. Просто переход на следующую орбиту займет несколько больше времени, вот и все.

— Не пудри мне мозги, Патрик, — взъерился Элай, впервые скинув маску холодного цинизма. — Я знаком с орбитальной механикой не хуже, чем ты. И говорю я совсем о другом: как составить программу движения на ослабленном двигателе, чтобы не промахнуться и попасть точно на заданную орбиту? Ведь на составление такой программы требуются часы, а то и дни.

— Извини, Элай, мне не следовало так с тобой разговаривать. Просто я устал, как и все мы, впрочем. Разумеется, ты абсолютно прав. Но во время подготовки к полету мы заготовили программы практически на все случаи жизни. Есть программа и для нашей ситуации. Центр управления полетом как раз сейчас вводит ее в наш компьютер.

Патрик отключил интерком и занялся обработкой информации, поступающей из Центра. По сути дела, ему отводилась роль наблюдателя — компьютер всю основную работу взял на себя. Он считывал показания приборов и переправлял данные на Землю. Сигнал по-

ступал на релейную станцию или один из спутников, которые отсылали его в Центр. Как только поступившая информация проходила обработку, из Центра компьютеру «Прометей» посылалась кодированная команда.

— Включайте двигатель в 01:07:00, — сказали из Центра.

— Роджер. Членам экипажа подготовиться и проверить пристяжные ремни. Двигатели будут включены примерно через две минуты, в 01:07 по часам ПВ.

Секунды летели быстро, и все же казалось, что время остановилось. Наконец момент настал: три секунды, две, одна...

Патрик напрягся, подготовившись к толчку. Но ничего не произошло — ровным счетом ничего.

— Вызываю Центр управления полетом. Зажигания не произошло.

— Совсем? — с нескрываемой тревогой спросил Флэкс.

— Двигатель даже не фыркнул. Ни одна лампочка на пульте не зажглась. Вы там у себя хорошо все продумали?

— Да, хорошо, Послушай, Патрик. Мы делаем все, что в наших силах. Сейчас программу прогонят еще раз, чтобы проверить, нет ли каких-то дефектов. Потом мы назначим вам новое время старта, и ты включишь двигатели вручную.

— Спасибо, Флэкс, я рад, что вы там всю трудитесь. Не сомневаюсь, что твои люди обливаются потом и зарабатывают себе язву желудка. Но у них твердая почва под ногами, а мы тут болтаемся в космосе. Ты получил данные о нашей орбите?

— Пока нет.

— Флэкс! Ты мне ради Бога не ври. Ваш компьютер имеет достаточно данных о нашей орбите, чтобы уже дать ответ.

— Вы находитесь на высоте...

— Я знаю, на какой высоте мы находимся и с какой скоростью вращаемся вокруг Земли. Ты мне скажи лучше, это утасающая орбита или нет? Сколько нам тут висеть, прежде чем мы войдем в слои атмосферы и покатымся вниз?

— Я пока не могу точно ответить на этот вопрос...

— СКОЛЬКО У НАС ВРЕМЕНИ, Я СПРАШИВАЮ!?

— Ладно-ладно, Патрик, успокойся. У нас есть заключение, но оно носит предварительный характер. Надо еще раз обработать данные, и тогда я дам тебе ответ. Пока же очень приблизительно, с допуском в 70%, позволю себе предположить, что на этой орбите «Прометей» может оставаться примерно 36 часов.

— То есть всего один день?

Надя, широко раскрыв глаза, посмотрела на Патрика. Она тоже слышала. Он медленно ей кивнул, даже не пытаясь изобразить улыбку. После долгой паузы Уинтер сказал:

— Послушай, что я тебе скажу, Флэкс. Нам нужно немедленно уносить ноги с этой орбиты, иначе «Прометей» превратится в метеорит, который всего через один день прожжет здоровенную дыру в атмосфере. Сделай так, чтобы двигатели заработали. Если не получится, пусть твои мальчики придумают что-нибудь еще. Нам нужны расчеты на случай, если придется выбираться с этой орбиты на одном ядерном двигателе. Мы тогда отстрелим корпус ракеты и будем дальше двигаться сами. Ты понял меня?

— Понял, и очень хорошо. Мы уже прорабатываем такой вариант на компьютере. Ты готов к новому пуску?

— Роджер.

— Я буду считать тебе сам, включайся на нуле. Десять, девять, восемь...

И на сей раз зажигание не включилось, хоть Патрик со всей силы тыкал большим пальцем в кнопку пуска.

— Ну ладно, что дальше? — прокричал он. — Вы сможете наладить эти чертовы двигатели или нам нужно отсоединяться?

— Через несколько минут будете отсоединяться. Мы должны быть уверены, что у вас хватит времени подготовить ядерный двигатель к пуску.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — прорычал Патрик, отключив связь, и обратился к экипажу: — Вы все слышали? Мои переговоры с Центром должны были транслироваться и по интеркому.

— Слышали, — ответила Коретта. — Но, извините за глупость, я ничего не поняла.

— Да просто дело в том, — ответил Элай, — что если оставить все как есть, то примерно через сутки войдем в плотные слои атмосферы и превратимся в очаровательную падающую звезду вроде тех, которыми

любят восхищаться влюбленные по ночам. Чтобы избежать такого исхода, мы надеемся — я полагаю, что «надежда» самое подходящее тут слово, — использовать мой ядерный двигатель, имеющий весьма слабую мощность и не предназначенный для подобных целей. Радует в данной ситуации лишь одно: я уже успел просчитать эту ситуацию на своем калькуляторе. У компьютера, конечно, получится лучше, но я уже сейчас могу вам сказать, что мы, наверное, сумеем выбраться на моем двигателе с этой орбиты. Только нужно освободиться от мертвого груза у нас на хвосте и поторопливаться. Итак, я отстегиваюсь и иду к двигателю.

— Нет! — крикнул Патрик. — Пока я не скажу, ты останешься на месте. Я должен доложить в Центр. Центр управления полетом, вы меня слышите?

— Роджер, «Прометей». Мощности ядерного двигателя вам для проведения нужного маневра хватит, и запустить его следует как можно скорее. Подготовьтесь к отделению последней ступени.

Элай рассмеялся:

— То же самое, что сказал я, только многословнее и напыщеннее. Скажи им, чтоб скорее отсоединили болты или чем там у них корпус крепится, а я выберусь из своей койки и подготовлю двигатель.

— *Отделение ступени!*

Взрывы, предназначенные для уничтожения креплений, соединявших последнюю ступень ракеты с самим «Прометеем», в их отсеке были едва слышны. Патрик включил телекамеру и передал сигнал в Центр управления полетом. Теперь отделившаяся ступень поступала в их распоряжение, именно им предстояло благополучно опустить ее на поверхность Земли. Если, конечно, они сумеют с ней справиться.

— Вы только посмотрите! — хрипло воскликнул вдруг Патрик. — Центр, смотрите на экран! Видите? Она не отделилась! Висит косо, но по-прежнему прицеплена к кораблю. Наверное, одно из соединений не взорвалось. Не знаю, что там стряслось, но эта штука-вина все еще здесь, а стало быть, мы не можем включить ракетный двигатель! Центр управления, вы меня слышите? Немедленно решайте что-нибудь! Иначе наш корабль станет самым большим метеоритом, какой когда-либо видело человечество.

Глава 14

ПВ 01:38

— Это значит, что придется перебирать всю первую полосу, а мы и так на сорок минут опаздываем, — сказал метранпаж, глядя на новый макет.

— **Делай что хочешь. Хоть маму родную в печатный станок засунь,** — сказал главный редактор. — **Материал подоспел в самый раз. Я бы и сам решил его печатать, но тут соизволил позвонить Всевышний, так что это даже не мое, а Его решение.**

Когда владелец газеты что-то приказывал, сотрудники повиновались беспрекословно. Последнее время тираж «Газетт-таймс» постоянно падал, поэтому любая возможность исправить положение была кстати. Метранпаж открыл дверь своего застекленного кабинета, находившегося в углу наборного цеха, и направился к машинам. Наборщики даже не оглянулись на него — они размещали по полосе иллюстрации. Метранпаж был настолько поглощен своими заботами, что чуть не сбил с ног худенького человечка, который бросился к нему, размахивая какими-то бумагами.

— Уйди, Купер, не вертись под ногами.

— Да ты посмотри, что я принес. Это срочно!

Редактор отдела науки потряс своей растрепанной шевелюрой; прядь длинных волос упала ему на глаза.

Когда Купер волновался, он начинал грызть ногти на своих заляпанных чернилами руках.

— Не сейчас, позже. Нам придется перекраивать всю газету. Потому что так распорядился сам Всевышний. У меня нет времени возиться с твоей ерундой. Что-нибудь сенсационное на дезодорантном фронте?

— Нет-нет. Ты только послушай. Эта ракета...

— Отстань! Твоей ракетой у меня вся первая полоса забита. Через двадцать четыре часа она сгорит, а с ней вместе шестеро ни в чем не повинных людей.

— Что у вас тут за крик? — втиснулся между ними главный редактор.

— Сэр, я пытаюсь его остановить. Нужно изменить первую полосу. У меня потрясающая статья!

Главный редактор развернулся и внимательно посмотрел на взволнованного Купера. Как знать, вдруг в самом деле сенсация?

— Купер, даю вам 60 секунд. И смотрите не разочаруйте меня.

— Не разочарую, сэр. Это невероятно! Я имею в виду ракету, сэр, «Прометей», который находится сейчас на утасающей орбите. Так вот, очень вероятно, что через какие-то сутки «Прометей» войдет в слои атмосферы и сгорит.

— Но этому и посвящена наша передовая статья.

— Сэр, это еще не все! «Прометей» — это самый большой летательный аппарат, когда-либо запущенный в космос. Он весит две тысячи тонн, а это не шутки. Когда «Прометей» войдет в атмосферу и сгорит, это будет потрясающее зрелище...

— Послушайте, Купер. Наш обозреватель излагает все это гораздо живописнее, чем вы. Положите вашу статью мне на стол. Я потом прочту.

Главный редактор хотел было уйти, но Купер с отчаянием крикнул ему вслед:

— Подождите, сэр! Ради Бога, послушайте! А что если «Прометей» не сгорит? Вдруг он свалится на нас с небес?

Главный редактор замер на месте. Потом медленно обернулся и свирепо уставился на Купера. Голос его был холоднее арктического льда:

— Ну? Так что же произойдет, если «Прометей» не сгорит?

— Понимаете, — лихорадочно зашелестел бумажками Купер, — я, конечно, взял крайний случай, то есть идеальное сочетание скорости, массы, угла падения и так далее. Идеальное — в том смысле, что при данных условиях скорость будет максимальной. Понимаете, инерция и масса скорости вращения уравнивают силу удара маленького, но быстро летящего объекта с большим, но летящим медленно. Теперь представьте себе, что гигантский объект ударяется о Землю, двигаясь с головокружительной скоростью. Вот что может произойти с «Прометеем». По моим подсчетам, мощь взрыва будет равна десяти килотоннам ТНТ.

— Переведите это на человеческий язык, пожалуйста.

Купер нервно переминался с ноги на ногу, засовывая в рот уже чуть ли не всю пятерню, так что слова разобрать было непросто.

— Ну, представьте себе, что ракета упадет на населенный пункт, скажем на город. Взрыв по мощи будет примерно равен атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Радиоактивности, конечно, не будет, но взрывная волна...

— Да, разумеется. Вы молодец, Купер. Немедленно отредактируйте свою статью и отдайте на перепечатку. И поживее!

Главный редактор вынул пачку сигарет, извлек оттуда последнюю остававшуюся, зажег и бросил пустую пачку на пол. Потом взглянул на метранпажа.

— Ты слышал, что я сказал. Еще раз перемакетируй первую полосу. Мне наплевать, сколько времени мы на этом потеряем. У нас тут сюжет века. Ты представляешь, что будет, если эта летающая бомба свалится на город? А вдруг она свалится на нас?

Он внезапно запнулся и посмотрел вверх. Метранпаж тоже.

Глава 15

ПВ 02:19

Этим серым утром улицы Вашингтона были забиты транспортом. Мотоциклисты эскорта делали все возможное, но «кадиллак» все равно еле полз вдоль шоссе. За Цепным мостом на выручку подоспело несколько полицейских автомобилей. Они включили сирены, и эскорт помчался по полосе встречного движения, распутивая немногочисленных водителей, двигавшихся из центра за город.

Генерал Бэннерман, грузно сидевший на заднем сиденье «кадиллака», ненавидел весь божий свет. Минувшей ночью он провел в постели не более часа, к тому же глаз не сомкнул. Этот сукин сын, капитан, вломился так неожиданно! Полицейские из сопровождения, наверное, даже не знали, кто сидит в автомобиле и почему этого человека необходимо в такую рань доставить к Белому дому. Но сукин сын, капитан, знал все. Должно быть, он плучил адрес у адъютанта Бэннермана — больше генерал никому не сообщал, где будет. Капитан приехал на «кадиллаке», ворвался в спальню и даже успел разглядеть блондинку, лежавшую в постели рядом с генералом. Правда, Бэннерман тут же велел ему выметаться и ждать за дверью. На углу улицы к «кадиллаку» присоединились мотоциклисты. Вот, собственно, и все — Бэннерман понятия не имел, что стряслось. Он

потер свою массивную нижнюю челюсть и нащупал царапину — вот что значит бриться в спешке.

— Капитан, вы ведь не работаете у меня в штабе? — спросил он у офицера, сидевшего за рулем.

— Нет, сэр. Я состою в группе спецсвязи при Белом доме.

Бэннерман проворчал что-то себе под нос и широко зевнул.

— Если вы устали, сэр, в баре есть бензадрин, — сказал капитан.

— Почему это вы решили, что я устал?

— Вы ведь ушли с банкета в пятом часу ночи, сэр.

Превосходно — значит, за ним следят! Бэннерман всегда это подозревал, но считал, что поддается типично вашингтонской паранойе. Он достал из бара хрустальный бокал, плеснул туда воды и запил ею таблетку из зеленой бутылочки. Хотел было поставить бокал на место, немного поколебался и налил себе виски.

— Насколько я понимаю, капитан, вы неплохо осведомлены о моей жизни. Вы считаете, что это правильно?

— Не знаю, правильно это или нет, сэр, но приказы выполнять я умею. За вами следит секретная служба — разумеется, чтобы обеспечивать вашу охрану. Я же всего лишь связной.

Капитан мельком взглянул на генерала; у него хватило такта обойтись без понимающей улыбки или подмигивания — лицо его было подчеркнуто серьезным.

— Вы хозяин своей жизни, но мы должны знать, где вы находитесь, чтобы в случае чего иметь возможность вас защитить. И мы умеем не быть навязчивыми.

— Надеюсь, черт подери. Вы знаете, из-за чего весь сыр-бор?

— Нет, сэр. Мне лишь дали этот адрес и велели доставить вас в Белый дом как можно скорее.

Бэннерман кивнул и стал смотреть на проносившиеся мимо особняки с колоннами. Он кивнул еще раз, подлил себе виски. Без содовой. Генерал привык почти не спать, еще когда командовал бронетанковой дивизией. Чего-чего, а выносливости ему было не занимать. В 61 год он выглядел на десять лет моложе, а энергией не уступил бы и сорокалетнему. Всего час назад ему сказала об этом Берил, а уж кому и знать, как не ей. Бэннерман улыбнулся. Какого же черта понадобилось Бэндину в столь ранний час? Наверное, снова арабы. С

ними одни проблемы. С тех пор как Бэннермана назначили руководить Объединенным комитетом начальников штабов, все экстренные совещания были связаны либо с нефтью, либо с арабами.

«Кадиллак» затормозил возле неприметного заднего подъезда Белого дома. Двое часовых отсалютовали генералу, и он тоже отдал им честь. В вестибюле уже топтался маленький лизоблюд Чарли Драгони, переминаясь с ноги на ногу, словно ему не терпелось сбежать в сортир. Драгони жестом показал на лифт:

— Генерал Бэннерман, вы последний, вас все ждут.

— Очень любезно с их стороны, Чарли. Что тут у вас стряслось?

— Пожалуйте в лифт, генерал.

«Чтоб ты провалился», — подумал Бэннерман. Этот мальчик на побегушках при Бэндине в последнее время стал слишком нахален. Поднимаясь в лифте, генерал мечтал о том, как бы он погонял Драгони, окажись тот у него в подчинении.

Морской пехотинец отворил высокую дверь, и Бэннерман, подавив раздражение, затопал по коридору, стараясь погромче звенеть своими кавалерийскими шпорами. Он знал, как это действует на нервы окружающим, и потому старался вовсю. Бэндин сидел во главе длинного стола красного дерева. Рядом с ним был Шлохтер, а третьим участником совещания, к удивлению Бэннермана, оказался Саймон Дилуотер. Очень интересно. Государственный секретарь, руководитель НАСА и командующий Объединенным комитетом начальников штабов. Какая проблема могла объединить всех этих людей? Ответ напрашивался сам собой.

— Что-нибудь не так с «Прометеем», мистер президент?

Лучший метод обороны — мощное наступление.

— Черт бы вас побрал, Бэннерман! У вас что, радио не работает? Из-за чего еще мы могли собраться?!

Бэннерман придвинул стул и медленно сел.

— Я допоздна работал в штабе, а потом лег спать и дрых как убитый, — холодно ответил он.

На лицах присутствующих ничего не отразилось, даже у Драгони. Может быть, капитан сказал правду, а сотрудники секретной службы умеют держать язык за зубами.

— Введите его в курс дела, Дилуотер, и, по возможности, коротко,

— Разумеется, сэр. У «Прометей» серьезные проблемы. Старт прошел успешно, все ступени благополучно отделились и приземлились согласно плану. Но двигатель корпуса ракеты, то есть последней ступени, не сработал, и она не смогла отделиться от корабля.

— Значит, она все еще там? — деловито нахмурился Бэннерман.

— Отчасти, — ответил Дилуотер.

— На какой высоте они находятся?

— В перигее примерно 85 миль.

— Но это чертовски низкая орбита!

— Да, точнее не скажешь.

— Что вы предпринимаете?

— Мы все еще пытаемся отделить ступень. Тогда «Прометей» сможет выйти на окончательную орбиту при помощи своего ядерного двигателя.

— Вам надо поторапливаться. Эта орбита наверняка угасающая. Сколько у них остается времени?

— По нашим расчетам примерно 33 часа.

Бэннерман забарабанил по столу; его мысль лихорадочно работала.

— Если ракета сгорит, это будет стоить нам пары миллиардов долларов, а возможно, и всего проекта.

— Меня больше беспокоит жизнь шести космонавтов, — холодно ответил Дилуотер.

— Неужели, Саймон? — генерал выдержал паузу. — Нужно вывести корабль на стабильную орбиту, причем срочно.

— Вот именно! — взорвался Бэндин. — Шевелите мозгами, Дилуотер. На карту поставлен наш национальный престиж. Нам нужно помнить и обо всем проекте, и о проклятых русских, и об Организации Объединенных Наций, которая в кои-то веки нас поддерживает, и о следующих выборах, и о многих других вещах. О космонавтах мы подумать еще успеем. Сейчас нам не до них. Шлохтер доложит вам, что сказал по этому поводу Полярный, а Драгони тем временем разузнает, не выяснилось ли чего-нибудь нового. Самая неотложная задача — подкинуть эту штуковину вверх, пока она не рухнула. Остальное не имеет значения. Ни малейшего!

Драгони, со скромным видом сидевший у маленького столика возле двери, потянулся к телефону. Однако тот зазвонил сам. Драгони снял трубку, выслушал сообщение, а потом тихонько подошел к Бэндину и стал ждать, пока тот соизволит обратить на него внимание.

— Ну что там? Какие новости?

— Я еще не звонил, господин президент. Только что поступило срочное сообщение от вашего пресс-секретаря. Он сказал, что одна из нью-йоркских газет напечатала сенсационную статью о «Прометее».

— Да что они там могут в Нью-Йорке знать такого, чего не знаем мы?

— Он этого не сказал, сэр. Но по Эн-би-си через три минуты будет передаваться экстренный выпуск новостей. Пресс-секретарь говорит, что вам стоит его посмотреть.

— Позвони ему и выясни, что значит вся эта чепуха.

— Я думаю, будет разумнее включить телевизор, — спокойно заметил Бэннерман. — Тогда мы все узнаем сами.

— Да, вы правы. Идемте в мой кабинет.

Они прошли в соседнее помещение, и Бэндин опустился в кресло, стоявшее возле огромного письменного стола. Одна из стенных панелей, украшенная портретом Джорджа Вашингтона, отодвинулась, и за ней открылся 72-дюймовый телеэкран. Еще одно нажатие кнопки, и перед глазами сосредоточенных зрителей предстали два куска мыла, которые немного потанцевали под этюд Шопена, а потом нырнули в тазик с водой. Рекламу сменило лицо обозревателя Вэнса Кортрайта, показанное крупным планом. Знакомая миллионам телезрителей улыбка отсутствовала; лоб комментатора пересекала не менее знакомая серьезная складка. Это означало, что сообщение будет невеселым. Кортрайт разложил перед собой несколько листов бумаги и торжественно заговорил, глядя прямо в камеру:

— Доброе утро, леди и джентльмены. Многие из вас вчера допоздна сидели у телевизоров, наблюдая за величественным стартом «Прометеев», а затем отправились спать, пребывая в уверенности, что самый крупный космический полет в истории человечества проходит нормально. То же самое вы могли прочесть и в выпусках сегодняшних утренних газет. Лишь из самых последних сводок радио и теленовостей вы узнали, что

ситуация драматическим образом изменилась. Не сработали двигатели корпуса ракеты — последней ступени, которой предстояло вывести «Прометей» на окончательную орбиту. В настоящее время корабль находится... — Кортрайт заглянул в бумаги, — примерно в 86 милях над поверхностью Земли. Он вращается вокруг нашей планеты с периодичностью в 88 минут.

Лицо комментатора исчезло, и вместо него появился рисунок, изображающий «Прометей» в космосе, соединенный с последней ступенью.

— Мысленно мы сейчас с шестью доблестными астронавтами, запертыми в космической ловушке. Если не удастся включить двигатели последнего ускорителя, «Прометей» не сможет выйти на запланированную орбиту, где ему предстояло положить начало крупномасштабному проекту снабжения солнечной энергией изголодавшегося по электричеству мира. В настоящий момент астронавты этого сделать не могут; не могут они и вернуться на Землю, ибо «Прометей» предназначался для постоянной работы в космосе. У корабля слишком мало мощности и горючего, чтобы самостоятельно произвести нужный маневр. Он попал в космический плен, и шестеро мужчин и женщин, находящихся на борту, по сути дела стали заложниками. Сейчас еще невозможно сказать, какая судьба им уготована.

На экране снова появился Кортрайт. Рядом с ним сидел щуплый человечек в мешковатом костюме, с аккуратно расчесанными длинными волосами. Очевидно, его только что причесала гримерша, потому что человечек нервно потрогал свою шевелюру, и тут же ему на глаза упала длинная прядь. Кортрайт кивнул своему гостю.

— В нашей студии находится доктор Купер, редактор отдела науки «Газетт-таймс». Передо мной лежит утренний выпуск вашей газеты, мистер Купер. Передовая статья содержит пугающее, я бы сказал, кошмарное, известие. Позвольте, я прочитаю заголовок. Вот здесь крупными буквами написано: «БОМБА В НЕБЕ». — Кортрайт поднял газетный лист, и стал виден гигантский заголовок, занимающий чуть ли не полстраницы. — Сильно сказано, доктор Купер. Да и сама статья впечатляет. Вы считаете, что здесь написана правда?

— Ну конечно, ведь факты...

— Не могли бы вы нам пояснить, какие именно факты имеет в виду ваша газета, выпустив этот номер?

— Но ведь совершенно очевидно! И главная причина беспокойства у нас над головой! — Купер помахал в воздухе рукой, хотел было сунуть палец в рот, но с виноватым видом спрятал руку под стол. — Сейчас над нами каждые полтора часа проносится «Прометей». Причем не только космический корабль, но и прикрепленная к нему ступень. Сам «Прометей» весит чуть более четырех миллионов фунтов. О весе ступени мы можем только догадываться, поскольку не знаем, сколько в ней осталось топлива, но я бы предположил, что суммарная масса составляет порядка одного миллиона фунтов. Итак, в космосе болтается пять миллионов фунтов, то есть три тысячи тонн металла и взрывчатых веществ. Если все это рухнет...

— Минуточку, минуточку, — поднял руку Кортрайт. Купер тут же запнулся и воровато укусил себя за палец. — Насколько я помню, ученые вечно твердят, что любое передвижение в космосе требует больших затрат энергии. Потребовалось немало энергии, чтобы вывести «Прометей» на орбиту. И не меньшее ее количество уйдет на то, чтобы спустить корабль вниз. Иными словами, «Прометей» останется на орбите, пока его оттуда не вытолкнут.

— Да-да, разумеется, — Купер завертелся на стуле, не в силах сдержать обуревавшие его чувства. — Но это верно для орбиты, которая находится вне пределов земной атмосферы. «Прометей» же подобной высоты достичь не успел. Там, где он находится, воздух еще есть, хоть и не в большом количестве. Тем не менее он будет постепенно замедлять скорость ракеты. Такая орбита называется угасающей.

— Голыми руками убил бы этого лохматого мерзавца, — процедил Бэндин.

— Как вы знаете, для спутника Земли скорость и высота одно и то же. Чем быстрее он движется, тем выше поднимается — как камень, который вы вращаете на веревке. Вербка — это сила гравитации. Скорость вращения — гарантия стабильности орбиты. По мере замедления своего движения «Прометей» будет опускаться. Чем ниже он окажется, тем плотнее будут слои атмосферы, что в свою очередь приведет к еще

большему торможению. В конце концов корабль сойдет с орбиты и упадет на Землю.

— Однако по дороге он бесследно сгорит в плотных слоях атмосферы, как и все предыдущие спутники и ускорители, — спокойно произнес Кортрайт.

— Ничего подобного! — вскопился на ноги Купер, да так проворно, что его голова на миг выскочила за рамку кадра. — Небольшие ускорители действительно сгорают, как метеориты. Но даже метеориты сгорают не целиком — мы и сегодня можем видеть некоторые из них в музеях. Например, метеоритный кратер в Аризоне появился после того, как некое космическое тело проникло в атмосферу Земли и оставило на ее поверхности огромную воронку. В 1908 году Тунгусский метеорит уничтожил огромное лесное пространство, при этом погибли...

— Погодите, доктор Купер. Но ведь «Прометей» все-таки не так велик.

— Он достаточно велик! Размером с эсминец. Он не развалится на части, проходя сквозь атмосферу. Вы представляете, что будет, если эта стальная громада рухнет с небес на наш с вами город?

— Ну, это слишком смелое предположение.

— Вы так думаете?

Камера придвинулась к Куперу, а тот подбежал к огромному глобусу, стоявшему в студии, и затараторил:

— Смотрите, какова траектория этой летающей бомбы. Как раз сейчас она находится над нашими головами, пересекая космическое пространство над Соединенными Штатами, над Нью-Йорком, потом она пронесется над океаном, спустится несколько ниже, будет двигаться вот по этой линии: Лондон, Париж, Берлин, Москва. Взгляните на эту траекторию! — Красным фломастером Купер провел линию, соединившую названные им города. — По своей кинетической и взрывной энергии «Прометей» не уступает атомной бомбе, сброшенной на Хиросиму. Если он упадет на одну из этих столиц — вы представляете, что тогда будет?

В президентском кабинете воцарилось молчание. Потом генерал Бэннерман тихо сказал:

— Ну, теперь держись.

Глава 16

ПВ 02:37

Все космонавты собрались в отсеке экипажа на первую с момента старта трапезу. Надя открыла стенные шкафчики и вытащила рационы, а остальные, едва отстегнувшись от гравитационных кушеток, отправились в пилотский отсек: длительное нахождение в помещении без иллюминаторов, да еще в беспомощном, спеленутом состоянии породило нечто вроде клаустрофобии. Один за другим астронавты возвращались в отсек экипажа. Все молчали, потрясенные невероятным зрелищем, которое представляла их родная планета из космоса. На время они даже забыли о своем бедственном положении.

— На фотографиях это выглядит совершенно иначе, — сказала Коретта. — Просто потрясающе!

Григорий что-то с энтузиазмом говорил полковнику по-русски. Тот кивал в ответ. Кузнецов не первый раз видел Землю из космоса — он провел в полетах множество часов, но восхищаться красотой планеты не перестал. Полковник помог тем членам экипажа, которые оказались в космосе впервые, освоиться с состоянием невесомости. Несмотря на полное отсутствие гравитации, астронавты продолжали придерживаться прежних ориентиров: садиться на свои койки головой к потолку. Им было странно смотреть, как Кузнецов

парит в воздухе вверх ногами, спокойно выдавливая из тюбика в рот куриное суфле.

— Мне очень нравится ваш американский рацион. Весьма разнообразно.

— Да ну, ерунда, — отмахнулся Элай, открывая банку с русской лососиной. — Наши потратили черт знает сколько денег, чтобы разработать специальную технологию приготовления и хранения космических продуктов. А ваши просто взяли самые обыкновенные консервы. Ну и каков результат? Эта лососина куда вкуснее нашего дерьма.

— Возможно, возможно, — не стал спорить полковник, с удовольствием причмокивая пастой из тюбика.

Патрик поел на своем рабочем месте и присоединился к остальным, когда трапеза была уже закончена. Элай настороженно смотрел, как Уинтер «присаживается» на кушетку и пристегивается ремнем.

— Новости есть? — спросил Брон, и все замолчали — ведь каждый сейчас думал об одном.

— Они ничего не могут сделать. Дефект обнаружен, но с Земли его не исправишь. Вот, посмотрите на этот чертеж. — Патрик развернул лист бумаги и показал членам экипажа. — Здесь, здесь и здесь корпус ракеты крепится к кораблю самовзрывающимися болтами. На самом деле это название не совсем точное. Болты не взрываются, так как газ и осколки могли бы повредить ядерный двигатель. Мини-взрыв происходит во внутренней, поллой, части болта, так что болт не разрывается, а как бы раздувается, вроде воздушного шара. Тем самым его длина сокращается, и срабатывает пусковой механизм, расположенный вот здесь. Потом включаются эти пистоны, отталкивающие корабль и ступень друг от друга. Система простая и теоретически весьма надежная.

Элай иронически хмыкнул, и остальные тоже показали головой.

— Когда мы вернемся на Землю, хотел бы я потолковать с ребятами, разработавшими этот проект, — пробурчал Брон.

— Мы бы тоже, Элай, составили тебе компанию. Но не будем отвлекаться. Нас поджимает время. Центр управления полетом сообщил, что они не в силах отделить ступень.

— А это означает, что мы можем надеяться только на самих себя, — заметила Надя.

— Вот именно.

— Но что мы можем сделать? — спросила Коретта.

— Выйти в открытый космос, — объяснил ей Патрик. — Кто-то из нас наденет скафандр, выберется наружу и посмотрит, нельзя ли как-нибудь отцепить от нас эту проклятую ступень. Будем надеяться, что длины жизнеобеспечивающих шлангов хватит.

— А нельзя ли выйти в космос в астроскафе? — спросил Элай.

— Нельзя. Использование астроскафа на этом этапе не предполагалось, поэтому добраться до него непросто. В пилотском отсеке есть два скафандра с полным набором жизнеобеспечивающих приборов и телефонной связью с кораблем. Планировалось, что с помощью этих скафандров, выйдя на окончательную орбиту, мы сможем открыть внешний люк и добраться до астроскафа, в котором можно работать и без шлангов. Конечно, астроскаф понадобится для сборки генератора, но никому не пришло в голову, что необходимость выйти в космос возникнет на более раннем этапе.

— Это недостаток планирования, — заявил Элай.

— Не думаю. Просто столько скафандров разместить негде — они заполнили бы целый отсек. Нет, планирование тут ни при чем.

— А сейчас добраться до астроскафа нельзя? — спросила Коретта.

— Можно, но на это уйдет масса времени. Два-три часа на разгерметизацию и подготовку астроскафа к работе, потом еще столько же на герметизацию. Мы не можем себе позволить тратить так много времени. Придется кому-то выходить в космос в скафандре и изучать положение на месте.

— Как приятно снова заняться делом, — сказал полковник Кузнецов, взмывая к верхнему шкафу. — Я немедленно переоденусь.

— Минуточку, полковник. Ведь еще ничего не решено...

— За нас все решили обстоятельства, мой мальчик, — ответил Кузнецов, спокойно снимая обычный летный костюм. — Я знаю, что у вас есть некоторый опыт работы в открытом космосе. Надя же, хоть она у нас и

опытный пилот, вне корабля никогда не работала. Правильно, Надя?

Надя кивнула.

— Ну вот, видите. А остальные члены экипажа вообще оказались в космосе впервые. Будем работать так: Надя останется у пульта, вы, Патрик, возьмете меня под контроль, а я займусь ремонтом. Разумеется, я не узурпирую ваши права командира. Для старого вояки вроде меня это было бы непростительно. Просто напоминаю вам, что я проработал в открытом космосе больше тысячи часов, когда занимался своим криогенным проектом. Можно, конечно, поступить и иначе: вы будете работать, а я за вами приглядывать. Но глупо рисковать жизнью командира корабля, когда работу может сделать старый космический волк вроде меня. Очень окей?

Патрик начал было протестовать, но рассмеялся:

— Скажите, Кузнецов, как вышло, что вы до сих пор не генерал?

— А мне предлагали, но я отказался. Высокое звание означает кабинетную работу. Это не по мне. Ну как, поехали?

— Давайте.

С помощью других астронавтов они быстро облачились в скафандры. Затем извлекли из стенного шкафа длинные макароны жизнеобеспечивающих шлангов и толкнули их по воздуху в пилотский отсек.

— Мы загерметизируем люк, чтобы не нарушать здесь у вас баланса давления, — сказал Патрик.

— Может быть, мы вам там пригодимся? — спросил Элай.

— Спасибо, не нужно. Там и так будет тесно. Надя сядет к пульту управления и будет держать вас в курсе по интеркому. Ну, мы пошли.

— Счастливо, Патрик, — сказала Коретта. — И вам тоже счастливо, полковник.

Повинуясь внезапному порыву, она подлетела к Кузнецову и поцеловала его в лоб.

— Чудесно! — воскликнул полковник. — Ни одного воина не провожали на битву более приятным образом.

Однако, оказавшись в пилотском отсеке, Кузнецов сразу посерьезнел. Первым делом они загерметизировали люк, ведущий в отсек экипажа, и привинтили к

скафандрам шлемы. Затем подсоединили шланги одним концом к скафандрам, другим — к гнездам воздушно-снабжения, расположенным возле двери. Надя должна была воспользоваться автономной системой воздушно-снабжения пилотов, находившейся возле пульта.

— Готовы? — спросил Патрик.

— *Очень окей.*

Тогда Уинтер, неповоротливый в своем громоздком наряде, повернул клапан, помещавшийся в центре внешнего люка. Клапан открылся, и воздух из кабины со свистом стал высасываться в космос.

— Давление упало, — доложила Надя.

— Роджер. Открываю люк.

Теперь, когда из отсека вышел почти весь воздух, внешний люк можно было открыть без труда. Он бесшумно распахнулся. Атмосферное давление в кабине упало до нуля, отсек окутался легким туманом, который, впрочем, тут же исчез — остатки воздуха втянул космический вакуум. В открытом люке была кромешная тьма, в которой мелкими точками светились звезды. В космосе царила бесконечная звездная ночь. Полковник первым направился к выходу.

— На корпусе корабля имеются хватательные скобы, — сказал ему Патрик.

— Не беспокойтесь, я этим делом чуть ли не всю жизнь занимаюсь.

Кузнецов и в самом деле был опытным космонавтом. Его массивная, на первый взгляд неповоротливая фигура двигалась легко, как перышко. Патрик едва успевал раскручивать жизнеобеспечивающий шланг — так быстро передвигался вдоль обшивки корабля полковник, небрежно касаясь руками опорных скоб.

— Шланг кончился, — сказал Патрик, оглянувшись.

— Мне нужно продвинуться еще на метр. Натяните шланг посильнее. Вот так хорошо.

Полковник прицепился ремнем безопасности к последней скобе, натянув шланг до предела. В конце концов Кузнецову удалось ухватиться пальцами за корму «Прометея», за которой виднелась покосившаяся громада застрявшей ступени.

— Что вы там видите? — спросил Патрик.

— Очень мало. Тут темно, как в аду. Особенно, если парит тень. Погодите-ка, я достану лампу.

Полковник отцепил от пояса фонарь и включил его. Светлый круг пополз по обшивке (самого луча в вакууме видно не было), затем скрылся из виду.

— Ага!

— Что там?

— Вот ты где, голубчик! Один из соединительных стержней погнулся, но не лопнул. Пистоны, расположенные вокруг, разжимают «Прометей» и ступень, но они недостаточно мощны. К сожалению, чем сильнее они давят, тем прочнее держит погнувшийся стержень. Впрочем, это довольно легко исправить.

— Как?

— Ацетилено-кислородный резак перережет этот стержень в одну секунду. Тогда ничто не мешает механизму разъединения скинуть с нашей спины эту громадину. И мы сможем двигаться дальше. Но есть одна трудность.

Наступила пауза. Трое астронавтов, находившихся в вакууме, и трое остальных, оставшихся в загерметизированном отсеке, слышали каждое слово и даже дыхание Уинтера и полковника.

— В чем дело?

— Мне не очень ясно, как добраться до стержня. Он находится с другой стороны, и шланг туда никак не дотянется.

Глава 17

ПВ 03:19 Коттенхэм-Ньютаун.

Сэр Ричард Лонсдейл терпеть не мог затянувшихся обедов, но делать было нечего. Время шло, а гости все не вставали из-за стола. В ресторане, специально предназначенном для руководства компании, пахло сигарным дымом и дорогим коньяком. Швейцарцы были в отличном расположении духа; они расстегнули пиджаки и утирали пот.

— Поздравьте от нас вашего шеф-повара, сэр Ричард, — сказал Мюллер, поглаживая свое внушительное брюхо, словно любимую собачку.

Еще немного поболтали о том о сем, потом наконец один из гостей взглянул на часы. Тогда все задвигали стульями, стали жать друг другу руки и прощаться. Мюллер произнес долгожданные слова уже перед самым уходом. Очевидно, он был из тех, кто приберегает самую эффектную фразу под закрытие занавеса.

— Мы будем рекомендовать контракт к подписанию на обговоренных нами условиях, сэр Ричард. Надеюсь, что этим мы положим начало долгому и успешному сотрудничеству.

— Спасибо. Очень вам признателен.

Швейцарцев уже ждали машины, с приемом было покончено. Сэр Ричард затушил сигару, постарался не думать о куче деловых бумаг, ожидавших его в рабочем

кабинете. Однако никуда не денешься — придется с ними разобраться, иначе раньше полуночи домой не попасть.

Самый короткий путь к кабинету — через столовую, и сэр Ричард, толкнув дверь, зашагал через зал. Он был занят собственными мыслями и ничего бы не заметил, если бы не громкие голоса. В столовой оказалось довольно много служащих, хотя для чаепития вроде бы было поздновато. Люди о чем-то оживленно спорили. «Надеюсь, это не забастовка», — подумал Лонсдейл. У некоторых служащих в руках были газеты, остальные заглядывали им через плечо. Сэр Ричард увидел знакомое лицо — ветерана компании, служившего вместе с ним еще на прежнем месте.

— Генри, что тут происходит?

Генри Льюис поднял глаза, кивнул Лонсдейлу и протянул ему газету.

— Вы только почитайте, сэр. Волосы дыбом встают. Как будто снова война началась.

«КОСМИЧЕСКАЯ БОМБА В ВОЗДУХЕ!» Сэр Ричард быстро проглядел статью.

— Это как летающая бомба, — пояснил Генри. — Вроде Хиросимы. Посмотрите, на следующей странице карта. Видите, куда она летит?

На карте была изображена Великобритания, по которой проходила траектория полета. Чтобы подчеркнуть опасность, художник нарисовал мишень прямо в центре страны. По случайности яблочко мишени приходилось как раз на Коттенхэм-Ньютаун.

— Я бы на вашем месте не слишком тревожился, — пожал плечами сэр Ричард, спокойно складывая газету. — Уверен, что это все журналистские фанатазии, а не расчеты ученых. Чистая спекуляция.

Глава 18

ПВ 03:25

Слова полковника Кузнецова прозвучали в наушниках Патрика и Нади, а также из репродукторов в отсеке экипажа. Наступило молчание — никто не знал, что сказать. Первой заговорила Надя, ровным, спокойным голосом сообщившая, что Патрика вызывают из Центра управления полетом.

— Майор Уинтер, Центр хочет, чтобы вы вышли на связь.

— Скажите им, чтобы катились к черту.

— Центр управления полетом, говорит «Прометей». Майор Уинтер в настоящий момент говорить с вами не может. Он помогает полковнику Кузнецову осматривать повреждение. Роджер. Пилот свяжется с вами, как только освободится.

— Чего он хотел? — спросил Патрик.

— Чтобы вы почаще выходили на связь, а также развернули одну из телекамер. А то телезрителям плохо видно.

— Обойдутся. Нечего из нас цирк устраивать. Кузнецов, оставайтесь на месте. Я направляюсь к вам. Посмотрим вместе, что можно сделать.

— Хорошо, Патрик. Прихватите с собой резак и набор инструментов. Мне кажется, я знаю, как нужно перерезать этот болт.

— Роджер. Иду.

Патрик прицепил к поясу ацетилено-кислородный резак и инструменты, вылетел в открытый люк и ухватился за скобу. Потом аккуратно вытащил за собою шланг, который плавно зазмеился в открытом космосе. Затем Уинтер медленно двинулся вдоль обшивки, то и дело останавливаясь, чтобы проверить, не запутался ли шланг. Резак и набор инструментов были громоздкими, но в невесомости их тяжести он не чувствовал. Когда шланг растянулся почти до предела, Кузнецов схватил Патрика за руку и подтянул к себе.

— Ну вот, — показал он, — смотрите сами.

Круг света скользнул по гладкой металлической поверхности мимо сопла ядерного двигателя и остановился на пистонах, которые должны были оттолкнуть от корабля последнюю ступень. Те, что находились ближе к астронавтам, сделали свое дело — между «Прометеем» и ускорителем образовался зазор. Но с противоположной стороны виднелись какие-то металлические клочья, полураскрывшиеся пистоны и уцелевший стальной стержень. Кузнецов направил свет фонаря прямо на него.

— А вот и невзорвавшийся болт. Между прочим, американского производства.

— Зато опоры и пистоны советские, — усталым голосом огрызнулся Патрик. — Самое слабое место — это стык двух технологий. Что ж, нас предупреждали. Правда, от этого не легче. Но как же быть? До болта по меньшей мере пять метров. Нам туда не достать.

— Может быть, мы сумеем прикрепить резак к какому-нибудь шесту и дотянуться до стержня?

— Нет у нас на корабле никакого шеста. Придется что-нибудь приспособить. Хотя вряд ли мы что-нибудь найдем. Кроме того, пришлось бы зажигать резак здесь и тянуть его в горящем виде мимо всех этих труб и сопла ядерного двигателя. Если что-то повредим — нам конец.

— Это уж точно, — кивнул полковник, открывая сумку с инструментами. Внутри в специальных гнездах находились приборы особой конструкции, предназначенные для работы громоздкими щупами в ледяном холоде космоса. Кузнецов осмотрел резак.

— Я подумал о том же. Единственный выход — подобраться к болту и перерезать его.

— Для этого нужно будет задействовать астроскаф.

— Вы сами сказали, что времени на это нет. Я перережу болт и так, если вы мне поможете. Дайте-ка только проверю, работает ли эта штука... Отлично, выключаю.

— Полковник, о чем вы говорите? Ведь ваш шланг туда не дотянется.

— Разумеется. Я вдохну побольше воздуха, отсоединюсь от своего шланга, доберусь туда, перережу болт и вернусь. Я могу обходиться без кислорода три, а то и четыре минуты. Этого должно хватить. Если я потеряю сознание, то рассчитываю на вас — вы восстановите подачу кислорода.

— Не надо!

— Не делайте этого!

В интеркоме слышались встревоженные голоса членов экипажа.

— Молчать! — рявкнул Патрик. — Если хотите что-то сказать, то давайте по очереди. Надя.

— Я... я ничего не хочу сказать. Вы командир, вы и решайте. Но болт должен быть перерезан.

— Коретта, Элай? Больше никто не хочет высказаться?

После недолгой паузы в наушниках раздался голос Элая:

— Боюсь, нам нечего сказать. Мы здесь на положении пассажиров. Но нет ли какого-нибудь другого способа?

— Нет, — резко ответил Кузнецов. — А теперь пора начинать. Нельзя терять времени.

— Хорошо, — согласился Патрик. — Проблема номер один: как отсоединить шланг от вашего скафандра, избежав утечки кислорода? Если мы просто отвинтим его, весь кислород уйдет в космос.

— Я подумал над этим и считаю, что нашел ответ.

Полковник снова открыл сумку с инструментами и порывлся в ней. Все они очень мало напоминали своих земных собратьев, ибо были рассчитаны на работу в совершенно других условиях. Маленький инструмент не удержишь в здоровенной негнущейся рукавице скафандра. Не приходится рассчитывать и на помощь гравитации. Мы привыкли к работе силы тяжести и в обычных условиях не обращаем на нее внимания. На Земле все очень просто: вставляешь отвертку в шляпку

винта и крутишь себе. В космосе так не получится. Без гравитации сразу сработает третий закон Ньютона: каждому действию соответствует противодействие. Крутишь отвертку в одну сторону, а сам при этом вращаешься в другую. Вот почему все космические инструменты были снабжены электродвигателями, работавшими на встроенных батарейках. Внутри крутился маховичок, создававший момент, который позволял вращать винт в противоположном направлении. Специальный рычаг помогал корректировать работу электромотора.

Полковник Кузнецов извлек из сумки гаечный ключ, очень мало напоминавший обычный немудрящий инструмент такого рода. Захват ключа управлялся мотором, который мог регулировать его ширину, а также силу и скорость поворота.

— Для чего вам это? — спросил Патрик.

— Сейчас увидите. Дайте мне, пожалуйста, резак. Баллоны лучше всего прикрепить к моей спине, чтобы не мешали.

Патрик повесил два баллона с горючим полковнику на спину; подающий шланг тянулся от них к пистолетной рукоятке резака. Кузнецов нажал на курок, одновременно включив кнопку зажигания; мощная искра воспламенила кислородно-ацетиленовую смесь. Полковник отрегулировал пламя, превратив его в длинную огненную иглу.

— Это был первый этап, — сказал он. — А теперь, Патрик, поддержите, пожалуйста, резак, только направьте пламя в другую сторону.

Полковник замолчал и начал глубоко вдыхать и выдыхать воздух, чтобы легкие наполнились кислородом. Это называлось гипервентиляцией, то есть максимально возможным насыщением крови кислородом. Сквозь стекло скафандра Патрик увидел, как Кузнецов улыбнулся и кивнул, давая понять, что готов к следующему этапу. Он быстро поднес гаечный ключ к груди и включил мотор. Челюсти ключа сомкнулись на жизнеобеспечивающем шланге, соединяющем воздухоподачу с электропитанием и кабелем связи.

— Подача воздуха прекратилась, — прошептал Кузнецов, экономя воздух. — Резак...

Он взял у Патрика горящий резак и одним движением рассек шланг — теперь на груди его скафандра болтался короткий обрубок.

Затем полковник уменьшил высоту пламени, махнул на прощание рукой и одним решительным движением перенесся за корму «Прометей».

— Что там у вас происходит? — спросил чей-то голос в наушниках Патрика. Уинтер сообразил, что остальные члены экипажа могут лишь догадываться о происходящем.

— Полковник Кузнецов собирается перерезать соединительный болт. Он перекрыл гаечным ключом свой кислородный шланг, чтобы не было утечки, а затем пережег резакom все кабели.

Патрик чувствовал, что его мысли путаются. Рядом в пространстве парил перерезанный кабель, похожий на садовый шланг для полива растений. Но лилась из него не вода, а мелкая россыпь замороженных кристаллов кислорода.

— Надя, — сказал Патрик. — Перекрой кислородный шланг Кузнецова — утечка.

— Перекрыла, — ответила Надя, и поток кристаллов сначала ослаб, а потом и вовсе прекратился. — Что там у вас происходит?

— Полковник прошел полпути. Трудно пробираться сквозь всю эту арматуру — в особенности без страховки. Осторожно!

Крикнув, Патрик сразу сообразил, что кабель связи перерезан и полковник все равно его не слышит. Кузнецов здорово рисковал — времени у него было совсем немного. В нормальной ситуации человек, обладавший таким опытом работы в открытом космосе, ни за что не взялся бы за подобное дело. Но выбора не было. Последние ярды, остававшиеся до болта, предстояло ползти по совершенно гладкой поверхности. До этого момента полковнику было за что ухватиться. Теперь же он на глаз прикинул расстояние и оттолкнулся от выступа, чтобы долететь до нужного места по инерции.

Однако ему не было видно то, что видел Патрик: баллоны с горючим, прикрепленные к спине Кузнецова, неминуемо должны были зацепиться за опорную стойку. Уинтеру оставалось лишь с ужасом смотреть, как полковник плывет в безвоздушном пространстве, готовый ухватиться за дефектный болт.

Однако прежде чем он успел это сделать, один баллон ударился о стойку, и Кузнецов отлетел в сторону, так и не достигнув цели. Удар развернул его тело, и

тяжелые сапоги коснулись борта «Прометей». Воспользовавшись этим, Кузнецов оттолкнулся, сделал сальто и попытался дотянуться до болта, но опять безуспешно.

Его относило прочь от корабля и ускорителя — в глубины космоса. Рядом не было ни единой точки опоры.

Неопытный астроплаватель запаниковал бы, отчаянно пытаясь зацепиться за предметы, которые явно находились вне досягаемости, но Кузнецов был настоящим ветераном. Он все еще продолжал медленно вращаться после своей неудачной попытки, но теперь стремительно поджал ноги к груди, чтобы увеличить скорость вращения. А потом вытянулся в полный рост и, продолжая крутиться, ухватился за один из кабелей, свисавших с кормы. Только теперь Патрик заметил, что его наушники гудят от встревоженных голосов. Оказывается, наблюдая за действиями Кузнецова, он оцепенел от ужаса и ничего не слышал.

— Теперь все в порядке, — сказал он. — Полковнику было трудно добраться до болта, но он уже почти у цели.

— У него не хватит воздуха! — дрожащим голосом проговорил Сальников.

— Время еще есть, — успокоил его Патрик. — Полковник не только сделал упражнения по гипервентиляции, но и накачал немного кислорода в свой скафандр. Все будет нормально.

Кузнецов знал свое дело. Еще один рывок — и он подобрался вплотную к болту, потом довольно долго его разглядывал. Лишь разобравшись, что к чему, полковник приступил к работе. Первым делом он прикрепился к борту «Прометей»; затем медленно и методично включил резак, отрегулировал пламя и склонился над болтом.

— Получается! Он сейчас перережет болт! — заорал Патрик, да так громко, что у самого зазвенело в ушах. — Сталь сверхпрочная, но она уже раскалилась докрасна, я вижу это. Вот металл начинает плавиться! Почти готово! ЕСТЬ!

Зрелище было эффектным. Давление гидравлических пистонов, отталкивающих ступень от корабля, было так велико, что болт лопнул, прежде чем Кузнецов успел его перерезать. Распрямились мощные металлические руки и в полном безмолвии оттолкнули громаду ускорителя прочь. Корпус ракеты стал медленно удаляться в черноту.

— Есть, готово! — радостно прокричал Патрик. — Ступень отделилась. Кузнецов тоже в порядке. Вот он открепляется от борта и возвращается.

Он не стал говорить, что дела полковника, судя по всему, не так уж хороши. Прошло уже несколько минут, и запас кислорода явно иссяк. Движения Кузнецова были вялыми, неуклюжими. Держась за обрубок болта, он хотел оттолкнуться и долететь до Патрика, но рука его соскочила. Полковник как бы завис в пространстве. Он потрянул головой, пытаясь отогнать надвигающуюся черноту. Потом, собрав остаток сил, оперся обеими ногами о корму, выровнял тело и снова оттолкнулся.

Фигура в скафандре парила над обшивкой корабля, она проплыла мимо сопла ядерного двигателя, направляясь к Уинтеру. Кузнецов был, видимо, почти без сознания.

Но расчет его оказался не совсем точен. Безвольно разметавшиеся руки бездействовали. Патрик, ухватившись пальцами за скобу, натянул свой шланг до предела и попробовал достать до руки Кузнецова.

Не хватило совсем чуть-чуть. Задыхаясь, Уинтер рванулся вперед, но шланг не пускал.

Рука потерявшего сознание Кузнецова прошла в нескольких дюймах от пальцев Патрика. В солнечных лучах Уинтер увидел спокойное, безжизненное лицо с закрытыми глазами, и фигура в скафандре медленно проплыла мимо, навстречу космической бездне. Рука Кузнецова все еще была вытянута, словно в прощальном приветствии.

Глава 19

ПВ 05:32

Флэкс проглотил пилюлю, запив ее черным кофе, но лучше ему не стало. Боль в желудке не утихала, временами опалая его изнутри огнем, словно просыпающийся вулкан. К тому же выпитый кофе был совершенно лишним: его мочевого пузырь и без того был переполнен; Флэкс уже забыл, когда последний раз отлучался в уборную. Ему казалось, что мочевого пузырь у него стал тугим, как баскетбольный мяч. Но отойти от пульта было нельзя.

— Послушай, Патрик. Нам нужна информация, — взмолился Флэкс. — Ты уже почти сорок минут не выходишь на связь. Мы лишь считываем данные с биосенсоров, а то бы и вовсе ничего не знали о вашем состоянии. А когда Кузнецов перерезал свой шланг, у нас тут чуть паника не началась. Кроме того, за все время полета ты включил телекамеры всего на 15 минут.

— Знаешь, у нас тут свои проблемы.

— Знаю. И не пытаюсь их преуменьшить. Но нам нужна ваша помощь. Не буду вдаваться в подробности, но срочно необходима телетрансляция. Срочно!

— Понял тебя, Флэкс. Не возражаю. Прежде чем мы восстановим давление в пилотском отсеке, я покажу вам панораму из люка. Ждите.

Флэкс вздохнул, откинулся назад и немного оттянул пальцами пояс брюк, чтобы не так давило на мочевой пузырь. Потом отхлебнул еще кофе. Перед ним был дисплей телевизионного монитора, на котором наконец возник сигнал, а затем и изображение. Флэкс связался по телефону с пультом обеспечения связи.

— У меня на экране появилась картинка, Боб. А у вас как дела?

— Представители телевизионных компаний рвут и мечут. Они готовы немедленно начать трансляцию.

— Скажи им, пусть подождут еще 60 секунд.

На пульте перед ним замигала лампочка, и Флэкс щелкнул переключателем. В наушниках раздался голос:

— Мистер Флэкс, вас вызывает мистер Дилуотер.

— Ему придется подождать.

— Но...

— Я сказал, пусть подождет. Свяжусь с ним, как только закончится сеанс связи с «Прометеем». Надеюсь, он меня поймет.

Флэкс отключил связь, не дожидаясь ответа, и довольнo покивал головой: на экране появился крупный план люка, а потом вид Земли из космоса.

— Отличное изображение, Патрик. Задержи его на время. Телевизионные компании готовы начать трансляцию. У тебя все нормально?

— Роджер.

— Посылай сигнал, — приказал Флэкс. И тут же увидел на экране самого себя — за его спиной находилась телекамера.

— Переключите изображение на «Прометей». Видите в открытом люке земной шар? Майор Уинтер держит телекамеру и сам будет ею управлять. Начинайте передачу, «Прометей».

— Вот Земля, какой мы видим ее отсюда. Она вся окутана облаками. Корабль завершает свой третий виток, я не знаю, видно ли вам сквозь облака, но как раз сейчас мы пролетаем над Тихим океаном. Вон показалось Перу — над ним погода ясная. Сейчас я перемещу объектив... секундочку... ну вот — теперь вы видите удаляющуюся ступень. Она расположена на более низкой орбите под углом примерно 15 градусов к нашему курсу.

Флэкс нажал одну из кнопок на пульте.

— Отключите в телетрансляции звук, но изображение не трогайте. Скажите им, что по техническим причинам. — Он включил связь с «Прометеем». — Алло, «Прометей», отличная картинка, Патрик, и комментарий что надо. То, что я скажу тебе сейчас, по телевидению не транслируется. Видишь пятнышко света чуть влево от ускорителя?

— Вижу.

— Неужели это...

— Да, это полковник Кузнецов. Его тело тоже следует за нами по орбите. И говорю тебе заранее: даже не проси. Я не собираюсь развлекать вас видом его труп.

— Просто доложи, что произошло, вот и все.

— Ты и сам знаешь. Я продолжу телесъемку еще ровно одну минуту, а потом закрываю люк и буду восстанавливать давление в отсеке. Нам надо работать.

— Ладно, ты снова в прямом эфире, — вздохнул Флэкс и велел вернуть звук.

— Корпус ракеты будет понемногу отставать от нас, пока не сойдет с орбиты и не вернется на Землю для мягкой посадки. Сейчас я передам телекамеру майору Калининой и закрою люк. После восстановления давления в пилотском отсеке мы начнем готовиться к выходу на окончательную орбиту.

Изображение дернулось, камера перешла из рук в руки. Флэкс простонал, боясь, что у него вот-вот лопнет мочевого пузырь. На пульте снова замигала лампочка.

— Мистер Дилуотер настаивает на разговоре с вами, мистер Флэкс.

— Еще несколько секунд.

— Он не стал ждать и отправился в Центр.

— Черт подери!

Флэкс прервал связь и развернулся на стуле. Действительно на балконе зала появилась фигура в темном костюме. Это наверняка был Дилуотер — кто еще станет в техасскую жару расхаживать в деловой тройке. Руководитель НАСА направился напрямик к пульту.

— Флэкс, ваше присутствие необходимо в конференц-зале.

— Дилуотер, я бы немедленно туда отправился, но, как я уже сказал, в настоящий момент не могу оставить свой пост. Ядерный двигатель...

— Этим займется ваш помощник. Я прилетел в Хьюстон из Вашингтона специально на пресс-конференцию, хотя мог бы ответить на вопросы журналистов и в столице. Пресс-конференция устроена здесь исключительно из-за вас. Я высоко ценю ваши деловые качества, Флэкс, равно как и служебное рвение. Но если вы немедленно не последуете за мной, я отрешу вас от должности и поручу руководить полетом вашему помощнику. Вы будете уволены из НАСА раз и навсегда. Вам понятно?

Впервые в жизни Флэкс не нашелся что сказать. Пауза затянулась, и он понял, что спорить тут не о чем. В конце концов можно отлучиться на то время, пока восстанавливается давление в пилотском отсеке, а потом еще Патрик будет снимать скафандр.

— Спендлав, сядьте к пульта, — приказал Флэкс, снял наушники и швырнул их на стол. — Иду, иду. Только сперва в туалет забегу.

Он встал, и от резкого движения мочевого пузыря чуть не лопнул. Пришлось идти очень осторожно. Дверь мужского туалета маячила впереди, как ворота рая; Флэкс толкнул ее и шагнул внутрь.

Дилуотер дожидался снаружи. Когда Флэкс вышел, брови шефа были чуть приподняты. И неудивительно: Флэкс наверняка поставил рекорд по продолжительности мочеиспускания. Однако он не счел нужным объяснять Дилуотеру причину задержки. Они отправились к лифту.

— Введите меня в курс дела, — попросил Флэкс.

— Все очень просто. Несколько часов назад одна из нью-йоркских газет напечатала сенсационную статью. Новость подхватили все средства массовой информации планеты. Скандал разрастается. Вы слышали об этом?

— Только в общих чертах. Кто-то из наших что-то такое видел по телевизору. Якобы «Прометей» может превратиться в новую атомную бомбу. Полная чушь!

— Рад, что вы так думаете, Флэкс. Однако приберегите ваши аргументы и возмущение для прессы. Как только президент Бэндин услышал об этом скандале, он немедленно отправил меня сюда на специальную пресс-конференцию, цель которой положить конец подобным слухам. Полет на сверхскоростном истребителе был

малоприятным, поэтому прошу извинить мне мою раздражительность.

— Кто из журналистов приехал? Какие средства массовой информации представлены?

— Приехали все. Полный набор. Нам придется быть очень осторожными. Рассчитываю на вашу помощь.

Флэксу стало неудобно. Он терпеть не мог больших скоплений народа, в особенности же не любил, когда на него обрушивались с вопросами подозрительные репортеры. В таких случаях он чувствовал себя зажатым в угол и голос его срывался на крысиный фальцет. Окружающим это доставляло массу удовольствия, но Флэкс, попадая в подобную ситуацию, очень страдал. Ему ужасно захотелось выпить. В комнате за конференц-залом был бар, но что на это скажет Дилуотер? Ну и черт с ним, подумал Флэкс.

— Я на секундочку загляну к Джеку, — сказал он, поворачивая ручку двери. Брови Дилуотера снова поползли вверх.

— За каким чертом?

— Если вас это интересует, хочу пропустить стаканчик.

Брови шефа НАСА вернулись в исходное положение, а уголки губ дрогнули в чуть заметной улыбке.

— Знаете, я с вами.

Дилуотер выпил сухого шерри, а Флэкс налил себе полбокала виски, плеснул туда немного воды и залпом проглотил.

— Господи Боже, — вздохнул он, слегка хлопнув себя кулаком по животу. — Это меня или вылечит, или доконает.

Флэкс громко рыгнул и передернулся. Дилуотер аккуратно допил шерри, вытер губы платком и жестом показал на дверь:

— Пожалуйста в клетку со львами, Флэкс. Боюсь, у нас нет другого выбора.

Они вышли в конференц-зал через боковую дверь и были замечены журналистами не сразу. На трибуне стоял пресс-секретарь проекта Минфорда, отвечавший на вопросы репортеров. Судя по залитому потом лицу, Минфорду приходилось несладко. Наконец вновь прибывших заметили — головы стали поворачиваться в их сторону, защелкали фотоаппараты. У Минфорда было

такое выражение лица, словно его только что вытащили из клетки с хищниками.

— Минуточку терпения! — объявил он. — Сейчас вы сможете задать свои вопросы людям, которые полностью в курсе дела. Саймона Дилуотера вы знаете. Он только что прилетел из Вашингтона, чтобы встретиться с вами. Рядом с ним доктор Флэкс, который с момента старта находится в Центре управления полетом, у самого руля. Он постоянно поддерживает связь с астронавтами. Прошу обращаться с вашими вопросами к нашим гостям...

Репортеры замахали руками, карандашами и блокнотами. В зале поднялся гул — каждый хотел, чтобы на него обратили внимание. Минфорд быстрым взглядом окинул аудиторию и отдал предпочтение научному обозревателю из «Лос-Анджелес таймс». Это был старый знакомый пресс-секретаря, и он надеялся, что вопрос будет не слишком жестким.

— Мистер Флэкс, расскажите, как обстоят дела на «Прометее».

Флэкс чуть-чуть расслабился — с этой стороны опасности вроде не было.

— Как вам известно, ступень удалось отделить. В настоящее время экипаж восстанавливает давление в пилотском отсеке, чтобы там снова можно было находиться без скафандров. Согласно программе полета, на следующем этапе будет осуществлена проверка ядерного двигателя, с помощью которого «Прометей» переместится на свою окончательную орбиту...

В зале снова замахали руками, и Минфорд ткнул пальцем в репортера, сидевшего ближе всего к сцене.

— А что с корпусом ракеты, с последней ступенью? Не вызовет ли она страшных разрушений, упав на Землю? Правда ли, что этот взрыв по мощности не уступит атомной бомбе?

В зале стало тихо, все ждали ответа. Флэкс отвечал медленно, загибая пальцы.

— Во-первых, с орбиты ничего не может «упасть», так что не верьте всякой ерунде. Последняя ступень, как и пять предыдущих, будет выведена на надлежащую орбиту и совершит мягкую посадку. Во-вторых, если даже что-то не заладится — хоть такое трудно предположить, — в самом худшем случае этот ускоритель сгорит в плотных слоях атмосферы.

— Значит, трудно предположить, что будут неполадки? — спросил громкий голос из зала. — А как же тогда квалифицировать неисправность двигателя последней ступени и трудности с ее отделением?

Флэкса прошиб пот.

— Возможно, я не совсем точно выразился. Разумеется, нельзя полностью исключить неконтролируемое приземление ускорителя, но в подобном случае, как я уже сказал, он должен полностью сгореть в атмосфере.

— Так он не может упасть на какой-нибудь город и взорваться?

— Ни в коем случае. Люди запустили в космос уже несколько тысяч ракет, каждая из которых имела ускорители. Все они сгорели, попав в земную атмосферу. Ни одна из них не принесла ни малейшего ущерба.

Один из корреспондентов упорно тянул руку с самого начала пресс-конференции, и Минфорд уже не мог его игнорировать.

— Мистер Реддич, — сказал он.

Обозреватель журнала «Ньюсуик» считался звездой журналистики и был хорошо известен всем присутствующим. Наступило молчание — репортеры ждали вопросов Реддича, который умел спрашивать о том, что интересовало всех.

— Ваши аргументы весьма убедительны, доктор Флэкс, — начал Реддич, — но, насколько я понимаю, речь идет об ускорителях гораздо меньшего размера, не так ли?

— Возможно. Однако разница в масштабах не столь уж велика.

— Неужели? — В голосе Реддича слышалось явное недоверие. — Ускорители этого типа гораздо больше всех предшествующих, а сам «Прометей» во много раз тяжелее любой из ступеней. Разве не так?

— Да, но...

— Ладно, забудем на время об ускорителе. Скажите, что произойдет, если сам «Прометей» рухнет на Землю? Не пробьет ли он в земной поверхности здоровенную дыру?

— Но «Прометей» никогда не вернется на Землю. — Флэкс чувствовал, как под рубашкой по его телу стекают ручейки пота. — Корабль уже выведен на орбиту, вскоре он включит свой двигатель и переместится на заданную высоту.

— Разве сейчас корабль находится не на утасающей орбите? Насколько мне известно, если не удастся в ближайшее время включить ядерный двигатель, корабль войдет в соприкосновение с атмосферой и упадет на Землю. Правда ли, что на этой орбите он может продержаться еще максимум восемнадцать часов?

Флэкс не знал, что ответить. Откуда у Реддича эти сведения? Проболтался кто-то из своих — у НАСА все данные были. Как выпутываться из этой ситуации?

На помощь ему пришел Дилуотер. Как всегда спокойный и невозмутимый, он покашлял в микрофон и кивнул Реддичу:

— Сегодня приходится выслушивать слишком много сплетен. Некоторые безответственные личности безо всяких на то оснований разжигают страсти. Господа журналисты, я вполне понимаю вашу обеспокоенность, которой и объясняются все эти вопросы. Вы наслушались сплетен и хотите знать, насколько они соответствуют действительности, есть ли в них хоть крупица правды, а если нет, то вы готовы положить конец абсурдной и, я бы сказал, опасной дезинформации. Вы ведь не любители жареных фактов, а представители свободной прессы, и главная ваша цель — поиск истины...

— Так изложите нам истину, — прервал его Реддич, ничуть не сбитый с толку всей этой демагогией. — Повторяю свой вопрос. Если часов этак через шестнадцать «Прометей» войдет в плотные слои атмосферы, что произойдет тогда?

— Ровным счетом ничего. Прежде всего потому, что с «Прометеем» подобного случиться не может. Пока мы с вами тут беседуем, астронавты проверяют готовность двигателя и вскоре его включают. У нас были кое-какие проблемы, но мы с ними справились. Полет проходит нормально.

«Дай Бог, чтобы ты не ошибся, — подумал Флэкс. — Иначе расплата будет дорогой». Он незаметно сунул руку под стол и постучал костяшками пальцев по дереву.

Глава 20

ПВ 05:39

— Прямо как на подводной лодке, — сказала Коретта, глядя на круглый люк с круглой, герметически завинчивающейся крышкой в полу жилого отсека.

— Да, принцип тот же, — ответил Патрик, поворачивая колесо замка. Элай держал его за ноги, чтобы обеспечить точку опоры. — Сейчас по ту сторону люка — вакуум. Наши два отсека — экипажа и пилотский — представляют собой единую капсулу, которая в чрезвычайной ситуации может быть катапультирована отдельно от остальной части корабля. Ниже расположен узел управления ядерным двигателем, к которому мы и собираемся подобраться. Я жму вот на этот рычаг, и моторный отсек герметизируется с противоположной стороны. Вот так. Теперь давай ты, Элай. Возьми гаечный ключ и отвинти болты с нашей стороны.

Работенка была не из легких. Через несколько минут Элай начал чертыхаться:

— Какого черта их прикрутили так сильно? — возмутился он, пристраивая гаечный ключ к очередному болту.

— Ты сам знаешь, зачем это нужно, — ответил Патрик, аккуратно кладя вынутый болт в специальный пластиковый мешочек, висевший у него на поясе. — По ту сторону люка вакуум. Если бы произошла хоть

малейшая утечка кислорода, нам пришлось бы дальнейший полет совершать в скафандрах. Теперь же, когда мы загерметизировали моторный отсек с той стороны, в нем можно будет работать в обычной одежде, что значительно удобнее.

Элай зажал ключом последний болт и включил кнопку электромотора. Болт закрутился и высвободился, однако Элай не успел вовремя отключить гаечный ключ, и поэтому болт, бешено крутясь, отлетел в сторону, ударился о дверцу стенного шкафа и рикошетом попал прямо в ногу Наде. Она взвыла от боли.

— Элай, кретин несчастный! — прорычал Патрик, обернулся и крикнул: — Коретта, немедленно сюда!

Потом грубо оттолкнул Брона в сторону — точнее, оттолкнулся от его плеча, чтобы перелететь к Наде. Та вращалась в воздухе, зажимая обеими руками раненую лодыжку. Под штаниной темнело пятно крови. Патрик уложил Надю на кушетку.

— Ничего страшного, — сказала она. — Просто я никак не ожидала...

— Дайте-ка я посмотрю.

Уинтер прикрепил Надю к кушетке, достал из кармана нож и осторожно разрезал намокшую от крови ткань. Рана выглядела не особенно опасной, хотя и обильно кровоточила. К Наде уже подлетала Коретта с аптечкой в руке.

— Покажите-ка, — сказала она, доставая стерильную салфетку. — Рана небольшая, можно обойтись без швов. Хватит и пластыря. Патрик, поддержи-ка аптечку.

Быстро и профессионально она обработала рану. Уинтер обернулся и посмотрел на двух остальных астронавтов. Элай виновато опустил голову, а Сальников, похоже, еще не оправился от неожиданности.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Патрик. — У нас только что произошел несчастный случай. На этот раз ничего особенного не стряслось, а ведь могло кончиться плохо. Мы и так уже потеряли одного члена экипажа. Полковник Кузнецов погиб, исправляя чужую ошибку, допущенную еще на Земле. Неисправности в космосе никогда не бывают случайными — всякий раз это последствие чьей-то ошибки. Я хочу, чтобы мы с вами ошибок не делали. Мы просто не можем больше позволить себе никаких несчастных

случаев, понимаете? У нас сейчас только одно важное дело, все остальное не имеет значения. Мы должны завести двигатель. Я хочу, чтобы все вы оставались на своих местах, пристегнутые к кушеткам. Конечно, вам будет не очень удобно, но зато не станете путаться под ногами. Это относится и к тебе, Элай.

— Но я...

— Заткнись! У меня нет времени вдаваться в объяснения, препирательства или заниматься пустой болтовней. Так что закрой рот и помалкивай. Все остальные — тоже. Сейчас я открою этот люк и закреплю его. Потом спущусь вниз и проверю, в порядке ли нижний люк. После этого включу интерком и вызову тебя, Элай. Мы вместе включим двигатель. Остальным оставаться на своих местах — вы можете понадобиться.

Уинтер был раздражен и сам чувствовал, что говорит грубо. Но он слишком устал, чтобы изображать вежливость. К тому же на карту сейчас было поставлено все, и он это знал. Надя была опытнее других. Патрик еще не договорил, а она уже пристегнула Коретту к кушетке и сама села рядом, ожидая дальнейших приказаний. Коретта слушала Патрика, заканчивая накладывать повязку. Доктор Брон побагровел от ярости, но спорить не стал — уже неплохо. Только Григорий Сальников выглядел отчужденным и непонимающим; он насутился и отвернулся. Сальников был пока на положении пассажира — всем мешал, ничего не делал... Что ж, придется ему потерпеть, пока «Прометей» не выйдет на рабочую орбиту. Тогда у Сальникова дел хватит.

Патрик поднял крышку люка и закрепил ее специальными зажимами. Потом прицепил гаечный ключ к поясу и влетел в туннель головой вперед. Проход был не намного шире плеч, и чувствовал в этой узкой трубе Уинтер себя неудобно. Ему казалось, что стены мешают дышать. Усилием воли Патрик отогнал клаустрофобию, зная, что подвержен ей лишь в моменты крайней усталости. Он действительно совсем выбился из сил. Сколько часов он уже не спал? Из-за бесконечных задержек старта Патрик потерял счет времени. Во всяком случае, прошло не меньше суток. Лучше об этом не думать. Сейчас главная цель — нижний люк, к которому он летит. Уинтер вытянул руку вперед, уперся в крышку люка и остановился. Пристегнувшись к ближайшей скобе, он достал гаечный ключ. Чуть позади горела

лампочка, но собственная тень мешала Патрику рассмотреть болты. Очередной недосмотр технологов. Кое-как он все же отвинтил болты один за другим: включить электромотор; болт в мешочек; зажать следующий — и так далее. Освобожденная крышка люка сама выплыла ему навстречу. Уинтер раскрыл ее пошире и влетел в моторный отсек. Прикрепившись к стене, он включил интерком:

— Элай, давай ко мне.

Физик-ядерщик медленно выплыл из туннеля, притормозил и повернулся. Проведя несколько часов в космосе, все члены экипажа начинали уже сносно передвигаться в невесомости.

— Какая чудесная машина, — не удержался от улыбки Элай. — Ты только посмотри — сам ядерный реактор стоит семь миллионов долларов, а урановое топливо, на котором он работает, обошлось и того дороже.

Двигатель был отсюда не виден — он находился с внешней стороны, за водородным баком и 25-тонным биологическим щитом, призванным уберечь астронавтов от радиации. В отсеке был лишь пульт управления — довольно сложный, со множеством кнопок и датчиков. По-прежнему улыбаясь, доктор Брон уселся на стул перед пультом и пристегнулся.

— Так. Теперь включим эту штуковину и как можно быстрее подготовимся к полету.

Он нажал какую-то кнопку, и пульт сразу же ожил. Элай дал компьютеру команду, и тот изобразил на боковом дисплее последовательность предстартовых операций. Тем временем на главном дисплее появилась многоцветная схема, объединявшая информацию о состоянии всех клапанов и звеньев управления. Элай быстро проверил всю систему и отключил предохранительный ингибитор. Потом еще раз проверил всю цепь: водородный бак был полон; двигатель стартовой системы и клапаны готовы к работе; сопла двигателя закрыты; теплообменник в порядке; трубопроводы прочищены...

Патрик молча наблюдал, как Элай прогоняет на дисплее весь цикл. Наконец Брон откинулся на спинку стула, полностью удовлетворенный, и показал Уинтеру два больших пальца.

— Проверка окончена. Все в порядке. Супер о'кей, очень окей. Свяжись с Центром и скажи им, что можно начинать, мы готовы к старту. — Он посмотрел на

табло Полетного Времени. — Сейчас 09:16. В относительной безопасности мы можем находиться на этой орбите двадцать четыре часа. Это значит, что остается всего 14 часов 44 минуты, а это не слишком много. Передай Центру, что мы торопимся — нам еще нужно успеть на свою орбиту.

Глава 21

ПВ 05:45

Академик А. А. Цандер был человеком старым и своего возраста не скрывал. Он выглядел дряхлым восьмидесятилетним старцем с растрепанными седыми космами и окладистой белоснежной бородой. Цандер и в молодости не отличался статью, а с годами совсем ссутулился и теперь, разговаривая с людьми, должен был запрокидывать голову. Тем не менее академик был вовсе не так дряхл и слаб, как это могло показаться. И за минувшие годы не раз доказывал свои бойцовские качества. Для того чтобы достигнуть столь высокого поста в Академии наук, мало было научных заслуг — требовался еще и талант политического интригана. Цандер был щедро одарен всеми нужными качествами; однако ему уже стукнуло 83, и он знал: нужно беречь силы для критических моментов.

Сейчас он лежал в своем кабинете на кожаном диване и спал, сцепив длинные белые пальцы на груди. Дышал академик так тихо, что его можно было принять за покойника. Однако стоило двери чуть-чуть приоткрыться, как Цандер тут же пробудился.

— Который час? — спросил он.

— Почти полночь. Пришел американский полковник. Вы просили...

— Да-да. Сейчас спущусь.

Трех часов сна Цандеру было вполне достаточно, чтобы восстановить силы перед предстоящей ночной работой. Он сполоснул лицо и руки водой, вытерся полотенцем. Потом зажег русскую «папиросу» — своеобразную сигарету, в которой бумаги больше, чем табака. Сунув в карман запасную пачку курева, Цандер вышел в коридор. Там было тихо и пустынно; академик шагал медленно, чтобы не расходовать силы попусту. Он чувствовал, что энергия ему сегодня понадобится.

В Центре наземного командования, в отличие от темных коридоров, горел свет и было шумно. Здесь билось самое сердце Капустина Яра, командного пункта, куда поступали все данные и откуда исходили все приказы. Полковник О'Брайен, скромно стоявший у стены, был счастлив, что оказался здесь. В течение десятилетий вся близлежащая зона считалась совершенно секретной, и прочесть о ней можно было лишь в отчетах ЦРУ — да и то безо всяких подробностей. Русские называли командный пункт в Капустином Яре КЯЦНК — в своей любви к аббревиатурам они вполне могли поспорить с американцами. Сюда сходились все нити советских ракетных и спутниковых систем. Сейчас, правда, командный пункт ракетных войск был перенесен отсюда в какое-то иное место — полковник О'Брайен не знал, куда именно. Возможно, ЦРУ было в курсе. В Капустином Яре остался только Центр управления космическими программами, отвечавший за благополучное приземление ускорителей «Прометей». А поскольку проект был совместным, приходилось терпеть присутствие и американского наблюдателя, обеспечивавшего связь с Хьюстоном.

Как долго русские вяляли и финтили, стараясь этого избежать! Вопрос обсуждался во все более и более высоких инстанциях, и в конце концов ЦК принял соответствующее решение, ведь выше обращаться было уже некуда. На следующий же день в Капустин Яр прибыл полковник О'Брайен, много лет мечтавший о подобной возможности.

Он был поначалу несколько разочарован, убедившись, что советские, как всегда, переусердствовали по части секретности. Тут не было ничего такого, что отсутствовало бы в Хьюстоне. В Хьюстоне, пожалуй, оборудование было даже посовременнее. И все же наблюдать за работой русских оказалось очень инте-

ресно — можно было получить представление и о том, как они управляют ракетными системами. О'Брайен вовсе не считал себя сторонником холодной войны, но все же являлся человеком военным, а потому стремился выяснить как можно больше — глядишь, и пригодится. Полковник относился к новому типу военных — имел ученые степени по математике и физике, но при этом оставался честным солдатом. Зажав под мышкой портфель, он с любопытством разглядывал рабочую суету в зале и пульты управления, к виду которых уже успел привыкнуть. Никаких особенных новинок техники здесь не было, но система работала, и очень неплохо.

— Данные принесли? — спросил по-русски низкий хрипловатый голос.

— Так точно, сэр, — ответил О'Брайен тоже по-русски, ибо владел этим языком в совершенстве. Обернувшись, он отдал честь генерал-лейтенанту В. Ф. Быковскому, руководителю проекта с советской стороны. Быковский небрежно отсалютовал в ответ; вид у него был расслабленный и, пожалуй, скучающий. Однако О'Брайен знал, что эта внешность обманчива. Генерал-лейтенант был председателем КОК при МККИ, то есть Комиссии по освоению космоса при Межведомственном комитете космических исследований. Таким образом, он являлся руководителем всех советских проектов, подчиняясь непосредственно ЦК. Большой начальник. О'Брайен открыл портфель и достал оттуда толстую стопку бумаг.

— Вот последние данные об орбите «Прометея», полученные всего час назад, а также расчет на три следующие орбиты.

— Очень хорошо, — кивнул генерал, протягивая руку.

— Не «очень хорошо», а просто отлично, — сказал, присоединяясь к ним, академик Цандер. — Эти данные помогут нам уточнить нашу собственную орбиту.

Старик едва доставал до плеча обоим военным, но в данном случае рост не имел значения. Тот, на ком лежала основная ответственность, и был здесь главным. А за приземление ускорителей отвечал Цандер. Принесенные О'Брайеном бумаги предназначались в первую очередь ему. Академик быстро пролистал их, бормоча что-то себе под нос.

— Как вы намерены поступить с последней ступенью? — как бы между делом поинтересовался О'Брайен. Губы Быковского искривились в легкой улыбке, но взгляд узких татарских глаз остался серьезным.

— Будем сажать, полковник, как же иначе? А для чего же мы тут?

— Разумеется, генерал. Но вы ведь знаете, что там какие-то проблемы с двигателем. Падкие на сенсацию журналисты уже подняли шумиху о возможных последствиях падения ускорителя на Землю.

Отлучившийся ненадолго Цандер появился вновь; к губе его прилипла папироса, седые волосы разлохматились еще больше обычного. Пачка бумаг, которую академик держал под мышкой, стала еще толще.

— Господа, нам нужно поговорить. Можем мы воспользоваться вашим кабинетом, Валерий Федорович?

— Конечно, — кивнул Быковский и первым вышел из зала. Он отлично понял, почему Цандер предложил провести беседу у него в кабинете. Это помещение было снабжено подслушивающей аппаратурой, а значит, каждое сказанное слово будет записано и запротоколировано. Никто не сможет потом сказать, что имели место какие-то тайные переговоры или было заключено секретное соглашение. Да, старик Цандер недаром достиг столь преклонного возраста и столь высокого положения.

— Садитесь, господа. Хотите водки?

Цандер только покачал головой, но О'Брайен с удовольствием согласился. Он хорошо знал, какое количество этого огненного напитка может употребить безо всякого для себя вреда. Именно столько он всегда и выпивал — и ни капли больше. Водка была польская, настоящая на зверобое — О'Брайен любил этот сорт больше всего.

— За ваше здоровье! — произнес Быковский, они опрокинули по рюмке, и генерал тут же налил еще. — Что вы хотели с нами обсудить, академик?

— Вы сами знаете. Нам нужно непременно осуществить посадку последней ступени. Хотите ли вы, генерал, чтобы мы провели эту операцию в одностороннем порядке, или же будет лучше, если полковник О'Брайен тоже примет участие в решении данного вопроса?

Быковский вздохнул про себя, опрокинул еще одну рюмку и подумал о спрятанных микрофонах, а также о

тех, кто в скором времени будет слушать эту беседу. Как хорошо, что он предвидел возникновение данной проблемы заранее и успел сделать ряд необходимых звонков. Решение было принято на высшем уровне — генерал имел надежное прикрытие.

— Тут не может быть двух мнений, — пожал он плечами (еще бы, после нескольких часов телефонных переговоров!), — ведь проект совместный. Полковник предоставил нам весьма ценные данные об орбите. Ну а за приземление ступени он ответственности не несет. Такая позиция вас устраивает?

О'Брайен отхлебнул из рюмки, лицо его было невозмутимо. Ловко придумано, отметил он. Если приземление пройдет успешно, все лавры достанутся русским. Если произойдет сбой, они всегда смогут свалить вину на американские данные и тогда придется разделить с ними ответственность. Советская методика. Все-таки политики из Пентагона по сравнению с русскими — щенки. Наконец полковник кивнул.

— Стало быть, решено, — подытожил Цандер. — Теперь переходим к нашей проблеме. Предыдущие попытки включить двигатель ускорителя были безуспешны. Согласно полученным данным, двигатель номер три неисправен, поэтому его пришлось отключить. Надеемся, что двигатель номер один тоже отключен, иначе баланс двух остальных двигателей будет нарушен. Правда, двигатели два и четыре тоже не желают включаться.

— А вспомогательные двигатели? — спросил О'Брайен.

— Их еще не проверяли. С этим придется подождать до того, как мы примем решение. Большая проблема — горючее, оставшееся в цистернах ускорителя. Примерно 24% емкости.

— Это сколько? — спросил генерал.

О'Брайен потыкал пальцем в калькулятор и ответил:

— Примерно 600 тонн. Смесь водорода и кислорода. Самое взрывоопасное химическое соединение.

— Это мне известно, — равнодушно прокомментировал Быковский. — Продолжайте, Цандер.

— Итак, топливо — большая проблема. Но все же, на мой взгляд, повода для излишнего беспокойства здесь нет. Основная часть горючего будет израсходована до приземления, а остаток, как уверяют мои сотрудники, опасности не представляет. Он тихо-мирно дого-

рит уже после посадки. Но все пройдет гладко лишь в том случае, если мы сможем включить двигатель ускорителя и обеспечить управление его полетом. Обратите внимание на это самое «если». Нужно быть готовым к тому, что нам не *удастся* произвести зажигание и контролировать движение ускорителя.

О'Брайен кивнул:

— Да, не следует слишком надеяться на контрольную систему, которая подвела нас уже дважды.

— Очевидно, вы правы. Но мы составили новую программу, и теперь можем осуществлять прямое управление двигателями с помощью цифрового контроля. Альтернатива у нас с вами такая: мы можем сидеть сложа руки, и тогда через несколько часов ускоритель сам сойдет с орбиты. И сгорит в плотных слоях атмосферы.

— Вы уверены? — тихо спросил О'Брайен.

— Я понимаю, полковник, — кивнул Цандер, поморгав своими обманчиво добродушными глазками. — Вы имеете в виду сообщения в прессе. Это полная чушь, сочиненная людьми, не имеющими ни малейшего представления о физике, орбитальных полетах и вообще науке. Ускоритель не смог бы находиться в космосе, если бы внутри его не поддерживалось постоянное давление. По сути дела, он представляет собой консервную банку с очень тонкими стенками. Банка эта наполнена легко воспламеняющимся горючим. Уверяю вас, вся эта конструкция наилучшим образом сгорит, если войдет в атмосферу. Но, с другой стороны, аппарат стоит больших денег, и сам смысл программы «Прометей» состоит в том, чтобы использовать ускорители многократно. Иначе результат проекта окажется нулевым. Кроме того, очень хотелось бы осмотреть двигатели и всю схему, чтобы выявить огрехи и никогда больше их не повторять.

— Все это весьма веские причины, — согласился О'Брайен. — Но, я полагаю, вы не хотели бы взять на себя ответственность за иной исход дела: вдруг ускоритель все-таки проделает здоровенную дыру в ландшафте какого-нибудь государства да еще отправит на тот свет его мирных граждан?

Цандер зажег новую папиросу и благодушно покивал головой:

— Сказано ясно и прямо, по-американски. Да, именно в этом суть проблемы. Вы согласны со мной, генерал?

— Конечно, — сказал Быковский и стал быстро рассказывать по кабинету взад-вперед, сложив руки за спиной, похожий в эту минуту на медведя в клетке. — Таким образом, у нас два варианта действий. Первое: мы ничего не предпринимаем и просто ждем, пока ускоритель сгорит в атмосфере. При этом остается весьма незначительная вероятность того, что произойдет взрыв. Второе: мы пробуем включить двигатели и восстановить контроль над ускорителем. Скажите, а нет ли третьего варианта — допустим, мы включаем двигатели и выстреливаем ступень на более высокую орбиту, чтобы отложить решение проблемы?

— Это возможно, но равнозначно признанию своего поражения. В этом случае мы как бы публично подтвердим, что опасность действительно существует, что мы не способны управлять собственной техникой и в случае неисправности попросту отправляем ее подальше в космос.

— Да, академик, такой путь для нас не подходит. Стало быть, у нас по-прежнему только два варианта: ничего не предпринимать и дать ускорителю просто сгореть или начать действовать и, возможно, все-таки посадить его на Землю. Если же успешной посадки не получится, ускоритель все равно сгорит, как и в первом варианте.

— Я рассуждал точно так же, генерал, — сказал Цандер. — Бездействие означает верную потерю ускорителя. Действие может привести к тому же, но может и увенчаться мягкой посадкой, что было бы крайне важно.

— Тогда ответ напрашивается сам собой. Не правда ли, полковник? — генерал повернулся к О'Брайену, склонив голову набок в ожидании ответа.

— Очень хотелось бы с вами согласиться, — медленно сказал американец. — В обоих случаях мы рискуем потерять ускоритель, но во втором случае у нас появляется шанс его спасти. Тем не менее не осмеливаясь давать вам совет, поскольку я здесь на положении наблюдателя. Кроме того, вы, по-моему, уже приняли решение.

Слушая О'Брайена, Цандер широко раскрыл глаза:

— Я в восторге от неопределенной определенности вашего ответа, — сухо заметил он. — Если оставите военную службу, можете сделать хорошую политическую карьеру, полковник.

О'Брайен слегка поклонился и улыбнулся. Потом все снова посерьезнели.

— У нас мало времени, генерал, — сказал академик. — Могу я считать, что решение принято?

— По-моему, у нас нет другого выхода. Нужно попытаться доставить ускоритель на Землю в целости и сохранности. Приступайте к программе возвращения.

После этого говорить было уже не о чем. Цандер подождал, пока военные выпьют еще по рюмке водки, а затем все вместе они отправились в Центр. В углу общего зала, за специально установленной стеклянной перегородкой, находился кабинетик О'Брайена. На расположенный там пульт поступали данные почти со всех компьютеров и датчиков Центра. Полковник имел в своем распоряжении шестерых сотрудников, сержантов американской армии. Кто-нибудь из них всегда находился на посту. Правда, дисциплина в воинстве О'Брайена хромала, и, когда полковник вошел в кабинет, сержант Сильверстейн просто помахал командиру рукой. При этом он не преминул отстучать на телетайпе, что О'Брайен вернулся на свое рабочее место. Телетайп немедленно выдал ответ.

— Вас тут с нетерпением дожидаются, полковник, — сказал Сильверстейн. — В Вашингтоне и Хьюстоне хотят получить информацию о решении русских: собираются ли они осуществлять мягкую посадку последней ступени?

— Иными словами, они хотят знать, что произойдет с этим чертовым ускорителем?

— Видимо, так.

— Сообщите им, что в ближайшее время будет предпринята попытка осуществить мягкую посадку ступени с помощью орбитального ускорения с последующим торможением. Детали передам позднее.

— Роджер.

Телетайп снова загудел, а О'Брайен подключился к системе связи. Компьютеры Центра находились в прямом контакте с компьютером ускорителя; они задавали ему вопросы и получали ответы. Самое важное сейчас было выяснить, как расположен в пространстве корпус

ускорителя: куда направлен нос — вверх или вниз; куда помчится ступень — к Земле или к звездам? После аварийного отделения от «Прометей» корпус ракеты перевернулся, и теперь его положение нужно было корректировать. Для этой цели на борту имелись маневровые ракеты. Заодно можно будет проверить, способны ли столь маломощные устройства управлять движением гигантского ускорителя, находящегося сейчас в восьмидесяти пяти милях от поверхности Земли.

— Приступайте к осуществлению программы, — спокойно сказал академик Цандер, убедившись, что все подготовлено как следует.

— Поехали!

Прошло несколько минут, прежде чем были обработаны полученные данные. В Центре возникло радостное оживление.

— Полковник, русские чему-то радуются, — сообщил Сильверстейн.

— Они поддела сделали, сержант! Можете передать руководству, что орбитальный маневр, судя по всему, удался. Ускоритель развернут в нужном направлении. Можно включать двигатели. Если, конечно, они включатся. Но это «если» вы не передавайте.

— Вас понял, сэр.

Включение двигателей — дело ответственное, и прошло два часа, прежде чем компьютеры обработали все данные и остались удовлетворены результатом. Неисправный двигатель и тот, что находился напротив, были отключены. Неполадки, похоже, удалось устранить. Можно было рассчитывать, что на сей раз зажигание произойдет. Об этом свидетельствовали все показания.

И все же в этих расчетах слишком много допущений, подумал О'Брайен, весьма довольный, что не ему приходится принимать решения. Он налил себе кофе из термоса, не отводя глаз от табло предстартовой готовности. Все, время, — сказал он себе.

На табло появились нули, и в тот же миг радиосигнал отдал команду компьютеру ускорителя. Сработали невидимые отсюда переключатели, на дисплеях появилась информация.

— Есть зажигание!

По залу пронесся радостный гул. Еще бы — русским удалось то, что не получилось у американского Центра управления полетом! Вот она, хваленая амери-

канская технология. Советский ускоритель слушался лишь своего родного начальства.

Внезапно один из дисплеев померк, за ним другой. Компьютер лихорадочно выстрелил длинной колонкой цифр.

— Неисправность!

— Напор струи топлива не регулируется!

— Немедленно отключить двигатель!

— Двигатель не отключается. Мы не можем его остановить!

О'Брайен резко повернулся к Сильверстейну и крикнул:

— Срочное сообщение! Проблемы с двигателем ускорителя. Нерегулируемое воспламенение. Ускоритель вышел из-под контроля. Ждите дальнейших сообщений.

— Что, сэр, плохи дела? — спросил Сильверстейн, сосредоточенно стуча по клавишам.

— Да чего уж тут хорошего! А насколько все плохо — скоро увидим.

Глава 22

ПВ 07:20 КОТТЕНХЭМ-НЬЮТАУН

О Господи, что же делать? — в отчаянии спросила себя Айрин. Вчера вечером Генри уселся на кухне и написал письмо в Блэкпул, в тот самый пансионат, где они провели два предыдущих отпуска. Ему как раз сообщили, с какого числа он сможет взять отпуск в текущем году, и он решил заранее заказать те же самые комнаты. Потом Генри отдал письмо ей, чтобы она отнесла его на почту, но конверт так и остался лежать возле маленькой фарфоровой блэкпулской башни — воспоминания о чудесных днях, проведенных в этом городе. Как же быть? Сегодня утром, убедившись, что не хватает денег на воскресный обед, Айрин сняла со счета последние деньги. Поначалу она не могла поверить, что все их сбережения кончились. Она-то надеялась, что там остается достаточно и на рождественские подарки, и на летний отпуск. Генри обязательно об этом узнает, если не сейчас, то позже. Что она сможет сказать в свое оправдание?

Айрин закрыла подолом фартука лицо и всхлипнула, раскачиваясь в горестных муках. Что же делать? Что делать?

Джуди и Мэй не догадывались о заботах матери. Возможно, они бы и посочувствовали, но надолго их сострадания не хватило бы. У девочек были свои проблемы, хоть и менее трудные: как получать хорошие

отметки в школе, поменьше просиживая за учебниками; где раздобыть новые платья и туфли — этого требовал недавно пробудившийся, но уже весьма жгучий интерес к мальчикам, а ведь всего несколько месяцев назад они считали мальчишек грязными поросятами, несносными и отвратительными.

Тем временем Генри Льюис стоял, застыв в напряженной позе: нога уперта в стойку, правая рука занесена над головой, левый глаз прикрыт. С утрюмо-сосредоточенным видом он прицелился — слава Богу, опыта и практики хватало — и метнул дротик. Ах ты черт! Совсем чуть-чуть не хватило до двойной семерки, а то победа была бы в кармане.

— Отличный бросок, Генри!

— Не расстраивайся, а то попал бы в «черную дыру», все очки сгорели бы.

Генри отхлебнул светлого пива из кружки и ничего не ответил, нарочно игнорируя реплики зрителей. Он не расстроился из-за промаха, просто немного разозлился. Надо же было так промазать! Но ничего, игра еще не окончена. Вряд ли Альф сумеет победить. Кружка опустела, и Генри отправился к стойке подлить еще пивка. Бармен Джордж полировал полотенцем стакан, поглядывая на экран телевизора. Генри сунул ему свою пустую кружку.

— Диктор сказал, что у русских какие-то нелады с ракетой, — сообщил Джордж, наливая из крана пенного пива.

— Да ну их, пускают деньги на ветер.

Альф тоже промазал. Значит, шансы еще есть. На этот раз бросок должен быть точным. Генри решительным шагом пошел от стойки прочь.

— А в газетах пишут, что это может плохо кончиться, — крикнул ему вслед Джордж.

— Нам-то какое дело? — пробурчал Генри, поставил кружку на стол и стал готовиться к следующему броску.

Джайлсу Тэннеру теплый вечер не доставлял ни малейшего удовольствия. Он встал в четыре утра и уже валился с ног от усталости. Управлять фермой и всегда-то непросто, а это лето выдалось особенно трудным.

Дни казались бесконечными, работы было невпроворот. Долго шли дожди, потом, когда зерно наконец подсохло и настало время убирать урожай, сын заболел гриппом. Он, конечно, не виноват, но уж больно некстати. Ударом палки Джайлс выгнал на дорогу отбившуюся от стада корову. Вот и придется доить самому, хотя обычно этим занимается Уилл. Вместо того чтобы работать в поле, Джайлс должен спешить на ферму, а ведь дойка коров, несмотря на всю автоматику, дело о-го-го какое трудоемкое. Подоишь — беги назад, там трактор простаивает, нужно зерно убрать. Свинство, просто свинство! Джайлс снова взмахнул палкой — уже просто от злости — и корова, жалобно замычав, побежала быстрее.

Прежде чем войти в коровник, Джайлс глянул вверх. Вечер выдался тихий, небо было ясным — ничто не предвещало дождя. Спасибо и на этом — можно будет спокойно закончить сбор урожая. Над горизонтом загорелась первая звезда. Неужели уже так поздно? Джайлс выругался, вошел в коровник и прикрыл за собой дверь.

Эндрю тоже увидел звезду и посмотрел на часы. Пора ехать. Ему не хотелось появиться там слишком рано и потом долго торчать возле выхода, но, с другой стороны, нельзя было заставлять сэра Ричарда ждать. Эндрю допил виски и удовлетворенно вздохнул. Настоящее солодовое, лучше не бывает. Потом аккуратно вытер горлышко бутылки и поставил ее на место в бар. Металлический стаканчик Эндрю спрятал в отделение для перчаток, повернул ключ зажигания, и мотор сразу же загудел. Отличная все-таки машина «роллс-ройс»! Эндрю включил передачу и тихо покатыл под горку, по направлению к заводу. Жизнь — штука скучная, но и счастья в ней хватает.

Сэр Ричард выключил магнитофон и отложил в сторону стопку писем, на которые не успел ответить. Придется им подождать до завтра. Он зевнул, потянулся, поправил галстук и застегнул верхнюю пуговицу рубашки. Лишь после этого Лонсдейл надел пиджак и

направился к двери. С некоторым сомнением он спросил себя: обязательно ли таскать домой каждый вечер портфель? Сегодня, во всяком случае, это было необходимо — сэр Ричард не успел просмотреть новые данные по химическому производству, а этот вопрос будет обсуждаться завтра на одиннадцатичасовом совещании.

Он взял портфель, погасил в кабинете свет и спустился вниз. Ночной вахтер, читавший за столиком книгу, поднялся со своего места:

— Сейчас отопру, сэр Ричард. Чудесный вечер, сэр.

— Да, погода стоит отличная. Спокойной ночи.

Лимузин уже ждал. Эндрю стоял возле открытой двери. И в самом деле чудесный вечер, подумал Лонсдейл. Он остановился и посмотрел вокруг, чтобы насладиться красками заката.

Последний ускоритель был в космосе совсем один. Земля темнела где-то далеко внизу; люди, построившие его, были тоже далеко, — но другие люди, управлявшие ракетой, все еще имели над ним власть. Несколько часов они разговаривали с ускорителем, посылая невидимые сигналы его антеннам. Сигналы поступали по схемам в компьютер, неживой мозг этого космического зверя, который был напрямую связан с более мощным компьютером, находившимся на Земле, и подробно отвечал на все вопросы своего старшего брата. Наконец поступила команда. Команда была простая, выполнение ее казалось несложным. Сжатый газ вырвался из маленьких реактивных двигателей, расположенных на металлических боках ракеты; массивное тело повернулось вокруг собственной оси и остановилось в определенный момент, подчиняясь приказаниям компьютера.

Теперь следовало ждать главной команды. Вот-вот она поступит, и начнется последний этап полета.

И сигнал к его началу поступил — кодированный набор радиоволн. Антенны ракеты подхватили его, пропустили через схему связи и ввели в компьютер, который, в свою очередь, отдал соответствующую команду. Включилось электричество, сработали реле, защелкали рычаги, открылись клапаны. Скоростные насосы доставили водородное топливо в моторы, где оно встретилось

с кислородом. Зажигание, искра — и из хвоста ракеты на несколько сотен ярдов выплеснулось пламя.

Вдруг один из двух включившихся двигателей захлебнулся. Пламя исчезло, возникло вновь и снова пропало; ракета изрыгнула столб несгоревших частиц. Второй двигатель несколько секунд работал в одиночестве, потом первый включился опять, моментально нагнав по мощности своего собрата. Вдвоем они стали разгонять ракету все быстрее и быстрее.

На самом же деле им полагалось включиться всего на несколько секунд, а затем замереть. Этого толчка было бы достаточно, чтобы направить корпус ракеты по орбите, проходящей над пустынными русскими степями. Там двигателям следовало включиться еще раз, чтобы затормозить движение ускорителя и обеспечить мягкую посадку.

Все произошло иначе. Непрекратившаяся работа двигателей швырнула ракету вперед с невероятной скоростью; ускорение все увеличивалось и увеличивалось, до тех пор пока двигатели не захлебнулись вновь, истощив весь запас горючего.

Через несколько секунд давление окружающей атмосферы стиснуло корпус ракеты, разогрело его; молекулы воздуха сжились с молекулами огромной массы металла, мчавшейся со скоростью пять миль в секунду. Оперение ускорителя раскалилось докрасна, потом добела, потом начало осыпаться расплавленными искрами. Давление было неравномерным, и огромный корпус ракеты начал вилять, рыскать в еще разреженных слоях атмосферы, потом перевернулся.

В принципе это было предусмотрено планом: в атмосфере ускоритель сразу переворачивается хвостом вниз — для последующей посадки. Ракета сделала грациозное сальто и развернулась своими гигантскими соплами книзу. Они были изготовлены из огнеупорного материала, специально предназначенного для движения сквозь плотные слои атмосферы. Однако никакие расчеты не предусматривали движения с такой невероятной скоростью. Сопла нагрелись, потом начали плавиться и рассыпаться. Сразу же вслед за этим на куски стал разваливаться весь корпус.

Слишком поздно было что-либо предпринимать. Огромный шар металла и огня буквально пронзил атмо-

сферу, слой облаков и с устрашающей скоростью устремился к поверхности Земли, которая неотвратимо приближалась.

Сэр Ричард еще раз взглянул на предвечернее небо, вдохнул полной грудью свежий воздух. Вот и первые звезды зажглись: одна вдруг возникла прямо над его головой. Кажется, падающая, подумал он.

Нет, пожалуй, это не звезда — скорее, какой-то огонек, вспышка пламени. Сначала просто точка, потом диск, потом невиданное огненное копье, несущееся прямо на сэра Ричарда и готовое пригвоздить его к земле.

На миг охваченное ужасом лицо Лонсдейла озарилось багровым сиянием. Кошмарный рассвет залил кровавым светом все вокруг — поля, здания.

Потом грянул взрыв.

Шеститонная машина врезалась в землю со скоростью пять миль в секунду. Сумасшедшая скорость преобразовалась в тепловую энергию, не уступающую по мощности взрыву атомной бомбы. Секунду назад все это еще существовало — и завод, и многоэтажные новостройки Ньютауна, и парки, и магазины, и забега-ловки. И вот все исчезло.

За один миг дома, камни, люди, деревья, мебель, автомобили — одним словом, все — сгорело, испарилось, исчезло с лица земли. Первый взрыв уничтожил завод и половину города. Но следом летели остальные куски ускорителя, и спастись от них времени не было. Возможно, кто-то из уцелевших еще успел сообразить, что означает первый чудовищный взрыв и ослепительная вспышка. Может быть, эти люди успели даже испугаться, — но все тут же и кончилось.

За взрывами на землю обрушилась ударная волна. Сжатый до предела воздух дуновением смерти пронесся по окрестностям. В миле от Коттенхэма ударная волна встретила на своем пути стаю птиц; все умерли мгновенно и тут же попадали на землю, хоть на их телах не было обнаружено ни малейших повреждений.

Почва вздыбилась, словно по ней вели огонь тысячи невидимых орудий; деревья, кусты, заборы, животные, развалины домов обратились в прах. Воздушный смерч

пронесся над фермой Тэннеров, смешав в один чудовищный ком людей, коров, доильные машины, камни.

Генри Льюису так и не удалось метнуть свой дротик. Игра осталась незаконченной, летнего отпуска теперь не будет. Зато Айрин больше не придется переживать из-за счета в банке. В Блэкпул ехать больше было не нужно.

Двадцать девять тысяч сто тридцать один человек — мужчины, женщины и дети — в один миг лишились будущего, лишились жизни. Там, где только что стоял город и кипела деятельность, осталась голая пустыня — пятно смерти среди зеленых лугов Англии. Хорошо хоть, что кошмар содеянного какое-то время был сокрыт от взоров пеленой пыли и дыма.

Глава 23

ПВ 07:52

Президент Бэндин был в своем личном туалете, когда кто-то забарабанил в дверь. Через несколько секунд глава государства выскочил оттуда, не успев вытереть руки и размахивая полотенцем. Глаза его пылали гневом. У двери стоял генерал Бэннерман, бледный, трясущийся. Уже одного этого было достаточно, чтобы президент поперхнулся на полуслове. Он никогда не думал, что задубелое лицо старого вояки может приобрести такой землистый оттенок. Казалось, генерал разом постарел на много лет. Сбивчиво Бэннерман изложил суть дела.

— Господи Боже, — хрипло прошептал Бэндин, не находя слов. Словно обессилев, он привалился к распахнутой двери; рука по-прежнему сжимала забытое полотенце. — Господи Боже, Господи Боже...

Шли секунды, минуты, и лишь через час удалось хотя бы в общих чертах выяснить, что же, собственно, произошло. Полковник О'Брайен, офицер связи, прикомандированный к Центру наземного командования в Капустинном Яре, понял, что надвигается катастрофа, одновременно с теми, кто сидел у пультов. Полковник получал на дисплее ту же информацию, что и они. Он

крепко сжал кулаки, увидев, что двигатели вышли из-под контроля, отказались вовремя остановиться и изменили орбиту ускорителя. Новую траекторию полета рассчитать было не так-то просто; в зале началась паника, раздались истерические выкрики — в течение последующих месяцев полковник еще не раз опишет все это на многочисленных секретных допросах. Сейчас же ему оставалось только сидеть и наблюдать за происходящим.

На дисплее мелькали и исчезали цифры — компьютер вычислял орбиту. Она казалась совершенно невероятной. Постепенно голоса в зале стихли — все смотрели на график движения ракеты. Линия все круче и быстрее загибалась книзу. Все присутствующие отчетливо понимали степень надвигающейся опасности — перед их глазами разворачивалась настоящая трагедия — полет последней ступени «Прометей-1». Окаменев, люди наблюдали, как линия наконец уперлась в Землю и прервалась.

Компьютер, беспрестанно выстреливавший на дисплее колонки цифр, больше не давал никакой информации. Деловито стрекотавшие принтеры замолчали. В Центре воцарилась гнетущая тишина.

— Срочное сообщение! — приказал О'Брайен и сам поразился резкости своего выкрика.

Сильверстейн в недоумении посмотрел на своего шефа, ибо он, единственный из всех присутствующих, не догадывался о смысле происходящего — сержант не знал ни русского языка, ни космической технологии.

— Немедленно передайте! Срочно! Президенту Соединенных Штатов! Последняя ступень ракеты вышла из-под контроля. Судя по всему, произошло ее столкновение с Землей. Точное место неизвестно. — О'Брайен зашелестел бумажками, наскоро сделал расчеты и добавил: — По первоначальной оценке — 52 градуса северной широты, 0 градусов долготы.

— Где это, полковник? Где это? — Сильверстейн начал понимать, что произошло.

— Нулевая долгота? Это Гринвич, Англия...

Американцы обменялись взглядами, полными ужаса. Оба хорошо знали Англию, знали, как густо заселены Британские острова. Сильверстейн стал медленно передавать донесение; он знал, что масштабы катастрофы выяснятся не сразу. Закончив передачу, он попросил

как можно быстрее выяснить и сообщить в Капустин Яр о точном месте столкновения.

Расчет орбиты, составленный в Центре, немедленно поступил в Белый дом; туда же передали данные о траектории полета, зарегистрированные из Хьюстона. После этого в Хьюстоне запустили в компьютер собственные расчеты и расчеты русских. В результате с точностью до четверти мили был определен вероятный район падения. Получив эту информацию, офицер связи Белого дома, прежде чем доложить президенту, затребовал ксерокс карты Южной Англии и обвел на ней красным фломастером предполагаемую зону катастрофы. Затем сунул карту и расчетные данные в кожаный дипломат и опрометью бросился к лифту. В резиденции офицера хорошо знали в лицо, кроме того, уже начали поступать тревожные слухи, поэтому часовые немедленно распахнули перед ним двери конференц-зала. Там уже заседал кабинет министров почти в полном составе. Членов правительства собрали в срочном порядке. Все с нетерпением обернулись к вошедшему. Президент молча протянул руку, и офицер передал ему бумаги. Бэндин долго рассматривал их, а когда дверь за офицером закрылась, медленно поднял голову. Руки его слегка дрожали.

— По карте трудно определить точно, но, судя по всему, ракета упала в сельском районе Англии. В Англии так много лугов и полей...

Сказано это было вяло, безо всякой уверенности. Бэннерман взял карту и стал ее изучать. Забыв о своем правиле — никогда не появляться на публике в очках — он извлек из кармана старомодное пенсне в золотой оправе и надел на нос.

— Действительно, местность сельская, — сказал он. — Но прямо через красный круг проходит автострада. Насколько мне известно, на ней всегда оживленное движение. Постойте, здесь еще обозначен какой-то город. Ксерокс неважный, не могу прочесть. По-моему, Готтенхэм-Ньютаун.

— Коттенхэм, — с важным видом поправил его доктор Шлохтер. В отличие от прочих членов кабинета, госсекретарь сохранял невозмутимость. — Это один из наиболее удачных проектов, затеянных британским кабинетом с целью перебазировать легкую промышленность из городов в слаборазвитые регионы. Вы, конеч-

но, помните, что мы вместе с министром труда ездили на церемонию, посвященную началу строительства.

Присутствующие, разумеется, этого не помнили, и им было на это наплевать. Президент обернулся к Чарли Драгони, который сидел у секретарского столика, прижав к уху телефонную трубку.

— Ну, что там?

— Мы держим постоянную связь с Уайтхоллом и нашим посольством в Лондоне, господин президент. Им известно не больше нашего, но они обещали немедленно передать информацию, как только она поступит. Кроме того, подключена линия, соединяющая Белый дом с Даунинг-стрит. Премьер-министр сейчас на совещании выслушивает первые отчеты. Но ему известно, что вы ожидаете его звонка. К тому же... Извините. Алло!

Драгони весь обратился в слух; члены кабинета молча смотрели на него.

— Хорошо, благодарю вас. Я передам. — Чарли поднял глаза. — Через несколько секунд с вами будет говорить премьер-министр, сэр. Но сначала он закончит разговор с Кремлем.

— Кто-нибудь выяснял, какой силы мог быть взрыв? — спросил доктор Шлохтер. — Может быть, мы тут раздуваем из мухи слона? Ведь каждый день случаются авиакатастрофы, а назавтра о них уже никто не помнит.

Бэннерман зачитал с лежащего перед ним листа данные. Все слушали его с напряженным вниманием.

— Согласно сообщению, полученному нами из Центра наземного командования в Капустинном Яре, перед отключением двигателей в топливных баках могло оставаться до 20% горючего. Вместе с массой самого ускорителя это составляет более миллиона фунтов. Очень важен фактор скорости. Если бы ракета летела со скоростью 60 миль в час, она просто оставила бы огромную воронку в земле — не более того. В Хьюстоне считают, что, даже учитывая снижение скорости в результате сопротивления атмосферы, ракета ударилась о землю, разогнавшись примерно до 20 000 футов в секунду. Это составляет примерно 18 000 миль в час. Иными словами, сила взрыва лишь вдвое меньше, чем у атомной бомбы тактического назначения.

— Премьер-министр, сэр, — сказал Драгони. Бэндин взял трубку.

— Да, это я, господин премьер-министр. Я потрясен, как и вы, этой ужасной трагедией. Мы все надеемся, молим Бога, чтобы обошлось без человеческих жертв — или хотя бы минимальными жертвами... Да, я искренне сожалею. Что-что?!.. Да, понятно. Господи Боже мой, какой кошмар. У меня нет слов... Любая помощь, все, что угодно... Разумеется, я понимаю. Конечно, Америка не несет всей ответственности за эту ужасную катастрофу, но тем не менее, как известно, проект совместный, хотя сама ракета советского производства. Знайте — в этот горький час мы готовы оказать вам помощь в любом размере. Да, благодарю вас. До свидания.

Бэндин мягко опустил телефонную трубку и оглядел безмолвных членов своего правительства.

— Это конец, — сказал он. — Чертова ракета действительно попала прямо в город. Коттенхэм или как он там называется. Как будто именно по нему была нацелена. Точные цифры пока неизвестны, но премьер-министр говорит, что погибло не меньше двадцати одной тысячи человек... И это только в самом городке, — помолчав, продолжил он. — Кроме того, пострадала автострада, продолжают поступать сведения о жертвах. Вокруг начались пожары. Премьер-министр объявил в стране чрезвычайное положение, мобилизовал войска, всю службу «Скорой помощи», пожарный департамент — одним словом, все.

— Мы можем предложить англичанам помощь наших солдат, расквартированных на тамошних базах, — предложил Шлохтер.

— Нет, — решительно возразил Дилуотер. — Я, наоборот, советую запретить американским военнослужащим покидать территорию баз. У англичан достаточно людей, чтобы самим справиться с ситуацией. Чьего бы производства ни была ракета, все равно мы в дерьме по уши. Не думаю, что появление американцев будет встречено местным населением с энтузиазмом.

— Согласен, — поддержал его Бэннерман. — Если вы не возражаете, господин президент, я немедленно отдам соответствующий приказ.

— Да, наверное, вы правы.

Бэннерман снял телефонную трубку.

— Но что мы можем сделать еще? — спросил президент, глядя на присутствующих. — Наверняка что-то можно предпринять еще. И как это скажется на проекте «Прометей»?

— А никак, — ответил Дилуотер. — У нас есть запасные ускорители, так что проект в принципе может быть продолжен. Но второй такой катастрофы мы позволить себе не можем.

— Еще бы! Может быть, с этой проблемой мы как-нибудь справимся, но еще один такой фокус, и лавочку придется закрывать. А мне не нужно вам напоминать, как много значит для нас «Прометей». Тут и национальный престиж, и перо в задницу арабам, и следующие выборы. Если проект закончится крахом, если народ поймет, что все эти деньжищи были истрачены зря, то через год на наших местах будут сидеть ребята из той, другой, партии. Кстати, а что там с самим «Прометеем»? В этой суматохе мы совершенно забыли о корабле!

— Нет, господин президент, не забыли, — сказал Дилуотер. — В настоящее время идет подготовка двигателя к включению зажигания. Как только это произойдет, мы вам доложим. На то, чтобы достичь окончательной орбиты, уйдет еще примерно сорок восемь часов. Потом астронавты приступят к сборке генератора.

— Надеюсь. Свяжите меня с Полярным. Хочу выяснить, что по этому поводу думает Кремль. Нам сейчас нужно держаться вместе.

Глава 24

ПВ 12:06

Отсчет предстартовой готовности запуска ядерного двигателя почти закончился, когда из Центра управления полетом поступило сообщение о случившейся катастрофе. Флэкс сначала собрал все данные и лишь потом известил экипаж о происшедшем. На связь вышла Надя, и он во всех деталях рассказал ей о падении ускорителя. Надя вызвала из моторного отсека Патрика и Брона и передала им скорбную весть. Наверное, именно таким голосом говорил Гагарин, первый космонавт нашей планеты, когда пилотируемый им самолет мчался навстречу гибели. Гагарин не катапультировался, чтобы истребитель не упал на школу и дома. Голос его был ровен и спокоен до самого финала. Майор Калинина прошла ту же самую выучку.

Сначала Патрик и Элай отказывались ей верить — слишком уж невероятным казалось случившееся.

— Этого не может быть, — повторял Элай. — Абсолютно исключено!

— И тем не менее это случилось, — тихо, но решительно прервал его Патрик. — Случилось. И мы ничего не можем здесь изменить. Это бремя, которое нам придется нести всю оставшуюся жизнь. Я не знаю, кто виноват. Может быть, виноватых вообще нет. Нам придется пока что выкинуть это из головы, хоть я и знаю,

что требую невозможного. Однако у нас срочная работа. Надя, оставайтесь на связи и докладывайте нам обо всем. Мы с Броном пойдем налаживать двигатель. — Он посмотрел на табло предстартовой готовности, Надя и Элай тоже. — 12:42. У нас остается мало времени. Меньше двенадцати часов на то, чтобы разогнаться и уйти с этой чертовой орбиты. Если не получится, то нас постигнет та же участь. Только «Прометей» проделает в Земле дыру куда большую, чем ускоритель.

Уинтер молча развернулся и нырнул в туннель; Элай последовал за ним.

— Я свяжусь с Центром, — сказала им вслед Надя. Она встала с гравитационной кушетки и заглянула в отсек экипажа. Глаза ее были красны — не от слез, а от усталости. Она еле двигалась.

— Вам нужно отдохнуть, — сказала Коретта. — Это я говорю вам как врач.

— Я знаю, спасибо. Но не сейчас. Слишком много работы. Нужно проверить всю систему воздушных фильтров. А также топливную схему.

— Могу ли я помочь?

— Нет, это специфическая работа, которую умеем делать только Патрик и я.

Надя удалилась в пилотский отсек.

— Всегда одно и то же, — пожаловался Сальников. — Нам с вами делать абсолютно нечего, только ждать, ждать и ждать. Вы-то хоть врач, а я тут на положении пятого колеса в телеге. Балласт и ничего больше.

Выражение лица у него стало совсем кислым — типичный случай славянской меланхолии.

— Вы слишком легко падаете духом, — заметила Коретта, придвигаясь к нему поближе. — Я согласна, что наш полет нельзя назвать безоблачным, но дела не так уж плохи. Наслаждайтесь отдыхом, пока вы пассажир. Когда мы выйдем на орбиту, вы станете главным человеком на борту. Ведь из-за вас, собственно, и затеяна вся экспедиция. Пилоты — просто как бы ваши шоферы, а моя основная задача — следить, чтобы у вас не было насморка. Насколько я помню, вся эта катавасия называется проект «Прометей» и задумана с единственной целью — развернуть на орбите солнечный генератор. Теперь, когда нет полковника, вы единственный, кто может это сделать.

Сальников стиснул свои большие ладони.

— Без Владимира мне будет трудно.

— Григорий, вам придется выйти из этого состояния, — сказала Коретта профессиональным тоном. Открыв аптечку, она достала пузырек с таблетками. Заодно прихватила с собой бутылочку воды.

— Примите вот это, — сказала Коретта, протягивая Сальникову две белые капсулы. — Запейте водой. Через два часа дам вам еще две.

— Что это такое? — спросил он с подозрением.

— Это специальное средство, разработанное фармацевтами для оказания помощи в случае стресса технологического происхождения. Транквилизаторы — великая вещь. Они помогают нам избежать возможных истерик.

— Спасибо, но я стараюсь не принимать лекарства. Они мне не нужны.

— Не бойтесь, Григорий. Эти таблетки не принесут вам вреда, наоборот, помогут. — Коретта заметила странные морщинки у глаз и в уголках губ Сальникова. — Я бы и сама не прочь немножко снять напряжение.

Она сунула пилюли в рот, продемонстрировав, что они действительно лежат у нее на языке, и запила их водой. Потом достала из пузырька еще две.

— Теперь ваша очередь. И не спорьте.

На сей раз Сальников проглотил таблетки без возражений. Коретта вздохнула с облегчением. Тем временем Элай, находившийся далеко внизу, в моторном отсеке, испытывал не меньшее напряжение. Несмотря на терморегуляцию, он обливался потом. Не от работы, а от волнения. Проверка была почти закончена, еще чуть-чуть — и ядерный двигатель будет готов к пуску.

— Все в порядке, — наконец объявил Брон.

— Будем начинать, — ответил Патрик. — Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Нет. Пока вроде бы нормально. Этот двигатель теоретически довольно прост. Урановая пыль заключена в неоновых вихрях, находящихся внутри ламп. Кварцевые трубы, в которых содержится эта смесь, окружены слоем водорода с примесью вольфрама, чтобы увеличить теплостойкость. Водород сдерживает нагревание плазмы урана-235, который медленно нагревается до 23 000 градусов по Кельвину. При этом нагревается и

сам водород. В результате он вырывается из реакционной камеры. Это последний этап перед стартом: остается лишь включить турбонасосы во вторичной водородной петле...

Брон замолчал на полуслове — раздался какой-то звонок, и на пульте зажались красные огоньки. Элай быстро защелкал выключателями.

— Так и должно быть? — спросил Патрик.

— Нет, так быть не должно, — ответил Элай, причем зубы его обнажились в довольно зловещей ухмылке. — Старт пока что откладывается. Что-то не в порядке.

Оба одновременно посмотрели на табло Полетного Времени. 13:03.

Оставалось меньше одиннадцати часов до того момента, когда орбита приведет «Прометей» в соприкосновение с атмосферой.

— Что не так? В чем дело? — спросил Патрик.

— Я еще не знаю. — Элай ввел программу в компьютер, и на дисплее появилась восьмицветная диаграмма всех схем и узлов. — Тут пять двигателей, работающих как одна система. Они гораздо ближе связаны между собой, чем двигатели химического типа. И вот какой-то один, видимо, вышел из строя. Постараюсь определить, в чем дело. Патрик, ради Бога, не дергай меня. Я должен разобраться в этом один.

— Хорошо, я буду в пилотском отсеке. Если буду нужен, вызовешь меня по интеркому.

Оттолкнувшись, Уинтер взмыл вверх. В отсеке экипажа он увидел, что Сальников лежит (а точнее, висит, удерживаемый ремнями безопасности) на кушетке. Патрик хотел к нему обратиться, но Коретта поднесла палец к губам и поманила его к себе.

— Григорий спит, — прошептала она. — И не надо его будить. Он в не очень хорошем эмоциональном состоянии. Усталость и нервное напряжение сказались. Пришлось дать ему снотворное. Я сказала, что это транквилизатор. Он не хотел, поэтому я тоже сунула в рот две пилюли, но сумела потихоньку их выплюнуть.

— Насколько он плох? — спросил Патрик, глядя на спящего.

— Пока трудно сказать. На Земле я бы ответила на ваш вопрос, но здесь другое дело. Полагаю, он доста-

точно устойчив — иначе русские не включили бы его в состав экипажа.

— Это ничего не значит. Согласно докладу, который мне довелось прочесть, Сальников — единственный специалист по микроволновой трансмиссии, который хоть как-то годился для полета. Я подозреваю, что его отправили в космос чуть ли не насильно.

— Если это так, то многое становится ясным. И физические данные, и характер Сальникова мало пригодны для работы в космосе. Но он нам понадобится, когда мы выйдем на орбиту. После смерти полковника Григорий — единственный, кто может собрать генератор. Надеюсь, что, отославшись, он придет в себя и сможет работать. А когда ему будет чем себя занять, проблем с ним не возникнет.

— Спасибо, Коретта. Вы правы. Если от меня потребуется помощь, скажите.

— Дело в том, что он не любит принимать лекарства.

— Я могу ему приказать. Имею на это право.

Патрик направился к пилотскому отсеку, но Коретта ухватила его за рукав.

— Минуточку. Между прочим, вы тоже мой пациент.

— Что, пилюлю? — утрюмо спросил он.

— Нет, вам нужно поесть и попить. И захватите что-нибудь для Нади.

— Конечно, спасибо. Стоило вам напомнить, и я понял, что умираю от голода и жажды.

Уинтер взял пластиковые коробочки и бутылки и присоединился к Наде. Пристегнувшись к кушетке, передал ей провизию.

— Приказ доктора. Надо перекусить.

— Спасибо, я хочу только пить.

— Надо и поесть.

Патрик заставил себя съесть почти весь тубик с пастеризованным рагу, отложив сеанс связи с Центром на потом.

— С двигателем неполадки, — сказал он Наде.

— Не может быть! Неужели опять?! — в ужасе воскликнула Надя, прижав руки к груди.

— Мне очень жаль, — сказал Патрик, беря ее за руку. Кожа у Нади была прохладной. — Надеюсь, ничего серьезного. Элай занимается проверкой...

— «Прометей», «Прометей», вас вызывает Центр управления полетом.

— Привет, Флэкс. Это Патрик. Докладываю: неполадки с ядерным двигателем. Проверка прошла успешно, но при попытке запуска на пульте загорелись красные лампочки.

После короткой паузы Флэкс, усталый и нервничающий не меньше, чем астронавты, спросил:

— Вы выяснили, в чем дело?

— Нет. Доктор Брон как раз этим занимается. На месте ли ваши специалисты по ядерным двигателям? Они могут нам понадобиться.

— Разумеется. Все здесь. Они спрашивают, не можете ли вы передать нам данные по состоянию двигателя?

— Роджер. Сейчас сделаю.

Компьютер корабля занес в память все действия, предпринятые Броном во время проверки и подготовки ядерного двигателя к старту. Со своего пульта Патрик вызвал из памяти эту информацию и одним нажатием кнопки отправил ее в Центр управления полетом. В это время запищал интерком. Трубку взяла Надя и тут же коснулась плеча Уинтера.

— Да? — обернулся он к ней.

— Это был Элай. Кажется, он понял, в чем дело. Я сказала ему, что вы на связи с Центром, и он идет сюда.

Патрик кивнул и снова повернулся к компьютеру.

— Центр управления полетом, имею новую информацию. Сейчас с вами будет говорить доктор Брон. Судя по всему, он установил причину сбоя.

— Еще бы, — сказал Элай, влетая в пилотский отсек. Он увидел в руках Нади бутылочку с водой и внезапно почувствовал, как сухо у него во рту.

— Можно отхлебнуть? Спасибо.

Он выпил половину содержимого, вздохнул и вернул бутылочку Наде.

— Плохи дела, Патрик. Совсем никуда. Я свяжусь с нашими ребятами в Центре, и они воспроизведут ситуацию у себя на макете, но я уверен, что мой диагноз правильный. Ты знаешь, что сердце ядерного двигателя — тяжелые кварцевые трубки. Вот почему такие двигатели еще называют реакторами лампового типа. Кварц — материал прочный, и двигатель надежно защищен от перепадов температуры. Но пого-колебания

и аварийное отделение корпуса ракеты даром не прошли...

— Удар?

— Вот именно. Ведь кварц, по сути дела, — то же стекло. Очевидно, во время попытки отделения ступени был сильный удар. По-моему, одна из трубок разбита.

— А заменить ее можно?

Элай горько рассмеялся.

— Заменить? Даже если бы у меня была запасная трубка, в космосе ничего бы не получилось. Нет уж, если трубка действительно повреждена, надеяться не на что. Двигатель не включится.

— Но что-то нужно предпринять. Мы обязаны попытаться, — настаивал Патрик.

— Что ты предлагаешь?

— Давай посмотрим на двигатель собственными глазами и попробуем разобраться, в чем там дело. Потом передадим в Центр полные данные. Пусть они прикинут, что можно сделать.

— Ах, Патрик, ну и оптимист же ты, сукин сын.

После напряженной и продолжительной работы Элай как-то скис, ссутулился, стал как бы меньше ростом.

— Нет, дело не в оптимизме. Просто я работаю так, как меня учили. Существуют различные программы на случай любых непредвиденных обстоятельств. У нас серьезная проблема, но явно недостаточно информации. Придется выйти в открытый космос и на глаз определить, в чем неисправность. Так и будем действовать. У нас остался всего один исправный жизнеобеспечивающий шланг. Ты им и воспользуешься. Пойдем, надо одеваться.

— Стоп, не так быстро. Я никогда не работал в открытом космосе и уж во всяком случае не собираюсь приступать к этому делу без подстраховки. У тебя гораздо больше опыта, ты сможешь все сделать быстрее...

— Я не физик-ядерщик. Это твоя специальность. Ты участвовал в создании этого двигателя — сам нам об этом неоднократно рассказывал. Так что, наверное, разберешься во всем с первого взгляда. — Уинтер направился к стенному шкафу и вдруг обернулся, потрясенный неожиданной догадкой. — Слушай, ты что, просто боишься, да?

Элай улыбнулся:

— Да, боюсь. Меня пот прошибает при одной мысли о том, что придется висеть в вакууме на резиновом шланге и паре проводов. Я вообще в ужасе от всего этого полета. Но что поделаешь — я сам сюда рвался. Ладно, пойдем одеваться, пока я не передумал.

Патрик не знал, что сказать.

— Ты извини, что я тебя спросил. Пойми, я ничего против тебя...

— Ладно, ладно, мой мальчик, я тебя прощаю. Не очень-то приятный у нас получается полет, а? Сколько времени ты уже не спишь? Двое суток? — Элай взглянул на табло. — 1357. Отсчет времени продолжается. Согласно предварительной оценке, мы врежемся в атмосферу в 24:00. Остается десять часов. Нельзя ли запросить Центр — может, они пересмотрели первоначальную оценку? Просто из любопытства.

— Надя, как только мы оденемся, свяжись с Центром и спроси. Скажи, что доктор Брон вышел в космос осматривать двигатель. Пусть они слушают и записывают все, что он скажет. А потом пусть немедленно обработают всю информацию. Наше время на исходе.

Нельзя было терять ни секунды. Как только скафандры были герметизированы, Патрик открыл внешний люк. Его собственный шланг предназначался лишь для передвижения внутри отсека, поэтому Уинтер мало чем мог помочь Брону: разве что расправить за ним жизнеобеспечивающий шланг.

— Двигайся медленнее, — сказал он. — Главное — не спеши.

— Какое там! — засмеялся Элай. — Я вообще еле ползу.

— Вдоль обшивки есть скобы. Прежде чем отпустить руки, обязательно пристегнись к одной из них.

— Понял. Вроде начал двигаться. Даже быстрее, чем я думал. Наверное, помогает опыт перемещения в невесомости, который я тут успел приобрести. Вижу основание первого двигателя. Раструб, похоже, не поврежден. Перемещаюсь к следующему. Господи, вот оно!

— Что? — оглушительно прогремел в наушниках Брона голос Флэкса. — Мы слышим вас, доктор Брон. Что вы обнаружили?

— Причину неисправности. Мне теперь ясно, что произошло. Во всем виноваты пого-колебания и неудачное отделение последней ступени. Ускоритель ерзал

взад-вперед и повредил обшивку — она врезалась в один из двигателей. Я вижу осколки кварца, а камера вся искорежена. Подбираюсь к ней ближе. Двигатель номер четыре. Остальные, по-моему, в порядке. Попробую заглянуть в раструб. Вижу... О Господи! Настоящая каша. Сломанные трубки, всюду кварцевая крошка. Наверняка произошла утечка.

Элай еще раз осмотрел разгромленное нутро двигателя, потом медленно отвернулся и взглянул на гигантский шар Земли, занимавший полнеба. Из открытого космоса планета выглядела куда внушительнее, чем из иллюминатора. И она была очень-очень близко. Слишком близко. Из Центра что-то говорили, но Элай не слушал. Однако Флэкс сразу же замолчал, стоило самому Элаю начать говорить.

— Этот двигатель не восстановить. Вы слышите меня, Центр? Одна надежда — может быть, вы найдете способ отключить его, чтобы мы смогли двигаться на четырех оставшихся? Если нет — полет окончен. «Прометею» конец. Так что давайте двигайте мозгами. Нужен хороший совет.

Глава 25

ПВ 13:12

В Москве был третий час ночи, и Красная площадь совершенно опустела. Растаяла даже очередь перед мавзолеем Ленина, чтобы появиться вновь через несколько часов. Двое часовых безо всякого интереса взглянули на длинный черный лимузин, выруливший на площадь и понесшийся к кремлевским воротам. Машины этой марки появлялись тут в любое время суток. Сегодня их, возможно, было больше, чем обычно, — но откуда часовым было знать, в чем причина. Советские средства массовой информации ничего не сообщили о гибели города Коттенхэм-Ньютаун. Даже «Голос Америки» на сей раз не торопился «порадовать» русский народ печальной вестью.

Инженер Глушко, шедший первым, без труда проник сквозь внешнюю охрану. Он и академик Мошкин, шагавший за ним следом, неоднократно здесь бывали. Их знали в лицо — тем более, что сегодня всякий имевший отношение к проекту «Прометей» был здесь не случайным посетителем. А Глушко был главным инженером проекта. Да и коротышка профессор, пришедший с ним, тоже имел отношение к «Прометею». Несмотря на то что этих двоих никто не вызывал сегодня в Кремль, им удалось проникнуть довольно далеко, прежде чем незваных гостей остановили. Сквозь внутреннее оцепление пробраться оказалось не так-то просто — приближенные к властям чиновники отличались подозрительностью, зоркостью и хорошей интуицией. Се-

дой мужчина, сидевший за столом, выглядел точно так же, как все предыдущие церберы. Глаза полузакрыты, изо рта свисает сигарета, лацканы пиджака присыпаны пеплом. Но этого одурачить не удалось. Он внимательно осмотрел удостоверения Глушко и Мошкина, даже повертел их в руках, словно надеясь обнаружить какую-то дополнительную информацию, и сказал:

— Так, товарищи. Я вижу, что в проекте «Прометей» вы занимаете очень ответственные посты. Но мне совершенно непонятно, как и зачем вы сюда попали.

— Я же сказал, — заволновался Глушко. — Мы должны немедленно встретиться с товарищем Полярным. Дело неотложной важности.

— Я в этом не сомневаюсь — иначе вы бы не пришли. Всего несколько часов назад вы были на Байконуре, потом на военном самолете вылетели в Москву, в аэропорту вас уже ждал автомобиль. Чем объясняется такая поспешность? По какому делу вы прибыли?

— Известно ли вам про... то, что произошло с ускорителем?

Чиновник с серьезным видом кивнул:

— Известно. Трагическая случайность. В стране будет объявлен траур. Вы прибыли по этому поводу?

— Отчасти. Но не совсем. Послушайте, товарищ, я хочу, чтобы вы поняли нас правильно. Неужели вы думаете, что я или академик Мошкин, один из ведущих астрономов страны, стали бы беспокоить руководство из-за какой-нибудь ерунды?

— Нет, разумеется. Но я не смогу ничем вам помочь, если вы не изложите суть дела. Надеюсь, вы понимаете, в каком я положении.

Глушко вздохнул и выпрямился в полный рост:

— Безусловно. Но, как я уже сказал, наше сообщение предназначено только для ушей товарища Полярного. Поэтому я хочу, чтобы вы немедленно связались с вашим непосредственным начальством и доложили о нашем приходе.

— Мой начальник сейчас на совещании. Если вы немного подождете...

— В конечном счете мы все-таки увидимся с товарищем Полярным. Но он будет недоволен тем, что потеряно столько времени, и ответственный за эту задержку будет наказан. Ясно?

Чиновнику было ясно — даже слишком. В жизни ему не раз приходилось слышать такого рода угрозы.

Если ученые говорят правду, то действительно можно заработать большие неприятности. Но вдруг они блефуют? Что ж, максимум, чем он рискует в этом случае, — устный выговор. Решение было простым. Чиновник встал со стула.

— Я понял. И вы, надеюсь, тоже понимаете, что я готов вам помочь. Пойдите здесь. Я пойду выясню, как скоро товарищ Полярный сможет вас принять.

— Хорошо, — внушительным тоном ответил Глушко, сохраняя величественную осанку. Но как только дверь за чиновником закрылась, он обессиленно рухнул на стул.

— Академик, у меня нервы на пределе. Надеюсь, вы отдадите себе отчет... Если вы ошиблись, нам обоим придется отвечать.

— Не об этом сейчас следует беспокоиться. Беспокоиться надо вот о чем, — постучал академик по своему вытертому кожаному портфелю. — Факты не вызывают сомнения. К тому же их можно перепроверить. Все необходимое находится здесь.

Глушко взглянул на часы, побарабанил пальцами по колену.

— В таком случае пусть они лучше поспешат.

На другом конце света, в Филадельфии, штат Пенсильвания, был ранний вечер. Уже смеркалось, хотя время ужина еще не настало. Занятия в университете кончились, исследовательские лаборатории закрылись, профессора отправились по домам. Лишь профессор Вейсман сидел у себя в кабинете, рассеянно наблюдая, как становятся длиннее тени, и слушая гудки в трубке. Он пытался дозвониться уже не в первый раз. Вейсман аккуратно положил трубку, сцепил пальцы и стал думать — что делать дальше.

Ни одного из тех немногих людей, кто мог ему помочь, не оказалось дома. Телефон либо молчал, либо механическим голосом автоответчика предлагал профессору оставить послание. Но времени терять было нельзя. Вейсман так и не придумал, как передать наверх жизненно важную информацию, полученную им. Не знал он и кому следует ее передать. Разумеется, информация необходима для людей, занимающихся проектом «Прометей». Однако оба номера, которые сообщила

справочная служба, постоянно были заняты. Профессор редко слушал радио, не имел телевизора и поэтому не знал, какая трагедия произошла в Англии. Ему было бы интересно это услышать, но действовать все равно пришлось бы.

Наверное, нужно ехать в Вашингтон, подумал он. Вейсман ненавидел путешествия. Он всегда говорил, что с него на всю жизнь хватит бегства из Фраунхоферовского института в Германии и последующей гонки по всей Европе от наступающих фашистских войск. Жизнь в Пенсильванском университете была приятной, спокойной, и Вейсман не собирался ее менять. Однако теперь, очевидно, придется нарушить установленный порядок вещей. Да, ехать в Вашингтон необходимо. Еще не вполне решившись, Вейсман начал запихивать толстую пачку бумаг в портфель — такой же старый и неприглядный, как у академика Мошкина. Как раз в этот самый момент Мошкин нервно тискал свой портфель, дожидаясь аудиенции в Кремле.

В коридоре раздались шаги, в стеклянную дверь кабинета кто-то постучал. Вейсман не ответил — он был так сосредоточен, что ничего вокруг не слышал. Лишь когда дверь распахнулась, профессор поднял глаза. В дверном проеме появилось бородатое лицо.

— Сэм, вы слышали? Слышали, что случилось с тем городом в Англии?

— А-а, Дэнни. Заходите. Мне нужно с вами поговорить.

— Значит, не слышали. Один из ускорителей «Прометей» уничтожил целый город. Погибло множество людей. Никто не знает точно, сколько именно. Это хуже, чем ядерный взрыв.

— Дэнни, вы не знаете случайно, как доехать до Вашингтона, округ Колумбия?

Дэнни изумленно разинул рот, но тут же взял себя в руки. Он достаточно давно преподавал в университете, чтобы перестать считать некоторых своих коллег полумными — это просто были индивидуумы с особым кругом интересов и специфической способностью к концентрации. Сэм Вейсман был нобелевским лауреатом, его уважал весь мир. Да, ему было наплевать на погибший город, он не знал, как добраться до Вашингтона, находившегося всего в сотне миль от Филадельфии, но это не имело значения. Дэнни пожал плечами и на минуту выкинул из головы мысли о Коттенхэме.

— Можно поехать на автомобиле, можно сесть на автобус, можно поездом.

— Я терпеть не могу двигателя внутреннего сгорания, — озабоченно нахмурился Вейсман. Он достал из кармана старомодный кошелек и порылся в нем. — Четыре доллара. Полагаю, этого будет недостаточно.

— Да, пожалуй. А что вам нужно в Вашингтоне?

Вейсман проигнорировал его вопрос, размышляя над трудностями предстоящего путешествия.

— Банки закрыты. А что если вы, Дэнни, одолжите мне денег, а я выпишу вам чек? Как вы думаете, пятисот долларов будет достаточно?

— Пять сотен — более чем достаточно. Но у меня может не быть при себе таких денег, — Дэнни заглянул в бумажник. — А, да вам повезло. Я только что получил по чеку зарплату. Могу вам дать две сотни, а вы вернете мне по возвращении. Ваш кредит не вызывает сомнений.

Вейсман натянул пиджак.

— Скажите, а в Филадельфии один вокзал или несколько?

— Не беспокойтесь, я вас подвезу. Скажете в кассе, что вам нужен билет до Вашингтона. Постарайтесь сесть на поезд «Метролайнер», потому что в обычном вагоне у вас через пять минут начнется приступ геморроя.

— Благодарю за совет. — Профессор надел шляпу. — Как вы думаете, Смитсоновский институт трудно найти? У меня там работает один друг.

— Профессор, мне огромного труда стоит удержаться и не пристать к вам с вопросами: что вам понадобилось в Смитсоновском институте среди ночи? Боюсь, вы все равно не скажете. Возьмите такси возле вокзала и скажите шоферу, куда вам нужно. Институтский вахтер, наверное, знает, где разыскать вашего друга. И желаю вам удачи.

Всю дорогу до вокзала профессор Вейсман сидел молча, аккуратно положив свой старый портфель на колени. Точно в такой же позе сидел в кремлевской приемной академик Мошкин. Однако этим сходство не исчерпывалось.

Оба были учеными с мировым именем.

Оба были специалистами по Солнцу.

Глава 26

ПВ 13:57

— Возьмите сигару, Купер, — сказал главный редактор. — Вы такой сто лет не видели. Настоящая гаванская сигара, первая партия после заключения торгового соглашения с Кубой.

— Прошу прощения, сэр, извините, я не курю.

Купер так нервничал, что боялся не только рукой пошевелить, но даже подумать о том, чтобы поднести пальцы ко рту. Он редко встречался с главным редактором газеты и, разумеется, никогда прежде не бывал в его кабинете. Здесь даже заведующий отделом городских новостей, это воплощение власти и сквернословия, становился подчиненным и отступал на задний план. Редактор открыл бар; его розовые на пухлых белых руках ногти блестели, одежда была безукоризненной. Ни чернила, ни газетная грязь не приставали к нему. Он вынул хрустальный графин и улыбнулся, продемонстрировав два ряда великолепных белых зубов.

— Но выпить-то вы, конечно, выпьете, — сказал он. — Канадское, двадцатилетней выдержки. Вам, пожалуй, понравится. Содовой?

Купер только кивал, все еще чувствуя себя не в своей тарелке, не понимая, зачем он здесь. Увольнение? Нет, такими вещами обычно занимаются чиновники рангом пониже. Тогда зачем? Он сделал большой гло-

ток, стараясь не поперхнуться. Горло обожгло, словно огнем, — обычно он не пил ничего крепче содовой с вишневым сиропом.

— Славно, правда? Я знал, что вам понравится. — Он посмотрел на заведующего отделом новостей. — Пора?

— Еще несколько минут, сэр.

— Ладно, включайте. — Заведующий прошел по ковру к телевизору, стоявшему на резной подставке красного дерева, и включил его. — Специальный репортаж из Великобритании, Купер. Я думаю, вам следует посмотреть.

— Да, прекрасная мысль, спасибо, сэр. — Он отхлебнул еще глоток и, моргая, сквозь слезы уставился на знакомое лицо Вэнса Кортрайта на экране. Выражение этого лица было самое мрачное, и говорил Кортрайт низким, похоронным голосом.

— Сегодня вечером на пасмурном небе над Британией не видно ни луны, ни звезд, как будто сами небеса оделись в траур по погибшим. Эта страна перенесла множество несчастий в прошлом — нашествия чумы, Великий лондонский пожар, траншеи первой мировой войны и бомбежки во время второй. Эти люди умеют и сражаться, и выживать, и умирать достойно. Но никогда прежде не случалось катастрофы, подобной той, что произошла здесь несколько часов назад. Сведения о ее последствиях все еще продолжают поступать, но центр небывалого катаклизма, внезапно низвергнувшегося с небес, здесь, позади меня. Место, где находился Коттенхэм-Ньютаун. Я говорю «находился», потому что иначе это определить невозможно.

Пока он говорил, кадр сменился, и вначале почти ничего нельзя было различить, только движущиеся огни и какие-то клубящиеся тучи. Лишь когда камера отодвинулась, стали видны развалины. Их освещали прожектора, и пожарные в респираторах копошились в тучах дыма и пыли.

— Здесь, на окраине города, была процветающая ферма, прочная постройка, простоявшая несколько веков. Взрывная волна уничтожила ее в одно мгновение, превратив в груды обломков, которые вы сейчас видите. Мало надежды, что кто-то смог выжить, но все же искать нужно. В центре города в подобных поисках даже необходимости нет.

Камера отъехала, и появилась местность, где прежде находился Коттенхэм-Ньютаун. Светили армейские прожектора. Разглядеть что-нибудь было невозможно. Эти почерневшие дымящиеся развалины не имели ничего общего с некогда существовавшим здесь городом. Пожары еще продолжались, клубы дыма снизу светились красным, будто исходили из преисподней. Даже хорошо поставленный голос Кортрайта дрогнул.

— Возможно, единственная хорошая сторона этой... этой немыслимой катастрофы то, что они ничего не подозревали, не испытали никакой боли. Все кончилось в одно мгновение. Пока еще нет полных сведений об ускорителе, упавшем сюда, но ясно, что он двигался со скоростью, во много раз превышавшей скорость звука. Во время второй мировой войны «Фау-2», чьим потомком являлась эта ракета, перемещались быстрее звука, и обитатели Лондона узнавали о них, только когда раздавался взрыв. Здесь произошло то же самое. В одну секунду живой город был превращен в огненный ад. Пожарные команды и сотни полицейских направлены сюда со всех концов. На подходе войска. Дороги перекрыты, чтобы могли пройти спасатели. Но, к несчастью, мало что осталось спасти, разве что на окраинах, на периферии ударной волны, возникшей в результате взрыва. Здесь произошло также множество автомобильных аварий, в одну из них на автостраде попало около семидесяти машин. Здания полностью разрушены, в основном это отдельные фермы и дома, людей на улицах расшвыряло. Через несколько минут мы получим сообщение из больниц, но сначала информация о том...

Редактор выключил телевизор, прежде чем появилась реклама. Он улыбался удовлетворенно, словно кот, вылакавший большую миску сливок. Он поднял свой бокал.

— За вас, Купер, — сказал он. — Вы написали статью, вы раньше всех предвидели, что произойдет, и мы первыми напечатали про это и сейчас бьем все рекорды по тиражам. Я послал туда трех репортеров и пятерых фотографов специальным рейсом, мы дадим об этом небывалый репортаж. И мы не забываем о вас, Купер. Ваша зарплата будет увеличена на двадцать долларов, и еще премия...

— Спасибо, сэр! Большое спасибо!

— Не за что. Только справедливо. Но вы ведь хотите отработать свое повышение, Купер? Хотите, я вижу. Нет-нет, не беспокойтесь, всего лишь несколько капель, заведующий вытрет. Я хочу, чтобы вы подумали о более грандиозных событиях. Вы сейчас пойдете и напишете продолжение, от которого наш тираж подпрыгнет выше всех в мире!

— Какое продолжение, сэр? — изумился Купер.

— Вы, конечно, шутите. Об остальных частях этой чертовой ракеты, вот о чем! О том, что произойдет, когда она сама свалится нам на голову, о том, насколько ужаснее будет катастрофа. Пишите подробно, мне нужны детали.

— И-но пока, кажется, нет никаких признаков, что «Прометей» потерпит аварию. Всего лишь мелкая неисправность двигателей...

— Не верьте ни единому слову. Они ничего не говорили нам о том, что эта проклятая ступень сметет пол-Англии, и про то, что произойдет с остальными, тоже не собираются докладывать. Мне нужны цифры и факты. Я хочу, чтобы уже в утреннем выпуске был не только подробный рассказ о том, что случилось, но и все о надвигающихся более крупных событиях. Сколько человек на этом корабле?

— Шесть, то есть пять, один погиб.

— Первая жертва, — он ткнул пальцем в сторону заведующего отделом городских новостей. — Биографии всех, с интимными подробностями. Расскажите о тех, кто стоит в очереди за смертью — и о тех, кто умрет вместе с ними. Вы знаете, как это делается.

— Разумеется, сэр.

— Вот и приступайте. Я буду здесь всю ночь. Покажите мне оттиск первой полосы, как только она будет набрана. Я напишу редакционную статью, на первую полосу, в рамку, тридцать строк. Учтите это. — Он допил виски и торжествующе пристукнул бокалом. — Телевидение и радио — великая вещь, и они считают, что время газет прошло. Но мы им еще покажем!

Глава 27

ПВ 14:21

В Вашингтоне была почти половина восьмого. Правительственные учреждения опустели, как и улицы, все служащие сидели по домам, включив кондиционеры на полную мощность. Расходы электроэнергии увеличились, как всегда по вечерам, когда к тому же включались кухонные плиты и телевизоры. Они работали весь вечер, все телевизоры, почти каждый был настроен на продолжавшийся репортаж о катастрофе в Англии. Только один канал, транслировавший важный бейсбольный матч, не решился прервать его, опасаясь, что болельщики подожгут здание компании, как случилось однажды, когда из-за технических неполадок телевизоры отключились на последней решающей подаче. Но сейчас только самые твердолобые смотрели этот матч. В Англии происходили события поважнее.

В Белом доме продолжалось совещание. Уже два с половиной часа, и конца ему не предвиделось. Бэндин коротко переговорил с советским премьером, но от этого ничего не прояснилось. Полярный придерживал карты и сказал мало. Он и его советники все еще вырабатывали тактику или готовились представить факты в нужном свете, а может, искали возможность убедиться, что их американские партнеры разделяют ответственность за аварию на «Прометее». Пока они не

решили, как себя вести в этой ситуации, разговаривать с ними было трудно.

Американский кабинет решал ту же проблему, но с другой стороны.

— Мы не можем свалить на советских всю ответственность, — настаивал Саймон Дилуотер.

— Почему? — спросил доктор Шлохтер. — Это теперь политическая, а не техническая проблема, так что их госдепартамент несет полную ответственность. Они наши партнеры, да, но эта катастрофа на их совести, и мы должны быть уверены, что нас не вздернут за это вместе с ними. Управление государством, как говорил великий Меттерних, — это искусство...

— Пошли вы со своим Меттернихом, — сказал генерал Бэннерман, яростно откусив кончик сигары и сплюнув его на пол. — Вы вытащите своего фрица, а я своего и задавлю вас цитатами из Клаузевица. На этот раз мы просто забудем о дипломатии и холодной войне и останемся в одной лодке с русскими. Это наш совместный проект. Если мы сейчас дадим им под зад, они заберут свои игрушки и уйдут. «Прометей» не поднимется без их ускорителей. Вы согласны, господин президент?

Генерал Бэннерман был опытен в делах такого рода, вот почему он являлся председателем Объединенного комитета начальников штабов, а не просто командовал боевой дивизией. Шлохтер уже открыл было рот для ответа, когда генерал обратился к Бэндину, и Шлохтеру оставалось лишь поблагодарить и промолчать. Бэннерману нравился госсекретарь — его было так легко поддеть. В армии и дня бы не протянул.

— Я вынужден согласиться, — сказал Бэндин. — Ниоткуда не поступало никаких официальных сообщений, что это был советский ускоритель. Эта трагедия в космосе — не первая жертва во имя прогресса, всего лишь неизбежная случайность — что-то вроде дорожно-транспортного происшествия космической эры. И мы предлагаем англичанам большую помощь. Большие деньги. Они на мели и оценят это.

— Звонят из Центра управления в Хьюстоне, господин президент, — сказал Чарли Драгони.

— Включите репродуктор.

— Можете говорить, президент слушает.

— Центр управления, господин президент. На «Прометее» произошли события, о которых я хотел бы доложить вам и мистеру Дилуотеру, — голос шел из репродуктора на столе, ясно слышный всем присутствующим.

— Он здесь, рядом, Флэкс. В чем дело?

— В ядерном двигателе «Прометей». Неисправность найдена. Повреждена оболочка камеры, и четвертый двигатель выведен из строя. Возможность восстановления равна нулю.

— Что-что? — переспросил Бэндин. — Дилуотер, это еще что за тарабарщина? Что он несет, черт побери?

— Повреждена оболочка, металлическая обшивка двигателей, которая защищает их во время взлета. Это, вероятно, произошло, когда не смог отделиться ускоритель. Починить двигатель невозможно.

— Вы хотите сказать, что «Прометей» тоже застрял там и ему грозит та же судьба, что и у той железяки, которая разметала английский город?

— Не думаю, что положение настолько плохо, сэр. Видимо, четыре остальных двигателя не пострадали. Разрешите, я поговорю с Флэксом? — Бэндин кивнул. — Хэлло, Центр. Что предпринимается, чтобы использовать остальные четыре двигателя?

— Компьютер как раз сейчас просчитывает варианты. Мы сообщим вам, как только решение будет найдено.

— А это возможно? За оставшееся время?

— Это единственный шанс. Одну минуту, пожалуйста... На другом конце слышался шум голосов, затем Флэкс снова заговорил. — У нас есть просьба с «Прометей». Они хотят поговорить с вами.

— Соедините, — велел Бэндин.

— Мне не хотелось бы беспокоить вас, господин президент...

— Беспокоить! О чем же нам еще думать, пока эта штука не поднимется, куда ей положено! Соедините их с нами, Флэкс.

— Слушаюсь, сэр.

Пока переходили с радиосвязи на телефон, слышалось потрескивание и щелчки. Это продолжалось несколько минут, потом Флэкс дал добро.

— «Прометей», вы на связи с директором Дилуотером, который в данный момент находится у президента. Говорите.

— Господин Дилуотер, господин президент, майор Уинтер на связи.

— Давайте, Патрик, — сказал Дилуотер.

— Вы знаете о наших трудностях с атомными двигателями?

— Да.

— Так вот, мы смотрим на табло, и, похоже, перед нами серьезная проблема. Видимо, мы не укладываемся в сроки.

— Что вы имеете в виду?

— Теперь, когда последняя ступень отделилась, изменив массу корабля, у нас есть приблизительно двадцать восемь часов до того, как мы сойдем с этой орбиты и войдем в атмосферу. Пока что все это остается в силе. Учитывая время, необходимое для запуска двигателей, мы можем не уложиться в столь короткий срок и не успеть вовремя покинуть эту орбиту. Вы понимаете?

— Да, конечно.

— В таком случае я хотел бы узнать, как вы планируете снять экипаж с корабля, прежде чем он войдет в плотные слои атмосферы?

— Экипаж... собственно, никак. Мы не рассматривали такой возможности.

— Что ж, надеюсь, вы рассмотрите ее теперь, — на сей раз голос Патрика прозвучал достаточно резко.

— Да, разумеется. Но вы же знаете, что транспортный корабль вам на замену должен был отправиться не раньше, чем через месяц. Понадобится не меньше шести дней, чтобы вывести его на старт.

— Я знаю. Но я думаю про Советский Союз. У них есть рабочий транспортный корабль, способный совершать стыковку на орбите? Или, может быть, он в ведении их ВВС? Они выполняли челночные рейсы на орбитах с малым периодом обращения. Есть у них сейчас что-нибудь на ходу?

— Я не знаю. Но здесь находится генерал Бэннерман, я спрошу у него. — Он взглянул на Бэннермана, вопросительно вздернув брови.

— Ответ отрицательный, — сказал Бэннерман с бесстрастным лицом. — Челнок будет готов через несколько дней. Его нельзя запустить за десять оставшихся часов.

— «Прометей», вы слышали?

— Да. Но мы все же хотим знать, что есть у советских. Пожалуйста, сообщите как можно скорее.

— Хорошо. Одну минуту, «Прометей», с вами хочет говорить президент.

— Говорит ваш президент, майор Уинтер. Я лишь хотел сказать, что наши сердца постоянно с вами и вашим экипажем. Первостепенное значение придается безопасности и успеху полета «Прометея» и, конечно, вашей личной безопасности. Будьте уверены, будут предприняты все возможные усилия для обеспечения вашей безопасности и успеха полета.

— Спасибо, господин президент. Конец связи.

— Парень довольно груб, — сказал Гродзински. — Ему не мешает последить за своим языком.

— Они там, конечно, несколько взвинчены, — заметил Бэннерман.

— И все же...

— Заткнитесь, Гродзински, — сказал Бэндин. — Перед нами проблема. Мы должны подумать о тех людях в космосе и о том миллионе тонн всякого американского оборудования, вместе с которым они сейчас летают. Дилуотер, если им нельзя будет помочь, что именно произойдет через двадцать восемь часов?

— «Прометей» войдет в атмосферу, — он снял очки и растирал воспаленную переносицу. — А что будет потом, точно сказать нельзя. До сих пор ни один корабль, равный «Прометею» по массе, в такую ситуацию не попадал. Он может взорваться и сгореть, а может и выдержать — и упасть на поверхность Земли целиком.

— Вы что, хотите сказать, что возможно падение еще одной ракеты? Как в первый раз?

— К великому сожалению, господин президент, должен сказать, что на этот раз авария может быть значительно серьезней. «Прометей» не только весит гораздо больше, но и является носителем ядерного топлива. Около пятисот фунтов радиоактивных урановых таблеток. Неясно, взорвутся ли они при входе в атмосферу...

— Они не должны взрываться, — вмешался Бэннерман. — Они сгорят, будут плавиться, распыляться в виде радиоактивного газа. Замечательно, если бы такая штука приземлилась у нас на задворках.

— У нас, у кого-то еще... Учитывая ее местонахождение на орбите в данное время, она может упасть куда угодно.

— Я этого не понимаю, — сказал президент.

— Это связано с вращением Земли, сэр. «Прометей» совершает один виток вокруг Земли каждые восемьдесят восемь минут по овальной орбите. Но в то же время и сама Земля вращается, движется, поэтому с каждым оборотом Земли корабль проходит над разными точками ее поверхности. В какой-то момент, к несчастью, орбита «Прометей» прошла над Великобританией, как мы теперь с прискорбием знаем.

Внезапно Бэндину пришла в голову мысль.

— Кто-нибудь потрудился просчитать, где пройдет орбита через двадцать восемь часов, когда эта штуковина предположительно начнет падать?

— Да, сэр, такие расчеты есть. — Дилуотер положил перед ним на стол лист бумаги. — В это время корабль будет пролетать над северной частью Тихого океана, над заливом Аляска.

— Прекрасно, — сказал Бэндин. — Не станем переживать из-за айсбергов и нескольких полярных медведей.

— Нет, сэр. Но далее он проследует на юг вдоль всего тихоокеанского побережья страны. И пролетит по очереди над Сиэтлом, Портлендом, Сан-Франциско, Лос-Анджелесом и Сан-Диего.

В оглушительной тишине смысл сказанного медленно доходил до всех.

Глава 28

ПВ 15:08

— Собрание экипажа, — сказал Патрик. — Я хочу, чтобы вы все знали, как обстоят дела с двигателями, и прочее...

Он удивился, заметив, что произносит слова с запинкой. За годы работы испытателем он привык обходиться без отдыха долго, по целым дням. Он научился справляться с усталостью. Но никогда прежде он не уставал так, как сейчас; если бы не состояние невесомости, он бы рухнул на кушетку. И другие выглядели не лучше. Наверно, у него глаза такие же красные, как у Нади, можно и не смотреться в зеркало. Элай бледен от усталости и напряжения, под глазами его будто сажень навели крути. Только двое выглядели относительно нормально. Григорий, все еще не совсем проснувшийся, старался не ронять голову. Коретта держалась спокойно и естественно. Если она и нервничала, то не показывала этого. Хотя смотрела на Патрика с глубокой тревогой.

— Ну и вид у тебя, Патрик, — сказала она. — По-моему, тебе трудно даже говорить?

— Еще бы, доктор. Я ужасно устал.

— Я полагаю, спать ты не собираешься?

— Правильно полагаешь.

Она переместилась к стене и открыла свою аптечку.

— При других обстоятельствах я бы этого не сделала. Но у меня здесь много стимуляторов — бензадрин, дексадрин. Хочешь? Ты знаешь, что потом тебе может стать хуже?

— Никакого «потом» может и не быть. Давай побольше.

— Что ты имеешь в виду? — Коретту поразила внезапная жесткость его тона.

Прежде чем ответить, он проглотил таблетки и запил их водой. Теперь все с напряженным вниманием приготовились его слушать, даже Григорий стряхнул дремоту.

— Давайте посмотрим фактам в лицо, — сказал Патрик. — Мы не можем позволить себе погибнуть из-за собственных ошибок. Шансы и так невелики. Сейчас, — он взглянул на табло, — 15:11. Мы все еще находимся на низкой околоземной орбите, которая предположительно прервется в 43:00 полетного времени, примерно на середине двадцать восьмого витка.

— Почему они так в этом уверены? — спросила Коретта. — Я хочу сказать, разве воздух не замедлит падения? Это будет происходить как бы постепенно.

— Не совсем так, — ответил Патрик. — Наше движение уже замедляется — ведь мы уже в верхних слоях атмосферы и все время опускаемся ниже и ниже. Но нужно помнить, что наша орбита на самом деле не круглая, а похожа на большой эллипс. В апогее — самой высокой ее точке, когда мы наиболее удалены от Земли, — мы находимся на сотню километров выше, чем в перигее, самой ближней точке. На двадцать восьмом витке, войдя в перигей, мы окажемся в плотных слоях атмосферы — и все. Конец путешествию.

— Двигатели, — резко сказал Григорий, — вы должны запустить двигатели! — Его лицо снова стало напряженным, кулаки сжались так, что костяшки побелели.

— Нам бы очень хотелось, Григорий, поверь мне, правда. Но четыре оставшихся двигателя невозможно включить, пока мы как-нибудь не отсоединим разбитый. Элай, у тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Есть, — он взмахнул сложной схемой, которую изучал. — В Центре управления этим уже занимаются, но я пытался разобраться сам. Беда в том, что все пять двигателей связаны между собой. У них общий источник подачи водорода — как для тормозной системы, так и для топливного смесителя. Теоретически блокировать четвертый двигатель возможно. Это означало бы

выход в космос — надо перекрыть множество клапанов, перерезать и изолировать кабели и провода, блокировать их. Но это опасно. Заденешь не тот провод — и конец игре. Плюс еще одно: когда в космосе все будет сделано и заработают двигатели — если заработают, — что за тяга получится? Можно ли учесть смещенную тягу? Я не знаю, но надеюсь, что ребята в Хьюстоне разберутся. И еще одно, последнее и очень важное, — Элай обвел взглядом внимательные лица и не смог посмотреть людям в глаза. Он резко отвернулся. — Скажи ты, Патрик. Ты ведь капитан тонущего корабля.

— Ну, еще не совсем потонувшего, — отозвался Патрик. — Но главная сложность в том, что, даже если мы запустим двигатели, хватит ли у нас времени, чтобы вырваться с этой орбиты до двадцать восьмого витка? Верхние слои атмосферы — странное место, здесь ничего нельзя точно предсказать на какой-то заданный отрезок времени. Может быть, мы уложимся в срок, может быть, нет. Мы можем лишь попытаться.

— Это действительно все? — спросил Григорий как-то слишком громко.

— Нет. Я уже разговаривал с Дилуотером и президентом по поводу того, чтобы нас сняли с «Прометей» раньше двадцать восьмого витка, если все обернется к худшему.

— И можно так сделать? — живо спросил Григорий.

— Это рискованно, но возможно. Корабль, который должен был поменять зкипажи через месяц, еще не готов. Однако есть ведь военные многоразовые корабли в США и в Союзе тоже. Рассматриваются все возможные варианты. Вот таково положение. Как только Центр сообщит, что это можно сделать, мы попытаемся отсоединить разрушенный двигатель. Потом включим остальные. Потом, если повезет, выйдем на заданную орбиту. Если же этого сделать нельзя, то сейчас разрабатываются альтернативные планы, чтобы снять нас отсюда.

— А если нас не снимут?.. — очень тихо спросила Коретта.

— Я не знаю, — ответил Патрик. — Если ты спрашиваешь, выберемся ли мы отсюда живыми, что ж, я отвечу: нет, не выберемся. Корабль может взорваться, а может рухнуть целиком. В любом случае нам из него не выйти.

— Но... разве его нельзя как-то... посадить?

— Нет. Никаких шансов.

— Но если «Прометей» упадет, может ли случиться что-нибудь ужасное, как с этим английским городом?

— Много шансов против, — сказал Патрик, насколько сумел спокойно. — Очень много. Две трети Земли покрыто водой, так что, вероятно, «Прометей» попадет в океан. И еще около трех четвертей суши занимают горы, джунгли, пустыни и все такое прочее. Я сомневаюсь, что назревает еще одна катастрофа...

— Ты сомневаешься! — хрипло выкрикнул Григорий, перевернувшись в воздухе и пытаясь выпрямиться. — Мы попадем черт знает во что, разве этого недостаточно! Мы умрем, и это конец!

— Ты должен держать себя в руках, Григорий. Ради себя и нас тоже... — Зазвучал сигнал радиосвязи, и Патрик обернулся к люку.

— Я займусь этим, — сказала Надя и оказалась у люка прежде, чем он успел ответить. Она была права, его место было здесь.

— Нам всем тяжело, Григорий, — продолжал Патрик. — Я понимаю, каково тебе сидеть здесь взаперти без дела. Но мы еще можем выпутаться, и в таком случае ты незаменим. Не забывай об этом. Все вообще затеяно для того, чтобы поднять на орбиту именно тебя с генератором, а не нас. Именно ты и должен выполнить главное задание.

Надя возвращалась назад, и они повернулись к ней.

— Центр управления полетом сообщает, что вполне возможно заблокировать поврежденный двигатель и запустить остальные. Работа должна выполняться в открытом космосе.

— Так я и знал, — вздохнул Элай. — Назад в соляные копи.

— Они считают, что все будет в порядке, — сказала Надя. — Они уверены, что децентрализацию тяги можно скомпенсировать. И что ее хватит, чтобы поднять нас с этой орбиты. Но двигатели должны быть включены как можно скорее.

— Да уж, конечно, — сказал Элай.

— Центр разработал программу необходимых действий, они будут передавать ее нам поэтапно. Они спрашивают, могут ли два человека выйти в космос одновременно. Они знают, что у нас только один рабочий планг.

— Отвечаю: да, — сказал Патрик. — Я возьму астроскаф. Элай, одевайся и жди меня в полетном отсеке. Тогда ты сможешь пользоваться длинными шлангами, а я буду передвигаться в астроскафе. У нас должно получиться.

— Так действительно лучше, — согласился Элай. — Давай облачаться. Коретта, дорогая, помоги мне приободриться, пока мы не покончим с этим.

— Конечно. А тебе, Надя?

Та сперва отрицательно покачала головой, потом передумала.

— Вообще-то я не люблю стимуляторы, но, пожалуй, сейчас дело другое.

— Другое — дальше некуда, *ду-ушэнка*, — сказал Элай. — Вступай в отряд наркоманов.

— Вы опять закроете люк? — спросил Григорий. — Снова нас запрете?

— Извини, — ответил Патрик, уловив в его голосе страх, но не в силах помочь ему. — Это должен быть наш последний выход в космос. И давайте поскорее с этим покончим.

— Я тоже могу надеть скафандр, — сказал Григорий. — Я могу помочь.

— Он мог бы что-нибудь сделать, правда? — спросила Коретта, пытаясь интонацией дать Патрику понять, что она думает. Как врач, она прекрасно понимала, что Григорий на грани срыва. Патрик отрицательно покачал головой.

— Извини. В полетном отсеке просто нет больше места. Да и необходимости такой нет. Надя будет передавать нам с Элаем инструкции, и мы все сделаем вдвоем. Постараемся управиться как можно скорее.

Они оделись и выбрались через люк. Коретта и Григорий смотрели, как люк захлопнулся и повернулось колесо, запирая его. Вскоре рядом зажегся красный сигнал, показывая, что с другой стороны вакуум.

Обернувшись, Коретта увидела, что Григорий сидит сгорбившись, стиснув перед собой руки, опустив голову. Разумеется, не совсем сидит, а скорее плавает в нескольких футах над кушеткой.

— Хочешь поесть чего-нибудь, Григорий? — спросила она, но ответа не получила. — Здесь полно всяких деликатесов. Должна сказать, что вы, русские, такое проделываете со своим космическим питанием, до чего нам бы никогда не додуматься. Посмотри-ка, — икра!

За маленькую баночку на Земле заплатишь все двадцать пять долларов, а у нас здесь банок десять, даже больше. Ради этого стоит слетать в космос.

— Ни ради чего не стоит. Слишком все это ужасно. — Не нужно было быть врачом, чтобы услышать страх в его голосе.

— Да, пока не слишком похоже на легкую прогулку. Ну-ка попробуй, пожалуйста, я открыла.

— Нет, ничего не хочу. К чему мне теперь еда, ведь жизнь кончается.

Он повысил голос, стараясь перекрыть доносившийся из громкоговорителя на стене указание Центра управления тем, кто вышел в космос. Коретта выключила звук, слишком эти советы упорно напоминали об их малоприятном положении. Подчинившись внезапному порыву, Коретта стала перебирать разные варианты оркестровой музыки, пока не нашла приятный фортепианный концерт, похоже, Рахманинова. У них на корабле была отличная коллекция записей. Помещение заполнили ясные звуки фортепиано и теплые напевы струнных.

— Так не должно было кончаться, — сказал Григорий. — Слишком много ошибок сделано, слишком спешили отправить нас в космос, нужно было все подготовить тщательнее.

— Нечего плакать над сбежавшим молоком, Григорий, — сказала Коретта. — Икра просто восхитительная. Жаль, что к ней нет шампанского. Эй, постой-ка! У меня же есть немного медицинского спирта. Разбавим его водой пополам, и вот тебе отличная водка. Как насчет этого, *товарищ*? Глоток водки не угодно?

— Наделали ошибок, слишком спешили, а теперь мы умрем...

Григорий стукнул кулаком о кулак. Он и не слышал Коретту. Он явно нуждался в чем-то покрепче, чем водка. Коретта заглянула в аптечку, потом снова посмотрела на обезумевшего русского. Похоже, от действия снотворного, которое она ему давала, не осталось и следа, а ведь оно достаточно сильное, чтобы свалить человека на несколько часов. Сумеет ли она заставить его принять еще? Вряд ли, хотя он, кажется, и не замечает ее, не обращает внимания... Человек деградировал прямо на глазах.

Она открыла металлическую коробочку и достала вакуумный шприц, затем вскрыла пластиковую ампулу ноктекса. Хватит, чтобы усыпить слона. Удобство тако-

го шприца заключается в том, что нет необходимости прокалывать кожу. Стоит лишь прижать его к телу в любом месте — и струя сжатого воздуха протолкнет капли лекарства прямо сквозь кожу. Ей все-таки придется усыпить огромного русского, хочется ему этого или нет. Дать хорошую дозу, чтобы не вставал, пока не минует опасность. Или пока все не кончится. Впрочем, не стоит думать об этом. Он — пациент, и она должна сделать для него все, что в ее силах. Она осторожно заперла аптечку и, пряча шприц, направилась к Григорию. Он стоял к ней спиной, опустив голову, ничего не замечая. Сзади на шее, среди светлых выющихся волос, как раз подходящее место. Только приставить и нажать. Она подплыла ближе, вынимая шприц.

— То, как они поступают с нами, — преступление! — воскликнул Григорий, выпрямляясь, его ноги стукнулись о кушетку как раз в тот момент, когда Коретта приготовилась ввести снотворное.

Шприц ударился о его плечо, выплеснув струйку лекарства.

— Что это такое? — взревел он, глядя на шприц, словно на чудовищное оружие. — Ты пытаешься убить меня! Ты не имеешь права!

Он резко выбросил руку вперед и вырвал у нее шприц, швырнул его в стену; от этого толчка оба они закружились, столкнулись, и на этот раз он попытался ударить Коретту.

— Ты хочешь убить меня!

Удар был неуклюжим, и он отлетел от нее в ту же секунду. Кулачные бои в невесомости практически невозможны. Но его ладонь скользнула по лбу Коретты, содрав кожу обручальным кольцом. Выступили маленькие капли крови. Вид крови разъярил его еще больше, и он снова набросился на нее, но она увернулась.

Взгляд Григория был совершенно бессмысленным, он не владел собой. Вцепившись в костюм Коретты, он пытался притянуть ее к себе, но она легко уворачивалась от его неловких ударов.

— Григорий, перестань! — закричала она. — Перестань, пожалуйста!

Они плыли и кружились, отлетая от предметов и стен, и этот безумный балет в космосе сопровождала возвышенная музыка фортепианного концерта. Григорий уже тяжело дышал, но по-прежнему был вне себя от страха и ярости. Коретта сама осторожно притянула

его к себе, обхватила руками и спрятала голову у него на груди, чтобы он не смог ударить ее по лицу.

Гнев его вдруг иссяк. Он глубоко всхлипнул и прикрыл руками глаза.

— Боже мой, что я делаю... Я не знал... У тебя на лице кровь. Это я сделал!

— Неважно, все уже прошло.

— Нет. Я виноват. Очень виноват. Прошу тебя, прости. Я сделал тебе больно, что-нибудь сломал...

— Нет, ничего подобного, правда, мне совсем не больно.

Григорий в смятении, забыв обо всем, ощупывал ее руки, словно ожидая обнаружить перелом, обнимая, прижимал ее к себе.

Его дыхание участилось. Она попробовала осторожно высвободиться.

— Прости меня, — сказал он тихо, — прости.

— Ничего, — ответила она по-прежнему спокойно, чувствуя, однако, как его руки опускаются все ниже, обнимая ее все крепче. Его ярость внезапно обратилась совсем в другое чувство.

Коретта понимала, что все зашло слишком далеко и следует прекратить это. Но тут же удивилась собственным мыслям: зачем? Почему она должна останавливать его? Она женщина, была замужем. И ведь этот большой, угрюмый, вспыльчивый русский нравится ей. И, — она с трудом удержалась от смеха, — Господи, ведь это в космосе впервые, прямо как в книжках. Григорий заметил ее улыбку и коснулся пальцами ее губ, шепча по-русски ласковые слова. Ее костюм застегивался на одну-единственную молнию, и он медленно расстегнул его, обнажая теплую темную кожу.

Она не носила бюстгальтера — зачем он в невесомости? — ее груди были круглыми и полными. Он наклонился, погрузив лицо в их тепло, целуя ее снова и снова. Она крепко обняла его голову, помогла ему раскрыть молнию до конца. Выскользнула из своего костюма и помогла раздеться ему.

Приятно, необычайно приятно было плыть невесомыми в космосе, будто в глубине океана. Волны музыки набегали на них, отступали... и набегали опять...

Глава 29

ПВ 16:41

— Болонская копченая колбаса, салями или сыр, мистер Флэкс, и больше ничего. А хлеб только белый.

Флэкс посмотрел на поднос с неаппетитными сандвичами.

— Ну почему, Чарли, — спросил он, — в тот момент, когда начинается работа, сразу кончается вся еда и нам присылают такое вот дерьмо? Хлеб, видимо, черствый?

— К сожалению, мистер Флэкс. Но, в конце концов, после семи вечера нельзя ожидать...

— Нельзя что? Нельзя ожидать нормальной еды, потому что в буфете рабочий день кончился? Да у меня здесь люди работают сутками без перерыва, а вы не можете придумать ничего получше этих дерьмовых сандвичей!

— Это не я придумываю, я только разношу. Берете?

— Нищим выбирать не приходится, — проворчал Флэкс, его гнев прошел так же быстро, как и вспыхнул. Он приподнялся в кресле, чтобы размять затекшие ноги. Надо походить, но сперва он перекусит. — Дайте мне каждого по одному. Спасибо.

Он выбросил лишний хлеб и сделал себе что-то вроде трехслойного бутерброда. Он медленно жевал,

откусывая большими кусками, и слушал через наушники распоряжения бригады, занимавшейся двигателями.

— ...вот тот, желтого цвета, справа. Нужно отрезать часть кабеля и заизолировать нижний конец. Так...

Он все время слышал этот голос и помнил о тех двоих, которые пытались в открытом космосе починить ядерные двигатели. Работали, помня об урочном часе. При этой мысли его глаза обратились к табло — полетное время 16:43. Пока он смотрел, стало 16:44. Время шло. Загорелся световой сигнал, и он нажал кнопку.

— Я говорю из конторы русских, Флэкс. Я был в Капустином Яре и на Байконуре, они клянутся, что у них нет ничего на ходу, чтобы состыковаться с «Прометеем» раньше предельного срока. Через два дня на старте будет «Союз», но они могут сократить этот срок только на несколько часов. Это подтверждается имеющейся у нас информацией и, с твоего позволения, данными ЦРУ. Я обратился к ним, не спрашивая твоего разрешения, я знаю, что должен...

— Нет, не в этот раз. Ты поступил правильно, спасибо. Значит, нет никаких шансов послать сейчас советский корабль?

— Абсолютно никаких. Извини.

— Все равно, спасибо.

От Советов помощи никакой. А НАСА может запустить свой «челнок» не раньше, чем через неделю — это в самом лучшем случае. Они, конечно, готовят его, спешат, насколько возможно... Если «Прометей» удастся выбраться с той орбиты, им все равно может понадобиться помощь. Но помощь может и опоздать.

Эх, если бы у военных сейчас был наготове свой «челнок»! Он мог бы, вообще-то, предусмотреть это для страховки. Опять слезы над сбежавшим молоком: что толку терзать себя? Все это были секретные проекты, но невозможно сохранить их в тайне от других людей, занимающихся тем же делом. Полезный груз «челнока», ну да, все это было достаточно засекречено, хотя все догадывались, зачем им нужна грузоподъемность в двадцать тонн. Военные никогда не прекращали свои дорогостоящие игры. Бэннерман сказал, что корабль пока не готов, а уж он-то должен знать. Впрочем, он ведь не сказал, сколько потребуется времени на подготовку... Это мысль. Если дело в одном-двух днях, это может пригодиться, если «Прометей» действительно

выберется на более удобную орбиту. Спросить у Бэн-нермана? Нет, незачем снова беспокоить Белый дом, они все еще совещаются.

Позвонить на мыс самому? При этой мысли он тяжело вздохнул и взял чашку, запивая последний кусок безвкусного сэндвича холодным черным кофе. Что и говорить, трапеза гурмана. Нет, и думать нельзя о том, чтобы прямо спросить про засекреченный проект. Может быть, года через два они и сообщат ему, чем занимаются. Что же тогда он может? Попробовать с черного хода. Интересно, кто работает над этим проектом, кого он знает достаточно хорошо? Да еще чтобы сумел пробиться через бюрократические барьеры? Среди военных, пожалуй, никого. Ну конечно инженеры. Задай правильно вопрос, получишь верный ответ! Вольфганг Эрнстинг. Они целую вечность проработали вместе, прежде чем Вольфганг предпочел большие деньги и высокую секретность. Один из членов команды Пенемюнде, которую привез фон Браун. Флэкс схватил телефон.

— Я хочу заказать личный разговор с Флоридой.

В Нью-Йорке внезапная летняя гроза хлестала дождем по закопченным окнам маленькой комнаты, водяные ручейки рисовали на стекле светлые полосы. Купер, научный редактор «Газетт-таймс», смотрел на дождь, но не видел его, не замечал. В его мозгу строгие факты и туманные предположения превращались в пламенные строки. Он в последний раз погрыз свои выпачканные чернилами ногти, чтобы расставить мысли по местам, затем принялся лихорадочно стучать двумя пальцами на древнем «Ундервуде».

«Надвигается более крупная катастрофа, — писал он, — по сравнению с которой трагедия Коттенхэм-Ньютауна покажется незначительной. Смерть, с воем упавшая из небесной синевы на этот беззащитный город, была всего лишь небольшой частью сложной системы, включавшей еще пять ускорителей, которые подняли «Прометей» на орбиту, где сейчас он и пребывает в весьма неустойчивом положении, проносясь над нашими головами каждые восемьдесят восемь минут. Эти ускорители — можно сказать, игрушки по сравнению

с самим «Прометеем»: вместе с грузом вес корабля превышает две тысячи тонн. Такую огромную цифру трудно осмыслить, пока не сопоставишь ее с чем-то знакомым. Эсминец военно-морских сил США. Целый эсминец висит там, наверху, над нашими головами! Пушки, броня, двигатели, снаряды, корпус, боеприпасы — вот вес всей этой готовой упасть махины. И она упадет — и принесет с собой кое-что похуже собственного веса. Радиоактивное заражение! Ведь в качестве топлива для двигателя на «Прометее» находятся пятьсот фунтов урана. Когда «Прометей» врежется в землю и взорвется, как небольшая атомная бомба, выброс радиоактивного газа неизбежен. И его будет более чем достаточно, чтобы уничтожить два миллиона людей при благоприятных условиях распространения. Куда же упадет эта атомная бомба из космоса? Она упадет...»

Так все-таки куда свалится эта чертова штука? Купер размышлял. Он повернулся к меркаторовой карте земного шара, разложенной на столе. Сверху ее покрывала калька с обозначением орбиты. С каждым витком траектория менялась в связи с вращением самой Земли. Так... здесь... на двадцать восьмом витке, когда, как они объявили, корабль войдет в плотные слои атмосферы, он будет проходить... Господи!.. Прямо над серединой американского континента!

Купер поежился и посмотрел в темное небо. Черные птицы его пророчеств слетались домой на ночлег. Гораздо ближе к его собственной голове, чем ему бы хотелось.

— Мы должны быть готовы ко всему, господин президент. — Произнося это, доктор Шлохтер кивнул. — Вероятность того, что «Прометей» может погибнуть, велика...

— Я не хочу думать об этом, у меня тут же обострится язва. Драгоны, еще один бурбон, и поживее.

— Боюсь, нам придется подумать. Мы должны учитывать международные последствия еще одной катастрофы. Как это, например, отразится на наших отношениях с Советским Союзом и другими государствами?

— Эй, а мы учитываем жизни тех пятерых? И то, как могли бы им помочь? — поинтересовался Гродзински.

Дилуотер кивнул в его сторону — это был почти поклон признательности и одобрения. Гродзински, при всех своих крупных и явных недостатках, по крайней мере думал по-человечески — о людях.

— Речь не о них, — сказал Шлохтер, слегка раздув ноздри.

— Позволю себе не согласиться с госсекретарем, — вмешался Дилуотер. — От имени НАСА я заявляю, что жизни этих людей представляют для нас величайшую ценность. Иначе и быть не может.

— Они нам дороги, разумеется, — сказал Бэндин, позвякивая льдом в стакане. — Однако в данный момент мы говорим не об этом. Это совершенно другой ряд проблем. Что если им не удастся починить корабль? Что если он действительно упадет через двадцать шесть часов? Можем ли мы допустить, чтобы он уничтожил какой-нибудь город, как был уничтожен тот английский? И в состоянии ли мы этому помешать?

— Способ есть, — сказал Бэннерман.

— Спасти все? — спросил Бэндин.

— Я этого не говорил, господин президент. Я сказал, что есть способ предотвратить падение «Прометей» и еще одну катастрофу на Земле.

— Что за способ?

— Если бы корабль можно было уничтожить в воздухе...

— Вы выражаете вслух мои мысли, Бэннерман?

— Да, сэр. У нас в шахтах боевые ракеты находятся в состоянии постоянной готовности на случай внезапного ядерного удара. Они рассчитаны на перехват и уничтожение ракет противника, нацеленных на Соединенные Штаты. Получилась бы хорошая проверка всей системы...

Саймон Дилуотер с трудом сдержал гнев и отвращение:

— Вы говорите о сознательном уничтожении пятирких космонавтов, генерал? Трое из которых — американские граждане?

— Да, — Бэннерман был спокоен и невозмутим. — Во время войны мы несем куда большие потери, и никто не жалуется. К завтрашнему утру на наших дорогах в автомобильных катастрофах погибнет в десятки раз больше народу. Речь должна идти не о количестве жизней и не о гражданстве этих людей. Единственное,

о чем мы должны думать, — как не допустить более крупной кактасрофы, которую может вызвать падение корабля на Землю.

— А вы подумали, что станет с проектом «Прометей», если пойти на это? — спросил Дилуотер.

— В данный момент это неважно, — ответил Бэннерман ледяным тоном. — Если бы вы приложили больше старания, проектируя «Прометей», мы бы сейчас не сели в эту лужу.

— Вы не можете утверждать...

— Хватит! — рявкнул Бэндин. — Подрасться можете потом. Сейчас перед нами проблема. Генерал, подготовьте мне самую последнюю информацию по оборонительным ракетам. Ну, сами знаете, готовы ли они к запуску и так далее... и до каких пор можно откладывать пуск, чтобы в крайнем случае успеть сбить эту штуку, пока она не рухнула на Соединенные Штаты.

— Да, господин президент. Все будет готово через несколько минут.

— Да, и я хочу знать, как это делается, то есть какая боеголовка?..

— Ядерная. Разрешите мне воспользоваться телефоном?

В комнате наступила тишина. Гродзински, как-то съездившись, водил карандашом по столу. Дилуотер молчал, выпрямившись, но не мог согнать с лица выражение ужаса. Один Шлохтер казался невозмутимым.

— Мы должны рассчитывать на худшее, — сказал он. — Полный провал данного полета во всех отношениях. Если это произойдет, то как отразится в целом на проекте «Прометей», мистер Дилуотер?

— Проект... да, конечно. Это отбросит нас назад по крайней мере на год... Ничего себе замена орбитальной станции! Вы должны понимать, что после начала сборки генератора корабль со своими ядерными двигателями должен был бы использоваться как последняя ступень для переброски дополнительных стройматериалов. Без этого мы не сможем запустить генератор.

— Год? Вы хотите сказать, целый год? — спросил Бэндин с мрачным видом.

— Боюсь, это минимальный срок, сэр.

— Потом — выборы, — сказал Бэндин. — В это кресло усядется какой-нибудь чурбан неотесанный, а

вы все останетесь без работы. Если вы этого не хотите, придется что-нибудь быстренько придумать.

— Если только они не починят двигатель, — сказал Бэннерман. — Сейчас это наш единственный шанс. Они должны полностью сосредоточиться на нем.

— Можешь запросто побиться об заклад на свою задницу, — сказал Бэндин. — Как у них дела, Дилуотер? Каковы последние сведения?

— Пока без изменений, господин президент. Наш пилот и доктор Брон находятся в открытом космосе и производят ремонт согласно указаниям из Центра управления. Все идет по плану.

— Сколько это еще продлится?

— Я затрудняюсь сказать...

— А вы заставьте себя.

— Предположительно, а я действительно лишь предполагаю, они могли бы закончить где-то через час.

— Будем на это надеяться.

— Мы все молим за них Господа, господин президент.

Глава 30

ПВ 17:08

— Похоже на цыпленка, упакованного для духовки, — заметил Элай, разглядывая на корме «Прометей» кучу скомканной алюминиевой фольги, обмотавшуюся вокруг ядерного двигателя. Похоже, фольги здесь было невообразимое количество — целый холм шириной футов пятьдесят, откуда выступали лишь сопла двигателей. Брон закрепился за скобы на корпусе корабля, рядом в астроскафе плавал Патрик.

— Что ж, этого цыпленка мы должна распаковать, чтобы добраться до самого двигателя. Который из них?

— Вон тот, на дальнем конце.

Патрик включил управление астроскафом и медленно поплыл над кораблем, а Элай направился в обход — от скобы к скобе. Когда он добрался до хвоста, Патрик уже снял большой кусок фольги и принялся за следующий. Они работали молча, отдирая алюминиевые полосы и отбрасывая их в стороны, так что вскоре длинные ленты поплыли от корабля во все стороны. Еще не закончив, они начали задыхаться.

— Вы готовы следовать нашим инструкциям? — голос из Центра прозвучал у каждого в наушниках.

— Нет еще, когда будем готовы — скажем.

Элай огрызнулся, пытаясь отдышаться. В Центрехватило ума промолчать. У него ломило спину, каждый

мускул ныл, он дышал с трудом и устал до изнеможения. В скафандре вытереть лоб было невозможно, и капли пота стекали по носу, вызывая зуд и раздражение. Он потряс головой, но это не помогло.

— Все нормально? — спросил Патрик, нажав кнопку на пульте астроскафа. Струя газа подтолкнула его вдоль основания двигателя; он искал, за что схватиться, чтобы замедлить движение.

— Нет, черт побери, какое там! — Элай с трудом выдыхал слова. — Не знаю, на сколько меня еще хватит.

— Я тоже вымотался — но деваться некуда. Как раз сейчас здесь требуются двое. Давай закончим, тогда ты передохнешь, а я займусь водородно-гелиевым теплообменником.

— Если бы мне только выбраться из этого скафандра на несколько минут...

— Нет. У нас нет времени снова проходить герметизацию и начинать все сначала, — Патрик старался, чтобы его голос звучал спокойно, сдержанно, но и он устал не меньше Элая. Или даже больше. Нервы были взвинчены до предела. — Времени нет, понимаешь ты это? Мы должны справиться, больше нам ничего не остается.

— «Прометей», вы готовы?

— К черту нравоучения, Патрик, без них обойдусь. А вы там, в Центре, заглохните, мы сами скажем, когда будем готовы. Я не знаю, смогу ли сделать это, перед глазами все плывет...

— Извини за поучения. Нам тут тоже нелегко.

Патрик подплыл ближе, их шлемы почти соприкоснулись, и положил руку Элаю на плечо. Сквозь слои ткани и пластика он мог ощутить внутри человеческое тело, лишь крепко сжав пальцы. Они были одни в космосе, в вечном вакууме, окружавшем их со всех сторон, четкие точки звезд точно отмечали вехами чей-то путь. Стальной корпус «Прометея» рядом с ними — капсула жизни в жуткой пустоте. Полнеба заполняла собой Земля.

— У нас нет выбора, Элай, — сказал Патрик. — Чтобы запустить нас сюда, потрачены миллиарды долларов и миллионы часов труда. И все пойдет прахом, если мы не закончим работу. Нам действительно ничего другого не остается.

— Все верно, — отозвался Элай. — Извини. Давай, поехали. Что там дальше, Центр управления?

В Хьюстоне молча ждали, не в силах помочь. Они могли лишь давать инструкции и надеяться, что двое измученных людей в космосе выполнят их правильно.

— Перед вами пластина, на ней должен быть номер «Питер Альфред семь шесть». Там четыре крепления.

— Понял. Пат, дай-ка мне отвертку.

Патрик отстегнул страховку и передал ему громоздкий прибор.

— Там большая лопасть. Настроен на извлечение при минимальной скорости. Я готов.

— Хорошо.

Элай покачивался рядом, закрепившись за скобу, он вставил лопасть в паз первого болта. Когда он включил аппарат, тот взвыл, маховик быстро завертелся.

— Что за... — начал Элай, и тут лопасть врезалась в алюминий, и отвертка вырвалась у него из рук. — Слишком быстро!

Электроотвертка уплывала от них светящейся пылинкой в темноте.

— Я достану — держись, — крикнул Патрик, передвигая астроскаф и регулируя реактивную струю для полета вперед. Он взлетел следом, схватил отвертку и затормозил. Обратно он возвращался гораздо медленнее.

— Ты включил на слишком большую скорость, — сердито воскликнул Элай. — Она просто выскочила у меня из рук, когда заработала.

— Извини, это моя ошибка, но тебе следовало закрепить ее страховкой. Если бы ты это сделал, ничего бы не случилось...

— Элай, Патрик, полетное время 17:34, — сказала Надя, ее спокойная речь пробилась сквозь их раздраженные голоса. — Как подвигается работа?

Патрик судорожно вздохнул.

— Все по плану. Спасибо, Надя.

— Хотите, я кого-нибудь из вас сменю?

— Очень хорошая мысль. Как только мы снимем эту пластину, я отошлю Элая. Когда он перейдет в полетный отсек, ты можешь занять его место здесь.

— У меня все нормально, — сказал Элай.

— Нет, не все. И у меня тоже. Как только тебе станет лучше, ты сможешь заменить меня. Работать по

очереди будет значительно легче. Теперь давай займемся пластиной.

— Ладно.

Наконец пластина была снята, под ней обнаружилась масса кабелей и проводов.

— Вам виден черный кабель с зеленой маркировкой?

— Похоже на кучу спагетти, — сказал Элай, двигаясь ближе. — Вот этот вроде, да, зеленая маркировка.

— Вы должны перерезать его. Если потянуть, там есть люфт. Сможете вытащить кольцо наверх?

— Это... не так просто...

— Дай-ка я попробую, — сказал Патрик, приблизившись.

Взявшись вдвоем, они сумели вытянуть черное кольцо кабеля на два-три дюйма.

— Адская работенка — резать его! — воскликнул Патрик. — Он слишком толстый, нашими инструментами не возьмешь. Придется пережечь.

— А не опасно? Другие провода так близко...

— Выбора нет. Включи резак и давай мне сюда.

Элай вернулся к опоре двигателя, где они прикрепили свои инструменты. Он взял ацетилено-кислородный резак и укрепил его на своем шланге. Затем включил подачу газа и нажал на курок. Поток блестящих частиц замороженного газа превратился в огненное лезвие.

— Вот...

— Берегись!

Это крикнул Патрик — слишком поздно.

Поворачиваясь с зажженной горелкой, Элай не заметил, что перед ним колышется кусок собственного шланга. Шланги, казалось, ожили и двигались сами по себе от малейшего толчка, извиваясь, словно змеи.

Кольцо шланга всплыло вверх, и резак прожег его.

Патрик схватил резак, выключил, и оба они в ужасе застыли, глядя на почерневший кислородный шланг. Он был прожжен наполовину, поврежденная наружная оболочка вдавилась внутрь, гибкая внутренняя резиновая трубка выпирала наружу огромным пузырем. В тот момент, когда они дотянулись до шланга, чтобы заправить трубку, пузырь лопнул.

Элай вскрикнул, воздух выталкивался наружу потоком кристаллов, и звук его голоса слабел по мере того, как слабел этот поток.

— Задержи дыхание! — крикнул Патрик. — Задержи дыхание, я отнесу тебя внутрь, — он схватил лопнувший шланг, но не мог удержать воздух, проскальзывавший у него между пальцев. — В отсек! Надя, начинай герметизацию немедленно, дорога каждая секунда.

Он подхватил Элая свободной рукой и включил двигатели астроскафа — короткий выброс, затем поправка курса, полный вперед. Черепашья скорость, дрейф к далекой безопасности открытого люка, шланги тянулись позади. Лицевая шторка шлема Патрика была близко к шлему Брона, и он видел, как закрылся его рот, потом глаза — медленно, на них уже оседали кристаллики льда.

Открытый люк. Затормозить, ухватиться за край. Потом протолкнуть внутрь потерявшего сознание человека, втащить за собой кольца шлангов.

— Подтащи его поближе к воздухоотводнику, — крикнул он, расстегивая пояс, который соединял его с астроскафом, освободился и заставил себя задержаться, чтобы застегнуть страховку, прежде чем нырнуть в люк. Самое последнее действие — закрыть клапаны и отсоединить подачу воздуха от астроскафа. Задержав дыхание, не тратя времени на присоединение к подаче воздуха внутри, закрыть люк.

Белый снег испарился, когда в отсек начал поступать воздух. Надя склонилась над неподвижным телом. Патрик подскочил к манометру. Четверть атмосферы, вполне достаточно. Когда он поворачивал маховик на люке, ведущем в пассажирский отсек, его с силой отбросило назад воздухом, ворвавшимся в лишь частично разгерметизированное помещение. Надя снимала с Элая шлем. Патрик обнаружил, что все еще сдерживает дыхание, тоже поскорее скинул шлем и вдохнул полной грудью.

— Коретта, немедленно сюда, — позвал Патрик.

— Что у вас такое с давлением? — спросила она, пробираясь в люк.

— Это Элай, у него перерезало шланг.

— Пустите меня. Кто-нибудь, принесите из моей аптечки большую зеленую металлическую коробку.

— «Прометей», у вас критическое положение с доктором Броном, — в громкоговорителе раздался голос

из Центра управления. — Медицинский контроль сообщает об остановке дыхания, сердечная деятельность тоже ослабевает.

— Дайте мне сведения о дыхании, пульсе и работе сердца, — попросила Коретта, надевая на Элая кислородную маску и открывая клапан. — Снимите с него этот костюм, чтобы можно было сделать искусственное дыхание.

Она бросила кислородный баллон и прижалась губами ко рту Элая, зажав ему рукой нос. То был знаменитый «поцелуй жизни», ибо Коретта заметила кристаллы льда на коже Брона.

— У нас есть рекомендации медицинской бригады. «Прометей», вы готовы записывать?

— Пишу, — отозвалась Надя, вынимая из кармана блокнот. Патрик тяжело осел; он бы упал, если бы не невесомость, последнее усилие совершенно dokonало его. Коретта склонилась над неподвижной фигурой, Григорий наблюдал молча.

— Что же... с ним будет? — потрясенно спросил Григорий. Ни у кого не хватило духу ответить.

Глава 31

ПВ 17:45

— Мистер, уже четверть одиннадцатого. Смитсоновский институт, верно, часов пять как закрыт. Там нет никого.

Шоферу такси, дружелюбному негру лет пятидесяти, не хотелось среди ночи бросать такого приятного старичка в центре Вашингтона. Да еще когда вокруг полно бандюг и всякой швали.

— У меня там приятельница работает, — терпеливо объяснял профессор Вейсман, крепко сжимая свой портфель.

— Боюсь, она теперь уже дома.

— Я в этом уверен, но кто-нибудь здесь должен знать ее адрес или номер телефона.

— А в телефонной книге смотрели?

— Не указан.

— Садитесь-ка лучше. Мы подъедем туда, может, вахтера найдем. Не хочется мне бросать вас здесь — уж больно час поздний.

В этот поздний час от вокзала Юнион до Смитсоновского института ехать было недолго. Вскоре он возник перед ними — здание из красного кирпича в викторианском стиле, похожее на крепость и казавшееся довольно неуместным среди своих ультрасовременных

соседей. Шофер притормозил у входа и внимательно взгляделся в темноту, прежде чем открыть заднюю дверь.

— Вон там, под фонарем, ночной звонок, а на улице вроде пока все тихо, — сказал он.

— Спасибо, не стоило так беспокоиться, — сказал Вейсман, выбираясь из машины.

— Есть причины. Вчера ночью на девчонку напали и убили всего за квартал от Белого дома. Это вам не Фансвилл.

— О Господи. Спасибо, — Вейсман пошел быстрее, чем обычно, и, запыхавшись, подошел к двери. Он нажал на звонок и слушал, как его звук глухо разносится в глубине здания. Вахтер появился через минуту. Его огромный живот выпирал из-под голубой форменной рубашки, он держал руку на рукоятке пистолета, медленно подходя к двери.

— Что надо? — крикнул он через стекло, не отпирая. — Закрыто.

— Мне нужна доктор Трайб.

— Она домой ушла, утром приходите.

— Мне нужно видеть ее сейчас. У вас есть ее адрес или домашний телефон?

— Слушайте, мистер, мы ночью не работаем. И таких сведений не даем. — Вахтер пошел было прочь, но, когда снова раздался звонок, неохотно вернулся.

— Вы что, не понимаете? У меня чрезвычайные обстоятельства, речь в прямом смысле о жизни и смерти. Можете вы позвонить доктору Трайб и сказать ей, что профессор Вейсман здесь и должен немедленно увидеться с ней? Она знает меня.

С явной неохотой нарушая заведенный порядок, вахтер согласился, но, пошлепав к телефону, дверь так и не открыл. Вейсман стоял на ступенях, с тревогой глядя в темноту, а минуты шли. Шофер наблюдал за ним и грустно качал головой. И окно держал закрытым, несмотря на ночную духоту. Сторож вернулся меньше, чем через пять минут, но Вейсману они показались вечностью.

— Доктор Трайб велела вам ехать к ней, и я ей сказал, что вас ждет машина. Адрес — 4501, Коннектикут-стрит.

— Да, спасибо, большое спасибо.

Вейсман радостно плюхнулся под безопасный кров автомобиля и пока они ехали, прикладывал руку ко лбу.

К тому времени как они пересекли мост в парке Рок-Крик, ему стало лучше. Доктор Трайб знает, что делать.

Она заставила его сесть и выпить чашку кофе, а сама слушала, пока он все не объяснил. Про свой кофе она и забыла. Выслушав его, она схватила бумаги и уставилась в них невидящим взглядом.

— Вы уверены, Сэм, абсолютно уверены?

— А какой еще может быть ответ? Вот цифры, фотографии, все перед вами. Другого вывода быть не может.

— Нет, конечно нет. Вы кому-нибудь еще говорили об этом?

— Никому. Я понятия не имел, кому об этом рассказать, а нескольких людей, кому я звонил, чтобы посоветоваться, не оказалось дома. Я просто зашел в тупик. И подумал, что вы, находясь в Вашингтоне, сообразите, как поступить.

— Конечно, — она встала и пошла к телефону. — Я знакома с помощником госсекретаря. Он подъедет на своей машине и отвезет нас туда.

— Туда? Куда? — Вейсман устал и выглядел растерянным.

— В Белый дом, разумеется. Только президент имеет право действовать, получив подобную информацию.

Глава 32

ПВ 23:24

— Он дышит, — сказала Коретта. — Больше пока сказать ничего не могу.

Она посмотрела вниз, на неподвижное тело Элая Брона. Его пристегнули к койке и накрыли несколькими спальными мешками для тепла. Лицо у него было бледно-восковое, он не шевелился. Все сгрудилось вокруг. Патрик плавал свободно, остальные закрепились внизу и молчали.

— Он так и будет без сознания? — спросил Патрик. Коретта кивнула.

— Да. Он перенес тяжелый шок, переохлаждение кожного покрова лица и век, остановку дыхания, кислородное голодание — именно последнее и беспокоит. В Центре управления прикинули время по записям нашей связи с ними и по показаниям биодатчиков. С момента аварии до того, как я начала делать искусственное дыхание, прошло почти четыре с половиной минуты.

— Я шел так быстро, как только мог...

— Патрик! Никто тебя не винит. Как раз наоборот, сомневаюсь, чтобы кто-то другой сумел принести его так быстро. Я не это имела в виду. То время, пока он не дышал. Нет дыхания — нет кислорода. Большая часть человеческих органов может обходиться без кислорода довольно долго.

— Мозг не может, — сказал Григорий.

— Верно. Возможно, в мозгу произошли необратимые изменения. Но мы не узнаем этого, пока он не придет в сознание, — Коретта заколебалась, потом добавила: — Если вообще придет.

— Так плохо? — спросила Надя.

— Боюсь, что да.

— Ну ладно, — Патрик глубоко вздохнул. — Он твой пациент, Коретта, я знаю, ты сделаешь все возможное. Тебе нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, я смогу справиться сама.

— Хорошо. Надя, свяжись с Центром и объясни, что случилось. Скажи, что мы с тобой выйдем наружу и закончим ремонт. Вряд ли там много осталось. Спроси, сколько приблизительно времени понадобится для этого и сколько еще нам нужно сделать. Они теперь знают, как быстро мы можем работать, или, вернее, как медленно.

— Я все поняла, Патрик. Сейчас.

Она направилась к пилотскому отсеку, и Патрик двинулся было вслед за ней, но Григорий удержал его за руку.

— Я бы хотел помочь, — сказал он. Патрик внимательно посмотрел ему в лицо.

— Ты уверен, что справишься? — спросил он.

— Ты хочешь сказать, по-прежнему ли я дрожу от страха? Да, мне страшно. Но теперь я смогу этот страх перебороть. Коретта помогла мне.

— Таблетки?

— Ну... что-то вроде. Она прекрасный врач. — Он улыбался, и Коретта тоже. Патрик взглянул на них сквозь пелену усталости.

— Надеюсь, ты прав, Григорий. Я и правда выдохся. Если бы ты мог выйти и помочь Наде, я бы контролировал вас из полетного отсека. Это было бы очень кстати — и все же не совсем бездельничать. Я так устал, что больше не полагаюсь на себя.

— Зато я отдохнул. Можешь на меня положиться.

— Я всегда полагался. — Поддавшись внезапному порыву, он взял русского за руку. — Пока полет наш мало походил на увеселительную прогулку, но, возможно, все еще наладится. Как бы то ни было, поработать с тобой, Надей и полковником стоило. Руки, протянутые через моря, а? Немного взаимопомощи в нашем слож-

ном мире, — он потряхнул головой. — Извини, я что-то слишком разболтался, просто устал.

— Ничего, я понимаю, *товарищ*. Я чувствую то же самое.

— Ну и хорошо. Твой скафандр вот там, в шкафу. Коретта, сумеешь помочь ему одеться? Или это сделать мне?

— Нет, я помогу, — она посмотрела на Брона. — Сейчас для него больше ничего нельзя сделать.

— Ладно. Григорий, одевайся и присоединяйся к нам. Боюсь, нам придется снова запереть тебя, Коретта. Ты останешься одна.

— Ну и что. Все равно только я могу ухаживать за Элаем. Приводите в порядок эти чертовы двигатели и вытаскивайте нас отсюда, — бодро, с улыбкой заявила она.

— Идет.

Он влетел в полетный отсек, пристегнулся к своему креслу и произнес в микрофон:

— Центр управления?

— Слушаем вас, «Прометей».

— Флэкс, ты знаешь, что произошло с Элаем? Похоже, дело плохо.

— Я знаю, Патрик.

— Слушай, даже если нам действительно удастся выскочить на орбиту повыше, ему это не поможет. Его нужно отправить на Землю, в госпиталь. Когда к нам может прийти спасательный корабль?

— Через две недели.

— Как насчет авиации?

— Я сейчас занимаюсь этим. Дам знать, как только получу сведения.

— Ты можешь внушить им, насколько это срочно?

— Думаю, они понимают, Патрик. Все ведь знают...

— Конец связи, — Патрик разъединился и взглянул на Надю, сидевшую в соседнем кресле. У нее был измученный вид. — Кто может знать? — спросил он.

— Я думаю, они знают. Я уверена, что они делают все, что могут. Только вот могут они так мало! Мы ведь должны сами справиться, разве не так?

— Да, ты права, — он улыбался, криво и устало, но все же улыбался. — Справимся сами. А в качестве утешения согласимся на то, что хуже все равно некуда.

Обжигающий свет, неправдоподобно яркий, внезапный, стремительно вспыхнул снаружи, где мгновение назад была лишь космическая тьма.

Свет, который причинял боль. Надя пронзительно вскрикнула, прижав руки к своим истерзанным глазам; она кричала еще и еще, словно в бесконечной агонии.

В пассажирский отсек свет проник сзади, сквозь неплотно прикрытый люк, похожий на сияние мощного прожектора. Коретта, согнувшись, застегивала ботинки Григорию, она, моргая, выпрямилась в изумлении.

— Что это было... — начала она, когда ее слова прервал крик Нади.

Коретта с Григорием бросились к люку, но он был неповоротлив в громоздком скафандре, и она добралась туда первая. Снаружи — мрак и ночь, звезды, как всегда, и Надя — она все еще кричала, схватившись за глаза. Патрик вслепую двигался к ней, его глаза были закрыты, из них текли слезы, лицо перекошено от боли. Он судорожно глотал воздух, и Коретта поняла, что он, должно быть, тоже кричал. Она кинулась к ним, и в это время снаружи возникло что-то белое и отвратительное.

Под ними плыл призрачно-белый светящийся диск, он изменялся и двигался, точно преследуя их. Невозможно было на глаз определить его размеры или расстояние до него в космической пустоте. Но он был огромен. Огненные потоки вздымались над ним. Коретта ничего не могла понять.

— Боже мой...

Григорий рядом с ней выдохнул эти слова, словно молясь, застыл от изумления, как и она.

— Что это... что происходит? — спросила она.

— Это атмосфера, искусственное свечение, сполыхи, вроде полярного сияния. Такое можно устроить единственным способом, но этого не может быть... Неужели атомный взрыв в космосе?.. Сейчас мы от него удаляемся.

— Но как... то есть здесь... что?

— Что? — Патрик выкрикнул это, рыча от боли и ярости, поддерживая всхлипывающую Надю. — Бомба, вот что это такое. Снаряд с ядерной боеголовкой! Нас только что пытались взорвать!

Глава 33

ПВ 23:27

Саймон Дилуотер над стопкой бумаг разглядывал большую фотографию Солнца. Потом быстро перелистал листки с расчетами и отвернулся.

— Я полагаю, вы самым тщательным образом проверили ваши подсчеты, профессор Вейсман? — сказал он. Вейсман кивнул.

— В таких вещах неприятно ошибаться. Я пропустил их через компьютер много раз, от начала до конца и обратно, вдоль и поперек. Ошибки быть не может.

— Могу я спросить, как по-вашему, почему наши люди до этого не додумались?

— Откуда им было знать? Это маленькая отрасль науки, совершенно новая. Во всяком случае, в мире не так уж много ученых, которые занимаются солнечной астрономией. А тех, кто изучает взаимодействие Солнца и верхнего слоя атмосферы, кто действительно знает свое дело, просто горстка. Собственно, даже всего двое: я и Мош.

— Мош?

— Так я называю его для себя. Мы никогда не встречались, но все время переписываемся. Академик Мошкин.

— Русский?

— Разумеется.

— Да, разумеется, — Дилуотер встал. Высокий, худой, он как бы нависал над маленьким профессором. — Я должен поблагодарить вас за то, что вы сделали, за то, что поспешили связаться с нами. Спасибо и вашим помощникам, — он кивнул и слегка поклонился Маргарет Трайб и помощнику госсекретаря. — Я немедленно доведу эти сведения до президента. Он захочет узнать подробности. Где я смогу найти вас, профессор?

— Филадельфия...

— Только не ночью, — решительно заявила доктор Трайб. — Профессор остановится у меня. Я оставляю адрес секретарю.

— Спасибо, большое спасибо...

Его слова были прерваны отдаленным шумом хлопнувшей двери. Хлопнувшей? В Белом доме не хлопали дверями! Потом послышался топот бегущих ног, гулко отдававшийся в коридоре; через минуту мимо них пробежал офицер с портфелем в сопровождении двух военных полицейских.

— Прошу меня извинить, — спокойно сказал Саймон Дилуотер, повернулся и вышел. Но внутренне он вовсе не был спокоен. Происходило явно что-то важное. Ему нужно немедленно вернуться на совещание. Он поборол желание пуститься бегом и вместо этого пошел твердым размеренным шагом. Казалось, везде царил лихорадочная суета, неожиданная после одиннадцати часов вечера. Возле входа в служебные помещения стояла дополнительная охрана, капитан, ее начальник, выступил вперед и поднял руку.

— Покажите ваше удостоверение, сэр.

— Что? Вы же всего несколько минут назад выпустили меня отсюда.

— Прошу прощения, сэр. Пожалуйста, ваше удостоверение.

Боже правый — его рука уже сжимала оружие. Дилуотер отыскал в кармане пиджака свое удостоверение и протянул ему. Офицер сверился со списком и кивнул.

— Порядок, мистер Дилуотер. — Он поднял руку, когда Дилуотер собрался шагнуть вперед. — Еще одна небольшая формальность. Скажите, пожалуйста, как зовут мать вашей жены.

— Что такое, с какой стати я должен говорить вам это?

— Вы не пройдете, пока не скажете. МПБ — Мера повышенной безопасности. Я только что вынул эту книгу из сейфа.

— Но... почему?

— Боюсь, не могу вам ответить, сэр. Я лишь исполняю приказ. Имя?..

— Мария.

— Верно. Пожалуйста, проходите.

Охрана у каждой двери и в коридорах; наконец Дилуотер вошел в зал заседаний. Он остановился, потрясенный, не веря своим глазам. Когда он выходил отсюда несколько минут назад, страсти утихли, все слишком устали от разговоров и просматривали последние сообщения из Центра управления полетом.

Теперь обстановка напоминала сумасшедший дом. Бэндин, стоя, орал вовсю, и Бэннерман не уступал ему тоже.

— ...Я хочу, чтобы они были здесь! Нажать чертову кнопку и поднять всех по тревоге!..

— Господин президент, у вас для этого просто нет ни малейших оснований, черт возьми! Вы можете совершить крупную ошибку. Экстренная связь, свяжитесь с Полярным по прямому проводу и выясните, что ему известно. Скажите ему, что мы знаем лишь одно: это не был кто-то из наших. Заявите ему об этом громко и внятно, или вскоре могут взлететь ракеты.

— Перехватить...

— Дан сигнал готовности к перехвату. Это внутренние меры, и никому из посторонних пока носа туда не сунуть. Но больше мы ничего предпринять не можем, пока вы не поговорили с Полярным.

Президент был все еще расстроен и слишком утомлен, чтобы принимать решение. В наступившей тишине заговорил госсекретарь.

— Генерал прав, господин президент. Все, что нам следовало сделать к данному моменту, сделано. Вы должны поговорить с Полярным, сообщить ему, что наши спутники и станции слежения зафиксировали атомный взрыв в космосе над Советским Союзом. И что это была не наша ракета. Точка.

Дилуотер тяжело сел, пытаясь осмыслить услышанное. Что все это могло означать? Какой-то атомный взрыв? Ответ пришел быстро. Зазвонил телефон прямой связи с Центром управления, и Дилуотер машиналь-

но ответил. На другом конце провода был Флэкс, и, пока он говорил, Дилуотер почувствовал, что весь похолодел. То, что он слышал, было невероятно и все же безусловно оказалось правдой. Он сделал пометки в блокноте и наконец обрел дар речи.

— Спасибо, Флэкс. Я передам, да, хорошо. — Он повесил трубку и медленно встал. — Господин президент, — начал он, но его никто не услышал. Он повторил немного громче, но опять никто не обратил на него внимания. Его затрясло от гнева, — **ЗАТКНИТЕСЬ, ВЫ ВСЕ!** — рявкнул он во весь голос, побагровев.

Они замолчали, потрясенные столь яростным криком человека, который никогда не повышал голоса. На мгновение в комнате воцарилась тишина, первым опомнился Бэндин. Но он успел только раскрыть рот, Дилуотер опередил его.

— Центр управления докладывает, что ракета с ядерной боеголовкой была нацелена на «Прометей». Кто-то пытался взорвать его.

— Кто... почему? — за всех спросил президент.

— Пока неизвестно. Из Центра сообщают, что ракета — или бомба, неважно — по-видимому, не достигла цели. Но есть пострадавшие. Как только станут известны подробности, они перезвонят... — Телефон у него под рукой загудел, он ответил, кивнул. — Мистер Драгони, переключите, пожалуйста, на динамик. Это сообщение с «Прометей».

— Центр управления вызывает «Прометей». Говорите.

— Говорит «Прометей», Григорий Сальников на связи. Невероятно, что такое могло произойти... — говоривший что-то пробормотал.

— Пожалуйста, продолжайте, «Прометей». Президент и члены кабинета слушают вас. Что именно произошло?

— Взрыв. Ядерный взрыв в космосе. У меня нет возможности определить, насколько близко он был. Доктор Сэмюэл и я находились в отсеке экипажа, мы заметили лишь вспышку. Но пилоты, они находились прямо перед ним, они его видели. Они пострадали — ослепли... Я должен идти, доктор зовет меня. — Говоривший снова умолк.

— Центр управления, как близко от «Прометей» произошел взрыв? — спросил Дилуотер.

— Пока неизвестно. Мы пытались включить телевизионные камеры на втором и третьем посту, но они не

отвечают. Если они сгорели, взрыв был снизу, позади корабля. Уровень радиации в отсеке подтверждает это предположение.

— Что это значит?

— В момент взрыва радиационный фон увеличился незначительно. Это могло произойти только в том случае, если корабль был обращен к взрыву дном. Двигатели, биологический щит и цистерна с водородом ослабили радиацию.

— Слава богу. А что там у пилотов со зрением? Слепота?..

— Пока не можем сказать. Ждите наших дальнейших сообщений. Конец связи.

После звонка посыпались замечания и комментарии. Все были растеряны. Факты — вот они, но что все это значит?

— Кому это понадобилось палить по «Прометею»? — спрашивал Бэндин, сбитый с толку, как все остальные. Кроме Дилуотера. Он разглядывал снимок покрытого пятнами Солнца. Потом заговорил так тихо, что окружающим пришлось напрячь слух.

— Я знаю, кто это сделал. И знаю почему. — Он отвел глаза от фотографии. — Господин президент, это помещение защищено от прослушивания?

— Разумеется.

— Тогда я должен сообщить вам, что по «Прометею», несомненно, была выпущена советская ракета.

— Вы можете это подтвердить? — ледяным тоном спросил Бэннерман.

— Нет, генерал, это придется сделать вам. Я могу только изложить свои соображения. «Прометей» сейчас заходит на шестнадцатый виток. Приблизительно через восемьдесят минут он будет над Сталинградом. Несколько минут назад, во время взрыва, он проходил над равнинами Сибири. Там находятся советские шахты с ядерными ракетами. Это была последняя возможность уничтожить «Прометей» до того, как он завершит последний виток и упадет на Москву.

— Что вы несете, Дилуотер? — голос президента звучал сердито. — Осталось еще целых двадцать часов, прежде чем эта штука соберется падать. И на Штаты, а не на Россию.

— Нет, господин президент. Я только что получил новую информацию, которая меняет дело. Я уверен, что

у советского руководства имеются такие же сведения. — Он поднял фотографию Солнца. — Очень вероятно, что это — последний виток, и они упадут и сгорят примерно через час.

— Но... что же изменилось?

— Солнце, господин президент. Если бы сейчас на Солнце появилась вспышка, внезапный выброс солнечной радиации достиг бы плотных слоев атмосферы и вызвал бы их расширение. «Прометей» и так соприкасается с ее кромкой. Если же атмосфера расширится, корабль войдет в нее и погибнет.

— Снимок Солнца имеет к этому какое-то отношение? — спросил Бэннерман.

— Да, генерал. Он сделан чуть больше двух недель назад. Видите этот ряд черных пятен? Это вспышки на Солнце, которые перемещаются благодаря его вращению. Сейчас они могут появиться на другой стороне Солнца в любую минуту. Это начало солнечной бури. Если они будут развиваться, как обычно, то, находясь вне нашей видимости на противоположной стороне Солнца, вырастут до гигантских размеров. Оказавшись вновь обернутыми к нам, они дадут мощное излучение. Через восемь с половиной минут радиация коснется края атмосферы...

— И «Прометей» врежется в воздушную стену, — закончил Бэннерман.

— Верно. Вероятно, русские узнали об этом и попытались уничтожить корабль, прежде чем он упадет на территорию России.

— Подлые ублюдки!

— Вы сами обсуждали такой вариант, генерал, если мне не изменяет память, — Дилуотеру не требовалось говорить язвительно, его слова и так попали в точку. У Бэннермана побагровела шея, но он промолчал.

— Вы уверены, что русские знали об этом? — спросил президент.

— Почти наверняка, сэр. Иначе зачем бы им запускать ракету?

— Чарли, включи прямую связь, я хочу поговорить с Полярным. Пусть приготовит объяснение поубедительнее.

Глава 34

ПВ 24:09

Такси свернуло на Рокфеллер Плаза и остановилось перед крытым крыльцом. Купер выбрался из машины, благодарно кивнул швейцару и не знал, следует ли давать ему чаевые.

— Чем могу служить, сэр?

— Шоу Майка Мура. Мне сказали...

— Обратитесь к секретарю, — с этими словами швейцар отвернулся, переключив все свое внимание на белый «роллс-ройс», занявший место такси; видимо, он полагал, что журналисты его внимания недостойны. Купер постарался войти в холл спокойно и держать пальцы подальше ото рта. Секретарша оказалась хорошенькой как картинка, она даже улыбалась ему.

— Добрый вечер, сэр, добро пожаловать на лучшее в мире телевидение.

— Что? Ах да, спасибо. Моя фамилия Купер, меня пригласили сюда на шоу Майка Мура...

— Ну конечно, мистер Купер, — она продолжала улыбаться, а палец ее скользил по списку. — Вас ждут. Будьте добры, войдите в третий лифт и нажмите кнопку сорок третьего этажа. Всего хорошего.

Все это очень быстро, очень спокойно. Когда лифт вознес его ввысь, он взглянул на себя в зеркало, попытался пригладить волосы и поправить галстук. Хотя он

старательно оттирал пальцы, на них все же видны были чернильные пятна. Может, не заметят?

— Входите, входите, вы последний, мы вас ждем.

Майк Мур сам провел его, легонько подталкивая в спину. Ростом он пониже и помельче, чем кажется на экране, подумал Купер, но загар действительно замечательный. Купер был слишком близорук, чтобы разглядеть обыкновенный грим.

— Доктор Купер, это Шэрон Нил, я уверен, вы уже слышали о ней. Она только что получила вторую премию Эмми, это просто грандиозно, об этом мы с ней и поговорим. И конечно Берт Шейки.

Трепеща, он пожал руку Шэрон Нил, вблизи она была такая же красивая, и поздоровался с толстым комиком.

— Что будет, док? — громогласно спросил Шейки — иначе он не умел. — Конец света на подходе?

— Ну не совсем, но...

— Чудесно, потому что мне бы не хотелось опоздать! — Шейки громко рассмеялся собственной шутке. Купер вежливо улыбнулся.

— Ну что ж, мои дорогие, сегодня вы делаете мое шоу, и я просто жду не дождусь, когда смогу поговорить с вами, — Майк ослепительно улыбнулся и махнул рукой в сторону подноса с кофе. — Угощайтесь, печенье с сыром просто восхитительное. После шоу бар еще открыт, но я надеюсь, вы не откажетесь от кофе прямо сейчас. Прекрасно! Сейчас мы все здесь, и вся Америка, я уверен, если не весь мир, жаждет услышать, что вы скажете о космическом корабле, доктор Купер.

— Что, он и правда хряпнется нам на головы? У меня котелок крепкий, но не настолько!

— Если только двигатели не запустят вовремя, а каждая минута задержки увеличивает риск, боюсь, «Прометей» действительно упадет на Землю.

— Прямо сюда? — Шэрон широко раскрыла глаза и томно положила руку на свою пышную грудь.

— Мне бы не хотелось, чтобы какая-нибудь пакость попала сюда, дорогая! — Шейки заглянул ей в вырез платья и вздохнул.

— Я имела в виду нашу страну, Нью-Йорк, кобель, тепло пузатое!

— Спокойно, спокойно, — бодро сказал Майк. — Так что, корабль угодит в Нью-Йорк, доктор Купер?

Куперу было поздно отказываться от почетного докторского звания, которое ему только что присвоили, и еще его изумлял неприкрытый цинизм в устах столь известного человека. Он постарался собраться с мыслями.

— Может... да, это возможно. И конечно, если «Прометей» действительно упадет, взрыв будет гораздо сильнее, чем тот, что уничтожил английский город. Не говоря уже об опасности радиоактивного заражения, ибо в его топливе содержится уран-235. Но взрыв — это самая серьезная опасность.

— Новый способ рыть бассейны, — Шейки ковырял в зубах длинным ногтем.

— Шейки, старина, оставь свои хохмы на потом. Какова вероятность, доктор Купер, что эта штука уничтожит наш шарик?

— Я не уверен... Это зависит от положения «Прометея» на орбите... Опасность угрожает не только Нью-Йорку, но и всей стране, когда он проходит над ней. И не только Соединенным Штатам — вы должны помнить, что он движется по кругу надо всем миром. На шестнадцатом витке он будет пролетать над Москвой, и его можно будет легко разглядеть как движущийся огонек в небе...

— А он не может врезаться в нее, вместо того чтобы пролететь над ней?

— Верно!..

— Лучшего места и выбрать нельзя!

— ...совершенно верно, Майк. «Прометей» сейчас подобен смертоносной бомбе в небесах, но куда он упадет после вхождения в атмосферу, можно только гадать. Учтите, ему вовсе не обязательно падать на город. Он может разрушить поселки, уничтожить посевы, целиком спалить леса. Или рухнуть в океан недалеко от берега и вызвать приливные волны. Это могло бы стать самой крупной из вызванных людьми катастроф за всю историю человечества.

— Хуже тещи?

Майк Мур расплылся в своей знаменитой улыбке.

— Так, — сказал он, потирая руки, — кажется, у нас сегодня намечается действительно приятное маленькое шоу. Вот специалист по опасности, нависшей над страной. И у нас есть красавица и чудовище...

— Прикуси язык, Майк! Бог тебя накажет за это!

— Итак, выпейте еще кофе, если хотите, потом мы вас отведем к гримеру — всех, кроме очаровательной Шэрон, и потом я вас жду в зале номер три. Живая и яркая аудитория — члены Ротари-клуба из города Потлач, штат Мичиган, вместе со своими женами...

— Ох! — простонал Шейки. — За это — двойную ставку!

— В общем, не теряйтесь, а я увижусь с вами примерно через полчаса.

Дверь приоткрылась, в нее просунулся какой-то мужчина и помахал листком бумаги.

— Майк, только что сообщили по телеграфу. Можешь воспользоваться для передачи.

— Моя теща скончалась? — жизнерадостно осведомился Шейки.

— Даже хуже того, — отозвался Майк, быстро просматривая текст. Потом взглянул на Купера. — Что бы это могло значить, доктор Купер? НАСА только что распространило сообщение, что произошел — я цитирую: «...ядерный взрыв рядом с «Прометеем». Корабль, по-видимому, не поврежден, но среди членов экипажа есть пострадавшие. Причина взрыва неизвестна, хотя установлено, что он не американского происхождения. Что они хотят этим сказать? Что, там полно космических кораблей, которые палят по «Прометею»?

— Нет, конечно, нет. Я думаю, с технической точки зрения, существует вероятность взрыва ядерного топлива, но, конечно, при этом корабль не мог не пострадать. «Происхождение»... Должно быть, они имеют в виду боевую ракету? Видимо, это не мы выпустили ракету с ядерной боеголовкой по «Прометею»...

— Но если не мы, значит, кто-то еще? Кто?

— Я не знаю, право. Франция, Англия, Китай, Советы — все они вооружены такими ракетами класса «земля-космос». Многое зависит от того, где находился «Прометей» в момент взрыва: поскольку эти ракеты предназначены для национальной обороны, у них ограниченный радиус действия. Разумеется, их можно запускать с подводных лодок...

— Какой ужас, — сказала Шэрон.

— Ужас — это мягко говоря, детка, — Майк возбужденно расхаживал взад-вперед. — Кто-то настолько встревожен перспективой взлететь на воздух из-за

этого «Прометей», что пытается взорвать его первым. Весь мир трепещет от страха. Смерть грозит с небес. Ядерное заражение. Ребята, приближается начало программы, после которой рейтинг Нильсена подскочит выше космического корабля!

Глава 35

ПВ 24:39

— Я не могу им этого сказать. Вы не имеете права требовать, чтобы я сказал им такое! — Флэкс так решительно помотал головой, что его тяжелые щеки заколыхались. Он чуть не орал в телефонную трубку и замечал, что сидящие за другими пультами оборачиваются и смотрят на него. Ему было наплевать. Теперь наплевать на все: трагедия надвигалась отовсюду. Он не мог справиться со всем этим. Саймон Дилуотер еще говорил, но Флэкс бросил трубку. Не следовало так поступать с начальством, но теперь ничто больше не имело особого значения. Он медленно повернулся, моргая воспаленными, усталыми глазами.

— Майк, — окликнул он человека за ближайшим пультом и поманил его к себе.

— Что случилось, Флэкс? Еще какие-нибудь неприятности?

— Узнаешь. Слушай, возьми эти ключи, они от большого стола у меня в кабинете. Нижний ящик. Там стоит бутылка сливовицы. Возьми и принеси мне.

— Шливо... чего?

— Сливовое бренди. Там всего одна бутылка. Давай, иди.

— Флэкс, ты ведь знаешь правила насчет выпивки, ты же не хочешь...

— Хочу. К черту правила. Мои люди погибают наверху.

Он был удивлен и потрясен, почувствовав слезы на глазах. Они медленно текли по щекам, и он ничего не имел против. Он оплакивал мертвых. Это последнее сообщение насчет солнечных вспышек — уже чересчур. Как он сможет сказать им? Все в этом полете не заладилось с самого начала, и это еще не конец.

Он прерывисто вздохнул, даже не заметив этого, усталый толстый человек, дошедший до предела. Он вытер пот и слезы мокрым носовым платком. И смотрел в пространство, пока не принесли сливовицу. Она была прозрачной, колыхалась в бутылке, словно масло, и выглядела совершенно безвредной. Как нитроглицерин, очень похоже. Он откупорил бутылку и глубоко вдохнул густой запах разрушения. Она пахла даже сильнее текилы, которую он тоже очень любил. Под рукой у него стоял полупустой стаканчик с кофе, и он почти машинально выплеснул холодную жидкость прямо на пол, потом налил сливовицы.

Чудесно! Она скользнула по горлу и взорвалась в желудке, как бомба, посылая теплые волны по всему телу. Чудесно, и пока ее действие не исчезло, он включил микрофон.

— Вызываю «Прометей», здесь Центр управления. — Ему пришлось повторить дважды, прежде чем прозвучал ответ.

— Хэлло, Флэкс.

Это был голос Патрика, хриплый и невнятный.

— Да, Флэкс слушает. Это ты, Патрик?

— Да. Коретта сделала мне укол обезболивающего. Не могу говорить как следует. Боль супер о'кей. Я велел Наде дать дозу побольше, она так и сделала, и Надя спит. С Броном без перемен. У нас забинтованы глаза. Доктор не знает, временная эта слепота или навсегда, — его голос даже не дрогнул. — Уже выяснили, кто в нас стрелял?

— Нет. Вы узнаете, как только мне сообщат.

— Надеюсь. Григорий оделся и готов к выходу. Меня заменят — Коретта будет страховать его с этой стороны.

— Это противопоказано.

— Какого черта, в чем дело, Флэкс? Если не отключить этот двигатель, все пойдет прахом.

— Послушай, Патрик, похоже, времени не хватит, чтобы запустить двигатели до контакта с атмосферой.

— Судя по моим часам, у нас в запасе еще около восемнадцати часов.

— Время изменилось...

— Что!

— Послушай меня. Я разговаривал с профессором Вейсманом, он специалист по физике Солнца, по высоким слоям атмосферы. Ожидаются солнечные бури, которые вызовут подъем плотных слоев, все изменится.

— Когда ожидаются бури?

— Теперь почти в любую минуту.

— Это точно, Флэкс? Никакого шанса на ошибку?

— Такой же, как на то, что Солнце перестанет вращаться. Бури были еще слабыми, когда Вейсман наблюдал за ними недели две назад. Если их активность возрастает как обычно, то сейчас они должны бушевать в полную силу.

— Скажи, какова все-таки вероятность, Флэкс? Ведь Солнце — не какая-нибудь паршивая печка, чтобы включаться и выключаться по таймеру. Какова вероятность крупной вспышки?

Флэкс заколебался, но в конце концов вынужден был сказать:

— Восемьдесят девяносто процентов.

— Так, замечательно, — в голосе Патрика теперь слышалось нечто большее, чем обычная горечь. — Я скажу остальным. Конец связи.

Флэкс отключил связь и нагнулся к селектору.

— Верните профессора Вейсмана. Спросите его, кто в Европе занимается постоянным наблюдением за Солнцем. Мне нужны имена и номера телефонов. Свяжитесь с ними. Мне нужна постоянная информация о солнечных вспышках и уровне солнечной радиации. Передайте ее туда, где смогут записать данные. Сделайте это немедленно.

— Вам есть вызов.

— Никаких вызовов.

— Вы сами просили. Некий мистер Вольфганг Эрнстинг.

— Да, верно, соедините.

Флэкс отхлебнул сливовицы, но она, кажется, больше не действовала; он швырнул стаканчик в корзину.

— Привет, Вольфганг, это ты? Флэкс на проводе.

— Я слышал о ваших несчастьях. Ужасно...

— Это еще слабо сказано, — он с силой надавил указательными пальцами на лоб. — Извини, что побеспокоил тебя. Теперь слишком поздно для того, что я хотел узнать.

— Я рад помочь тебе в любом случае.

— Я знаю, спасибо. Но кажется, мы не сможем теперь поднять «Прометей» на более высокую орбиту. Так что неважно. Я собирался спросить, сколько времени нужно, чтобы подготовить к запуску ваш «челнок». Я знаю, что у вас начался недельный предстартовый отсчет, и меня интересовало, сколько еще осталось. Сначала я надеялся, что нам, может быть, удастся выиграть несколько дней на другой орбите и можно будет организовать спасательный рейс.

— Ну что ж, ты прав, теперь нет ни единого шанса. Может, тебя это утешит, если вспомнишь, как говорят немцы: «Rufen Sie mich zu Hause in dreizig Minuten an». До свидания.

— До свидания, Вольфганг.

Флэкс медленно повесил трубку и задумался, в чем тут дело. Да, действительно, немцы часто говорят в определенных случаях: «Перезвони мне домой через полчаса». Он взглянул на часы и сделал пометку в блокноте. Почему Вольфганг не мог говорить сейчас? Кто-то подслушивал? Контрразведка? Все могло быть. Единственный способ выяснить — перезвонить, впрочем, какая ему разница? Возможно, это что-то важное. Какая-то тайна, связанная с «челноком» ВВС. Теперь уже все равно. Однако он не любил оставлять дела незаконченными. В голове Флэкса мысли кружили и кружили, словно снежинки, вокруг твердого черного стержня — сознания, что «Прометей» обречен. Он скомкал записку и собрался выбросить в корзину.

Потом разгладил ее и положил перед собой, на виду. По крайней мере, он обязан хотя бы из вежливости позвонить Вольфгангу. На пульте замигала лампочка, и он включил связь.

— Вас вызывает Дилуотер, Флэкс.

— Хорошо. Флэкс слушает.

— Мистер Флэкс, президент Бэндин хочет лично говорить с астронавтами...

— Они прервали связь.

— Дело срочное.

— Как всегда. Не отключайтесь, Я посмотрю, сумею ли связаться с ними.

Самодельная кислородная палатка была собрана из пластиковых мешков, которые Григорий терпеливо склеил по краям. Она колебалась, как спущенный воздушный шарик, сохраняя форму за счет давления кислорода изнутри — оно было чуть больше, чем давление воздуха в отсеке. Лицо Брона было бледным, дыхание еле заметным. Коретте приходилось постоянно следить за показаниями приборов, чтобы убедиться, что он еще жив. Пульс ровный, но слабый, дыхание тоже. Он был жив, но жизнь едва теплилась. Она сделала Брону внутривенное вливание глюкозы и поняла, что вряд ли может еще чем-нибудь помочь ему. Ведь времени осталось так мало. Вспоминая об этом, она содрогалась от страха. Она не хотела умирать, и ей все трудней и трудней становилось притворяться, что все нормально.

— Как он? — спросил, приближаясь, Григорий.

— Все так же, без изменений.

— Возможно, ему повезло. Он и не узнает ничего.

— О Господи, это слишком ужасно, чтобы поверить. — Она ухватилась за него, спрятала лицо у него на груди — но плакать не могла. Можно оплакивать чужую смерть, но не свою.

— Центр управления вызывает «Прометей».

Сигнал все время повторялся, но на него никто не отвечал. На соседней койке Надя пошевелилась во сне.

— Почему Патрик не отвечает? — удивилась Коретта.

— Надо пойти посмотреть.

Патрик уснул. Измученный за последние дни организм, боль, действие наркотика — все это сказывалось. Известие о том, что все их усилия были напрасны, что времени практически на осталось, доконало его. Теперь просто не было никакого смысла бодрствовать, он точно так же мог умереть и во сне, поэтому просто махнул на все рукой.

— «Прометей», отвечайте, отвечайте, пожалуйста. Президент на связи. — Голос настойчиво звал из динамиков.

— Надо ли его будить? — спросил Григорий, глядя на спящего командира. Коретта была рядом. Они держались за руки, чтобы их не отнесло друг от друга, чтобы чувствовать человеческое тепло. Она покачала головой.

— Не уверена. Патрику нужен отдых, а что такого интересного они могут сообщить нам после приятного известия, что наша прогулка почти закончена?

Она произнесла это небрежно или, во всяком случае, постаралась, но внутри чувствовала непреодолимый страх.

— Но ведь это ваш президент хочет говорить с вами.

Она улыбнулась, видя его встревоженное лицо.

— Ты слишком считаешь саму идею власти, Григорий, дорогой. Бэндин — политическая проститутка, всегда таким был, таким и останется. Когда он еще заседал в конгрессе, то состоял членом комитета по школьным автобусам — район ему достался смешанный, наполовину черный, наполовину белый. Тогда его и прозвали Резиновый Бэндин. Он мог растягиваться как угодно, становиться на любую сторону и никогда не проигрывал. И не выполнял обещанного. Да любой такой ловкач в президенты вполне годится.

— Коретта, пожалуйста, не говори так про руководителя своего госу...

— Для революционера ты слишком порядочный буржуа, мой русский медвежонок. Разве ваш Полярный не последний представитель сталинской банды? Разве он не замешан во все эти истории с лагерями?

— Ты не должна так говорить, — сказал он, встревоженно оглядываясь. Коретта заметила его движение и невольно расхохоталась. Она смеялась и не могла остановиться, по ее лицу катились слезы. Все еще смеясь, она заговорила:

— Ты бы видел свое лицо! Оглядываться, не подслушивает ли кто — в космосе, в ракете, которая вот-вот взорвется! Извини, я вовсе не над тобой смеюсь. Над нами надо всеми, с нашими маленькими страхами и приступами национализма. По крайней мере, мы-то здесь можем позабыть о них на тот малый срок, что нам еще остался, — она придвинулась ближе и ласково поцеловала его. — Я рада, что встретила тебя, правда рада. Хотя от этого положение и не изменится, все же становится как-то легче.

— А я, ты...

— Вызов, ответьте на вызов... — хрипло сказал Патрик, ворочаясь под пристегнутыми ремнями. Он потянулся руками к забинтованным глазам — забыл, что случилось, и удивился, почему темно. Затем неприятные воспоминания вернулись, он глубоко вздохнул и опустил руку на пульт.

— «Прометей» слушает, говорите.

— С вами хочет поговорить президент. Вы готовы ответить?

— Соединяйте, — равнодушно сказал Патрик. Через несколько секунд заговорил Бэндин.

— Говорит президент Соединенных Штатов...

— Он даже по телефону говорит, словно читает Геттисбергское послание, — заметила Коретта, демонстративно поворачиваясь спиной.

— ...с тяжелым сердцем обращаюсь я к вам, быть может, в последний раз, мужественные астронавты, граждане двух государств, соединенные узами братства при выполнении этой великой миссии, которая, видимо, должна прерваться так трагически. Мой печальный долг — сообщить вам подробности о ядерном взрыве, который столь недавно произошел возле вашего корабля...

— Они выяснили!

— Тихо!

— Я только что разговаривал с премьером Полярным, и он просил меня выразить вам свое глубочайшее сожаление по поводу столь ужасного несчастного случая. Да, это именно несчастный случай. Один из представителей советских оборонительных войск, человек психически неуравновешенный, произвел пуск ракеты...

— Один из наших? Нет!.. — воскликнул потрясенный Григорий.

— Его задержали, но дело уже было сделано. Срыв его психики был вполне объясним, поскольку весь мир в настоящее время живет под бременем страха. После непоправимой катастрофы в Англии та часть планеты, над которой проходит орбита «Прометей», живет с ужасным сознанием, что в следующий миг может наступить ее очередь. Мы должны понять русского офицера, хотя, конечно, не можем простить этого подлого удара, который он нанес. Я присоединяюсь к просьбе премьера Полярного понять это, глубоко скорблю вместе с

вами из-за вашего положения, из-за трагического конца нашего совместного блестящего начинания и надеюсь, как и он, что другие продолжат то великое дело, которое начали вы, замечательные мужественные люди. Прощайте!

В наступившей тишине стало слышно, как Надя зовет из отсека экипажа.

— Где вы? Я не могу встать.

— Я помогу, — отозвалась Коретта, направляясь к люку.

— Это ты, Коретта? Чей-то голос разбудил меня. Я слышала, что говорил этот человек. Пожалуйста, отведи меня к остальным.

Они двинулись вместе, Надя рукой прикрыла невидящие глаза.

— Ты слышал, Григорий? — спросила она. — Ты веришь этому?

— О чем ты, Надя?

— Ты прекрасно понимаешь. Неужели это правда — история насчет сумасшедшего офицера, нажавшего кнопку?

Григорий глубоко вздохнул, потом безнадежно покачал головой.

— Нет, не может быть! В нашей стране такого не случается. Это, конечно, просто легенда. Ракета была пущена по чьему-то приказу. Если и была паника, то где-то в верхних эшелонах. А теперь руководство пытается скрыть правду. Мне стыдно за мой народ, я прошу у вас прощения...

— Брось, — сказал Патрик. — Это ничего не изменит, в конце концов.

— Он прав, — сказала Коретта. — Все равно все останется по-прежнему. И я держу пари, что у нас найдется пара генералов, которые завидуют вашим и тоже мечтают пострелять...

— Хватит, Коретта, — резко оборвал Патрик. — Я офицер. И не желаю слушать это!

— Извини, Патрик. Наверное, нервы.

Правда все это или нет, она понимала, что не следовало так говорить. По крайней мере последние минуты они могли бы прожить мирно.

— Ты прав. Это же ничего не меняет, так?

— Боюсь, что так. Который час?

— Полетное время 24:59.

— Сейчас должно наступить время солнечной вспышки. Вид Солнца как-то изменился, Коретта?

— Я же не астроном...

— Впрочем, неважно. Можно мне воды? От этого лекарства, что ты мне дала, страшная жажда.

Флэкс посмотрел на табло. ПВ 24:59, и пока никаких изменений уровня солнечной активности. На глаза ему попался лист бумаги, и он отметил время. Вольфганг, наверное, уже дома. Вот и официальный предлог — сумасшедший и история с кнопкой. Неужели кто-нибудь поверит в это? Наверное, нет. Но это спасло бы лицо нации — очень важная вещь как для больших, так и для маленьких народов. Может быть, они все еще думают о продолжении проекта «Прометей»? Почему бы нет? Потребность в энергии остается, возрастает с каждым днем. Еще один запуск, еще одна попытка... Что могло потребоваться Вольфгангу? Флэкс набрал номер. Телефон звонил и звонил, но никто не снимал трубку. Черт с ним. Флэкс скомкал клочок бумаги в последний раз и выбросил.

Глава 36

ПВ 25:03

— Где сейчас находится «Прометей»? — спросил Бэндин.

Дилуотер просмотрел страницы с расчетами и сделал пометку напротив полетного времени 25:03. Потом встал и пошел к висевшей на стене конференц-зала меркаторовой карте мира, усталые люди провожали его взглядами. Он аккуратно отметил широту и долготу и передвинул красный намагниченный кружок, обозначавший положение «Прометей». Теперь он находился посреди океана.

— Так лучше, — сказал Гродзински. — Упади он в воду — все было бы в порядке.

— Но он снова через несколько минут будет над сушей, — заметил Бэннерман. — И что тогда? Эта штука по-прежнему представляет угрозу для всей планеты. Что бы Советам прицелиться получше и сбить ее к чертовой матери.

— Генерал, там все-таки пятеро людей на борту, — холодно сказал Дилуотер.

— Они и будут на борту, когда она упадет, и тогда все равно погибнут. Я гуманист, Саймон, как и вы. Но я еще и реалист. Без этого солдату не победить. Нравится нам это или нет, в ближайшем будущем нас ожидает крупный взрыв. Если эти солнечные вспышки сделают

свое дело, «Прометей» может навернуться в любую секунду, хоть сейчас, пока мы тут болтаем. А если нет, все равно упадет, только на пару часов позже. Или что-нибудь изменилось в расчетах?

Дилуотер покачал головой.

— Ничего. Более точные измерения отодвигают срок лишь на несколько минут.

— Значит, дело обстоит так. Эти люди на борту, считай, так или иначе мертвы. Теперь как быть с бомбой, в которой они находятся? Я предлагаю сбить ее нашими ракетами, пока она еще над океаном, и дело с концом.

— Вы что, спятили? — воскликнул Бэндин. — Вы хотите, чтобы я вошел в историю как президент, ядерной ракетой уничтоживший собственных граждан?

— Вместо того чтобы допустить трагедию большего масштаба, — настаивал генерал.

— Мне кажется, вы должны понять, что президент прав, — вмешался доктор Шлохтер. — Общественное мнение — такая сила, которой мы не можем пренебречь. Уже поступают сообщения о выпадении радиоактивных осадков после взрыва советской ракеты — она оказалась не слишком чистой, как и все их бомбы, и мировая пресса и политики уже в полной готовности. К утру они разойдутся в полную силу, и американская пресса — больше всех. Радиоактивные осадки восторга не вызывают. Мы годами запрещали испытания в атмосфере. Если сейчас мы изменим нашу политику и одобрим этот план, я сомневаюсь, наберет ли наша партия хотя бы четыре голоса на следующих выборах.

— Меньше, — заметил Бэндин. — Мы будем полными идиотами, если проголосуем за самих себя. Итак, о посылке ракеты не может быть и речи, забудьте об этом, Бэннерман. Как бы нам ни хотелось или как бы мы ни нуждались в уничтожении «Прометей», так не пойдет.

— А ТНТ? — спросил Гродзински. — Я с ним имел дело в угольных шахтах, когда еще был мальчишкой. Он способен разнести «Прометей» на клочки.

— Да, — сказал ему Дилуотер. — Но есть пустячный вопрос: доставка на корабль. Правда, там имеется полная цистерна водорода и, возможно, достаточный запас кислорода, чтобы вызвать химическую реакцию и взрыв, если бы их удалось соединить. Но это слишком

сложно и, стало быть, тоже не подходит. К тому же любой химический взрыв на подобной высоте привел бы к выделению большей части урана-235, который попал бы на Землю, и его распыление вызвало бы катастрофу куда большего масштаба, чем взрыв в каком-то локализованном районе. Химический взрыв исключается.

— Так что же нам делать, черт возьми? — спросил президент Бэндин, оглядывая сидящих за столом. — Так и будем здесь просиживать задницы, пока эта штука не брякнется, и надеяться, что она не врежется во что-нибудь жизненно важное? Ничего лучше придумать не можем?

По-видимому, так оно и было, поскольку ответом на его вопрос было молчание. Саймон Дилуотер смотрел на всех по очереди, словно ждал, не встанет ли кто-нибудь с предложением. Никто не встал. В конце концов он понял, что нужно сделать то, что только он сам может сделать. Он встал и поднял тонкую папку в оранжевом переплете. Темные буквы «Секретно» были оттиснуты на ее обложке. Все глаза теперь обратились к нему.

— Поскольку, кажется, никакого иного решения этой мучительной проблемы нет, я считаю, что обязан сообщить вам, джентльмены, о существовании программы для непредвиденных обстоятельств. Я не советую принимать ее немедленно и не говорю, что принимать ее не следует. Я просто предлагаю ее вашему вниманию. Как вам известно, перед каждым полетом разрабатывается множество различных программ, которые предусматривают возможные случайности и аварии в космосе. Большинство из них достаточно реалистичны, некоторые — довольно искусственные. Программа «Змеинное кольцо» относится к последнему разряду, она создана группой инженеров, на мой взгляд, с несколько болезненным воображением. Я узнал о ее существовании случайно, ознакомился с ней и... засекретил и включил в досье...

— Продолжайте, Дилуотер, что еще за чертовщина? — терпение Бэндина было на исходе.

— Немного терпения, господин президент, я хотел прояснить все детали. Программа «Змеинное кольцо» представляет собой план технических мер, с помощью

которых автоматический ядерный взрыв может уничтожить «Прометей» и, разумеется, его ядерное топливо.

— Я не понимаю, — сказал Гродзински.

— Звучит довольно просто, — ответил генерал Бэннерман. — Вы хотите сказать, что они могут сделать так, чтобы ядерный двигатель автоматически превратился в бомбу и взорвал весь корабль?

— Не совсем, но в общем идея именно такова. Меня заверили, что если все сделать правильно, то ядерный взрыв непременно последует. Я должен обратить ваше внимание: все эти действия могут быть выполнены лишь кем-то из экипажа. Иными словами, люди, которые подготовят взрыв, сами тоже должны погибнуть. Никакими посторонними средствами подобного эффекта достичь нельзя.

— Вы просите их совершить самоубийство ради спасения человечества? — сказал Бэндин.

— Я ни о чем не прошу их, сэр. Я просто излагаю суть вот этой программы. Решать вопрос о ее исполнении, слава Богу, буду не я.

— Они в любом случае погибнут, — спокойно сказал Бэннерман. — Я предлагаю передать им подробные указания, чтобы они могли приступить к работе. Это наш единственный шанс.

— Возможно, надо было бы прежде спросить, захотят ли они, — сказал Дилуотер.

— У нас нет времени на такую роскошь, — ответил Бэннерман. — Майор Уинтер — офицер, как и майор Калинина. Они умеют подчиняться приказам. Им нужно немедленно сообщить, что делать. Я уверен, они с гордостью используют возможность предотвращения катастрофы здесь, на Земле. Нам некогда спорить, если мы хотим, чтобы план был приведен в исполнение. Господин президент, я прошу вас принять решение немедленно.

— Я должен посоветоваться с Полярным. Пусть они свяжутся с Калининой...

— Он не советовался с нами, когда выпускал свою пташку по кораблю, а мы еще поддержали эту его идиотскую версию об офицере-психопате. Теперь он поддержит нас. Мы ждем, господин президент.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил Бэндин с отчаянием в голосе: он достиг своего высокого положения, не принимая решений, а избегая их. —

Ладно. Мы не можем приказать им, пока еще нет, но мы можем объяснить им, что такое программа «Змеиное кольцо». Свяжитесь с ними. Если они примут правильное решение, нам не придется им приказывать. Это последняя надежда, Бэннерман. Узнайте, как они настроены, прежде чем отдавать приказ. Кнут и пряник. Они славные ребята, и я в них верю. Они все равно погибнут, а так их смерть может обрести величественный смысл, спасти жизни, быть может, десятков тысяч их соотечественников. Это героический поступок. Свяжитесь с ними относительно программы «Змеиное кольцо» немедленно!

— Змеиное кольцо! — радостно воскликнул Гродзински. — До меня только что дошло. Змея, которая заглатывает свой хвост, поедает сама себя и перестает существовать.

— Заткнитесь, — устало бросил Бэннерман.

Глава 37

ПВ 25:28

Вольфганг Эрнстинг затормозил и распахнул дверцу машины. Влажный воздух Флориды окутал его, и он задохнулся: он так и не привык к резким перепадам от прохлады кондиционированного воздуха к тропической парной. У входной двери он нашарил ключ и замер. Телефон звонит? Да, до него доносился далекий сигнал, он ехал дольше, чем рассчитывал. Он заспешил, отпирая дверь и бросился к телефону.

Звонок оборвался в тот момент, когда он дотронулся до трубки. Подняв ее, он услышал лишь гудки отбоя. Он быстро положил ее и подождал, надеясь, что телефон зазвонит снова.

Он не звонил. Вольфганг взглянул на часы. Да, это должен был быть Флэкс. Никто другой не позвонил бы ему, во всяком случае, не сейчас. Флэкс был чрезвычайно пунктуален. Так что же делать? Ждать. Флэкс обязательно перезвонит, да, так и будет.

Вольфганг отправился на кухню, чистую, сверкающую, какой он и оставил ее утром, помыв посуду после завтрака. Он никогда не был женат, не было ни времени, ни возможности, и как вечный холостяк был мелочен хуже любой старой девы. На полке стояла его любимая пивная кружка из какой-то давно исчезнувшей баварской пивной — старинная, прессованного стекла

с металлической крышкой, поднимавшейся нажатием большого пальца; в центре крышки гордо красовался герб пивной.

Осталась всего одна бутылка пива, и он аккуратно вылил ее в кружку. Придется купить еще. В глубине холодильника охлаждалась бутылка шнапса, но ее содержимого едва хватило на стакан. Он вылил себе в стакан все и подумал, что дело худо. Ни в одном местном винном отделе не продавали импортный шнапс, а он так и не приучился пить виски.

Он знал, что после этой порции ему захочется выпить еще. Залпом проглотив шнапс, он запил его глотком холодного пива. Что же делать?

Что делать, если Флэкс не позвонит? Вот что в основном мучило его, как ни старался он отделаться от этой мысли. Он действительно не несет в данном случае никакой ответственности, и незачем изменять своим правилам и навлекать на себя беду. Если Флэкс не перезвонит, что ж, и делу конец. Он сердито отодвинул стул и заходил по кухне, пытаясь убежать от собственных раздумий, но места было слишком мало. Добрая минута ушла, чтобы отпереть все запоры на кухонной двери — преступность в округе была высокой, — и он вышел в сад, в душную ночь. Прожив столько лет в Соединенных Штатах, он никак не мог привыкнуть к этому климату. Он еще помнил снежную зиму и мягкое лето Баварии. Он скоро съездит туда. Он не обязан звонить Флэксу — эта мысль все-таки проскользнула, несмотря на его упорное сопротивление.

Ответственность. Сколько ее было в Германии после войны, и еще коллективная вина. В то время он старался не думать об этом и сейчас думать не хочет. Он был ученым, вот и все, выполнял распоряжения. А что еще он мог бы сделать? Только что закончил университет и был определен в Пенемюнде, тогда он был одним из самых молодых в группе. Разве он отвечает за то, что ракеты, которые он помогал создавать, падали на Лондон, убивая беззащитных граждан. Нет, его никогда не осуждали за это, американцы постарались пригласить Вольфганга к себе на работу, пока до него не добрались русские. Он поехал охотно и никогда об этом не жалел. В молодой процветающей стране известия о жизни в послевоенной Германии казались совершенно нереальными. Как и суды над военными преступниками. Люди

только выполняли приказы — но оказалось, что они совершали преступления. Это волновало, мешало работать его методичному уму, и в конце концов он просто перестал читать и даже думать об этом. Он ничего не умел, кроме той работы, которой его учили. Он был хорошим работником, хорошим исполнителем.

Хотя воздух был горячий и влажный, в голубом небе не было ни облачка. Вольфганг стоял и смотрел вверх, задавая себе вопрос, не находится ли сейчас корабль прямо над ним. «Прометей» вполне мог проноситься над его головой. Вместе со своим экипажем, с этими людьми, пока еще живыми, но обреченными на скорую смерть.

Его вдруг скрутило и начало рвать, снова и снова, пока внутри не осталось ничего. Когда спазм прошел, он виновато огляделся, прикладывая к губам платок. Нет, его никто не видел.

Именно эти люди там, наверху, а вовсе не судьба многотонной металлической громадины, заботили его. Он чувствовал свою вину перед ними, потому что — внезапно он понял это — он был преступником все эти годы. Коллективная вина, о которой вечно твердили немецкие газеты. Он был виноват когда-то и ничего не сделал, чтобы искупить свою вину. Может ли он снова поступить так же?

Вольфганг вошел в дом, вымыл лицо, вытерся, потом подошел к телефону. И остановился. Нет, он не мог прямо позвонить Флэксу, вот почему он и просил его перезвонить сюда. Если он позвонит в Хьюстон, его имя будет записано, отмечено точное время... О его участии станет известно. Могут последовать санкции, это будет нарушением государственной тайны. Он отвернулся от телефона и двинулся к двери.

Машина завелась легко, мотор еще не успел остыть, из кондиционера ему в лицо пахнуло прохладой. Он ехал медленно, бездумно, пока впереди не появилась неоновая вывеска «БАР». Он поставил машину и вошел, музыка оглушила его. Один посетитель сидел у стойки, молодая пара — в затененной кабинке, бармен читал газету, но поднял глаза, когда открылась дверь.

— Пиво, пожалуйста.

— Бочковое?

— Да, спасибо.

Вольфганг вынул бумажник, пальцы перебрали банкноты. В заднем углу виднелась телефонная кабинка. Это его долг и его вина. Его вина и долг. Он обливался потом, хотя в баре было прохладно. Нужно разменять деньги... Так, один доллар за пиво.

Пальцы сами собой вытащили еще десятидолларовый банкнот и выложили на исцарапанную влажную стойку.

— И еще разменяйте, пожалуйста. Монетами по 25 центов, если можно.

Седой мрачный бармен взглянул на деньги с легким отвращением.

— Здесь, знаете, не банк.

— Разумеется, извините. Я бы хотел еще взять упаковку пива, нет, две упаковки по шесть штук.

— Ну тогда конечно, вы ж понимаете! Для клиентов — одно дело, а так — мало ли кто с улицы зайдет.

Вольфганг осушил стакан пива, сгреб сдачу, банкноты и мелочь, и поспешно направился к телефонной кабинке, пока не успел передумать. Когда он прикрыл за собой дверь, зажегся слабый свет; внутри стоял затхлый запах табака и прокисшего пота. Телефонистка отозвалась почти мгновенно.

— Я бы хотел заказать разговор с Хьюстоном, Техас. Хьюстон, совершенно верно...

— Говорит Флэкс, ты слышишь меня, Патрик? Пожалуйста, ответь.

Флэкс устал, так устал, что это уже была и не усталость, а совершенно другое состояние. Возможно, это новый вид смертельного заболевания. Умиравшие тоже чувствуют такое? Умереть сейчас было бы легко, гораздо проще, чем то, что он делал, чем он занимался весь день. Цепь катастроф, одна за другой. И теперь еще это. Он смотрел на лежавшую перед ним бумажку, не понимая, что там нацарапано. То есть видел, да, но до сознания смысл написанного не доходил.

— «Прометей» на связи.

— Я только что получил сообщение от медиков, с биомониторов...

— Да, я и забыл про них. Я собирался вызвать тебя, но ты уже и так знаешь.

— Здесь просто сказано «остановка биомонитора доктора Брона». Это может быть сбой по связи?

— Нет, все верно. Элай больше связи с миром не поддерживает. Он мертв.

— Я сожалею, Патрик, мы все...

— Какая разница? Мы все тут скоро будем покойниками. Элай просто чуть-чуть поторопился.

Курьер сунул Флэксу записку: «ДИЛУОТЕР ХОЧЕТ ГОВОРИТЬ СРОЧ.»

— Я сожалею, Патрик. Нам всем нелегко. Слушай, мне сообщили, что с тобой хочет поговорить Дилуотер...

— Скажи ему, чтобы катился куда подальше. Теперь не о чем говорить.

— Патрик, майор Уинтер, директор НАСА выходит на связь.

Возникла долгая пауза. У Флэкса было ощущение, что Патрик готов выложить, что бы он сделал с директором НАСА. Если бы он так поступил, Флэкс не осудил бы его. Однако вместо этого Патрик ответил спокойно. Если в его голосе и звучало что-то еще, то, скорее, лишь покорность, усталость.

— «Прометей» — Центру управления. Готовы принять ваше сообщение.

Флэкс ткнул пальцем в пульт, и связь была установлена.

— Говорит Саймон Дилуотер.

— «Прометей». Что вам нужно, мистер Дилуотер?

— Майор Уинтер, вы что-нибудь слышали об аварийной программе для двигателя? Она называется «Змеинное кольцо»?

— Нет. Человек, которого вы могли бы спросить об этом, — наш эксперт по двигателям, доктор Брон. Я бы разрешил вам поговорить с ним, но он, к сожалению, весьма невежлив. Он только что умер.

— Что? Вы... Очень сожалею, я не знал. Это ужасно...

— Все ужасно, мистер Дилуотер. Ну так про какое там «Змеинное кольцо» вы говорили?

Флэкс тоже задавал себе этот вопрос, он тоже ничего об этом не знал.

— Это аварийная программа. Я сам засекретил ее в свое время, потому что тогда мне это показалось опасным и дурацким предложением. Но ввиду изменивших-

ся обстоятельств... и согласно распоряжениям президента...

— Вы колеблетесь, мистер Дилуотер, это на вас не похоже.

По тону Патрика трудно было понять, говорит он всерьез или с насмешкой. Теперь и то и другое было возможно.

— Извините, мистер Уинтер. Поверьте, мне искренне жаль. Я не в восторге от такой обязанности. Но я должен сказать вам, что существует программа «Змеинное кольцо», которая подробно объясняет, каким образом можно взорвать ядерный двигатель «Прометей». То есть как можно использовать топливо и двигатель, чтобы вызвать ядерный взрыв.

— Потрясающе интересно, Дилуотер, но почему вы мне сейчас рассказываете об этом?

— Вы заставляете меня произнести это вслух, майор Уинтер, и я не упрекаю вас. Короче говоря, если «Прометей» упадет, то вызовет широкомасштабные разрушения и смерть. Вы можете представить, что это значит.

Патрик прервал его.

— Я представляю, мистер Дилуотер, и прошу прощения за свои слова. Их можно понять, но не оправдать. Когда эта штука навернется, мы так и так погибнем. Если «Прометей» возможно взорвать в воздухе, будет спасено множество жизней. Вы это собирались сказать, мистер Дилуотер?

— Спасибо, майор Уинтер. Вы пристыдили меня, я ведь знаю, что никогда бы не смог сделать того, что делаете вы. Но в сущности именно это я и собирался сказать.

«ВАС ВЫЗЫВАЮТ К ТЕЛЕФОНУ», — прочитал Флэкс в очередной записке.

— Попросите подождать, — сказал он курьеру.

— Звонят лично вам, — ответил тот. — Могут ждать всего пару минут.

— Ради всего святого, не сейчас. Кто это?

— Некий Вольфганг Эрнстинг.

— Запишите номер. Я ему перезвоню.

Патрик снова говорил. Флэкс пропустил часть их разговора.

— ...не мое решение. Я объясню остальным членам экипажа, и мы свяжемся с вами. Я не знаю, что они скажут, но, поскольку важно время, я предлагаю пере-

дать нам эту программу по телексу, чтобы у нас имелась копия.

— Я не знаю, возможно ли это.

— Центр управления, — сказал Флэкс. — В Белом доме есть секретный военный телекс, который подключается к нашему принтеру. Начинайте как можно скорее, а я передам это на принтер «Прометей».

— Хорошо, я прослежу.

— «Прометей» связь закончил.

Флэкс снял палец с кнопки и повалился в кресло. Это уж слишком. Потом он встрепенулся и вызвал пульт связи.

— Проследите, чтобы копию программы «Змеинное кольцо» немедленно доставили мне. Я хочу знать, что они там затевают.

— Да, сэр.

Глава 38

ПВ 25:57

— Григорий, помоги мне, — позвал Патрик.

— Минуточку, сейчас подойду.

Надя лежала на гравитационной кушетке, той, что подальше, что раньше принадлежала полковнику Кузнецову; похоже, она спала, однако глаза ее скрывала повязка, и сказать наверняка было трудно. Григорий помогал Коретте укладывать тело Элая в спальный мешок. Она вела себя так спокойно, что он устыдился своего волнения, вызванного прикосновением к холодной коже и обвислым рукам. Ему никогда прежде не приходилось касаться трупа, здесь же это было вдвойне жутко. Трупного окоченения еще не произошло, а он всегда считал, что это бывает сразу, с приходом смерти; впрочем, с трупом и сейчас было довольно трудно управиться, он никак не влезал в узкий мешок.

— Так не пойдет, — сказала Коретта. — Вытаскивай назад. Подержи-ка, пока я мешок расправляю. — Она вывернула мешок наизнанку и ловко, как чулок, натянула на тело.

— Что же мы будем делать с...? — спросил Григорий.

— Думаю, ничего, — медленно произнесла Коретта. — Наверное, ни похорон, ни заупокойной. Давай просто привяжем к койке.

— Вот к этой, — предложила, выпрямляясь, Надя. — Кто-нибудь, помогите мне, пожалуйста.

Когда Патрик позвал его, Григорий даже обрадовался: ему хотелось уйти.

— Включи, пожалуйста, телепринтер, — попросил Патрик, продолжая смотреть невидящими глазами в темноту, и показал пальцем туда, где стоял аппарат. — Просто щелкни тумблером, и он включится, а потом переведи на прием, передай команду «к приему готов» и жди ответа.

— Совсем не трудно, — Григорий так и сделал, и аппарат быстро напечатал: ОПИСАНИЕ ОПЕРАЦИИ «ЗМЕИНОЕ КОЛЬЦО».

— Что это? — спросил Григорий, прочитав Патрику эти слова.

— Собери сюда всех остальных, я хочу, чтобы знали и они.

Спокойным, бесстрастным голосом Патрик рассказал экипажу о предложении Дилуотера и о том, что за программа строчка за строчкой выползала сейчас из принтера. Григорий воспринял сообщение стоически, с присущей славянам невозмутимостью. Коретта не совсем поняла, что это значит.

— Программа самоуничтожения двигателя?

Патрик кивнул:

— Проще было бы сказать, программа превращения двигателя в бомбу. Они хотят, чтобы мы сами себя взорвали, чтобы предотвратить возможные тяжкие жертвы на Земле.

— Прекрасно, — не скрывая горечи, произнесла Коретта. — Они загнали нас сюда, посадили на мель, попытались уничтожить ракетой, а теперь ждут, что мы из благодарности совершим атомное самоубийство. Почему же они просто не выстрелили в нас еще разок? Может быть, американцы прицелятся лучше советских.

— Причины, разумеется, есть, — заметил Патрик. — Наверное, у них не было полной гарантии того, что удастся стереть нас в порошок вместе с нашим ядерным топливом с помощью одной ракеты. А ты как думаешь, Григорий?

— Я? Никак. На несколько минут раньше или позже — но мы все равно погибнем. Ты командир, тебе и решать.

— Нет, нам следует решить вместе. Надя?

— Делай все по инструкции, взорви нас и дело с концом.

В ее голосе была скорее боль, чем возмущение. Патрик понимал, что она чувствует; он и сам испытывал то же самое. Наркотики притупили боль в обожженных глазах, но боль, терзавшая душу, была сильнее.

— А что ты скажешь, Коретта?

— Я? Какая разница! Тебе придется быть мудрым и в конце концов принять логичное решение — предпочесть спасение мира несколькими лишними минутам оставшейся нам самим жизни. Так что, давай делай свое дело и не спрашивай меня. — Она уже почти кричала, когда вдруг поняла, что теряет над собой контроль. Она, прошедший специальную подготовку врач, обязанный всегда сохранять спокойствие, впадает в истерику, а двое ослепших людей по-прежнему держат себя в руках. Она перевела дыхание и извинилась. Ей было стыдно.

— Ничего страшного, бывает, — сказал Патрик.

— Бывает, верно, но ведь у вас не меньше причин жаловаться на судьбу. Фу, какой стыд! Однако попробуем рассуждать логически. Если мы так или иначе умрем через несколько минут, или часов, или — когда там они предполагают?..

— Солнечная активность почти не увеличилась, сила начинающейся бури меньше, чем ожидалось.

— Если нам по-прежнему не везет, то вспышка на Солнце будет сильнее, но, даже если этого не произойдет, все равно у нас останется не более семнадцати часов, ну так и черт с ним. Готовь взрыв, и пусть кто-нибудь нажмет на кнопку.

— Ты и в самом деле говоришь то, что думаешь? — спросил Патрик.

— Да, черт возьми, а что?

— Просто ни я, ни Надя ничем вам помочь не в состоянии. Всю подготовку к взрыву придется провести вам с Григорием.

— Логично, — сказал Григорий.

Коретта была потрясена, но потом все-таки криво улыбнулась:

— Хорошо, хорошо, пусть будет так. Добрая Коретта Сэмюэл, спасительница жизней человеческих, кончает собственную жизнь, изготавливая атомную бомбу. А

почему бы и нет, командир? Обо мне будут слагать песни в негритянском гетто, вы и оглянуться не успеете.

— Тогда договорились, — подытожил Григорий.

— Да, — подтвердила Надя.

— Сообщу им, — Патрик включил радио. — «Прометей» вызывает Центр управления полетом. Нельзя ли поговорить лично с мистером Дилуотером?..

— НЕТ! — Флэкс так рывкнул в ответ, что динамик на стене загрохотал. — Я не соединю вас ни с президентом, ни с Дилуотером, и вообще — ни с кем, весь кабинет сейчас заседает.

— В чем дело, Флэкс? — спросил Патрик, но в ответ услышал только треск статического электричества.

— Что он такой сердитый? — удивилась Коретта

— Господин президент, американский пилот, он же командир корабля, настаивает на разговоре с вами.

— Зачем? В чем дело?

— Точно не знаю, сэр. Он был очень взволнован. Он сообщил, что экипаж «Прометей» принял решение использовать программу «Змеинное кольцо», но сначала с вами хотел переговорить мистер Флэкс.

— Что за черт! Он что, не может оставить меня в покое?.. — Бэндин уже начал накаляться, и Дилуотер попытался успокоить его.

— Я думаю, что он не стал бы напрасно беспокоить вас, сэр. Он тоже устал, все мы устали. Уверен, что речь идет о чем-то важном...

— Давай соединяй, и покончим с этим скорей.

Дилуотер кивнул и что-то сказал в свой микрофон. Голос Флэкса загремел из динамика.

— Говорит Центр управления полетом. У меня на связи «Прометей», могут ли они поговорить с Белым домом?

Дилуотер, опередив вконец рассердившегося президента, быстро заговорил:

— Да, мы вас слушаем.

— Хорошо. Вы готовы, «Прометей»?

— Да.

— В таком случае, — внятно проговорил Флэкс, — я хочу, чтобы все слышали ответ генерала Бэннермана на вопрос, который я ему задам. Генерал, верно ли то,

что вы сообщили несколько часов назад: что транспортный «челнок» для спутника ВВС США пока еще не готов к полету?

— Да, это так.

— Нет, это не так! Это ложь. Верно только то, что корабль находится сейчас на стартовой площадке на мысе Канаверал и с ним поддерживается постоянная связь. Однако он готов стартовать, как только закончится заправка. Разве не так?

— Нет. — Лицо Бэннермана не дрогнуло, по нему ничего нельзя было прочесть. Зато Дилуотера и других членов кабинета этот вопрос Флэкса просто ошеломил. Флэкс между тем продолжал:

— Вы лжете. Два пилота, Кук и Декоста, находятся в настоящее время в предстартовой кабине. И я могу просто снять трубку и позвонить им.

Воцарилась мертвая тишина. Генерал Бэннерман не пошевелился и не произнес ни слова. Пауза длилась до тех пор, пока в комнате не зазвучал голос майора Уинтера с «Прометея».

— Мы слышали вопрос, однако не слышали ответа.

— Извините, — сказал наконец Бэннерман, — корабль ВВС США — совершенно секретный объект, и мы не можем здесь обсуждать этот вопрос...

— Но мы должны! — Дилуотера трясло от гнева, он вскочил на ноги. — Не могу поверить. Если ваш «челнок» уже мог быть запущен, мог уже снять экипаж «Прометея»...

— Прекратите связь, — сказал Бэндин.

— Но, господин президент, мы должны это знать, там на «Прометее» тоже должны это знать! Ведь этому преступлению нет прощения, если все сказанное...

— Я приказываю прекратить связь, — зло рыкнул Бэндин.

Дилуотер колебался, он не сводил с президента глаз, которые вдруг расширились от внезапной догадки.

— Я перезвоню вам через пять минут, — сказал он Флэксу.

— Вы не можете... — голос Флэкса умолк, и Дилуотер обратился к президенту.

— Вы ведь все знали, не так ли? Все то время, пока эти люди боролись за спасение корабля, умирали, слепли, вы знали, что их можно эвакуировать с помощью «челнока». И согласились, чтобы они уничтожили себя

и «Прометей» благодаря программе «Змеинное кольцо». Хотя прекрасно понимали, что...

— Придержите язык, Дилуотер, и сядьте. Кто вам дал право разговаривать в таком тоне с президентом Соединенных Штатов?

— Я получил это право после тех отвратительных поступков, которые вы совершили...

— Дилуотер, вы лезете не в свои дела и можете нажить большие неприятности, — сказал Бэннерман. Он встал, оказавшись лицом к лицу с Дилуотером. — Ничего больше мы об этом слушать не желаем.

— Нет, мы выслушаем об этом все до конца, генерал, — твердо произнес Дилуотер. — Надеюсь, мы пока еще находимся в свободной стране. Вы не можете расстрелять меня за то, что я сказал. Вы немедленно расскажете мне всю правду, или я передаю эту информацию прессе, и весь мир узнает о вашей подлой лжи.

— Дилуотер, это государственная измена! — Бэннерман судорожно схватился за кобуру своего пистолета с украшенной перламутром рукоятью.

— Неужели? Тогда вы должны арестовать и убить меня, ибо я до тех пор не замолчу, пока все не узнают про ваши преступления. Вам придется также расстрелять всех в Центре управления полетом, потому что и они слышали то, что сказал Флэкс.

— Он прав, господин президент, — спокойно вмешался доктор Шлохтер. — Кота выпустили из мешка, и его обратно не загонишь. Нам нужно предпринять какие-то конкретные шаги, и очень быстро, пока не разползлись слухи. Если ваш «челнок» действительно пребывает в состоянии боевой готовности, то следовало бы немедленно отправить спасательную экспедицию. Может быть, еще не слишком поздно.

— Ни в коем случае! — взорвался Бэннерман, резко повернувшись к своему новому противнику. — Этот корабль несет совершенно секретный груз, недопустимо, чтобы о нем в прессу просочилось хоть слово. Если это произойдет, ответ придется держать суровый. Суровее, чем за «Прометей».

— Что это за груз? — спросил Шлохтер.

— Вы видели сопроводительные документы. Пакет ЦРУ, кодовое название «Ку-ку».

Шлохтер побледнел и тяжело опустился в кресло.

— Да, — сказал он, — информация об этом не должна просочиться ни в коем случае, что-то нужно делать...

— Дайте город, — сказал Дилуотер в телефонную трубку. — Мне необходимо сообщить всем информационным службам Вашингтона о пресс-конференции. Правильно, Си-би-эс, Эн-би-си и Эй-би-си. Пожалуйста, перезвоните мне, когда все будут оповещены. — Он повесил трубку и посмотрел Бэннерману прямо в глаза. Потом очень тихим голосом произнес: — У вас около минуты, чтобы сказать мне, что это за «Ку-ку».

— Все, Дилуотер, это все! — закричал Бэндин. — Пошел ты...

— Господин президент, я подаю в отставку и со своего поста в НАСА, и со всех прочих в вашей администрации. Как только завершу начатое дело.

— Вы ставите под удар всю страну, черт бы вас побрал, и я вполне мог бы вас за это расстрелять. «Ку-ку» — сложнейшая двадцатичетырехтонная установка, которую наша страна с радостью использует в случае любого непредвиденного обстоятельства.

— А что она, собственно, предназначена делать? — спросил Дилуотер.

— В чрезвычайной ситуации и только в интересах обороны эта птичка способна быть носителем самого большого из когда-либо имевшихся в мире лазеров, к тому же она полностью компьютеризована и может защитить себя от попадания любых ракет.

— А почему на нее должны быть нацелены ракеты? — спросил Дилуотер.

— Потому что «Ку-ку» будет выведена на орбиту в нулевую точку над Москвой. Этот лазер имеет источником питания ядерный реактор и, возможно, по сути своей ближе всего к фантастическому «лучу смерти». Он способен буквально проткнуть атмосферу и сжечь любую цель на Земле. С поразительной точностью. В его «памяти» имеется карта Москвы, притом очень подробная. Лазер может уничтожить весь Кремль, не повредив булыжника на Красной площади рядом с ним; сровнять с землей кремлевские казармы, не тронув магазина ГУМ, который к ним примыкает.

— Понимаю, — очень тихо произнес Дилуотер.

— Ну, а я нет, — вмешался Гродзински.

Дилуотер ответил ему:

— Мы нарушили свое соглашение с Советами о демилитаризации космоса. Это чудовищное оружие, помещенное на синхронной орбите, будет держать под прицелом Москву. То, о чем столь громогласно договорились обе стороны, мы снова втайне обходим. ЦРУ сохраняет свои запасы химического оружия, невзирая на приказ об их уничтожении, ФБР хранит списки радикалов, хотя утверждало, что давно спустило их в бумагорезательную машину, а генерал Бэннерман создал смертоносное оружие, которое угрожает всему миру... — Он повернулся к Бэндину. — И вы, разумеется, знали об этом, господин президент?

— Разумеется, знал, и безопасность моей страны для меня превыше всего. Дай вам, либералам, волю, уже сегодня над Белым домом развевался бы красный флаг.

— Господин президент, джентльмены, груз, находящийся в «челноке», сейчас не имеет ни малейшего значения, — вмешался Шлохтер, для разнообразия применяя свой талант дипломата-международника в «домашних условиях». — Груз можно извлечь, тщательно складировать и сохранить в тайне до поры до времени. А сам «челнок» нужно немедленно приготвить к спасательной операции. Другое решение невозможно. Слишком многие уже знают о его существовании. У вас нет выбора, господин президент.

— Вам не следует делать этого, господин президент, — резко развернувшись к Бэндину, сказал Бэннерман. — Все еще можно сохранить в тайне, информационные «протечки» можно заткнуть. Но нельзя ставить «Ку-ку» под угрозу. Проект практически завершен. Когда эта штука будет на орбите, Советы уже не осмелятся даже пикнуть.

Бэндин ломал руки; он пытался найти выход там, где его не было и быть не могло.

— Центр управления полетом и «Прометей» по-прежнему на связи, — сказал Дилуотер, прикрывая рукой микрофон. — На другой линии информации ждут телевизионные компании. Что сказать тем и другим?

Бэндин колотил кулаком по столу от безысходности и гнева.

— Велите телевизионщикам пока подождать. Передайте на мыс, чтобы сняли этот проклятый лазер и спрятали поскорее. А «Прометею» объясните, что мы

не хотели обнадеживать их, пока не узнаем точно, что спасательный корабль может быть подготовлен, что люди работали день и ночь и что, кажется, появился шанс. И чтобы ни слова из сказанного здесь никогда не вышло из этой комнаты!

В полном изнеможении он откинулся в кресле. Резиновый Бэндин снова вывернулся.

Глава 39

ПВ 26:19

— Приносим извинения за непредвиденный перерыв в передаче, леди и джентльмены, но нам только что сообщили новости о судьбе «Прометея». — Репортер, сжимая листок бумаги, только что оторванный от теле-тайпной ленты, коротко взглянул в объектив.

Он знал, что его репортаж показывают по всем программам американского телевидения и передают на коротких волнах за океан. И держался соответственно серьезно.

— Похоже, в настоящий момент в Центре космических полетов имени Кеннеди предпринимается попытка отправить на орбиту «Прометея» спасательную команду, которую доставит туда «челнок», рабочая ракета, которая снует между Землей и космическими спутниковыми лабораториями и перевозит людей и оборудование. По словам президента Бэндина, никаких сообщений на этот счет ранее не делалось, так как не было уверенности, будет ли «челнок» готов вовремя. Но теперь, когда смелым астронавтам, застрявшим на затухающей околоземной орбите, остаются считанные часы жизни, к ним на помощь отправляется спасательная ракета. Может быть, еще не поздно эвакуировать их. Мы будем ждать дальнейших сообщений о том, как

развиваются события, и надеемся вскоре послушать самих космонавтов.

— Конечно же нет, не сейчас, Минфорд! — кричал Флэкс в телефонную трубку. — Конечно, я понимаю важность связи с общественностью и то, что мы обязаны поддерживать имидж, особенно после тех событий в Англии. Но все равно передачи с «Прометей» сейчас невозможны. Люди в отчаянном положении, там есть раненые, и вообще — у них ужасные перспективы, так что не будь смешным. К тому же я сам постоянно на связи с ними. Все. — Он быстро переключил тумблеры и проговорил:

— На связи Центр управления полетом. Я вызываю «Прометей».

— Флэкс, они готовят спасательную экспедицию или нет?

— Дано «добро» на высшем уровне, Патрик. Я только что пытался связаться с ними, чтобы уточнить, сколько времени им еще потребуется. У меня есть для них «окно».

— Когда?

— Приблизительно через четыре часа. Ваша орбита будет проходить над Соединенными Штатами, и запуск с Восточного побережья вполне возможен. Совмещение орбит произойдет через сорок минут. Точное расчетное время встречи я тебе назову, как только наши программисты свяжутся с их штабом.

— И единственная причина отсрочки — это неуверенность в готовности «челнока»?

— Такова официальная версия.

— Это же грязное вранье, Флэкс, и ты это прекрасно знаешь.

— Знаю. И согласен с тобой.

— Полная подготовка «челнока» занимает около недели. Я уверен, что можно ужать часок-другой и знать с точностью до минуты, когда ракета будет отправлена. Почему же в таком случае они не известили нас?

— Может быть, мы никогда и не узнаем.

— Попробуй узнать. Поспрашивай, Флэкс, у тебя ведь есть связи. Мне бы очень хотелось получить ответы на кое-какие вопросы, если мы вернемся.

— Мне тоже...

— Конец связи.

И Патрик резко отключил связь.

— Что все это значит? — спросила Коретта.

— Не знаю и боюсь делать предположения, — ответил Патрик, осторожно поправив повязку на глазах. Слепота выводила его из себя, она почти лишила его работоспособности. — Происходит что-то весьма странное, иначе Флэкс не вывел бы нас так неожиданно прямо на Белый дом. Он явно кому-то выворачивал руки. Впрочем, займемся этим как-нибудь в другой раз. У нас сейчас более насущные проблемы. — Он снова потрогал повязку. — Доктор, а нельзя ли ослабить повязку или, может быть, совсем снять ее, чтобы проверить, вижу я или нет? Ведь пока сам не попробуешь, не узнаешь...

— Патрик, мы знаем, — проговорила Коретта, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и профессионально. — Каковы бы ни были окончательные результаты, тот шок, который испытали ваши с Надей глаза, все равно не пройдет по меньшей мере сутки. Сняв повязку, ты ничего не достигнешь и можешь только навредить себе. Извини, ничего более утешительного я сказать не могу.

— Значит, это может быть навсегда? — негромко спросила Надя.

— Возможно, но я совсем не уверена. Скорее, ваша слепота — явление временное. — Коретта говорила так уверенно именно потому, что говорила неправду: она не имела ни малейшего представления о тяжести травмы. Но душевное равновесие пилотов было сейчас куда важнее правды.

— Ладно, — решил Патрик. — Отложим этот разговор. Григорий, вся ли программа «Змеинное кольцо» получена?

— Вся. Я ее сложил в папку, как ты велел, — ответил Григорий.

— Достань, пожалуйста.

— Зачем? — с удивлением спросила Коретта. — Если спасательный корабль готов, то, наверное, можно забыть об этой программе.

— Да, но наше положение в целом не изменилось, — ответила ей Надя. Она лежала на своей кушетке с

повязкой на глазах, внешне такая же спокойная, как Патрик.

— Так оно и есть, — подтвердил Патрик. — В этом уравнении слишком много неизвестных. Мы либо продержимся на этой орбите те часы, которые необходимы для нашего спасения, либо нет. Обсерватория непрерывно посылает нам информацию о состоянии солнечной активности. Незначительные вспышки, радиация в норме... Но ведь Солнце продолжает вращаться, и мы не знаем, что ждет нас впереди. Одна большая вспышка — и все, конец.

— Это ужасно! — воскликнула Коретта.

— Это всего лишь реальность, — произнес Григорий, обнимая ее. Ни Патрик, ни Надя не могли их видеть, а если бы и могли — разве это имело теперь значение? На свете для них осталось слишком мало значимых вещей.

— Григорий прав, — качнул головой Патрик. — Мы должны действовать так, будто никакого спасательного корабля не будет. Если же он все-таки успеет — что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Если нет, то нет и причин прекращать подготовку к операции «Змеинное кольцо». В любом случае предлагаю начинать, не откладывая.

— Сколько на это нужно времени? — поинтересовалась Коретта.

— Учитывая, что ни один из вас не имеет соответствующих навыков, это может занять три или четыре часа.

— Что мы должны делать? Я ведь так и не имею об этом ни малейшего представления.

— Программа детально объяснена здесь, — сказал Григорий, помахав ворохом распечаток.

— Может быть, тебе, детка, все ясно, но для меня это полная абракадабра.

— Объясню-ка лучше я, — сказал Патрик. — Тебе следует усвоить основные принципы. Ты знакома с принципом работы ядерного двигателя?

— Только в теории, — призналась Коретта. — Водород используется и как ядерный замедлитель, и как топливо. Те кварцевые трубки, которые у нас разбились, называются, по-моему, световыми лампами. Урановый изотоп в виде гранул смешивается в них с неоном, и происходит ядерная реакция. При этом трубки разогреваются до — скольких градусов?

— До трех тысяч градусов.

— Несколько жарковато. Лампы окружает водород, температура которого повышается, а следовательно, он расширяется и под давлением устремляется в отверстие сзади, толкая нас вперед. Вот и все. Правильно?

— Совершенно правильно, просто и точно. Хотя сам процесс намного сложнее, но сейчас это не имеет ни малейшего значения, потому что вам с Григорием предстоит только включить всю эту последовательность.

— Как мы это сделаем?

— В четыре этапа. Сначала вам придется выйти в космос и пробраться в одно из сопл. Это нелегко, но совершенно необходимо. Одному из вас придется для этого воспользоваться астроскафом. Затем... Григорий, что затем? Что-то у меня с памятью...

Дело было не в памяти, а в том, что Патрик страдал от боли. Действие наркотиков ослабевало, и глазам было так больно, что мысли расплывались. Григорий прочел ему программу только один раз, но он отчетливо ее запомнил. Однако говорить было трудно. Скоро потребуется укол, но нужно продержаться без него как можно дольше. После укола так все мутится в голове... Григорий пошелестел страницами и длинным пальцем ткнул в одну из строк.

— Нужно проникнуть внутрь и разбить кварцевые трубки, чтобы увеличить объем камеры. Лампы, несмотря на высокую жаропрочность, исключительно хрупкие. Затем освобождается четырехметровая секция, где хранится уран-235, и сворачивается до тех пор, пока ее диаметр не достигнет примерно сорока сантиметров...

— Григорий, это как-то до меня не доходит.

— Это пластиковая емкость, — пояснил Патрик. — Контейнер для уранового топлива в виде трубки, поскольку уран нельзя хранить в большом количестве, чтобы масса не стала критической и не взорвалась. Поэтому топливо в пластиковой трубке как бы «обвертывают» вокруг хвоста корабля. Часть этой трубки и следует отрезать, а потом скатать в компактную массу.

— Минуточку, — остановила его Коретта, — насколько я помню из моего ударного курса атомной медицины, это ведь опасно. А эта штука не взорвется?

— Сразу нет. Процесс, конечно, активизируется, но не сразу достигнет критической точки.

— Тот, кто будет сворачивать трубку, будет серьезно облучен.

— Тот, кто сделает это, умрет, — утрюмо произнес Патрик. — За несколько минут — смертельная доза. Впрочем, тогда это будет уже неважно.

— Скорее всего, да, — кивнула Коретта, стараясь сохранить такое же спокойствие, как и он. — Даже при такой дозе понадобится много часов, чтобы умереть. Так что корабль уже успеет взлететь на воздух.

— Правильно, — подтвердил Патрик. — Теперь последнее: когда топливо готово, нужно обеспечить приток водорода, нажав кнопку на пульте. Тогда масса топлива под напором вбрасывается в камеру сгорания — и все.

— Все? — Коретта не поняла. — А что потом?

— Водород в камере действует как замедлитель только до этого момента. Затем масса урана-235 становится критической...

— И потом трах-тарарах. Атомный взрыв. Представляю себе. Так когда мы приступаем?

— Немедленно, — сказал Патрик. — Скажите, какое сейчас полетное время.

Грузовой отсек еще только присоединяли к ускорителю, когда на паукообразную конструкцию взобрался Гордон Фогт, руководитель запуска. Это был крупный, крепко сбитый мужчина с буграми мускулов на руках. Родившийся и выросший в штате Алабама, всего в нескольких сотнях миль от мыса Канаверал, он привык к влажному тропическому климату и едва ли вообще замечал жару. Когда он через воздушный шлюз попал в прохладную стерилизованную атмосферу отсека, как раз происходило сцепление его с телом ракеты. За операцией наблюдал полковник Кобер, небольшого роста неприятный человек, всегда в мундире, всегда наглаженный и безупречно аккуратный. Фогт знал, что у Кобера отличная голова, техническая научная степень и успешная военная карьера, но все равно не любил его. Эта неприязнь была взаимной. Они работали вместе, потому что так вышло, но ни тому ни другому это не доставляло удовольствия.

— Готовитесь снять груз, полковник? — спросил Фогт.

— Да, мистер Фогт.

— Сколько времени уйдет на то, чтобы вы разгрузились и мы могли задрать люки?

— Постараемся как можно скорее.

— Нет, нельзя ли точнее? Через сколько минут, часов, дней?

Кобер бросил на гиганта штатского полный презрения холодный взгляд и сказал, поглаживая костяшкой пальца щеточку усов:

— Ориентировочно я могу сказать, конечно. Исходя из прошлого опыта на то, чтобы отсоединить крепеж, подсоединить добавочное электропитание, убрать мачты, передвинуть корабль на стартовое ложе и задрать люки, потребуется добрых два часа работы.

— Мы не можем ждать два часа. Я немедленно начинаю заправку. — Фогт повернулся, чтобы уйти, но резкий тон Кобера заставил его остановиться.

— Вы не имеете права. Я категорически запрещаю вам это. Вмешательство гражданских лиц и без того внесло беспорядок, но я не допущу преступной пренебрежительности к технике безопасности, способной поставить под угрозу наш проект и моих людей. Вы поняли, Фогт?

— Для вас, полковник, я всегда мистер Фогт. Я хочу слышать, как вы это говорите. Что же до вашего запрещения, то тягаться вам со мной все равно что гончей соревноваться со слоном в поднятии тяжестей. Заправка начинается немедленно.

— Вы не можете... Это запрещено. Я свяжусь...

Но Фогт уже закрыл дверь шлюза. Бог мой, а Кобера, оказывается так легко вывести из себя! Какое же удовольствие дать легкого пинка этому аккуратисту. Фогт вытянул из чехла на поясе кнопочную рацию и ткнул в нее пальцем.

— Станция два, вы уже подсоединили заправочные шланги?

— Последний подсоединяется, Гордон.

— Хорошо. Проверь, следят ли твои люди наверху за пусковыми клапанами, и начинай качать. Мне нужно, чтобы топливо закачали как можно скорее.

— Ясно.

Фогт выключил рацию, прислонился к горячему металлу ограждения и посмотрел на ракету. Квадратная масса грузового отсека закрывала ее почти всю, над

отсеком возвышались только три конуса ускорителей. Рядом стояла многоярусная башня обслуживания, на которой вовсю шла организованная суета. Подземные заправочные трубы подавали жидкий кислород и водород, охлажденный до сотен градусов ниже нуля, и облачка испаряющегося газа клубами вырывались из расположенного выше регулирующего клапана. Началось. Через три часа емкости будут заполнены. Три часа оставалось и до того, как можно будет использовать «окно» — те несколько минут, в течение которых космический «челнок» способен оказаться в точке стыковки с «Прометеем». Один-единственный шанс на встречу. Ну что ж, он сделает все, что от него зависит, «челнок» будет заправлен, отсчет полетного времени начнется точно в срок. Если, разумеется, военный груз будет вовремя выгружен. Военные утверждают, что это спутник-разведчик, страшно засекреченный; повсюду непрерывно снует военная полиция с пистолетами на боку. По слухам, правда, это кое-что поважнее обычного спутника-разведчика. Впрочем, он ничего не знает и знать не хочет. Он хочет только, чтобы ракета ушла вовремя.

Заправка проходила нормально, так что Фогт мог спокойно пойти и еще подразнить Кобера, а заодно убедиться, что груз наконец вытащили и убрали. Ему нравилось злить Кобера, хотя это было, пожалуй, слишком легко. В свое время, молодым, он и сам служил в армии и перед демобилизацией получил капрала. Чины выше старшего сержанта немедленно вызывали в нем подозрение. А наилучшим объектом для насмешек всегда были эти клуши полковники. Фогт улыбнулся и двинулся к двери.

Солнечная обсерватория находилась в Италии, на Капри, острове в Неаполитанском заливе. Изрезанные террасами склоны гор Соларо поднимались над деревушкой Анакапри, серебрясь оливковыми деревьями, и обрывались высокими известковыми утесами прямо над синим морем. На склоне горы и стояло окруженное массивными стенами здание — Солнечная обсерватория университета Фрейбурга. Для обсерватории это было не лучшее место: дымка над морем не позволяла

вести наблюдения рано утром и вынуждала заканчивать их вечером задолго до захода солнца. Но для каждого немца Капри — рай обетованный, поэтому разум на сей раз подчинился велению сердца, и обсерватория была построена именно здесь. Короткий рабочий день позволял больше времени уделять вину и персикам. Астрономы и их жены не считали «ссылку» на Капри слишком большой жертвой.

Зеркало на крыше здания вращалось под определенным углом автоматически, следуя за ходом Солнца и посылая его изображение через похожую на дымовую трубу телескопа вниз. Здесь увеличенное изображение пропускалось через специальный фильтр, который отсеивал все, за исключением длины волны водорода. Подобным образом «очищенное» и увеличенное изображение Солнца фиксировалось фотоаппаратом. Каждые две минуты в течение дня камера делала снимок и тут же автоматически переводила кадр. Когда камера не работала, изображение можно было проецировать на белый экран — раскаленный свирепый диск, диаметром в ярд, весь в оспинах темных пятен, обрамленный завихрениями пламени.

Доктор Брозик как раз был занят его изучением, блаженно попыхивая хорошо обкуренной пенковой трубкой. Астрономия требует скорее усидчивости, чем энергии, а он занимался этой наукой немало лет. Его жена, Ютта, вошла в комнату.

— Опять звонит этот человек из Техаса. Он страшно разозлился, когда телефонист в Неаполе прервал нас почти на пятнадцать минут.

— Если постоянно злиться на итальянскую телефонную систему, можно в конце концов заработать апоплексический удар, не дожив и до половой зрелости. Он что-нибудь просил передать?

— Вопрос прежний: каково состояние Солнца?

— Можешь заверить его, что за эти пятнадцать минут изменений не произошло. Активность нормальная... О Боже!

Бозик от неожиданности открыл рот, позабыв о любимой трубке. Трубка выпала и разбилась о кафельный пол, но он даже не заметил этого. Ибо как замороженный уставился на растущий у него на глазах протуберанец. Язык пламени поднимался все выше и выше и наконец выплеснулся в космос. На глазах у доктора с

поверхности Солнца были извергнуты миллионы тонн горящего газа — первый мощный взрыв гигантской солнечной бури.

То, о существовании чего было известно ему, то, что не было видно отсюда, свершилось: немислимый выброс энергии, невероятно мощные магнитные поля, непрерывно меняющие свои очертания и излучающие радиацию, способны были, попав в атмосферу Земли, вызвать северное сияние, нарушить радиосвязь, вывести из строя телеграфные линии. И до такой степени возбудить верхние слои атмосферы, что «Прометей» непременно собьется с орбиты. Для него, летящего со скоростью пять миль в секунду, переход в более плотные слои атмосферы будет равносильно столкновению с каменной стеной.

— Не давай отбоя, — крикнул жене Брозик. — Мне нужно обязательно поговорить с ними. Попробуй убедить этого кретина телефониста, что линию ни под каким видом занимать нельзя. Видимо, начинается период той самой интенсивной солнечной активности, о которой предупреждал профессор Вейсман.

Глава 40

ПВ 27:41

— Просто делай, как я говорю, шаг за шагом, не торопясь, и все будет в порядке, — сказал Патрик. — Ты готов, Григорий?

— Да.

— Коретта?

— Да, Патрик.

Люк открыт, и они смотрят в него — Патрик отчетливо представляет себе это. Перед этим Коретта сняла толстую верхнюю повязку и пластырем закрепила у него на глазах тампоны, потом то же самое сделала и с Надей, чтобы надеть на них шлемы. Облачение в скафандр оказалось мучительно трудным, на это ушла уйма времени, Григорий с Кореттой работали за четверых. Двух пилотов в негнущихся космических доспехах пришлось буквально донести до гравитационных кушеток. Это было и проще, и логичнее — однако Патрику довольно унизительным показалось собственное состояние полной беспомощности, но вслух он ничего не сказал. Теперь, когда люк был открыт, каждый из них оказался замкнутым в отдельной от остальных тонкой капсуле. И в таком положении они останутся до конца. До прихода помощи — или...

— Астроскаф находится у самого люка. Видите? — спросил Патрик.

— Пока да, — ответила Коретта.

— Ладно. Григорий, выбирайся через люк, только не торопись. Просто как бы плыви медленно-медленно, а Коретта будет подавать тебе шланги жизнеобеспечения.

— По-моему, их хватит только, чтобы добраться до астроскафа, — сказал Григорий.

— Это верно, они предназначены только для передвижения внутри корабля. Но можно подтянуть еще по меньшей мере на метр, и этого хватит, чтобы пристегнуться к астроскафу. Притяни его как можно ближе к корпусу, но пока не снимай предохранительного зажима. Там увидишь круглую скобу — возьми за оба конца, потяни и усядешься в астроскаф. И сразу застегнись. Схватываешь?

— Роджер.

— Вход и выход через люк. Коретта, будешь постоянно сообщать о происходящем, чтобы я имел представление, как идут дела.

— Хорошо. Он сейчас выходит. Очень узко, но он справляется. Я подаю шланги...

Григорий весь взмок и тяжело дышал от напряжения. Он уже привык к отсутствию силы тяжести и к тому, что неодушевленные предметы в космосе, по-видимому, живут своей жизнью и двигаются сами по себе. Очень мешал скафандр. Каждое движение приходилось делать с усилием, но стоило чуть-чуть расслабиться, как руки буквально норовили вывернуться из плечевых суставов. Простое действие — помещение себя в громоздкую, похожую на кресло кабину астроскафа — оказалось почти невыполнимым, и он все время промахивался.

— Передохни, — велела Коретта. — Ты пыхтишь, как бульдог на жаре. По-моему, ты рискуешь перегрузить охлаждающее устройство.

— Она права, — заметил Патрик.

— Должен... закончить... еще чуть-чуть...

Злясь на себя за неуклюжесть, Григорий схватил скобу за оба конца и сильно потянул, приостановив движение астроскафа. Теперь они крутились вместе. Чтобы преодолеть головокружение, он зажмурил глаза и тянул за скобу, пока не смог защелкнуть замок на страховочном ремне.

— Отлично, — сказала Коретта, улыбнувшись, когда он победно показал большой палец, и потянула шланги, чтобы приостановить его движение.

— Григорий в астроскафе и готов к следующему этапу, — сказала она.

— Теперь будь очень внимателен, — сказал Патрик. — Коретта, ты приготовила предохранительный трос? Один конец должен быть закреплен внутри.

— Все сделано, как ты велел, — ответила она и в последний раз дернула за нейлоновый трос, чтобы убедиться в его надежности.

— Хорошо. Пристегни другой конец к самому Григорию — к его страховке, а не к астроскафу. Потом подсоедини короткие шланги астроскафа к скафандру Григория.

— Готово.

— Ладно. Григорий, можешь повернуть селекторный клапан с позиции К на позицию АП.

Григорий неловко взялся рукой в перчатке за рычажок и с силой толкнул его. Тот не поддавался.

— Не двигается, — сказал Сальников.

— Это бывает, — голос Патрика звучал спокойно, бесстрастно. — Там могла образоваться вода и замерзнуть. Попробуй немного расшевелить рычажок.

— Ага... немного подается... чуть больше... Порядок!

— Очень хорошо. Коретта, сначала перекрой клапан на его шлангах, там, у переборки, потом разъедини их.

Все было сделано очень быстро. Шланги отсоединены от корабля, и Григорий теперь полностью зависел от жизнеобеспечения астроскафа.

— Ты слышишь меня, Григорий? — спросил Патрик.

— Очень чисто.

— Теперь ты подсоединен к переговорной системе астроскафа. На внешней поверхности корпуса корабля есть антенна, которая принимает твой сигнал. Если твой сигнал ослабеет или пропадет, значит, ты оказался довольно далеко от корабля. Постоянно помни об этом и старайся не терять с нами связь. Теперь ты действуешь самостоятельно, но следи, чтобы не отсоединился предохранительный трос. С его помощью Коретта может втянуть тебя обратно в кабину в любой момент.

Можешь начать движение вдоль корпуса корабля. Пользуйся страховочными захватами.

— А может быть, воспользоваться реактивным двигателем астроскафа?

— Ни в коем случае! Он сложен в управлении и требует определенного навыка. О двигателе пока забудь. Просто отнесись к астроскафу как к большому тюку, который таскаешь за спиной.

— Вас понял, иду.

— Ты захватил все инструменты, которые тебе понадобятся? — проговорила Надя, молчавшая до сих пор.

«Какой же я дурак, — подумал Патрик. — Я не способен уследить за всем, что там происходит, не могу все упомянуть».

— Спасибо, Надя, — сказал он. — Я должен был бы сам помнить об этом. Резак по-прежнему в моторном отсеке, где и остальные инструменты. Однако тебе понадобится также пневматический домкрат. Коретта, пожалуйста, постарайся протянуть домкрат как можно ближе к астроскафу, чтобы Григорий мог достать.

Это оказалось не так-то просто. Коретта высунулась из люка, чтобы посмотреть, как дела у Григория; было слышно, как хрипло он дышит. Астроскаф громоздился у него за спиной. Вместо того чтобы облегчать ему передвижение в космосе, он, скорее, мешал ему двигаться. Конечно, веса астроскафа он почти не чувствовал, но масса осталась, и каждое неточно рассчитанное движение Григория приводило к вращению. И он выжидал, прикрепившись коротким тросом к корпусу корабля, пока не остановится кружение, затем закреплялся за новую скобу и медленно переползал дальше.

— Я у двигателя! — раздался наконец его измученный, но победоносный возглас.

— Отлично, — сказал Патрик. — Хорошенько закрепись и слушай Коретту. Она будет говорить, что ты должен делать дальше. Ты устал?

— Так... немного.

— Тогда передохни сперва. Выпей воды...

— «Прометей», говорит Центр управления полетом. Отзовитесь.

— Слушаю тебя, Флэкс.

— Патрик, через несколько секунд я связываю тебя с майором Куком во Флориде. Он командир «челнока», который летит за вами. Капитан Декоста — пилот.

— Куки и Ди — что ж, собирается старая компания. Мы вместе проходили подготовку.

— О'кей, это упрощает дело. Кук хочет поговорить с тобой. Тут такое дело: усиливается солнечная активность. Только что получено сообщение.

Сердце пронзил холод. Патрик понял, что спасения теперь может и не быть. Это сообщение уничтожало затеплившуюся было в его душе надежду. Но по голосу его никак нельзя было догадаться, о чем он в этот момент подумал.

— Как быстро развивается буря?

— Первый скачок в увеличении радиации уже отмечен. Очень маленький, но несомненна тенденция к росту.

— Ты можешь как-то определить временные пределы, Флэкс?

— Ребята-астрономы говорят, что трудно предсказать с какой-либо точностью. Корреляция возможна только после очередной вспышки.

— Другими словами, мы обо всем узнаем здесь первыми. Ладно, Флэкс, если будут какие-то данные о временных расчетах, передай мне. А теперь, если можно, соедини нас с мысом Канаверал.

Линия была свободна, и Патрику не пришлось долго ждать.

— Майор Кук слушает. Говорите, «Прометей».

— Я уже думал, ты так никогда и не позвонишь, Куки.

— Рад тебя слышать, Пат. Здесь со мной Ди, сидит себе, просиживает штаны в предстартовой кабине и ждет, когда начнут отсчет для нашей птички.

— Давно там ждете, Куки?

Кук поглядел на Декосту, сидевшего за столом напротив и слушавшего их разговор. Декоста, смуглый, небольшого роста человек с вечно скорбным выражением лица, услышав этот вопрос, погрузился еще больше. Он приложил палец к виску, изобразив пистолет, и нажал на несуществующий курок. Кук, полный, крупный мужчина, больше похожий на путевого обходчика, чем на пилота, склонил голову, молча соглашаясь с ним.

— Довольно давно, — сказал он. — Загружаемся в «челнок» через несколько минут, отсчет начнется чуть

раньше, но мы не будем ждать, пока закончится заправка. Хотим попасть в то «окно».

— Нам здесь тоже этого хочется, можешь мне поверить.

— Отлично. Хочу договориться о некоторых деталях вашего перехода к нам. Заранее, до стыковки. У вас есть какие-нибудь проблемы?

Патрик холодно рассмеялся.

— Ничего, кроме проблем. Двое потеряли зрение, и нас придется тащить. Кроме того, нам нужны баллоны с кислородом.

— Это не проблема. После стыковки Ди передаст их вам. Дело в том, что у нас шлюз открывается прямо в грузовой трюм. Поэтому придется открыть оба люка, чтобы он через них пробрался к вам. Их так или иначе придется открывать — все равно двоим вашим придется лететь в трюме. У нас тут только четверо могут лететь без скафандров.

— Знаю. Что ты намерен предпринять?

— Сейчас в трюме устанавливают две гравитационные кушетки. В баллонах кислорода на два часа. Мы должны приземлиться раньше.

Кук умолк. В тишине слышалось лишь тихое попискивание статического электричества. Потом снова заговорил Патрик.

— Куки, вели поставить в трюме четыре кушетки. На всякий случай. У вас грузовой трюм большой, как амбар, так что места хватит.

— Хорошо, но у нас же есть место для двоих в салоне.

— Сделай, как я сказал. Возможно, нам придется спешить. Очень может быть, нужно будет уносить оттуда ноги, так что некогда будет думать о декомпрессии в шлюзе.

— Роджер.

— А теперь давай пошевеливайся со своим драндулетом.

— Ладно, установим там четыре кушетки. Мы с Ди уже одеваемся. В следующий раз свяжусь с тобой уже с птички.

— Они ведь все знают, правда? — спросил Декоста.

— Что-то знают.

— Но что именно? Знают ли они, что мы сидим здесь в состоянии готовности с того момента, как их запусти-

ли? И что из-за бесконечных недоработок нам пришлось еще раз задержаться после их старта?

— Брось думать об этом, Ди. — Кук посмотрел в окошко на стартовую площадку. Корпус «челнока» виселся перед ним, из разгрузочных люков вытекали белые струи. Как бы стоящее на трех похожих на торпеды ракетах-ускорителях крылатое тело корабля казалось маленьким. — Такая уж у нас работа, и мы прекрасно знали, на что идем. На этот раз требовались добровольцы, вот мы и раскрыли рты. Впрочем, у нас был шанс выйти из игры после того, как мы узнали, в чем суть дела. Многие считают иначе, но я верю, что заброска этой штуки на орбиту над Москвой поможет миру на Земле.

— Да, на это мы согласились. Но не соглашались сидеть и играть в картишки, когда нужно поспешить людям на помощь.

— Мы же летим, разве нет?

— Пожалуй, поздновато. Может быть, даже слишком поздно. Они сгорят, прежде чем мы доберемся туда.

— Заткнулся бы ты, а то как размажу твой мексиканский носище по морде.

— Нет уж, сперва я вырежу твое сердце, гринго, и поджарю его.

Обмен расовыми оскорблениями ничего не значил — они были слишком большими друзьями. Просто, переругиваясь, они пытались скрыть свои настоящие переживания. Они понимали, что из-за вынужденного бездействия «Прометею», возможно, уже поздно приходить на помощь.

Глава 41

ПВ 28:54

Как только президент покинул свой кабинет, государственный секретарь перегнулся к Дилуотеру:

— Ладно вам, Саймон, давайте я угощу вас кофе.

— Я его уже несметное количество выпил, доктор Шлохтер. Благодарю вас.

— Тогда выпейте чего-нибудь покрепче — я как-то не заметил, чтобы вы пили что-нибудь, кроме кофе.

— Я редко употребляю алкоголь, ну, ладно, может быть, немного шерри.

Они прошли мимо столика с сэндвичами и кофе к небольшому передвижному бару, который вкатили сюда несколько часов назад. Бэндин явно нуждался в доброй порции бурбона и, естественно, пригласил и остальных присутствующих. Шлохтер уверенно налил Тио Пепе и чистой водки с долькой лимона для себя. Шерри он подал Дилуотеру и поднял свой стакан.

— За успех спасательной экспедиции, — сказал он.

— Да, за это я выпью. И за кое-что еще.

— Наш президент очень занятый человек, Саймон, и у него проблем куда больше, чем вы себе представляете.

— Вы вечный миротворец, доктор Шлохтер, верно? Но, боюсь, вы на этот раз не преуспеете. Я заявил, что уйду в отставку, как только космонавты снова будут на

Земле. Или как только они погибнут. И президент, и генерал Бэннерман знали, что имеется «челнок», который можно отправить за «Прометеем», однако и пальцем не пошевелили. А вы тоже об этом знали?

— Нет, не знал, скажу вам честно. Но если б знал, испытывал бы такие же колебания, как и президент.

— Еще немножко, и вы заставите меня плакать от сострадания, доктор Шлохтер.

— Я понимаю, почему вы иронизируете, Саймон, и не буду спорить. Но вам бы стоило вспомнить, что у президента есть одна весьма ответственная обязанность — руководить нашей великой страной и определять ее судьбы в вопросах войны и мира. Пока оставалась хоть малейшая возможность запустить двигатели и поднять «Прометей» с теперешней орбиты, президент не осмеливался ставить безопасность нашей страны под угрозу, отменив операцию «Ку-ку». Судьбой нескольких человек приходилось жертвовать во имя жизни целого государства. В подобное положение часто не по своей воле попадают многие государственные деятели.

Дилуотер посмотрел в свой пустой стакан, потом поставил его на стойку. Единственным признаком охватившей его чудовищной усталости были углубившиеся морщины вокруг глаз. Собравшись с силами, он заговорил негромко и торопливо, чтобы только Шлохтер мог его слышать.

— Мой класс теперь в Америке почти исчез, доктор Шлохтер. С раннего возраста меня учили не богохульствовать и не сквернословить, и всю жизнь я следовал этому правилу. Однако бывают и исключения. То, что вы только что сказали о президенте Бэндине, — это чистой воды профанация и дерьмо. Этот человек — политический оппортунист, который пожертвует чем и кем угодно, только бы обеспечить себе переизбрание. С точки зрения морали, Никсон рядом с ним кажется мальчишкой из церковного хора.

Шлохтер с серьезным видом кивнул головой.

— И все же вы приняли пост в его администрации? Зная то, что вы знали — скажем так, зная о его моральных недостатках?

— Да, принял. Я был нужен ему как представитель либерального истеблишмента Восточного побережья, чтобы получить нужное количество голосов. Я считал,

что НАСА само по себе достаточно важно, чтобы оправдать оказанную мною поддержку.

— Но что же изменилось? — Шлохтер покачал у него перед носом пальцем. — Президент — тот же, каким вы его знали. А НАСА и «Прометей» нуждаются в ваших знаниях и опыте еще больше, чем в самом начале.

— Я уже решил. И подал в отставку. Я не могу быть в составе правительства, главой которого является такой человек.

— Подумайте еще раз, ну пожалуйста. У меня был разговор с Москвой, и мы договорились, что работа над проектом «Прометей» будет продолжена, что бы ни произошло. Слишком много средств вложено, слишком велика потребность в энергии...

— А Бэндину слишком нужно переизбрание.

— Именно так. Возможно, вы единственный человек, который может довести проект до завершения. — Шлохтер поднял руку, призывая Дилуотера не перебивать его. — Пожалуйста, не отвечайте сейчас. Подумайте. Мы еще успеем поговорить об этом позже. А сейчас... Кстати, это не у вас телефон звонит?

Дилуотер быстро подошел и взял трубку.

— Саймон Дилуотер слушает.

— Говорит Флэкс. Информация о ситуации на текущий момент. До запуска «челнока» осталось около часа. Подготовка идет хорошо. Солнечная активность... э... усиливается.

— Сколько у них осталось времени?

— Никто не знает в точности. Верхние слои атмосферы, безусловно, поднимутся, но насколько и как быстро, приходится только догадываться. Это может произойти и до стыковки, и сразу после нее.

— Не очень-то обнадеживающая информация, — Дилуотер заметил, что так крепко сжал трубку, что пальцам стало больно; он заставил себя расслабиться. — Полагаю, вы держите экипаж «Прометея» в курсе?

— Да, сэр. Они продолжают работать по программе «Змеинное кольцо».

— Что? Но я думал...

— Что ее отменили? Нет, сэр. Они считают, что угроза падения корабля на Землю вполне реальна. И шансы, что их снимут до вхождения «Прометея» в атмосферу, не так уж велики. И они по собственной

инициативе решили приступить к реализации программы «Змеинное кольцо».

— Но нам не следовало просить их об этом! — прошептал Дилуотер, припечатывая каждое свое слово ударом кулака по столу.

— Я не расслышал, что вы сказали?

— Ничего особенного. Пожалуйста, держите меня постоянно в курсе всех событий.

На высоте восьмидесяти пяти миль «Прометей» мчался по своему неизменному курсу. Под ним медленно вращался огромный голубой шар Земли. Они находились сейчас над Панамским каналом, но плотные грозовые облака не позволяли рассмотреть его. Вокруг сверкала бездна звезд, светился ясный диск Луны, во всем своем величии ослепительно пылало Солнце. Григорий старался не смотреть на него, предпочитая любоваться волшебной картиной космоса, будучи сам зрителем как бы вне времени и пространства, божьим оком, взором существа, оторванного от мира, в котором был рожден. Там, за космической пустотой, были тепло, вода, живой воздух планеты, частица которого сейчас спасала его от смертоносного вакуума космоса. Глядя отсюда на Землю, он видел, как она далеко, но все же чувствовал себя таким земным, как никогда прежде, пока находился на ней.

— Ну как, отдохнул, Григорий? — голос Патрика вернул его к действительности.

— Да, мне уже немного лучше, просто устал немного, да и жарко стало.

— Ты очень много уже сделал.

— Не все. — Григорий повернулся и посмотрел на искореженные сопла. — Так, крепеж перерезан. Мне удалось с помощью домкрата отогнуть его и попасть в камеру сгорания. Теперь остается разбить лампу.

— Как ты намерен сделать это?

— У меня есть стальной прут — от крепежа. Его и использую.

— Удачи тебе.

Коретта и Надя тоже сказали ему несколько слов, он согласно покивал, слушая вполуха, но ничего не сказал. Это было последнее испытание. Металлический

прут он держал в левой руке — привязать его надежно он был не в состоянии, и прут несколько мешал ему двигаться. Страховочный трос тоже сковывал движения, так что он решил открепиться, а потом с помощью одной руки прикрепиться снова. Страховочный трос свободно повис в вакууме. Здесь, у основания «Прометей», Коретта не могла его видеть, да она и не узнает ни о чем. Тем более, что она держит другой конец страховочного троса и, если что, сможет подтянуть его к кораблю. Он думал, что этого не произойдет. Среди множества распорок есть за что ухватиться.

Цепляясь руками, он медленно продвигался к камере сгорания, конечной своей цели. Его со всех сторон окружали двухметровые входные концы труб других камер. Когда его голова показалась над открытым концом камеры, он притормозил и чуть отодвинулся назад. Отверстие зияло перед ним, как черная пасть. Слева от себя в астроскафе он нащупал фонарь, взял стальной прут в правую руку и включил свет. Световое пятно проползло по темному брюху корабля, Григорий направил луч в отверстие камеры и буквально разинул рот от удивления.

Такого он не ожидал. То было не обгорелое, закопченное сопло, а трехметровое помещение, похожее на пещеру Аладдина. По стенкам ее тянулись гладкие блестящие полосы, вся камера сверкала отраженным светом, играющим в хрупкой кристаллической структуре кварца. И это диво все так пренебрежительно называли лампой. Камера, скорее, походила на ларец с самоцветами — вся искрилась, мерцала и переливалась, когда яркий свет фонаря пробежал по ее поверхности.

— Ты сумеешь разбить камеру? — спросил Патрик, голос его донесся откуда-то издалека.

Григорий вздохнул и заставил себя вернуться к реальности. Здесь был не алтарь в храме богов науки, а взрывная площадка.

— Да, смогу, — сказал он.

Держа фонарик в левой руке, он медленно просунул прут на максимальную глубину, пока не уперся в кварцевую стенку. От этого все цвета и световые брызги как бы заплясали вокруг него.

Мгновение он любовался этим зрелищем — затем ударил.

В вакууме это было похоже на странный медленный танец разрушения. Когда сталь ударила по кварцу, тот раскололся, во все стороны полетели обломки и осколки. Отверстие было с полметра шириной. Григорий засунул руку насколько мог глубоко и снова стал бить. Когда он наконец заглянул в камеру еще раз, разгром был полный — он видел одни только сверкающие осколки. Григорий вытянул оттуда металлический прут, отбросил его от себя, и тот поплыл в космос, делаясь все меньше и меньше, потом совсем исчез, оставаясь, впрочем, на орбите «Прометей» и следуя у него в хвосте, хотя и невидимый в темноте.

— Готово, — сказал Григорий, скорее самому себе, но это слышали и остальные.

— Тогда возвращайся, — сказал Патрик. — И немедленно.

В голосе Патрика звучало напряжение, и Григорий это заметил. Он пожал плечами. Ну и что? У всех достаточно напряжены нервы. А вдруг что-то случилось? Он уже плохо контролировал свои действия, когда отстегнул короткую страховку, оттолкнулся от борта и потянулся к скобе.

И промахнулся.

В ужасе он смотрел, как корабль проплывает мимо него, становясь недостижимым, потом в его поле зрения вдруг возник люк, откуда высовывался блестящий шар шлема Коретты.

— Тебе не следовало так удаляться от корабля, — заметила она.

— Я не нарочно. Просто не успел ухватиться за скобу.

— Я втяну тебя...

— Стоп! — закричал Патрик. Ничего пока не предпринимайте. Опасности нет, пока страховочный трос держит тебя. Он держит, Коретта?

— Оба конца закреплены.

— Хорошо. Опиши-ка мне точно, где именно сейчас Григорий.

— Ладно. Сейчас я вижу его хорошо. Похоже, его относит от корабля.

— С какой скоростью?

— Не знаю. Пока он весь стал виден мне, прошла одна, может быть, две секунды.

— Хорошо, очень хорошо. — Патрик мысленно произвел нужные подсчеты. — Потяни трос медленно на себя, пока он полностью не распрямится, натяжение должно быть самое малое. Когда трос натянется, тогда выбери еще ярд — очень медленно, это должно занять секунды три. Запомни, дело не в том, чтобы затащить его внутрь, а в том, чтобы придать ему нужное направление. Он не может улететь, пока трос присоединен. Худшее, что ты можешь сделать, это подтянуть его слишком быстро, от чего он может удариться о корабль.

— Хорошо, я поняла, — сказала Коретта.

— Прекрасно. Теперь больше не тяни, просто вбей трос, по мере того, как Григорий будет приближаться к тебе.

Это страшно, но совершенно безопасно, уговаривал себя Григорий. Он все еще двигался в сторону от корабля, но в то же время — и вдоль его корпуса. Вполне логично с точки зрения физики. Первоначально он начал движение в сторону от корабля. Коретта тянула вдоль его оси. Теперь он двигался как бы по вектору этих двух сил, прочь от люка, но вдоль корабля, все время приближаясь к нему. Интересная проблема, если брать ее абстрактно. Однако когда сам висишь в открытом космосе на конце веревки...

Патрик с трудом представлял себе, что там происходит — для принятия окончательного решения он располагал только сведениями Коретты.

— Теперь он значительно ближе, — произнесла она.

— Подожди, пока он не поравняется с люком, и сразу прекрати выбирать трос. Тогда он двинется по дуге в сторону корабля. Но осторожнее, иначе он получит слишком большое ускорение и ударится о корпус.

— Так, приступаю.

Григорий почувствовал, как его несильно потянули за страховочный трос, и увидел, что снова двигается к кораблю. Он выставил руки вперед и согнул их в локтях, тем самым амортизировав удар и тут же успев ухватиться за торчавший рядом анкер.

— Все, порядок, — с облегчением выдохнул он.

— Забирайся внутрь, — приказал Патрик, от напряжения чувствовавший страшную усталость. Он подождал, пока Григорий закрепил астроскаф и перешел

в отсек, и только тогда велел ему: — Еще раз закрепи астроскаф и закрой люк.

— Зачем, к чему это? — спросил Григорий. Ответила ему Надя, тихо произнося слова по-русски:

— Мы тут поговорили с Центром управления полетом. Есть прогноз относительно атмосферы — восьмидесятипроцентная уверенность в том, что на следующем витке, минут через десять, мы войдем в более плотные слои.

— Но это же на полтора часа раньше! На следующем витке прибудет «челнок» и нас снимут! — он изумленно глянул на остальных, их лица были еле видны, скрытые шлемами.

— Мы знаем, — просто сказала Надя. — Наверное, нашему везению пришел конец. Через несколько минут все станет ясно.

Григорий направился к люку.

— В таком случае мне нужно вернуться назад и закончить программу «Змеиное кольцо».

— Нет, — промолвил Патрик. — На это уйдет слишком много времени. Если нам удастся пережить этот виток, тогда и будем решать. Каково полетное время?

— 33:23, — сказала Коретта.

— Еще шесть минут. И потом еще шестьдесят пять, если птичку запустят в расчетное время.

Теперь они могли только ждать. Патрику и Наде ждать в темноте было труднее.

Глава 42

ПВ 33:14

— Что там с заправкой? — спросил Декоста.

— Почти закончили, — сказал Кук.

— И тоже почти вовремя. Очень неудобно лежать в таком положении.

Оба пилота были пристегнуты к своим креслам в пилотской кабине в нормальном рабочем положении для полета. «Челнок» имел двойное предназначение — космического аппарата во время старта и нахождения на орбите и аэроплана, когда приходило время приземляться. Оба пилота сидели на своих местах, и их кресла больше напоминали те, которые устанавливают в обыкновенной открытой пилотской кабине на самолете, а не в космическом корабле. Великолепно для маневрирования и посадки, но довольно неудобно, когда корабль стоит на хвосте, нацелившись прямо в небо.словно сидишь в кресле, которое лежит спинкой на полу.

— Как там с гравитационными кушетками? — спросил Декоста в микрофон.

— Закрепляем, — донесся голос инженера.

— А ранцы для выхода в космос?

— Закрепляем на стене шлюза...

— Нет! Так не годится. — Декоста принялся отстегивать пристяжные ремни.

— Ты что это делаешь? — спросил Кук.

— Спустишь вниз и сделаю как надо, черт побери.

— Да ты с ума сошел! У нас меньше двадцати минут до пуска!

— Ничего, обойдется. Такое не каждый день случается. — Говоря это, Декоста выкарабкался из кресла, повис на его спинке и отпрыгнул метра на полтора к задней стенке хвостовой кабины, которая теперь стала полом. — У нас там времени не будет. Я хочу, чтобы все снаряжение было прилажено так, чтобы без промедления можно было им воспользоваться.

Через проход в переборке он спрыгнул в трюм.

— Если вовремя не вернешься, я отправлюсь без тебя, — крикнул ему в спину Кук.

Корпус декомпрессионной камеры походил на перевернутый шкаф. Декоста раздраил люк и посмотрел через декомпрессионную камеру вниз в обширное, видимое в открытую дверь пространство грузового отсека, до его дна было по крайней мере шестьдесят футов. Монтажный кран со складной стрелой был совсем рядом с люком декомпрессионной камеры, и Декоста уперся взглядом в растерянное лицо управлявшего им техника.

— Вам не полагается находиться здесь, капитан, — сказал тот.

— Вيني мою матушку — она меня раньше времени родила. С тех пор на месте не могу усидеть. А ну-ка подвинься.

Декоста спустился в декомпрессионную камеру, раскачался, взявшись за край внешнего люка, и аккуратно приземлился в кабинку крана, стараясь не думать, что мог промахнуться и свалиться вниз. Кабинка от неожиданной тяжести закачалась, и они оба вцепились в поручень.

— Так и разрыв сердца недолго получить, — охнул техник.

— Это ранцы? — спросил Декоста, указывая на кислородные баллоны на полу кабины.

— Да, сэр. Я собирался закрепить их...

— Забудь про это, мы сделаем лучше. Спусти нас вниз.

Стрела медленно поплыла над грузовым отсеком с широко разинутыми пастями открытых дверей. Обычно этот грузовой коридор, похожий на трубу, шестидесяти футов длиной и пятнадцати шириной, заполнял либо

технический груз, либо оборудование для научных экспериментов, намертво принайтовленное. Или спутник, вроде того, что только что убрали отсюда. Единственным грузом сейчас была одна-единственная пластина, плотно закрепленная сразу же за кабиной. К ней были грубо, хотя и прочно приварены четыре гравитационные кушетки. Сейчас только надежность, впрочем, и имела значение.

— Давай до самого дна, — сказал Декоста, показывая пальцем. — До последнего зажима на конце манипулятора.

Дистанционное плечо манипулятора дотягивалось до конца грузового отсека; это была коленчатая труба пятидесяти футов длиной. Для своей длины она казалась невероятно тонкой, и моторы в ее коленях способны были сейчас лишь с трудом передвигать ее собственный вес, поскольку годились только для операций в космосе, в невесомости, когда не действует гравитация. На самом конце манипулятора находился похожий на челюсти механизм, предназначенный для захвата грузов и их подъема. Декоста смотрел на него и лихорадочно думал, думал о том, как может сложиться ситуация в космосе.

— Эй, капитан, — окликнул его техник с соседнего крана, имевший на голове наушники и микрофон. — Майор Кук говорит, у вас осталось только пятнадцать минут.

— Знаю. Знаю, — ответил Декоста, он и без этого взмок от напряжения. — Давай сгружать ранцы здесь, в самом низу.

Декоста выпрыгнул на круглую платформу и принял у техника тяжелые кислородные баллоны, поставив их в ряд у своих ног.

— У вас нет какой-нибудь нейлоновой веревки?

— Есть. Белая и красная...

— Дай-ка мне белую.

Стараясь действовать как можно быстрее, он привязал ранцы один подле другого к вделанным в металл крепежным кольцам, используя один конец веревки и поочередно пропуская его вокруг каждого из баллонов, а потом закрепляя. Достаточно будет потом разрезать веревку в одном месте, и она больше не будет держать их.

— Нож.

Техник подал ему тяжелый карманный нож. Большим лезвием Декоста отрезал веревку, потом взял кусок красной и быстро пропустил ее через зажимы на каждом ранце, связав их вместе. Затем залез обратно в кабину.

— Давай к тому концу манипулятора.

Кабинка поднялась, и он отпустил красную веревку, позволив ей свободно раскручиваться.

— У нас осталось только восемь минут! — сообщил ему связист, — Сколько вам нужно, чтобы закончить последнюю проверку и задраить все люки?

— Уже почти все. — Декоста привязал свободный конец веревки к последнему кольцу манипулятора. Потом отрезал еще короткий кусок и привязал им нож сантиметрах в тридцати рядом.

— Послушайте, но это же мой ножик! — возмутился техник.

— Ему предстоит космическое путешествие. Подайте счет администрации. А теперь быстро выбираемся отсюда.

Наконец кабинка крана зависла над самой декомпрессионной камерой. В тот же момент начали медленно сдвигаться внешние створки люка, ведущего в грузовой отсек. Декоста поставил одну ногу на перила кабины, техник поддерживал его, и ему удалось дотянуться до сужающейся щели и ухватиться за край. Опершись ступней на плечо застонавшего техника, он подтянулся на руках и нырнул в декомпрессионную камеру за мгновение до того, как люк у него за спиной захлопнулся.

— Поднимайся сюда немедленно! — заорал ему Кук. — Боже, до пуска две минуты. Я не могу ждать!

— Иду... — пилот перевел дыхание, закрыл и задраил люк, а потом, быстро перебирая руками и ногами по металлическим выступам в стене, поднялся в кабину. Подняв голову, он, тяжело дыша, смотрел в напряженное лицо Кука.

— Тридцать секунд! — заорал Кук. — Насосы работают, вот-вот включится зажигание, пристегивайся, черт побери, пристегивайся!

Декоста из последних сил втиснулся в кресло, схватил концы привязного ремня — и тут заработали двигатели.

С ревом выбрасывая потоки пламени, космический «челнок» оторвался от земли и стал набирать скорость.

— «Челнок» стартовал, — сказал Флэкс, обращаясь сразу ко всем четверем на борту «Прометей». — Двигатели работают одну минуту.

Патрик летал на «челноке» не один раз, так что отлично представлял себе, что там происходит. Первое включение двигателей, мощный рывок вперед благодаря ускорителям, работающим на твердом топливе. Три минуты ускорители работают вместе с двигателями. Потом сто шестьдесят миль снижения скорости до точки выхода на орбиту...

— Отключение ускорителей, отделение...

Две огромные трубы, теперь пустые, разлетелись в разные стороны и стали падать обратно, в Атлантический океан. Затем резко щелкнули парашюты, и ускорители медленно опустились туда, где их поджидали суда-перехватчики. Но корабль все еще продолжал подъем, все еще всасывал последние капли топлива из внешнего бака — он еще не вышел на орбиту. Случись любая неполадка, и им придется падать на Землю. С ускорением они не справятся. Что же все-таки происходит?

— Птичка, я вас не слышу... так, все в порядке. Роджер. Отделение внешнего бака!

Двигатели еще работали, бак отлетел в сторону, чтобы потом сгореть в атмосфере. Корабль набирал высоту, нацеливаясь на выход на орбиту. Полет по намеченной траектории...

— Что это? — закричала Коретта. — Что-то горит, там, за иллюминаторами.

Не успела она договорить, как их затрясло, заколотило, казалось, вибрировал сам космос.

— Мы вошли в более плотные слои атмосферы! — воскликнул Патрик. — И теперь...

Режиссер программ телевидения, глядя на экран своего монитора, что-то горестно бормотал про себя. Из чего тут выбирать? Совершенно не из чего! В кадре на

втором мониторе был Вэнс Картрайт с его идиотским голосом. На первом шла передача из Центра управления полетом, все были безумно заняты у пультов, и это длилось уже Бог знает сколько часов, причем без звука — Флэкс снова выключил звук. Забудем — зрители достаточно на это насмотрелись. Третий монитор показывал конференцию с писателем-фантастом, специалистом по космическим полетам, готовым в который уже раз пуститься в пространные объяснения. Режиссер уже отснял многие километры пленки, пожалуй, довольно, особенно сейчас, когда все идет к чертовой матери. Четвертый монитор был пуст и готов к любой передаче. Только что прокатили мультипликационный фильм о запуске «челнока», но теперь, когда настоящий «челнок» на орбите, подобный показ неуместен. Режиссер, подумав, все-таки включил Картрайта.

«...драматические события последних часов близятся к завершению. Однако сомнений по-прежнему немало: стыковка еще не произошла. Двигатели обоих кораблей сейчас выключены, так как производятся последние расчеты, которые не могут иметь ошибку больше, чем на одну тысячную процента. Дело в том, что корабли находятся на разных орбитах, на разных высотах и движутся с разными скоростями. Когда «челнок» вновь запустит свои двигатели, последует финальная и весьма драматическая встреча, которой ждет каждый человек на Земле. Отважный экипаж «Прометея» отдал немало сил, а некоторые космонавты — и свои жизни, чтобы приблизиться к этой точке во времени и пространстве. Было бы вопиющей несправедливостью, если бы в этот последний миг у них отняли и победу, и саму жизнь, ибо они наконец близки к завершению своего трагического полета. Они выходят на свою последнюю орбиту...»

— Запускай мультфильм о горящем «Прометее», — сказал в свой микрофон режиссер и, как только появилась картинка, он наложил на нее голос Картрайта.

«...на этой высоте дышать воздухом невозможно, он сильно разрежен, как внутри электрической лампочки. Но при невероятной скорости — пять миль в секунду, восемнадцать тысяч миль в час, — даже этот разреженный воздух будет для «Прометея» подобен мощной стене. — Рисованная ракета начала накаляться, от ее

носа полетели искры. — И от трения он в конце концов загорится...»

Картрайт запнулся, у него вдруг расширились глаза, и он сильнее прижал к уху миниатюрный наушник. Когда он заговорил снова, то было видно, что он потрясен, от усталости не осталось и следа.

«Это случилось, Боже мой! Только что «Прометей» сообщил о входе в более плотные слои атмосферы, и после этого их сигнал пропал. Мы знаем, что раскаленная, ионизированная атмосфера мешает связи, может быть, дело только в этом. Или же с ними произошло самое худшее... и в конце концов наступил тот самый ужасный момент, которого мы все так боялись. Может быть, это конец. И, если это действительно так, мы можем лишь сказать, если они и погибли, то не напрасно. Потому что благодаря их усилиям до самого последнего момента этот гигант удерживался на орбите и сейчас он несется где-то над пустынными просторами Тихого океана. Если даже он свалится сейчас на Землю, никто внизу не пострадает, и трагедия Коттенхэм-Ньютауна не повторится...»

— Здорово, честное слово, здорово, — хихикал про себя режиссер, потирая руки. — Они вошли в атмосферу как раз во время показа схемы такого пожара. Ничего себе подгадали!

— Я не знаю, — сказал Флэкс. — Клянусь Богом, просто не имею пока ни малейшего представления.

— Я понимаю, мистер Флэкс, и в самом деле ценю вашу позицию. — Дилуотер чувствовал усталость и боль в его голосе и понимал, что спрашивать Флэкса больше нельзя и нельзя на него давить. — Эта линия будет подключена, я сам буду стоять рядом и вместе со всеми ждать каких бы то ни было известий. Мы будем молить Бога, чтобы вести оказались добрыми.

Дилуотер медленно повесил трубку и оглядел кружок смотревших на него людей.

— Больше пока ничего не известно, — сказал он.

— Они должны знать! — вскричал президент Бэндин. — Восемь миллиардов вложено в оборудование, а они не могут найти решения? Они что, не могут просто посмотреть в свои телескопы?

— Они делают все технически возможное. Через минуту-другую мы будем знать, что именно происходит.

Бэннерман подошел к большому столу-планшету, где красной точкой помечено было местоположение «Прометей» в момент последнего сеанса связи.

— Лучше, если бы они это узнали поскорее. Если эта штука упадет сейчас, то это произойдет над океаном. Но если она останется на орбите еще несколько минут, то свалится прямо на Лос-Анджелес.

Все смолкли. Не было слов, чтобы передать те чувства, которые возникли в преддверии столь невероятной, но вполне возможной трагедии.

— Ничего, — произнес Кук. — Пока еще ничего. — Он взглянул на космос, на звезды, ничего перед собой как бы не видя.

— Они не могут сгореть, не могут, когда мы совсем рядом! — сказал Декоста. Он расстегнул привязной ремень и, оттолкнувшись ногой, выплыл из кресла. — Я надеваю скафандр.

— Не знаю, будет ли у тебя возможность воспользоваться им.

— Ты думаешь, я это знаю? — в голосе его звучали горечь и злость. Он отпер шкафчик и вытащил скафандр. — Знаешь, это все равно что постучать по дереву. Так делают даже те, кто вовсе не суеверен. Я надеваю эту штуку и собираюсь ею воспользоваться, слышишь?

— Знай наших, львенок, — Кук попытался пошутить, улыбнуться, но у него это плохо получилось. Он включил передатчик: — «Челнок» вызывает Центр управления полетом. Вы слышали...

— Пока ничего нового, — сказал Флэкс. — Прости, Кук, пока ничего. Продолжаем работать по программе, вам предстоит включить двигатели примерно через двадцать минут.

— Роджер. Связь окончена.

Флэкс забыл про усталость, забыл про все на свете. Нужно же, чтобы все закончилось именно так, когда до спасения рукой подать. Он посмотрел на счетчик времени. Меньше часа до сближения...

— ...что-то слышим...

Голос из динамика встряхнул всех, как марионеток на нитках, все разом повернулись к радиоприемнику, который шипел и хрипел от помех. Наконец до них донеслись еле различимые слова:

— ...в... управления полетом... примите... «Прометей»...

Глава 43

ПВ 33:34

— Все кончилось, — сказала Коретта. — Огонь, горящие обломки, их больше нет.

— Уже минут пять как нет, — кивнул Патрик. — Теперь все мы на последней орбите.

— Что ты хочешь сказать? — поинтересовалась Коретта.

— Мы были в перигее, самой близкой к Земле точке нашей орбиты, когда зацепили атмосферу. Еще немного, и мы просто сгорели бы. А мы лишь слегка ее задели, чиркнули, как голыш по воде, и оторвались. Теперь мы с точностью почти до минуты знаем, сколько времени у нас осталось. При следующем перигее мы упадем. Так что чуть больше часа. — Патрик пошарил вокруг себя и включил переговорное устройство. — Центр управления полетом, говорит «Прометей». Мне необходимо связаться с «челноком».

— Роджер, Патрик. Я слушаю.

— Как твоя птичка, Куки?

— О'кей, все в полном порядке.

— Когда рассчитываешь встретиться с нами?

— Минут через сорок.

— Нормально, если вы успеете вовремя. Должно хватить времени и на стыковку, и на переход к вам. Хорошо бы ты сумел взять нас уже при первом заходе.

— Постараюсь, Пат. Сделаю все, что в моих силах.

— Не сомневаюсь, Куки. Связь закончена.

Надя подождала, пока закончится сеанс связи, и спросила:

— Есть ли у нас время для декомпрессии и подготовки к эвакуации до момента стыковки?

— Да, времени более чем достаточно, — сказал Патрик.

— Пожалуйста, вы не могли бы... мои глаза... Мне что-то мешает... даже больно немного...

— Тебе следовало сказать об этом раньше. Григорий, загерметизируй пока, ты знаешь, где контрольные кнопки. — Патрик нащупал соседнее кресло и дотронулся до Надиной руки, погладил ее по плечу, крепко сжал пальцы, поняв, что про нее они забыли, что она старалась не отвлекать их, пока все были так заняты. Ослепшая, закованная в броню скафандра, совершенно безропотная.

— Прости нас, — сказал Патрик.

— Не говори глупостей. Ты сделал для нас все возможное.

— Герметизация завершена, — оповестил Григорий, расстегивая и снимая шлем. После застоявшегося внутри скафандра запаха собственного тела даже консервированный, бедный кислородом воздух кабины казался восхитительным. Коретта уже сняла свой шлем и теперь помогала Наде.

— Сейчас я сменю повязку и сделаю тебе укол, — приговаривала она.

— Я не хочу спать, — голос Нади прозвучал неожиданно резко.

— Не беспокойся, милая. Только чуть-чуть, чтобы снять боль. И Патрику тоже.

Она уверенно взялась за дело — Григорий не сводил с нее глаз. Ему, блондину, ее густые темные волосы казались прекрасными. И кожа — смуглая, теплая, нежная... Она не походила ни на одну женщину из тех, кого он встречал раньше. Ему хотелось наклониться и поцеловать ее в шею, прямо над жестким воротником скафандра, но мешать было нельзя. И он уставился на часы, отсчитывающие полетное время, потом — через иллюминатор во тьму.

— Когда Коретта закончит, нам придется снова герметизироваться. Я должен выйти и завершить программу «Змеинное кольцо».

— Нет! — Коретта похолодела от его слов и повернулась к нему. — Нам теперь это не требуется... они же совсем близко.

— В любом случае наш корабль должен быть уничтожен полностью. Ради людей на Земле.

— Но ты же слышал: Центр управления считает, что «Прометей» упадет в океан...

— Этого недостаточно. Вероятность, что он упадет, например, в Калифорнии ничуть не меньше. Я не могу допустить, чтобы эта вероятность стала реальностью.

— Боюсь, у нас нет выбора, — произнес Патрик. — Мы сделали все, что было в наших силах, и ты вряд ли в состоянии довести программу до конца. Вполне вероятно к тому же, что астроскаф снесло. А без него ты не сможешь снова добраться до двигателей.

— Об этом я не подумал! — сказал Григорий. Он резко повернулся, неуклюже замахал руками и ногами, стукнулся о стенку у иллюминатора, потом выровнялся и прижался лицом к холодному стеклу. Видна была только внешняя сторона крышки люка. Больше ничего. — Его снесло, — сказал он устало. — Так что об этом нечего и говорить.

Коретта переломила пополам шприцы одноразового использования, сунула в накопитель отходов и бросилась к нему. Однако поспешила, забыв про невесомость, так что ей пришлось покрепче ухватиться за него, чтобы не удариться. Она так и не выпустила его руку.

— Почему ты так горюешь? Мы ведь сделали все, что смогли. Нас не в чем упрекнуть.

Он напряженно всматривался в забинтованные лица пилотов, и на его лице отражалась глубокая боль. Когда он заговорил, то только она смогла расслышать его тихий шепот:

— Я хотел сделать все как следует, это было так важно. Посмотри на них, они же ослепли и, наверное, навсегда. В этом виновата моя страна, и мне так стыдно. Я полагал, что как-то смогу... возместить ущерб, если все сделаю как надо. Если уничтожу угрозу человечеству.

— Но ты же слышал: это ведь не Советский Союз выстрелил по «Прометею». Это какой-то один безумец...

Григорий криво усмехнулся.

— Ты совсем ребенок, дорогая! Ты очень красивая женщина, но все равно сущий ребенок. В моей стране таких несчастных случаев не бывает. Все было решено заранее, а потом нашли козла отпущения...

— Козла? Но я верю, верю всему, что ты говоришь. Хотя теперь ты уже бессилён что-либо изменить — так что лучше выбрось это из головы. Если только этот «челнок» не опоздает, мы все останемся живы и успеем вернуться в штат Флорида как раз к обеду.

Она смотрела своими широко открытыми темными глазами прямо в его голубые глаза, потом наклонилась и поцеловала в губы. Металлические кольца их скафандров звякнули, и ей пришлось слишком сильно тянуть-ся, чтобы достать до его рта. Они могли бы показаться смешными — две толстые неповоротливые фигуры, запеленутые в металл и пластик, — но смешными они не были. Он тоже поцеловал ее, глазами сказав ей больше, чем можно сказать словами.

— Полетное время? — спросил вдруг Патрик.

— 34:23, — ответила Коретта, отстраняясь от Григория.

— Пора. Надеть шлемы. Григорий, проверь, чтобы все закрепились. Сейчас «челнок» будет делать заключительный заход.

— «Прометей», вы у меня на электронном определителе расстояния, идем на сближение, — произнес Кук.

— Ждем вас. Наш люк открыт, и мы готовы.

— Двигатели выключены, и мы сближаемся со скоростью сто двадцать футов в секунду.

— Вот они! — воскликнул Декоста, когда на экране возник «Прометей». Кук кивнул, руки у него лежали на пульте управления. — Вы теперь у нас в поле зрения, похоже, мы над вами и чуть сбоку. Ваш спасательный модуль закрыт тенью от грузового отсека, поэтому я не уверен, попадем ли мы в створ.

— Мы внимательно следим за вами. Подходите точно. Створ расположен приблизительно в тридцати градусах от вашей теперешней орбиты.

— О'кей, Пат. Я еще немного поднимусь и поверну, тогда стыковка будет легче пареной репы.

Конечно же, это было далеко не так. Кук знал, что ему совершенно необходимо попасть точно в створ с первого же захода — ведь второго не будет. Точно, обязательно точно. Остается 2727 футов, скорость сближения 19,7 фута в секунду. Он включил реактивные тормоза. 1370 футов, 9,8 фута в секунду. Космический корабль постепенно вырастал, становился все ближе.

— Им повезло, что грузовой отсек у них на носу, — сказал Декоста. — Весь к чертовой матери сгорел. Но уж лучше он, чем они. — Он включил кислород, затем надел шлем. — Радиосвязь о'кей? — спросил он.

— В порядке.

— Я открываю люк.

Он нырнул головой вперед и ухватился за ручку герметизации шлюза. Оказавшись внутри шлюза, он задраил люк и повернул колесо замка. Давление стало падать, и наконец замигал красный огонек декомпрессии. Внешний люк открылся без труда, рядом с ним находился пульт управления грузовым выходом. Декоста осветил пульт фонарем и включил механизм, открывающий грузовой люк. Возникшая внизу полоса света становилась все шире по мере того, как огромные створки люка начали расходиться в стороны. Свет хлынул потоком, и он увидел основание телеуправляемого манипулятора всего в каком-то ярде от себя. Он ухватился за него и скользнул на дно похожего на колодец трюма. За все это время он позволил себе всего лишь раз взглянуть на «Прометей».

Корабль находился не более чем в сотне ярдов и плавно приближался. Исполинский покрытый шрамами цилиндр в двести пятьдесят футов длиной. Модуль экипажа все еще скрывался в тени грузового отсека, но Декоста знал, что они там и ждут его.

— Поехали, — сказал он, взявшись за рабочую часть манипулятора. Нож был именно там, где он его оставил, — свободно плавал на конце веревки. Он осторожно протянул руку и взялся за рукоятку, потом лезвием перерезал узел на веревке. Даже из-за столь слабого толчка он пролетел несколько метров до того

места, где находились ранцы для выхода в космос, подобрал конец белой нейлоновой веревки и стал вытягивать ее петля за петлей.

Когда конец веревки с узлом был отрезан и уплыл в космос, он привязал нож к красной веревке, скрепив ею же и четыре баллона с кислородом, затем тем же путем вернулся к пульту управления манипулятором. Только теперь он позволил себе выглянуть наружу.

«Прометей» был на месте. Не более чем в пятидесяти-шестидесяти футах, закрывая собой все небо. Иллюминаторы были освещены, свет исходил также из открытого люка, где он отчетливо различал шлемы космонавтов.

— Я готов, — сказал Декоста.

— Соединяю с «Прометеем», — ответил Кук.

— Вас вижу, — сказал Декоста, поворачивая ручку манипулятора.

— Что мы должны делать? — спросил Патрик.

— Передаю вам кислородные баллоны, они на конце крана. — Длинная трубка манипулятора поднималась все выше и выше, вытягивая за собой привязанные красной веревкой баллоны. — Попытаюсь вас не шарахнуть, но они здорово болтаются. Хватайте их сразу. К ним там нож привязан, чтобы веревку перерезать.

Экипажу «Прометей» оставалось только ждать у открытого люка, но двое все-таки видели долгожданный «челнок», придвигавшийся все ближе к ним. Он был похож на огромный самолет, но эта иллюзия пропала, когда его борт стал медленно наплывать на них. Затем он вытянулся почти точно вдоль «Прометей», широко распахнув люки, и тоненькая стрела манипулятора потянулась к ним; на конце у нее свободно плавали кислородные баллоны.

— Что происходит? — спросил Патрик, сердясь на себя за это.

— Извини, — сказала Коретта. — Совсем забыла. Какая-то длинная штука движется к нам, на ней висят баллоны, которые всю раскачиваются и крутятся. Вот, остановились...

— «Прометей», вы можете дотянуться до них?

— Нет. — Григорий не доставал. — До них по меньшей мере метра два.

— Я уже выдвинул манипулятор на полную длину.

— Сейчас я подойду поближе, — откликнулся Кук.

Из сопла вырвался короткий огненный плевок, и «челнок» придвинулся боком, став неимоверно большим.

— Достаточно! — крикнул Григорий, когда стало казаться, будто длинная стрела манипулятора вот-вот проткнет «Прометей». — Я теперь могу до них дотянуться. Коретта, держи меня за ноги.

Григорий вытянулся вперед, вися над бездной. Коретта одной рукой держала его за щиколотки, другой ухватилась за край открытого люка, затаив дыхание, глядя, как он пытается достать гроздь кислородных баллонов.

— Готово!

Быстрый взмах ножа, и Коретта втянула Григория в люк «Прометей».

— Сначала надень свой ранец, — велел ему Патрик, — и отключись от здешнего питания. Потом поможешь нам.

Григорий ловко проделал все это и, когда прилаживал баллон Патрику, руки у него не тряслись, движения были уверенными. Коретта долго возилась сперва со своим баллоном, потом помогала Наде и, наконец обернувшись, увидела только три фигуры в скафандрах.

— Григорий?

— Я снаружи, направляюсь к двигателям. Нужно было бы тебе помочь, но осталось всего десять минут. Я уже включил подачу водорода. У вас времени хватит, а у меня его очень мало.

— Что ты делаешь? — закричала она, зная ответ наперед.

— Заканчиваю «Змеиное кольцо». А вам немедленно нужно покинуть «Прометей».

— Начнем, — сказал Декоста. — Всем взяться за конец манипулятора, чтобы я мог втянуть вас внутрь.

— Ты не обязан делать это, — быстро сказал Патрик.

— Знаю, спасибо, но я должен.

Коретта помогла Наде встать и подтолкнула ее к люку.

— Раскрой ладонь, — сказала Коретта. — Чувствуешь, я вкладываю в твою ладонь веревку? Быстро сожми ее.

— Да, помоги мне чуть-чуть, пожалуйста, а потом займись Патриком.

Коретта помогла Патрику выбраться через открытый люк к манипулятору, где их уже ждала Надя, плавая вниз головой, с растопыренными вверх ногами.

— Мы все здесь, — сказала она, ухватываясь за скобу на конце манипулятора.

— Держитесь крепче, я начинаю втягивать вас.

Раскачиваясь, они удалялись от люка «Прометей», и Коретта наконец снова увидела Григория. Он возился неподалеку от двигателя, поглощенный попыткой оторвать уже частично оторванную пластину обшивки.

— Григорий... — начала было она, но больше слов не находила.

— Служить с вами... было на редкость приятно, — откликнулся Григорий, он тяжело дышал, пытаясь совладать с куском обшивки. — Большое вам спасибо за эту возможность...

— У нас остается меньше пяти минут, — предупредил Кук, его слишком спокойный голос куда лучше свидетельствовал о чудовищном напряжении, чем любой истерический надрыв.

— Нам нужен свет. Я закрою грузовой люк, как только они пристегнутся, — сказал Декоста.

— Я могу начинать движение и с открытыми дверями. Дай мне только знать, когда все закрепятся.

Длинная стрела манипулятора двигалась медленно, тяжело прогибаясь посередине, похожая на длинную ногу какого-то гигантского насекомого. Наконец она донесла свой живой груз к поджидавшим людей гравитационным кушеткам и остановилась. Едва Декоста успел остановить манипулятор, как сразу обратился к космонавтам.

— Один из вас зрячий, извините, не знаю, кто именно, так что может пристегнуться сам. Я же закреплю двух других.

Коретта ощупью нашла кушетку и стала пристегиваться, а Декоста попытался удержать чью-то вырывающуюся руку в перчатке.

— Не волнуйтесь, я о вас позабочусь, — приговаривал он, видя сквозь стекло шлема слепые глаза в бинтах. Рука перестала вырываться, и он втиснул человека в скафандре на место, прижал и щелкнул ремнем. Затем уложил на кушетку третьего космонавта. Четвертая кушетка осталась пустой.

— Я теперь должен убрать манипулятор, чтобы закрыть люк, — пояснил Декоста.

— Вы готовы к началу ускорения? Мы уже достигли нуля. В любой момент теперь... — голос Кука был напряженным, жестким.

— Отставить. Еще несколько секунд. Манипулятор убран. Люк задраиваю, сам я пристегнут... Давай!

Григорий отчетливо слышал в своих наушниках все, что говорят на «челноке». Ему наконец удалось отодрать пластину, и он на мгновение повернул голову, чтобы оглядеться. «Челнок» выбросил в космос длинные языки пламени и двинулся с места.

— Прощайте, — сказал Григорий и, светя перед собой фонарем, полез внутрь «Прометея». Ответили они ему или нет, он так и не узнал, потому что здесь радиосвязь прервалась. Свет фонаря скользил по рядам пластиковых труб.

— Точно по инструкции, — сказал он громко. Он много раз перечитывал программу «Змеиное кольцо» и знал ее наизусть. — Разрежем трубы этим прекрасным ножом, доставшимся мне с «челнока». — Он вынул нож и стал перепиливать неподдающийся пластик, пропилил его и увидел внутри губительные гранулы уранового топлива. — Уран-235, исключительно смертоносен. — Он улыбнулся, понимая, что теперь ему совершенно не страшно. — Интересно, однако... — заметил он. — Жаль, не смогу сказать об этом полковнику Кузнецову. Впрочем, может, и смогу, если церковь права, а коммунисты ошибаются. Мне очень хотелось бы сказать полковнику, что мужество свойственно не только его поколению.

Пластиковая трубка снималась совсем легко. Он стянул сколько было нужно по инструкции, удостоверившись, что обрезанный конец выходит в дыру в обшивке. Затем двинулся вперед, толкая перед собой урановый жгут, вытягивая его за собой в сторону оторванного сопла. Капельки газа, замерзавшие тотчас же, как вылетали наружу, постепенно превращались в тянувшийся за кораблем хвост, как у кометы.

— Теперь это может оказаться опасным, — пробормотал Григорий, стараясь не касаться этого потока. — Нужно все сделать безошибочно и абсолютно точно с первого раза.

Добравшись до нужного места, он осмотрелся и в испуге заметил, что от корабля отрываются горящие куски и уносятся прочь.

«Прометей» вошел в атмосферу. Оставались считанные секунды.

Григорий затратил одну секунду, чтобы пристегнуться страховочным тросом к кораблю. Сейчас он должен иметь обе руки свободными. Пластиковая трубка была довольно жесткой, но все-таки сгибалась под его руками, он свертывал из нее шар, тяжелый, килограммов двадцать пять или больше. Он понимал, что уже мертв, умер многократно, весь пропитан радиацией. Но для критической массы урана было пока недостаточно. Водород должен сперва замедлить реакцию, а потом удержать частицы, чтобы масса стала критической и двигатель превратился в атомную бомбу.

— Да, — сказал он, — теперь время.

Держа перед собой тяжелый шар, он двинулся к двигателю и заглянул в него. Сейчас Солнце было у него за спиной и заливало камеру ярким светом.

Зрелище было захватывающим. Водород непрерывно накачивался туда уже в течение нескольких минут. Сначала он превращался в газ, но при этом охлаждал кварцевые стенки камеры, постепенно переставая менять свое состояние. Теперь камера была доверху наполнена светлой прозрачной жидкостью, с температурой двести пятьдесят градусов ниже нуля. Поскольку водород продолжал поступать, на открытом конце камеры образовались шаровидные частицы, которые медленно отплывали в сторону, касались стекла на шлеме Григория и, превращаясь в газ, рассеивались вокруг.

Он долго смотрел в этот промерзший резервуар — потом вывалил в него шар урана. Шар был тяжелым, пришлось его подтолкнуть, чтобы он погрузился скорее. Шар тут же окутался непрерывно возобновляющимся облаком газа, потому что водород закипал, оказавшись вблизи от теплого металла. Газовое облако сперва не давало жидкому водороду окутать урановый шар, не давало начаться цепной реакции.

Но это продолжалось недолго. Металл остыл, и жидкая масса водорода окутала его.

Стянутая ремнями, всем телом сопротивляясь сжимающим ее путам, Коретта видела, как сверкающие формы «Прометея» становились все меньше, сжима-

лись, обрамленные рамками сдвигающихся створок люка, мелькнули в последний раз и исчезли. Люк захлопнулся.

— Мы по меньшей мере в сорока милях от «Прометее», — сказал Кук, и каждый слышал его голос.

— Набираем высоту и... Боже!.. — он на секунду умолк. Потом снова заговорил. — Мы уходим в другую сторону. Благодарение Богу. У вас все там в порядке? Вспышка, взрыв. Никогда в жизни не видел такого взрыва. Гигантская вспышка, и она все время росла. Что бы там ни произошло на «Прометее», удара по Земле не будет. Теперь Земле ничто не угрожает.

Внутри грузового трюма была абсолютная тьма, одинаковая и для Коретты, и для ослепших пилотов.

— Прощай, Григорий, — тихо промолвила она в темноту.

Глава 44

— Скорость — триста узлов, — сообщил Декоста.

— Неплохо, — сказал Кук. — Делаю последний разворот перед выходом на планирующую траекторию. Выпустить шасси.

Декоста перебросил тумблер и молча наблюдал, пока не замигал зеленый свет.

Все Восточное побережье было закрыто облаками, над Флоридой нависли сплошные тучи. Они видели их еще из космоса, потом облака придвинулись ближе, и они оказались в сплошной облачности. Их не волновало то, что они летят вслепую: их вел компьютер. Они как бы следовали по невидимой магистрали, проложенной для них в небесах, по прочерченной на экране трассе, которая руководила каждым их шагом. Когда «челнок» вырвался наконец из-под нависших над самой землей туч, перед ним сразу открылась отмытая дождем взлетно-посадочная полоса. Кук управлял машиной, едва прикасаясь к штурвалу, глядя вперед сквозь поднимающиеся над носом корабля клубы пара, в которые превращался дождь, попадая на кремниевые плитки, которыми покрыт корпус, все еще раскаленные после температуры 2400 градусов, которые им пришлось выдержать при прохождении через атмосферу.

— Земля, — сказал Кук, когда тяжелые шины ударились о мокрый бетон. Декоста отстегнул ремень и встал.

— Пойду присмотрю за пассажирами, — сказал он.

— Сразу доложи.

Декоста спустился на среднюю палубу и, оставив открытым внутренний люк в шлюз, раздраил другой люк, ведущий в грузовой трюм, погруженный в темноту. Он увидел, что кто-то из космонавтов сидит, выпрямившись и держась руками за шлем.

Коретта выгнулась, отстегнула шлем, стащила его и несколько раз вдохнула в себя влажный воздух.

— Чувствую запах моря, — промолвила она, потом подняла руку, закрывая лицо. — Господи, вы не можете убрать свой чертов фонарь?

— Извините. Все в порядке?

— Будет в порядке, когда мы снимем с них шлемы. Помогите-ка мне.

Корабль замедлил свой бег, качнулся, когда включились тормоза, и замер на месте. Как только сняли шлем, Патрик прижал руки к бинтам на глазах, потом привстал и повернулся в сторону Нади. Но не произнес ни звука, казалось, всем им нечего друг другу сказать.

— Сейчас вернусь, — сказал Декоста, направившись к выходу.

— Эй, оставь фонарь! — крикнула ему вслед Коретта. — Или включи свет здесь.

— Здесь нет света. Пойдемте лучше в другой отсек.

Пол дернулся, когда трактор стал медленно стягивать ракету со взлетно-посадочной полосы.

После пребывания в невесомости они двигались неуклюже и охотно принимали помощь пилота. В скафандрах было жарко и тяжело, и они сняли их перед входом в отсек, но ноги и руки все равно слушались плохо. Все молчали; просто сидели, пока движение не прекратилось и не открылся внешний люк.

Только услышав бурные овации, они поняли, что их полет наконец завершен.

— Там, на ваших экранах в центре, леди и джентльмены, вы можете видеть, как они выходят из корабля — они кажутся маленькими отсюда, но сколь велик их вклад в историю человечества. Вот машина «скорой помощи», они входят в нее, нет, смотрите, они остановились. Повернулись. Доктор Коретта Сэмюэл что-то говорит, нам не слышно, там нет микрофона. Вот она

садится следом за остальными в машину, и двери закрываются. Итак, космическая одиссея закончена. Через минуту мы встретимся с майором Куком и капитаном Декоста, пилотами спасательной экспедиции...

В Центре управления полетом одна за другой гасли приборные доски, в последний раз вспыхивали огоньки, стрелки приборов застывали на нуле. По телевизору шла передача коммерческого канала; показывали, как экипаж «Прометей» садится в «скорую помощь». Голос диктора гулко раздавался в безмолвном зале. Флэкс взглянул на экран, потом вниз на зажатую в руке большую сигару — символ победы. Раскурить ее и выкурить до конца. Он медленно сжал пальцы, сигара раскрошилась, листья табака комочками посыпались на пол.

Трое вернулись, это уже кое-что. Выхвачены из огня в самый последний момент. Но двое из них, отличные пилоты, потеряли зрение, может быть, навсегда, и это они спасли мир от ужасной катастрофы. «Прометей» рухнул бы прямо на Сан-Франциско. Этот русский оказался настоящим героем...

Мысли Флэкса замедлялись и путались, по всему телу растекалась усталость. Усталость брала свое, проникая всюду, и скоро, казалось, не осталось места, не захваченного ею.

Он грузно осел в кресле, медленно заскользил по холодному пластику, съехал под стол.

— Боже мой, — воскликнул кто-то из техников. — Флэкс! Врача, скорее!

Они положили его на полу, в проходе, расстегнули воротник и ремень. Кто-то бросился к выходу, чтобы привести врача.

— Он умер, доктор? Это инфаркт?

Врач, не обращая на них внимания, нащупал пульс на жирном запястье, прижал стетоскоп к груди Флэкса, стараясь уловить биение сердца. Потом поднял одно тяжелое веко, затем другое и медленно поднялся на ноги.

— Умер?... — вопрос звучал неуверенно. Врач покачал головой.

— Спит, — сказал он. — Этот человек совершенно обессилел. Вызовите носилки и поскорее уложите его в постель.

Поднять Флэкса смогли только вшестером, еще четверо помогли с носилками. Образовалась целая процессия. Если и не победоносная, то уж во всяком случае не траурная.

У пульты связи остался только дежурный. Одну за другой он отключил все линии, кроме одной, которую переключил на свои наушники, а потом выдал последний звонок.

— Мистера Дилуотера, пожалуйста, — попросил он.

— Да, спасибо большое. До свидания, — Саймон Дилуотер бросил трубку и встал. Голова кружилась, слишком долго все это продолжалось.

— Если вы тоже уходите, могу подбросить, — предложил Гродзински, вставая и широко потягиваясь. — Меня ждет машина.

— Вы очень любезны.

— Пожалуйста, не уходите пока, Саймон, — сказал доктор Шлохтер. — С вами хотел поговорить президент. С вами и с генералом Бэннерманом.

— Не уверен, что мне хочется его видеть.

— Вы не пожалеете, Саймон. Поверьте мне. У меня был с ним долгий и откровенный разговор, и я думаю, он понимает вашу позицию.

Бэннерман посмотрел на них, потом повернулся и направился к бару. Он тяжело погромыхивал шпорами. Ему здорово досталось, черт возьми. Не мешало бы хорошенько выпить. Он налил полстакана виски, бросил туда два кубика льда. Открылась дверь, и в дверном проеме появился Бэндин. Он побрился, грим, нанесенный телевизионщиками, скрыл черноту под глазами. По сравнению с другими он выглядел свеженьким, как маргаритка, хотя на душе у него тоже кошки скребли.

— У меня есть несколько минут перед обращением к народу, — сказал он с величественным видом. — Я воспользуюсь этой возможностью, чтобы сообщить вам, что мною приняты некоторые решения. Во-первых, генерал, программа «Ку-ку» закрыта...

— Но мы столько в нее вложили! — со злостью воскликнул Бэннерман.

— Боюсь, что этим придется поступиться. Мы должны это сделать. Программа скомпрометирована, о ней знают слишком много людей. Если мы закроем ее сейчас, то вскоре будет казаться, будто ее никогда и не было. Если потом поползут слухи, мы сможем все отрицать.

— Отмена программы поставит под угрозу судьбу, будущее нашей великой страны, господин президент.

— Итак, одной бомбой меньше? — заметил Дилуотер. Он понимал, что ему не следовало так говорить, но сказывалась усталость, и он не смог удержаться. — Наша страна и Советы обладают ядерной мощью, которая, взятая вместе, способна уничтожить восемь таких планет, как наша. Я считаю, что этого более чем достаточно.

— Да, мы непременно будем уничтожены, если люди, подобные вам, добьются своего, — прорычал Бэннерман. — Мы можем остановить коммунистическую агрессию, только если будем к ней готовы, если будем сильнее, если все время будем на шаг впереди них.

— Мне вас жаль, — сказал Дилуотер, и его негромкий голос прозвучал разительным контрастом по сравнению с рычанием генерала. — Вы безнадежно устарели — и ваши архаические сапоги со шпорами, и ваше джингоистское * мышление. Вы не понимаете, что люди вашего сорта — такие же ископаемые, как птица додо из «Алисы в стране чудес», просто у вас не хватает ума лечь и испустить дух. Человечество сейчас стоит перед выбором: либо уничтожить себя — и это ваш курс, генерал, — либо соединить усилия и совместно позаботиться о будущем. Объединенные усилия нужны и для рачительного использования ограниченных природных ресурсов нашей разграбленной планеты. Мы должны сотрудничать, или нам придется умереть. Возможно, именно этого вы никогда и не поймете. — Он резко повернулся к Бэннерману спиной. — Я приветствую ваше решение, господин президент.

— Я был уверен в этом, — сказал Бэндин. Я говорил с Полярным, мы полным ходом будем разворачивать проект «Прометей». Нам необходима эта солнеч-

* Д ж и н г о и з м (англ.) — ура-патриотизм, шовинизм.

ная энергия. И мы оба хотим, чтобы вы продолжали возглавлять проект. О'кей?

— Ни о чем другом, господин президент, я и не помышлял. Однако прошение об отставке остается в силе, если мне не будет обеспечена вся полнота власти в этом проекте.

— Но полнота власти всегда...

— Нет. Извините, но сейчас у меня ее нет. Слишком много принималось политических решений, сводивших научные идеи к нулю. Я считаю, что катастрофа с «Прометеем-1» явилась следствием стремления поскорее запустить его, следствием нажима, нехваткой времени по политическим, а не инженерным соображениям. Если я получаю всю полноту власти в данном проекте, то продолжу эту работу.

— Вы просите чертовски много, Дилуотер.

— Я обещаю чертовски много, господин президент. Если все пойдет хорошо, энергия начнет поступать еще до конца этого года. — Он еле заметно улыбнулся. — Так что я, возможно, могу пообещать вам, что следующие выборы пройдут удачно.

Бэндин заколебался, посмотрел на государственного секретаря. Доктор Шлохтер кивнул.

— Ну что ж, ладно, — сказал Бэндин. — Тогда за дело!

— И вы, разумеется, издадите соответствующий указ, господин президент.

Бэндин тяжело вздохнул, злобно взглянул на Дилуотера, повернулся и вышел, хлопнув дверью. Саймон Дилуотер последовал за ним, а генерал Бэннерман остался в одиночестве. Он поднял стакан, пристально посмотрел на него и выпил.

— Ну что ж, может быть, программа «Ку-ку» и погибла, — сказал он, подтягивая ремень и расправляя складки мундира, — зато «Нэнси Джейн» уже на подходе, и эта сволочь Дилуотер, по крайней мере, об этом проекте еще не знает.

Топая и позвякивая на ходу шпорами, он вышел из комнаты; ноздри у него раздувались, как у боевого коня после битвы.

Купер наблюдал, как мерцают и меняются маленькие красные числа на калькуляторе. И каждый раз

результат был один и тот же. Если «Газетт-таймс» подняла свой тираж, благодаря его статье о «Прометее», то в конце года они получают дополнительно 850 000 долларов и даже больше, если взять в расчет доход от рекламы. Но это только общая картина. Итак, дополнительная прибыль составила 16 346 долларов 15 центов в неделю. В то же время сам он получил прибавку в двадцать долларов — это одна восьмая процента той прибыли, которую заработало им его блестящее перо. Кроме того, после выплаты налогов прибавка составит всего около семи долларов в неделю, а если учесть растущую инфляцию, то его собственный ежегодный доход снизится к концу года на тринадцать процентов. Он выключил калькулятор и швырнул его в ящик стола. Посыльный бросил на его машинку конверт.

От главного редактора! Может, дела не так уж и плохи? Он разорвал конверт и вынул листок с четко отпечатанным текстом.

НЕ В ВОСТОРГЕ ОТ ЭТОЙ ВАШЕЙ СТАТЬИ. НЕ БЕРЕТ ЗА ЖИВОЕ. НАЙДИТЕ ЧТО-НИБУДЬ НОВЕНЬКОЕ. КАК НАСЧЕТ ОТРАВЛЕНИЯ ХРОМОМ В ЯПОНИИ? МОЖЕТ ТАКОЕ ПРОИЗОЙТИ ЗДЕСЬ? ПОТОРОПИТЕСЬ ПРИСЛАТЬ КОПИЮ.

Когда Купер сгорбился над ежегодным справочником «Химический состав промышленных отходов», на его покатым лбу выступили крупные капли пота.

— Сюда нельзя, сестра, — сказал военный полицейский. — Там идет опрос.

Коретта остановилась и, выгнув бровь, презрительно посмотрела на него.

— Посмотри еще раз, солдат, — сказала она. — Во-первых, я врач, а не сестра. А во-вторых, если ты посмотришь повнимательнее, то, может быть, узнаешь меня.

Солдат начал было улыбаться, но потом увидел строгое выражение ее глаз. И встал по стойке смирно.

— Извините, доктор Сэмюэл. Но у меня приказ.

— Сынок, не пытайся становиться между врачом и его больным в госпитале. Пусти-ка.

Он отошел, и Коретта широко распахнула дверь. Четверо сгрудившихся вокруг постели Патрика офицеров удивленно подняли головы.

— Как понять ваше присутствие здесь? — спросила она.

— Просто беседуем с майором, доктор Сэмюэл, — объяснил полковник с магнитофоном в руках. — Обычный опрос. Доктор Юргенс сказал, что это вполне позволительно.

— Больного веду я, полковник, а не майор Юргенс. И я настаиваю, чтобы вы немедленно удалились.

— Это не займет много времени...

— Вы абсолютно правы. Ровно столько, сколько потребуется вам, чтобы дойти до двери...

Старшие офицеры в армии не привыкли, чтобы с ними разговаривали в подобном тоне, и ситуация быстро становилась тупиковой, когда раздался голос Патрика.

— Я вызвал врача перед самым вашим приходом, — сказал он. — Мне нужен укол. Болит. Я думал, мы успеем закончить, но...

— Мы вас понимаем, майор, разумеется, мы уходим. Доктор Юргенс сообщит, когда мы можем вернуться.

Они удалились гуськом, в полном соответствии с порядком старшинства, честь их мундиров была спасена. Коретта затворила за ними дверь, а потом повернулась к Патрику.

— В самом деле болит? — обеспокоенно спросила она. Он отрицательно покачал головой и улыбнулся.

— Нет, ничего теперь не болит. Просто я хотел от них отделаться. — Улыбка растаяла, когда он притронулся к бинтам. — Что говорят глазники?

— То же самое, что и раньше: делать прогнозы пока рано. Осторожничают, но создается впечатление, что если поражение сетчатки не очень обширное, то какая-то часть ее функций восстановится.

— Что это означает?

— Ты сможешь видеть, хотя и не очень хорошо. Очки будут толстенные, как донышки бутылок. Придется привыкать.

— Ладно, хорошо хоть не черные в жестяной оправе. Где Надя?

— Здесь, на этом же этаже.

Патрик сбросил одеяло и перекинул ноги через край постели.

— Пожалуйста, помоги мне, — попросил он. — Мой халат где-то здесь. Проводи меня к ней.

— С радостью. Вот, надень.

Военный полицейский на своем посту, у дверей, страшно растерялся, когда они вышли. Коретта пожалела его.

— Не волнуйся, — сказала она. — Мы далеко не уйдем. Это рядом. Пойдем с нами — будешь исполнять свой долг у соседней палаты.

Когда они вошли, Надя сидела в постели. На ней была белая больничная ночная рубашка.

— Кто это? — спросила она.

— Коретта. Со мной Патрик.

— Заходите, если хотите, — голос звучал устало, равнодушно.

— Я вас пока оставляю вдвоем? — спросила Коретта.

— Как хочешь, — сказала Надя.

— Не уходи, — сказал Патрик. — Прикрой дверь. Мы же были там все вместе. Мы все еще вместе.

Он ощупью нашел край кровати и сел. Когда он это сделал, Надя отодвинулась так, чтобы не касаться его. Это заметила только Коретта. Она посмотрела на их незрячие глаза и напрягшиеся тела, и ей вдруг захотелось плакать.

— Послушайте, — сказала она. — У меня кое-что есть для вас обоих, — она вытащила из кармана два каких-то пакетика.

— Что это? — спросил Патрик, ощупывая их.

— Конверты с марками первого дня. Вы же совсем про них позабыли. Вот что значит иметь военное мышление. Слишком привыкли, что для вас все делают. Ну, а Коретта не может отвыкнуть от привычки присматривать за номером первым. И за своими друзьями. Когда нам подбирали костюмы, я взяла сразу сотню и положила в карман. Этого должно было хватить. Редкость — вот что больше всего ценится в марочном бизнесе, во всяком случае, мне так сказали. По двадцать пять на каждого. — Она больше не улыбалась, но они этого видеть не могли, поэтому она постаралась, чтобы голос ее не выдал.

— Ладно, Григорию теперь все равно. А остальные я разделила. Каждому из вас по тридцать три, и тридцать четыре мне — один, дополнительный, за комиссию. Уверена, они будут очень ценными. Спасены с

горящего космического корабля с риском для жизни, края конвертов все еще коричневые от пламени...

— От какого пламени? — изумился Патрик.

— Я их немного опалила спичкой. Спорю, это еще по сотне долларов за каждый!

Надя, по-видимому, ничего не поняла; Патрик рассмеялся.

— Коретта, я бы сделал тебя своим коммерческим менеджером, если бы ты уже не была врачом. Сомневаюсь, что мне еще придется летать, так что лучше сразу подумать о бизнесе. Как ты насчет марочного бизнеса, Надя?

— Я в этом не разбираюсь. В России...

— Не возвращайся в Россию. Останься здесь, со мной.

Он пошарил рукой по покрывалу, нашел ее руку и успел сжать ее прежде, чем Надя успела ее отдернуть. Голос его звучал хрипло. Именно эти слова и хотелось ему сказать с самого начала, но он нашел их не сразу: в такого рода вещах у него было маловато опыта.

— Теперь я вас все-таки оставляю одних, — вскочила Коретта.

— Нет, пожалуйста, не уходи, — сказал Патрик. — Я не вижу тут тайны — мы стали слишком близки друг другу. Надя, не уезжай в Россию. То есть я хочу сказать, останься со мной. Или давай я поеду с тобой, если хочешь. Правда, я могу предложить только свою военную пенсию и — марки Коретты.

— Патрик... — Надя повернулась к нему, словно пыталась его увидеть.

— Послушай, я люблю тебя. Я люблю тебя уже давно. Ты можешь, конечно, меня выгнать, но я просто хотел, чтобы ты это знала.

Надя заговорила не сразу.

— Что ж, предложение замечательное. А теперь иди.

— Ну, послушай, какого черта! — он был потрясен, не верил своим ушам. — И это все, что ты можешь сказать?

— А что ты хочешь, чтобы я сказала? О, благодарю вас, сэр, я так счастлива! По-твоему, когда мужчина так говорит, любая женщина должна броситься к нему на шею в восхищении от того, что теперь всю жизнь

только и будет что штопать носки и рожать детей? Не слишком ли ты многого хочешь?

— От обычной женщины — совсем немного. Но, может быть, от пилота космического корабля и летчика-испытателя — действительно слишком много...

— Прекратите! — закричала Коретта. — Пока не наговорили друг другу слишком много! А то ведь и назад отработать невозможно будет. Послушайте доброго доктора. Патрик, одно только то, что ты любишь ее — в этом никто из нас не сомневается, — не может означать, что Надя немедленно перестанет быть тем, что она есть, забудет все на свете и будет готова поселиться с тобой в розовых куцах...

— Я знаю, что...

— Может быть, и знаешь, но не до конца понимаешь. Надя осталась той же яркой личностью, какой была всегда, и ты никогда не должен забывать об этом. А тебе, Надя, я скажу вот что: разве это преступление чувствовать себя женщиной? Чувственность и эмоциональность порой очень и очень хороши. Понимаешь?

Надя кивнула и сказала очень тихо:

— Мне ведь не легко разговаривать об этом. Наверное, меня к этому не готовили. Романтическая любовь всегда существовала где-то далеко, в кино, в чужой жизни, но не в моей жизни летчика-испытателя или космонавта. Возможно, я просто привыкла к определенной роли, но эта роль уже ведет меня за собой, и мне нелегко приходится, если я решаюсь от нее отступить...

— Это ты о том случае — в Техасе?

— Да... Наверное, так и было тогда.

— Попытайся понять меня и простить. Наверное, я тогда больше смахивал на сексуального маньяка. Но я и тогда чувствовал по отношению к тебе то же самое, что и теперь. Ты выйдешь за меня, Надя?

— Нет.

— Но, по крайней мере, ты подумаешь на эту тему.

— Да, конечно! И вообще, когда ты вот такой, когда ты стараешься понять меня, мне очень хочется быть с тобой, жить с тобой, возможно, даже выйти за тебя замуж. Во всяком случае, выяснить это для себя я бы хотела. Будь же со мной терпеливым, Патрик. Это не так-то просто, я понимаю.

— Я буду терпеливым. Если ты будешь терпеливой со мной. — На этот раз, когда он стал искать ее руку, то нашел ее сразу. Начало было положено.

Коретта в последний раз взглянула на них, прощально махнула рукой, чего они, правда, увидеть не могли, тихонько выскользнула из палаты и закрыла за собой дверь.

— А майор, он... — начал было полицейский.

— Не беспокойся, капрал. С майором все в порядке, в полном порядке. Там он в целости и сохранности, ты не тревожь его.

Коретта повернулась и быстро пошла по коридору, потом завернула за угол и скрылась из виду.

Над госпиталем, над мысом Канаверал, над пеленой облаков, высоко над земной атмосферой сияло Солнце, как сияло всегда. На его поверхности бушевали солнечные бури, излучая свою энергию в космос, — Солнце излучало свое тепло во всех направлениях. Некоторая его доля попадала на Землю, согревала ее, делала пригодной для жизни человека.

Солнце светило, не зная начала и конца времен. В один прекрасный день, скоро, сквозь тонкую атмосферу Земли в космос взойдет еще одна светящаяся песчинка, раскинет там свою серебристую сеть, чтобы поймать побольше живительной солнечной энергии, прежде чем та успеет раствориться в вечной ночи космического пространства.

Потом взлетит еще одна искорка... и еще...

Содержание

Спасательный корабль, роман, <i>перевод с английского Е. Малыхиной,</i> <i>Л. Ермаковой, И. Тогоевой</i>	5
Падающая звезда, роман, <i>перевод с английского Г. Чхартисвили,</i> <i>О. Басинской, В. Артемова</i>	181

Миры Гарри Гаррисона кн. 7 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1993. — 495 с.

Качество печати соответствует диапозитивам, представленным издательством.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга седьмая

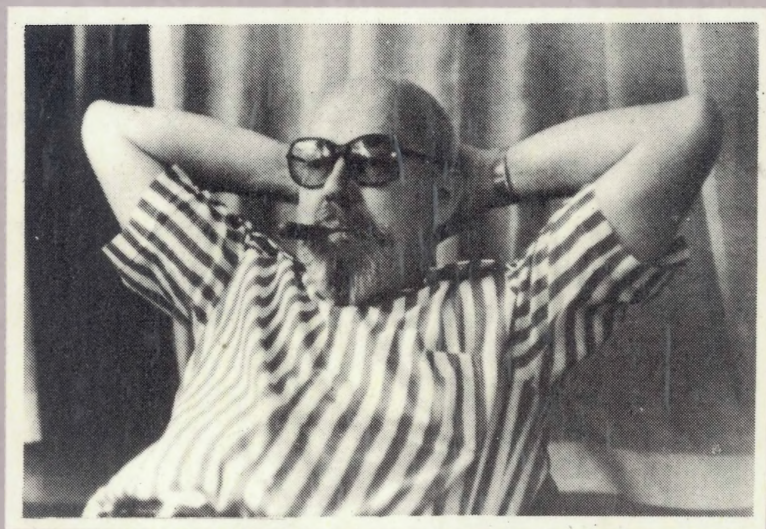
Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редакторы И. Ланина, И. Тогоева
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Н. Дундина, Е. Ошуркова
Оператор компьютерной верстки Н. Амосова
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Оформление обложки и форзаца: Л. Булыкина
Оформление шмуцтитилов: Д. Затравкин

Подписано в печать 10.09.93. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2229. С 012.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher